Название: Концепция развития. Нетривиальный взгляд на эволюцию.

Автор: Владлен В.К.

Композиция книги

В состав настоящего сборника входят четыре тематически взаимосвязанные статьи.

В первой статье, именуемой **«Концепция развития: основополагающий принцип»**, излагаются общие положения концепции развития окружающего мира, ядро которой составляет универсальный принцип саморазвития. Описываемые в статье содержательно-форменные трансформации. лежащие в основе всех реальных процессов, не только объясняют спирально-циклическую природу мира, но и позволяют прогнозировать перспективу его развития. Именно такой способ взаимодействия фундаментальных начал реальности обеспечивает необратимость эволюции форм, а также новизну, неповторимость и неисчерпаемое многообразие последних.

Вторая статья сборника под названием **«Природа и смысл мировых констант»**, являющая собой пример практического применения представляемой концепции в качестве эффективного инструмента для исследования окружающего мира, снимает покров таинственности с весьма популярных и необыкновенных чисел «**л**», «**е**» и «**Ф**», разгадке тайны которых посвящаются многочисленные научные и литературные публикации.

Третья статья — **«Универсальный критерий истины»**, — представляет собой изложение нестандартного подхода к определению значения и роли содержательности всевозможных форм реальности. Как известно, краеугольным камнем теории познания любой философской системы или учения является **вопрос об истине**. В статье показано, что критерием истины или истинности форм развивающейся реальности служит не практика, как ошибочно считается по сию пору, а **содержательность** этих форм; практика же — это лишь способ или процедура оценки **полноты** содержательности форм реальности.

Заключительная статья сборника под названием **«Невыученные уроки диалектики: у кого и как учиться мыслить диалектически»** предлагается в качестве связующего звена или «переходного мостика» от опыта, накопленного В.И. Лениным в ходе использования им диалектического метода при наследовании вопросов развития природы и общества, — к излагаемой здесь обобщенной концепции развития реальности. Представленный материал может служить основой для разработки и применения единой методологии проведения результативных научных исследований реальности в любых областях и на любых уровнях ее обретения.

Все четыре работы рекомендуются вниманию исследователей в качестве источника альтернативных взглядов на природу и сущность окружающего мира. Представляемая здесь концепция развития реальности является на

сегодня наиболее цельной и адекватной мировоззренческой концепцией в отличие от известных **фрагментарных** картин мира и теорий.

Composition of the book

This book named **"Concept of Development: Non Trivial Outlook on Evolution"** includes four thematically interrelated articles.

The first article called **"Concept of Development: the Fundamental Principle"** outlines the general provisions of the concept of development of the surrounding world, the core of which is the universal principle of self-development. The described in the article content-form transformations, which underlie all real processes, not only explain the spiral- cyclic nature of the world, but also make it possible to predict the prospect of its development. Namely this way of interaction between the fundamental origins of reality ensures the irreversibility of the evolution of forms, as well as the novelty, uniqueness and inexhaustible diversity of the latter.

The second article of this collection entitled **"Nature and Sense of the World Constants"**, which is an example of the practical application of the presented concept as an effective tool for investigation of the surrounding world, removes the veil of mystery from the very popular and wonderful numbers "**л**", "**е**" and "**Ф**", to unrevealing the secrets of which the numerous scientific and literary publications are devoted.

The third article **"The Universal Criterion of Truth"** is a presentation of a nonstandard approach to determination of the meaning and role of the pithiness of various forms of reality. As it’s known, the cornerstone of the epistemology of any philosophical system or doctrine is **the question of truth**. The article shows that the criterion of the truth or verity of the forms of developing reality is not a practice, as it is erroneously considered to this day, but **the pithiness** of these forms, whereas practice is only a method or procedure for evaluation of **completeness** of the pithiness of the forms of reality.

The final article of the collection entitled **"Unlearned lessons of dialectics: from whom and how to learn dialectical thinking"** is proposed as a link or "crossing bridge" from the experience, gained by Vladimir I. Lenin in the course of his use of the dialectical method while investigating the development of nature and society, to the presented here generalized concept of the development of reality. The submitted material can serve as a basis for the development and application of a unified methodology for conducting effective scientific researches of reality in any areas and at any level of its existence.

All four works are recommended to the attention of researchers as a source of alternative views on the nature and essence of the surrounding world.

The concept of the development of reality represented here is by far the most currently complete and adequate worldview concept in contrast to the known **fragmentary** theories and world pictures.

Концепция развития: основополагающий принцип. Аннотация.

Настоящая статья посвящена изложению мировоззренческой концепции, базирующейся на осознании значения и роли отношений широко известных основообразующих аспектов реальности: содержания и формы.

Содержание и форма — две неотъемлемые стороны-составляющие любого элемента реальности, будь то объект, процесс, явление. В силу вездесущности содержания и формы отношения этих компонентов — этих **двух начал реальности** — оказываются наиболее важными и существенными.

В ходе анализа упомянутых отношений раскрываются внутренний источник эволюционного движения и «механизм» его функционирования. на основании чего впервые определяется и формулируется направленность эволюционных процессов (т.е. дается представление о векторе изменения, движения, развития окружающего мира и его элементов).

Описываемые в статье содержательно-форменные трансформации унитарной направленности, лежащие в основе всех реальных процессов, не только объясняют спирально-циклическую природу мира, но и позволяют прогнозировать перспективу его развития. Именно такой способ взаимодействия **фундаментальных аспектов (начал) реальности** обеспечивает необратимость эволюции форм, а также новизну, неповторимость и неисчерпаемое многообразие последних.

Рассматриваемый подход принципиально нивелирует «центризм» («абсолютизм») какой бы то ни было формы, указывая как на ограниченную применимость господствующей ныне антропоцентрической (а также и био-, и бого-, и социоцентрической) модели мира, так и на необходимость перехода к другой, более цельной и адекватной его модели.

Данная концепция может быть рекомендована вниманию исследователей ввиду, прежде всего, своей цельности (в отличие от **фрагментарных** картин мира и теорий прошлого и настоящего), а также и в силу следующих соображений: кто располагает наиболее адекватным мировоззрением — за тем и будущее.

Концепция развития: основополагающий принцип. Abstract.

This article is devoted to the representation of the worldview concept based on awareness of significance and role of the relations of widely known **fundamental aspects of reality**: **content and form**.

Content and form are two inalienable sides-components of any element of reality, such as an object, process or phenomenon. In view of omnipresence of content and form, the relationships of these components are the most important and significant.

In the course of analysis of the mentioned relations, the internal source of the evolutionary movement and the “mechanism” of its functioning are exposed, on the basis of which the direction of evolutionary processes is defined and formulated for the first time (i.e. the vector of development of surrounding world is indicated).

The described in the article objective content-form transformations of unitary direction, underlying all real processes, not only explain the spiral-cyclical nature of the world, but also allow forecasting the outlook for world’s development. Namely such a way of interaction of the fundamental components of reality provides for novelty, originality and irreversibility of evolution of forms, as well as inexhaustible variety of the latter.

This outlook fundamentally cancels the “centrism” of any form, indicating the limited applicability of the currently dominating anthropocentric (including bio-centric and socio-centric) world’s model, and theneed of transformation towards another, more integral and adequate its model.

The present concept can be recommended to attention of the researchers firstly in view of its integrity (as opposed to fragmentary world’s pictures and theories of the past and present), and also out of the following considerations: the future belongs to that, who has the most adequate worldview.

Концепция развития: основополагающий принцип. Вступление.

Читателю, тяготеющему к философскому осмыслению естественно-научного и гуманитарного знания, наверняка приходилось задумываться над тем, что в основе реальных процессов лежат и управляют окружающим миром глубинные закономерности, отличные от тех, которые обнаруживаются на поверхности и воспринимаются как само собой разумеющиеся. Речь идет об объективных фундаментальных отношениях, обусловливающих в том числе функционирование и структуру экономики, политики, науки, культуры и прочих аспектов жизни человеческих сообществ.

На основании многолетнего отслеживания открытий и достижений в разных областях естественных и гуманитарных наук осмелюсь констатировать, что до сих пор повсеместно идет главным образом лишь накопление и механическое «складирование» фактического материала и нет пока ни одной содержательной объединительной идеи, позволяющей наконец осознать, что же на самом деле представляют собой наблюдаемые и «складируемые» феномены. Иными словами, все острее ощущается необходимость в *цельной* и *адекватной модели* всего того, что существует, развивается, эволюционирует. Полагаю. вряд ли кто-то станет возражать по поводу того, что знание и понимание вышеупомянутых закономерностей способствовало бы повышению точности анализа и прогнозирования (на основе этого анализа) хода реальных событий.

В статье представлен нестандартный взгляд на принципы организации живой и неживой природы, на истоки и направленность эволюции, после ознакомления с которым у читателя, интересующегося подобными вопросами,

может появиться мотивация к критическому переосмыслению сложившихся мировоззренческих установок и пересмотру методов анализа добываемого фактического материала и информации, что и выразится, в конечном итоге, в повышении эффективности познавательного процесса.

Это, пожалуй, наиболее цельная и адекватная концепция из имеющихся на сегодняшний день, охватывающая области интересов многочисленных научных коллективов и позволяющая постигать принципы *корректного* прогнозирования развития реальности. Ниже будет показано — **ЧТО** на деле лежит в основе развития реальности, осуществляющегося во многом путем инверсии (т.е. «оборачиванием» ролей, методов, понятий согласно образным выражениям Маркса или «возвращением в основание» по терминологии Гегеля [12, с. 102]).

Итак, вниманию читателя предлагается «тезисный» вариант концепции [1; 20], рассматривающей систему естественно-научных взглядов и представлений об эволюционном движении и развитии реальности с позиции неявных, но объективных глубинных закономерностей, лежащих в основе этих взглядов и представлений.

Концепция развития: основополагающий принцип. Существо предлагаемой концепции развития и ее основополагающий принцип.

Традиционно о движении и развитии чего бы то ни было говорят, прежде всего, как об *изменении:* ничто не остается сколько-нибудь надолго себе равным и тождественным.

В то же время об изменениях невозможно говорить вне связи с *уже существующим.* Изменяются звезды, планеты, океаны, горы; еще быстрее и разительнее меняются растения, животные, люди и продукты человеческой деятельности. Иными словами, изменения не бывают изолированными и отвлеченными, а всегда привязываются к тому, *что существует* — к объектам, процессам, явлениям, т.е. к какой-то уже имеющейся *основе.* При этом отделить изменяющееся от существующего, т.е. *изменение* от *основы,* не представляется возможным, что и вынуждает говорить о движении и развитии любого объекта, процесса, явления как о производном некоторого симбиоза — *основы* и *изменения.*

В общем виде о таком симбиозе удобно говорить в терминах *двустороннего, двухкомпонентного* **отношения {содержание/форма},** т.е. в понятиях категориального аппарата, достаточно глубоко разработанного до нас выдающимися нашими предшественниками-диалектиками. О движении и развитии любого объекта, процесса, явления можно говорить как о *содержательном* изменении его *формы.* Имеющие место в реальности содержательные изменения проявляются через изменяющиеся формы. Действительно, если скрупулезно проанализировать происходящие в нашем окружении (равно, как и в нас самих) изменения и превращения, можно увидеть, что за всеми изменениями и превращениями в неявном виде

обнаруживается единый по своей сути процесс движения некоторой **содержательной активности** через ряд, цепь, последовательность изменяющихся **форм.**

Во избежание недопонимания и разночтений приведем хрестоматийное толкование понятий «содержание» и «форма» [13, с. 621, 622]. Содержание — определяющая сторона целого, совокупность и единство всех его составных частей, свойств, внутренних процессов. противоречий, тенденций; форма есть способ существования и выражения содержания. Во взаимоотношении содержания и формы содержание представляет собой динамичную сторону целого, а форма охватывает систему его устойчивых связей. Отношение содержания и формы характеризуется единством, доходящим до их перехода друг в друга, однако это единство является относительным. Содержанием является не сам по себе субстрат, а его внутреннее состояние. совокупность процессов, и в этом смысле само содержание выступает как *процесс.* Понимание же формы предполагает рассмотрение ее как развивающейся и становящейся *структуры.*

Содержание, будучи активной *стороной,* представляет собой подвижную (как правило, внутреннюю) *составляющую* отношения {содержание/форма} и символизирует собой изменение (порой достаточно скрытное, завуалированное). Форма при этом, как пассивная внешняя *сторона-составляющая* того же отношения, следует за активным внутренним содержанием.

Как активной стороне-составляющей отношения, содержанию внутренне присущ некий импульс, стимул, побуждение, мотивация к изменению, движению, развитию. Этим, в первую очередь, активная содержательная сторона и отличается от стороны форменной пассивной. Тогда само изменение, движение, развитие не возникает вдруг и не появляется как некий отдельный, обособленный и независимый элемент, а оказывается производным или следствием взаимодействия неравных, неодинаковых сторон-составляюгцих в их отношении и стремлении сравняться, отождествиться и стать друг другом.

Между тем при всякой попытке выделить любую из этих двух сторон-составляющих в «чистом» виде, без «примеси» своей другой. мы попадаем впросак — та и другая сторона при ближайшем рассмотрении уходят своими корнями одна в другую, несут одновременно признаки своей другой, что свидетельствует, ио-видимому, об их глубинном синкретизме.

Чрезвычайно важна в этой связи точка зрения Гегеля на взаимоотношение содержания и формы, который полагал, что «содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему», что сводится к абсолютному отношению «между формой и содержанием, а именно — переходу их друг в друга так. что содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, а форма — переход содержания в форму» [2, с. 298].

Таким путем составляющие в отношении {содержание/форма} взаимодействуют друг с другом, а точнее как бы «живут» **стремлением стать друг другом** и поглотить друг друга полностью и без остатка,

стремлением обратиться в тождество друг другу, *стремлением ко взаимопереходу, взаимопроникновению, взаимопревращению, взаимовыражению ...*

Поскольку ни выделить, ни отделить содержание от формы (применительно к конкретным объектам, процессам, явлениям) просто невозможно, постольку наиболее продуктивно, рационально и *корректно* можно говорить лишь об **отношении** двух этих взаимопроникающих составляющих-компонентов-сторон конкретных объектов. процессов, явлений.

В таком свете всякий конкретный объект, процесс, явление — это отношение его сторон или составляющих {содержание/форма}, и, в конечном счете, здесь важна не каждая сторона-составляющая сама по себе, а именно их *отношение;* развитие же любого объекта, процесса, явления — это выражение или представление изменяющегося содержания посредством изменяющихся форм и, в конечном итоге, это процесс становления и проявления каждой такой конкретной формы в виде определенного **соотношения** *(баланса)* упомянутых сторон-составляющих (с возможностью выражения и репрезентации указанного соотношения, в том числе и в математическом или цифровом виде).

На фоне и в терминах этих представлений обретает мало-мальски оформленный вид следующая простая идея: все, что мы видим, слышим, ощущаем, все, чем и о чем мыслим, т. е. все то, что нас окружает, включая и нас самих, — это различные образования или **формы** разных уровней (разной степени) *содержательности,* в которые облекается некоторая **содержательная активность** при своем движении с уровня на уровень. Такие образования-формы представляют собой диполи (спирали) из двух полюсов (двух ветвей), один (одна) из которых является содержательной *активной* стороной-составляющей диполя (спирали), второй (вторая) — его (ее) *пассивной* форменной стороной-составляющей; в философском аспекте упомянутый диполь (спираль) подобен отношению двух абстрактных понятий {содержание/форма}. Примерная наглядная модель такого диполя-спирали приведена на рис. 1.

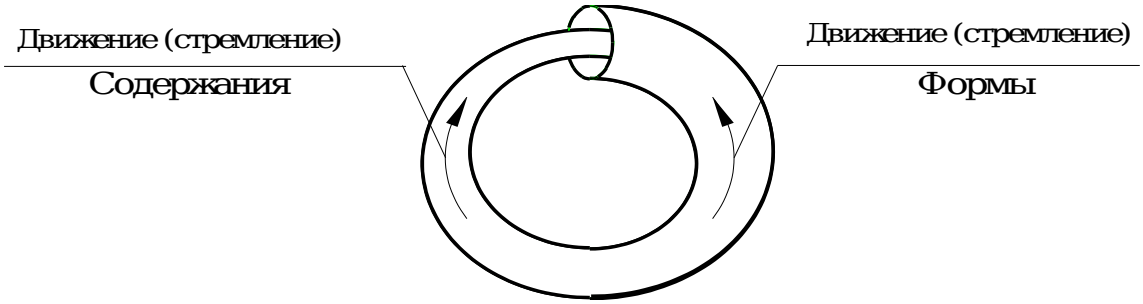

Рис.1

Продолжая отталкиваться от реальных отношений и на них основываясь, следуем в своих рассуждениях далее. Взаимодействуя между собой, диполи-формы разных уровней порождают диполи-формы новых уровней. Содержательная составляющая, будучи стороной активной, стремится выйти из-под контроля любой и всякой формы, ее охватывающей и содержащей, однако, не имея возможности реализоваться иначе, чем опять-таки через

какую-либо форму, вынуждена всякий раз облачаться в очередную, неотступно следующую за ней изменяющуюся форму. В *перспективе* и *предельном выражении* этот процесс принимает вид нескончаемой «погони» содержательной составляющей (содержания) за движущейся и развивающейся таким незамысловатым образом самой этой же содержательной составляющей. [К такому заключению можно прийти, пользуясь, например, приемом предельного перехода, который применяют математики при отыскании пределов функций].

Модифицируя и адаптируя в русле только что сказанного первоначальную модель (рис. 1), приходим к следующему ее *концептуальному* виду, вплотную приближающему нас к пониманию **направленности** течения и развития всех реальных процессов, т. е. *вектора* развития чего бы то ни было. В более или менее лаконичном виде формулировка направленности развития реальности выглядит следующим образом: **развитие содержания осуществляется в направлении исчерпывающего выражения** (охвата, поглощения, усвоения, ассимиляции, постижения...) **развивающимся содержанием самого же развивающегося таким образом содержания.**

Обозначим формулировку символом @ для удобства дальнейшего с ней обращения.

Применительно к окружающему миру эта формулировка означает примерно следующее: *все, что существует и развивается, имеет направлением своего развития и существования выражение (охват, поглощение, усвоение, ассимиляцию, постижение...) собой существующим и развивающимся себя же существующего и развивающегося.*

С учетом отмечаемой ранее нераздельности компонентов содержания и формы в их действительном отношении {содержание/форма} становится очевидным, что внешним проявлением вышеописанного процесса содержательного накопления @ оказывается обновление формы выражения накапливающегося содержания путем повышения «этажности» или уровня этой самой формы его (накопленного содержания) представления. Как это и происходит в реальности, определяемое формулировкой @ движение содержания не может реализовываться иначе, чем через *не повторяющиеся* в деталях *формы разных уровней представления этого содержания.*

Таким образом, речь идет об описании *бесконечного безостановочного процесса содержательного движения, реализующегося путем* ***последовательных приближений*** *к исчерпывающему выражению самого же содержательного движения;* тем самым концептуально-абстрактным языком описывается *многоуровневое* образование (форма), составные части которого (ветви), как и само образование в целом, подобны «самонаворачивающимся» спиралям.

Внутри концептуальной (понятийной) формулировки **@,** моделирующей развитие многоуровневой реальности, в «снятом» (как говорят философы) виде «упакованы» и активность (движение-развитие). и направленность этой активности (движения-развития), и противоречие (как источник всякого движения-развития), и законы диалектики, и т.д., и т.п.

По существу же сформулирован общий, единый, универсальный *внутренний*

принцип саморазвития *(самоорганизации)* реальности, неявный или явный намек (а в иных случаях — твердая убежденность) на существование которого присутствует в представлениях и высказываниях огромного числа ученых, исследователей, философов прошлого и настоящего, посвятивших себя изучению и толкованию окружающего мира и его эволюционного движения [3-7; 9-11; 14; 16; 17].

Вот почему все реальные процессы имеют спирально-циклический характер !!!

Иными словами, вследствие такого рода отношений наш мир и все его элементы — спиралеобразны: человек — это спираль, собака — спираль, муравей — спираль, живая клетка — спираль, молекула — спираль, атом — спираль, электрон — спираль, фотон — спираль, галактика — спираль, Вселенная — спираль; всякий желающий может поупражняться в продолжении этого списка сколь угодно дальше. Головной мозг из двух полушарий, сердце, легкие и другие внутренние органы и системы человека (как, впрочем, и иных особей животного мира) также являют собой **биполярные спиральные структуры** (см. рис. 1).

С другой стороны, именно такой способ взаимодействия основополагающих компонентов указанного отношения {содержание/форма} и обеспечивает *новизну, неповторимость и необратимость развития и эволюции форм,* а также *неисчерпаемое многообразие последних.*

Как уже отмечалось выше, подобным путем компоненты-составляющие в отношении {содержание/форма} взаимодействуют друг с другом, подчиняясь «диктату» объективной тенденции с направленностью на становление друг другом и поглощение друг друга полностью и без остатка.

Однако, если отдавать предпочтение лишь данной точке зрения на развитие как на движение основополагающих начал-компонентов реальности только в направлении сближения и воссоединения (т.е. обрекать, тем самым, всё видимым образом существующее на будто бы очевидный конец и вырождение в тождество), — то как тогда можно объяснить наличие и неустанное, непрекращающееся пополнение и обновление противоположностей («неодинаковостей») и их неистощимое взаимодействие и противостояние в окружающем мире? Каким образом появляется и проявляется тогда неиссякаемое различие в условиях провозглашаемого здесь тотального стремления всего к единению и совпадению?

Каким бы парадоксальным это ни казалось, но именно в силу такого природно-обусловленного характера движения (стремления) только и могут появляться и проявляться обновленные крайности, противоположности и их противостояние. Взаимодействие двух исходных крайностей, двух несовпадающих начал, двух «заклятых» конкурентов, двух неодинаковых и неэквивалентных форм порождает нечто третье, некую новую форму, которая наряду с «вобранным» в себя содержанием и атрибутами взаимодействующих исходных форм одновременно несет в себе и **отличие** от каждой из них. [По этой причине, в частности, не лишено оснований «холистическое» утверждение о том, что целое всегда больше суммы его частей].

Именно стремление двух неравных, нетождественных конкурирующих

составляющих одного отношения стать друг другом в ходе их взаимодействия (см. рис. 1) и приводит к возникновению чего-то третьего, не совпадающего ни с первым, ни со вторым. Иными словами, движение содержания через охват и вбирание в себя содержания предыдущих форм постоянно порождает непохожесть на все предшествующее, т.е. **новизну и неповторимость.** Но это-то возникающее «в продолжение» отличие, одновременно или «в параллель», обретает, по сути дела, и форму новой, очередной противоположности, которая тут же начинает противостоять всему имеющемуся (и предшествующему) и, опять-таки, вступать с ним во взаимодействие.

Таким образом, при декларируемом стремлении к единству и совпадению отличие и непохожесть (новизна) возникают всякий раз как бы автоматически и производно по отношению к более изначальному, к более исходному, к более основательному и приоритетному движению к тождеству. С другой стороны, это-то производно получающееся несовпадение, в свою очередь, оказывается причиной и основанием для возбуждения очередного «акта» движения (стремления) в том же самом направлении на единение, что опять же в свою очередь, порождает новую порцию отличия и новизны, служащую условием для продолжения «конфликта», конкуренции, взаимодействия и т. д., и т. п. — до бесконечности в своем процессе количественного и качественного обновления. Само расхождение в крайности и противоположности есть следствие *предшествующего* и одновременно причина и условие инициирования *последующего* движения в ту же изначально определенную сторону — на взаимопереход и совпадение крайностей, на «стягивание их в точку». [Заметим. что последнее не утверждается (и не навязывается) в качестве конечного результата и достигнутой цели, а рассматривается лишь в качестве понятой и осмысленной объективной тенденции, подчиняющей себе течение всех без исключения процессов — как асимптотического относительного движения к некоему абсолютному, но никогда не достигаемому пределу].

Излишне упоминать о том, что представления о спиральном развитии ***стары как мир*** и в этих представлениях нет никакой новизны. Новое и любопытное — в описании «механизма», продуцирующего спирально-циклическое движение, т.е. в описании **функционирования внутреннего источника** подобного движения.

Широко известно изречение Гераклита относительно того, что все течет, все изменяется. Но ***куда*** все это течет и изменяется — до сих пор ясных представлений не имелось. Только сегодня открывается возможность отвечать на этот вопрос более или менее вразумительно. Сегодня мы можем осмысленно определиться с *вектором* этого всеобщего движения: всюду и всегда имеет место тотальное *многоуровневое* движение в сторону достижения **наивысшего уровня содержательности** (см. формулировку @). Поголовно все пронизано стремлением и охвачено движением в направлении обладания наивысшей содержательностью. Этим вектором всеобщего движения определяются причинность, смыслы и цели: жизни, развития, эволюции, истории и т.д. — т.е. бытия и существования чего бы то ни было, в каких бы то ни было формах.

Формулировка *принципа саморазвития @* дает представление о

«единонаправленности» и «многоуровневости» развития, т.е., во-первых, об *уникальности* каждой из возникающих и развивающихся форм-уровней (что принципиально нивелирует *центризм* какой бы то ни было формы, включая и биоцентризм, и антропоцентризм, и богоцентризм, и социоцентризм, и пр.), и, во-вторых, об *универсальности* механизма движения-развития всех форм на своих уровнях (что, наконец-то, перекидывает *долгожданный мостик* между уровнями неживого, живого и мышления, крайне востребованный и необходимый для формирования цельных и адекватных представлений о мире).

В силу отмеченной выше неисчерпаемости взаимосвязи содержательной и форменной сторон-составляющих в отношении {содержание/форма} какой бы относительной самостоятельностью ни обладала содержательная составляющая, тем не менее и она не может проявить (и проявлять) себя иначе, чем через форму. Поэтому, несмотря на лидерство и кажущуюся автономность активной содержательной стороны на всех уровнях развития, в качестве *содержательной составляющей* на любом из уровней могут выступать опять-таки лишь **формы** (такова суть «вечного проклятия», наложенного на содержание — быть отягощенным формой, если перефразировать известное выражение Маркса об отношении духа и материи [8, с. 29]). Таким образом, в обоих случаях (как в случае активной «содержательной» составляющей, таки в случае пассивной «форменной» стороны) в действительности приходится иметь дело с *изменяющимися* и *развивающимися формами*, под которыми следует понимать различной степени содержательности всевозможные структуры и образования разных (объективного и субъективного) уровней реальности (как в макро-, так и в микроскопическом исполнениях).

Осознавая тотальную унитарную направленность всех реальных процессов, экспонируемую формулировкой **@,** необходимо тем не менее принимать во внимание то, что на каждом своем уровне движения доминирующая *активная содержательная составляющая (содержательность)* имеет свои *особые* (специфические) *формы* представления.

А). На уровне неживой природы — это, как правило, энергия Солнца и космоса (свет, тепло, радиация, гравитация, высокоэнергичные частицы), электрическая энергия, химическая энергия окислительно-восстановительных реакций и т.п.

Б). На уровне живой неодушевленной природы *в дополнение* к вышеназванному в пункте А — это питательные вещества (из состава грунта, воды, воздуха, продуктов горения), пища (растительная и животная), ток крови (в живых организмах), генетическая программа, рефлекторно-психическая активность, инстинкты и пр.

В). На уровне человеческой и социальной природы *в дополнение* к вышеназванному на двух предыдущих уровнях А и Б — это полезные ископаемые, топливо (уголь, нефть, газ и их промышленные производные), человеческий ресурс (мускульная сила, духовные и нравственные силы, творческий и интеллектуальный потенциал), продукты человеческой деятельности и мышления (образ, идея, понятия, инструмент, деньги, капитал, финансовые и информационные потоки) и т. д. Иными словами, на

уровне человека и социума та же активная содержательная составляющая циркулирует в виде форм, перечисленных в двух предыдущих пунктах А и Б, с *добавлением* опосредованных человеком форм (включая формы всевозможных продуктов человеческой деятельности и мышления — *технологии* и *идеологии).*

[*Дополнительный комментарий к трем последним вышеприведенным абзацам.* С позиции данной концепции исходим из того, что различные виды энергии, пища (питательные вещества), деньги (финансовые потоки), информация (информационное поле) и т.д. — это всего лишь **различные формы движения активной содержательной составляющей отношения {содержание/форма} на разных уровнях реальности.** Так, *на уровне неживой природы* активная содержательная составляющая циркулирует в виде (в формах), главным образом, солнечной и космической энергии. Производной и разновидностью такого рода циркуляционных потоков является электрическая и химическая (окислительно-восстановительных реакций и пр.) энергия. *На уровне живой неодушевленной природы* к вышеперечисленным циркуляционным потокам (продолжающим свои естественные природные трансформации и на этом уровне) *добавляется* циркуляция следующих основных содержательных форм: питательных веществ из состава грунта, воды, воздуха и продуктов горения; питательных веществ из состава почвы, растительной и животной пищи; тока крови животных; генетической матрицы, инстинктивной и рефлекторной активности живого и т. п. И, наконец, *на уровне человека, человеческого мышления и социума* — это, *в дополнение* к вышеперечисленным потокам на двух предшествующих уровнях, циркуляция содержательного компонента в таких формах, как опосредованная человеком энергия полезных ископаемых и их промышленных производных (металлов, минералов, топлива и т. д.), человеческий ресурс (в виде мускульной энергии, духовных и нравственных сил, интеллектуального потенциала), продукты человеческой деятельности и мышления (инструмент, деньги, капитал, финансовые и информационные потоки, идеи, понятия, теории, учения, т. е. в наиболее общем виде — *технологии* и *идеологии*) и т. д. Здесь необходимо заметить, что все вышеперечисленное из наиболее распространенных форм движения и циркуляции активной содержательной составляющей на вышеупомянутых уровнях — это лишь «реперные» точки в общей совокупности таких форм; руководствуясь данным подходом, всякий пытливый ум сможет обнаружить и множество других активных форм разных уровней содержательности, также подчиняющихся в своем движении единому принципу **@**].

Как это можно видеть на основании анализа формулировки принципа саморазвития **@,** вопрос о сути развития не исчерпывается пониманием развития как усложнения форм, или как действия великого биологического закона усложнения, или как причинного непрерывного усложнения материи и т. п. [4; 9; 11] (эти господствующие в ученой среде объяснения и определения сути развития способны сегодня удовлетворить разве что домохозяйку); суть же всякого развития состоит в достижении формами разных уровней развития **наивысшей** для каждого уровня **содержательности,** что и выражается (и обеспечивается) движением форм в направлении обладания максимально возможной содержательностью на своих уровнях.

Сформулированный *принцип саморазвития @ универсален;* ему подчинены и им управляются все процессы без исключения на всех известных нам уровнях реальности: на уровне неживой природы, на уровне природы живой неодушевленной и, наконец, на уровне человека, человеческого мышления и социума, что может быть подтверждено и интерпретировано разнообразным фактическим материалом, в том числе и простыми примерами из повседневной жизни [1; 20]. Ниже на многочисленных примерах мы покажем – как “работает” этот внутренний принцип саморазвития в разных областях и на разных уровнях обретания изменяющейся реальности.

Почему же концепции столь очевидного спирального движения-развития-эволюции форм считаются сегодня устаревшими, рассматриваются и обсуждаются неохотно и подвергаются порой жесткой критике со стороны официальной ученой общественности? Специалисты по вопросам эволюции обосновывают свое несогласие с такого рода концепциями тем, что ни у одной из развивающихся форм (объектов, процессов, явлений) ход их развития не напоминает (и не сводится) *в чистом виде* восходящую классическую спираль, и в большинстве анализируемых случаев эта спираль искажается и прерывается непохожими на спиральные участками-отрезками каких-то прямых (указывающими на движение-развитие форм по некой «инерции»), горизонтальными площадками (символизирующими стагнацию форм) и, наконец, ниспадающими участками (означающими регресс, депрессию, упадок и т. д.). Действительно, при изучении эволюции реальных форм сплошь и рядом наблюдаются и фиксируются явные отступления от спирального характера их развития, и потому, вероятно, *собирательная* спираль как показательная внешняя форма выражения всякого развития отступает на второй план.

При этом, однако, ученая общественность упускает из виду следующее обстоятельство. Как уже отмечалось выше, спиральное содержательное движение имеет обратной видимой стороной своей образование новых и наполнение содержанием обновляющихся форм. Иными словами, оборотной стороной неявного скрытного движения содержания в направлении @ оказывается неизбежное возникновение и проявление наполненных содержанием видимых и регистрируемых человеческим сознанием видоизмененных и новых форм разного уровня, которые по мере возникновения и видоизменения вступают во взаимодействие друг с другом, продолжая свое движение-развитие в соответствии с формулировкой **@*.*** И это объективно обусловленное движение в сторону прироста содержательности любой и каждой из взаимодействующих форм, что характерно, как уже отмечалось выше, для всех уровней-форм без исключения, сопровождается **тотальной конкуренцией форм** (как если бы речь шла об участниках забега к одному финишу).

Не имея иных источников для пополнения и наращивания своего содержания, кроме как другие подобные же формы, все формы во имя обеспечения собственного движения и развития под «диктатом» принципа @ *вынужденно* вступают в жесткую конкурентную борьбу «за выживание» с окружающими их формами, исходом которой оказывается либо продолжающееся развитие, либо гибель и «растаскивание» на части (поглощение и ассимиляция конкурентами) той или иной формы. *Регресса по большому счету и во*

вселенском масштабе не бывает!

В силу взаимной тотальной, всеобщей и поголовной конкуренции форм, стремящихся к одной «цели», каковая определяется опять же принципом саморазвития ***@,*** формы «изымают» друг у друга и «присваивают» себе все, что поддается изъятию и присвоению. «Неподконтрольный» отъем и приобщение порций содержания имеет место на разных уровнях и в разных цепочках развития. При этом объектами разноуровневого отъема-присвоения оказываются кванты энергии, электроны, ионы, гены, хромосомы, клетки, порции вещества, предметы, идеи, биты информации, имя, слава, репутация, идеологии, технологии и целые состояния (все, как в реальной жизни!). Как показывает опыт многочисленных и многолетних наблюдений, когда «слабеет» и «умирает» одна форма — где-то поблизости (внутри или снаружи) начинает «утверждаться» и «процветать» другая. Стагнация или регресс какой-либо формы означают прирост содержания у какого-либо из ее соседей (а может быть, и не совсем соседей). Как только у какой-либо формы на каком-либо ее подуровне существенно «перехватывается» инициатива, сразу же начинается «растаскивание» содержания этой формы на всех прочих ее подуровнях и подподуровнях — вплоть до полной ликвидации этой формы и ассимиляции ее содержания другими формами. Вот почему совершенно неожиданно может угаснуть или исчезнуть один уровень-форма и начать спонтанно развиваться и видоизменяться другой.

Таким образом, всеобщего и поголовного застоя или регресса не бывает, а всегда и всюду имеют место лишь содержательно-форменные трансформации (или, говоря привычным «школьным» языком, — переход содержательной составляющей из одной формы в другую, т.е. с уровня на уровень), при которых упадок или потеря содержания одной формой являются признаками перехвата этого содержания и приобщения его к себе другой формой. Какая из форм, какого уровня, на каком участке или этапе своего развития выстоит в непрекращающейся конкурентной борьбе и продолжит (возможно, еще более интенсивно, со «скачком») свое дальнейшее развитие, а какая исчезнет навсегда — предсказать чрезвычайно непросто; ведь **в силу всеобщей конкуренции** и **тотального соперничества** процесс эволюции форм не имеет видимости прямой столбовой дороги и не подпадает под определение строго «древовидного» процесса (как это и отмечается современными ведущими эволюционистами [18]), а реализуется способом «прерывистого градуализма» с воссозданием и воспроизведением «мозаичной» картины развития. Вот почему (а именно — вследствие подобного «прессинга по всему полю») любой и каждой из существующих и развивающихся форм (в том числе и человечеству при столкновении с так называемыми вызовами и угрозами со стороны, как прочих форм окружающего мира, так и самого человека) приходится ежемоментно доказывать свою конкурентоспособность, состоятельность и право на дальнейшее существование и развитие.

В итоге на фоне общей единой закономерности, которая лежит в основе изменения-движения-развития-эволюции поголовно всех форм и именуется *принципом саморазвития* ***@,*** интерференция и взаимное вмешательство форм (в русле той же закономерной их устремленности к присвоению и приобщению к себе порций содержания путем отъема этих порций у других форм) ведут к хаотичности и спонтанности движения отдельных форм, что и

приводит к видимому искажению общей картины развития вкраплениями отклонений от общих закономерностей. Неявно выраженная причина отступления от закономерностей развития (определяемых принципом **@**)**,** каковой (причиной) является интерференция-вмешательство форм в спиральное развитие друг друга, получила (как в науке, так и в обиходе) наименование всепримиренческой, всеобъясняющей и всепрощающей ***случайности***.

Да простит читатель некоторые образные выражения и вольные аналогии, употребляемые в статье для упрощения реальной картины с целью облегчения разбирательства в существе рассматриваемых отношений, — французы, например, сталкиваясь с подобного рода отклонениями в поведении мужчин, привычно говорят: «Ищите женщину». Применительно к данному контексту, т.е. в более широком смысле, это означает: ищите форму (или формы) из ближнего и дальнего окружения, которая оттягивает на себя, «отхватывает» и приобщает к себе порции «чужого» содержания, искажая тем самым универсально-спиральную конфигурацию (применительно к отдельным фрагментам общей картины) закономерного развития. Именно тотальная конкуренция унитарно ориентированных в своем движении форм нарушает благообразную закономерность и предсказуемость траектории их развития. Не видя всей этой подоплеки, человеческое сознание в лице ученой общественности потому-то и не желает признавать спиральный характер развития за единственно существенный и реально осуществляющийся способ эволюционного движения.

Не преминем добавить, что вышеизложенное в полной мере относится и к человеку как многоуровневому природному образованию, как совокупности громадного числа *конкретных* **отношений** (разных уровней и разного содержательного наполнения) тех же вездесущих *абстрактных* компонентов {содержание/форма}. Неудачи, болезни, просчеты и ошибки, сопровождающие человека на протяжении жизни, являются результатом отъема-присвоения порций его же разноуровневого содержания (из разряда энергоресурсов плоти и духа, пищи, крови, денег, капиталов, идей, знаний, технологий, информации и пр.), осуществляемого (речь идет об отъеме-присвоении) разноуровневыми формами (как «внутренними», так и «внешними») из числа форм его ближнего и дальнего окружения. Сложность анализа развития подобных систем обусловливается невообразимым переплетением одновременно взаимодействующих упомянутых уровней-отношений, а также нераздельностью компонентов этих отношений; указанные элементы настолько переплетены между собой и свернуты в такой «безобразный» клубок, что для *корректного* распутывания клубка требуется вселенское терпение и образцовая аккуратность. [Упомянутая сложность является следствием, во-первых, естественной, объективной размытости и нечеткости границы между рассматриваемыми нами составляющими-компонентами в их конкретных отношениях и наиболее общем отношении {содержание/форма} и, во-вторых, следствием бесконечности представления любой и всякой формы, в том числе и «числителей» и «знаменателей» рассматриваемых отношений, то же самое в виде подобных же отношений, и, соответственно, немыслимого переплетения всех этих отношений и их компонентов между собой. Уровни развития зачастую нераздельны, неотделимы друг от друга оттого, что содержательная составляющая,

скажем, одного уровня может в одно и то же время (во взаимосвязи) оказываться форменной составляющей для другого уровня, и наоборот. А также оттого, что содержательная составляющая одного уровня непременно представляет собой новое отношение {содержание/форма} для другого уровня. То же самое следует сказать и про любую форменную составляющую. Но главное препятствие на пути ясного понимания хода процесса развития и точных его формулировок состоит в том, что природная граница между компонентами-составляющими «содержание» и «форма» в их отношении трудноразличима, а иногда и просто не воспринимаема (до поры до времени). Таким образом, врастание уровней-форм друг в друга и произрастание их один из другого и есть причина невозможности выделения любого из них в «чистом» виде].

Аналогичные рассуждения, но с обратным знаком можно привести относительно восходящих участков интенсивного развития любой формы (как и любого организма, включая человека) — на таких этапах своего жизненного пути любая форма, будучи активным содержательным звеном и *на подъеме,* сама успешно выполняет отъем и присвоение содержательных порций из состава форм своего ближнего и дальнего окружения.

Особо следует отметить, что *принцип саморазвития* — безусловный и безотносительный, и это обстоятельство подчеркивается содержанием его формулировки **@.** Описываемая представленной формулировкой «активность» присуща всем уровням реальности без исключения и может быть охарактеризована как «слепая», поскольку в исходном основообразующем виде не содержит в себе ни явных признаков, ни явных оттенков целеполагания. Оттенки целеполагания и целесообразности установок отчетливо проявляются лишь на весьма определенных уровнях *весьма конкретных форм* реализации этого принципа, начиная с форм высших животных, где **интенсивность** *содержательно-форменных трансформаций* существенно выше интенсивности подобных же трансформаций на предшествующих уровнях.

Иными словами, в силу отмеченной повышенной интенсивности содержательно-форменных трансформаций на уровнях животных форм и человека по сравнению со скоростью подобных трансформаций на других уровнях-формах, **вездесущность** указанного принципа угадывается и фиксируется человеческим сознанием с некоторых пор все более и более определенно, что и свидетельствует о его (принципа) безусловности и безотносительности вопреки ошибочному мнению о наделенности способностью к целеполаганию лишь некоторых “высших” уровней. Это, так называемое, целеполагание (возвращение к себе на новом уровне, обратная связь, рефлексия) просто еще весьма слабо проявлено на “низших” уровнях развития реальности вследствие малой интенсивности содержательно-форменных трансформаций на этих уровнях (т.е. в силу малой кривизны спиральных витков развития этих уровней). На самом же деле этот внутренний принцип имманентен всем уровням развития реальности без исключения.

Независимо от нас и наших предпочтений источником развития конкретных форм-отношений на всех известных нам уровнях организации реальности (квантовом [15], атомарном, молекулярном, клеточном, тканевом, органном,

организменном, социальном) служит тот же принцип *@,* остающийся «сквозным» для всех уровней содержательного движения; меняются лишь *формы* реализации этого принципа *на разных уровнях* вследствие *роста интенсивности содержательно-форменных переходов* с уровня на уровень.

Так, Вселенная (как совокупность неживых и живых форм-образований, включая мышление) с позиции и в свете данной концепции — это гигантский, величественный, растянувшийся на миллиарды лет, *многоуровневый содержательно-форменный переход* (точнее, *цепь* или *последовательность переходных форм разных уровней) в известном уже направлении @* (т.е. в предельном выражении мир, Вселенная — это и есть «самонаворачивающееся» содержание «всеобъемлющего» масштаба, см. упрощенную наглядную трехмерную модель разворачивающегося процесса на рис. 1, п*риблизительно* воспроизводящую картину реальных «вселенских» отношений). Звездное небо — это мгновенный "срез" форм-следов параллельно-последовательного движения "содержания", схватываемый и фиксируемый человеческим сознанием одномоментно. Сонм висящих над нами миров — это промежуточные слои-этапы-уровни-формы прохождения содержательной активности, но не в виде, соответствовавшем начальному моменту её последовательного движения-прохождения упомянутых этапов-форм, а в виде чего-то уже "**ставшего**" и развитого в силу безостановочного параллельно продолжавшегося и продолжающегося с того момента содержательного "наворачивания" этих форм. При этом **условно-конечное** звено развития содержательной активности в лице нас (человечества) — тоже всего лишь промежуточная форма выражения или представления этой активности, которая после пройденных этапов-уровней "неживых" форм прошла еще и через этапы форм более подвижных — "живых-биологических", и далее — "живых-мыслящих-одушевленных". Сегодняшние мы (человечество) достигли в своем ментальном развитии такого уровня, когда вполне можем представить себя в роли этакого "содержательного моллюска", находящегося "в раковине" всесторонне "разбегающейся формы" (Вселенной) и пытающегося в качестве самого содержательного звена (из **достоверно** известных нам на текущий момент) постичь, познать (т.е. наполнить содержанием и истинным смыслом) ту цепочку форм, которую мы "прошли" до этого со времен Большого Взрыва. В свою очередь та, некогда пройденная нами "разбегающаяся форма", стремится нам вослед (а, по сути дела, и навстречу) на воссоединение с нами и обладание нашим содержательным началом. Фактически же мы, как очередная форма содержательного начала, пытаясь замкнуть этот виток, опять раскручиваем его, но уже на качественно ином (новом) уровне. При этом мы в равной степени не имеем оснований утверждать как то, что последовательное содержательное движение заканчивается нами (человечеством) и что мы (человечество) — венец всего развития, так и то, что аналогичного же вида движение содержательной активности не имело места до момента так называемого Большого Взрыва и не имеет места после появления нас (человечества).

Осознание этого обстоятельства как бы формально замыкает очередной «круг» познания и открывает новый этап-виток качественно иных исследований Вселенной и эволюционного движения.

Содержательные наслоения способствуют изменению интенсивности

стремления содержания "к себе самому на новом уровне" или, иными словами, изменению кривизны витка спирали развития, — значениями же этих характеристик главным образом и отличается один уровень развития от другого. Понимаем мы это или нет как люди, "хотят" того или нет собака и муравей как животное и насекомое, "знают" об этом или нет река, океан, гора, планета Земля, Млечный Путь или видимая и мыслимая нами Вселенная — независимо от этого все перечисленное находится в движении, описываемом формулировкой @.

К слову сказать, при попытках отобразить или воспроизвести в мельчайших подробностях самый сокровенный момент взаимоперехода содержания в форму и наоборот с помощью, например, карандаша и бумаги, — ваша рука непременно нарисует нечто, напоминающее яблоко, грушу, лист растения, сердце или что-либо еще в подобном же роде (для схематической наглядности можно порекомендовать к просмотру видеоролик [19]). Это обстоятельство позволяет усмотреть в действиях природы аналогичный по направленности процесс, а именно — с упорным периодическим постоянством матушка живая природа сама из года в год на протяжении сотен миллионов лет решает ту же задачу, которую вознамерились решить и вы.

Яблоки, груши, желуди, зерна, семена, листья, трава, цветы, кусты, деревья, животные с их зеркальной симметрией-асимметрией форм-тел (см. рис. 1), а также продолжающее этот же перечень природно-обусловленное отношение {мужчина/женщина} и т. д., и т. п. — все эти «живые» атрибуты очевидным внешним обликом своим и внутренней структурой указывают на единообразную унитарную направленность природных процессов, имеющих своей подоплекой взаимодействие двух сторон-составляющих-компонентов единого целого — отношения {содержание/форма}. И так же, как и вам, ей (природе) никак не удается овладеть моментом содержательно-форменного взаимоперехода окончательно и бесповоротно, поскольку сама *недостижимость* и *неосуществимость* момента исчерпывающего выражения содержания формой, сама **неопределенность** этого момента (ввиду наличия так называемой ступеньки или зазора в месте предполагаемого замыкания «круга», но действительного преобразования «круга в спираль», см. рис. 1) и есть главное условие, движущая сила, мотив, стимул, причина безостановочности, неистощимости и неисчерпаемости движения и развития всего сущего. *Момент неопределенности — это также объективный и неотъемлемый элемент всякого развития!*

Аналогичным образом идут процессы (движение, перетекание и взаимопереход понятий и образов) и на уровне *мышления.* В кажущийся достигнутым миг «победы» вдруг обнаруживается, что выразили вы и постигли вашим мышлением не совсем то, что изощрялись сделать мгновением ранее, а стоите у истока чего-то иного, которое совсем уже не есть венец предыдущего, а является началом нового нечто; т.е. вас и ваше мышление просто *выбрасывает* на новый виток, на новый уровень, к новому пониманию, к уточненно-обновленным понятиям и представлениям и вы *вынуждены* продолжать начатое движение в направлении постижения и оформления продолжающего ускользать содержания (в облике перспективной мысли или вожделенно-искомого смысла), но уже на новом витке и на новом уровне... И «обратной» дороги нет, поскольку по дороге

«туда» в прямом направлении вы и ваше мышление успели измениться, обрасти, прирасти, обогатиться новыми содержательными подробностями, «стряхнуть» которые и вернуться в прежнее состояние нет никакой возможности.

Подобные по характеру процессы идут и в среде на уровне социума; причем на примере развития социальных отношений это проступает особенно рельефно. Противоборство (конкуренция, соперничество), скажем, идеологических схем (идеологий) или геополитическое противостояние государств и народов, движение от однополярного к многополярному миру и наоборот, возникновение и разрешение революционных ситуаций — все это также относится к внешним проявлениям *развития отношений* упомянутых содержательной и форменной сторон-составляющих (см. рис. 1), но уже на иных уровнях и, соответственно, в иных специфических формах.

Противоборство идей и идеологий — это наивысший (с точки зрения человеческого сознания) уровень-форма *содержательного* движения из *известных* нам на сегодня уровней-форм. Разница в идеологиях, т. е. видимое отличие конкурирующих и противостоящих форм в их отношениях на том или ином уровне, обусловливается внутренними *функциональными* отличиями *активного* (зачастую *агрессивного*) и *пассивного (консервативного)* компонентов этих отношений. И для целого ряда индивидов (и их сообществ) участие в противоборстве на таком «высоком» уровне будет попритягательней, чем интерес к результатам и следствиям движения и превращений на других, более «примитивных» (скажем, физиологических, включающих в себя стремление к сытости, физиологическим утехам, телесному комфорту) уровнях. А потому человеческое стремление к идеологической победе, интеллектуальному или моральному превосходству, духовному величию во многих случаях берет верх и оказывается приоритетнее стремления к физическому благополучию. Везде и всюду, **на всех уровнях без исключения,** имеет место поголовная, **тотальная конкуренция** (от мягкой «спортивной» состязательности и соперничества до беспощадной борьбы) **форм за обладание наивысшим уровнем содержательности;** с позиции же человеческого мышления уровнем наивысшего ранга и полноты воплощения накопленной содержательности на сегодняшний день является как раз таки идеологический уровень.

Исходя из данных представлений и понимания существа проблемы, оказывается проще строить адекватную модель противостояния и взаимодействия геополитических антиподов (двух ветвей витка спирали развития, см. рис. 1) в их отношении противоборства (конфликтов, войн) и одновременной теснейшей взаимосвязи друг с другом; на этом же основании легче прогнозировать и направлять усилия конкурирующих человеческих сообществ в сторону достижения баланса интересов, социальной справедливости и гармонии.

Вся природа, весь мир на протяжении своего существования решает фактически все ту же, одну и ту же задачу — **исчерпывающего** *выражения развивающегося содержания движущейся формой,* спирально восходящей посредством каких-либо своих элементов (отростков, ответвлений, завитков), а окончательного решения этой задачи как не было, так и нет. Чтобы увидеть это всепоглощающее движение, требуется лишь пристальней взглянуть на

окружающий нас мир, равно как и на нас самих. Тем более что мышление уже «беременно» данной концепцией; рано или поздно этот подход будет положен в основу нового миропонимания. Человечество вынуждено будет переходить к практическому применению новой модели во имя обеспечения собственного выживания (как отдельного определенного уровня-формы) в конкурентной борьбе и взаимодействии со всеми прочими окружающими его формами-уровнями. Год от года все рельефнее демонстрируется это стремительно растущей *экологической* зависимостью и уязвимостью человека; ведь следование императиву поддержания экологического равновесия в системе {человек/природа} есть не что иное, как мучительный поиск человеческим мышлением оптимального (т. е. **наиболее содержательного** для всякого конкретного уровня-этапа развития) *диалектически выверенного* **соотношения** *(баланса)* между содержательным и форменным компонентами в этой системе.

Новый подход одновременно свидетельствует и об ограниченной применимости господствующей ныне антропоцентрической (в том числе и социоцентрической, и богоцентрической, если угодно) модели мира, и о необходимости перехода к другой, более цельной и адекватной его модели. Более того, вне данного подхода человечество не сможет даже *корректно* развязать узел усугубляющихся внутренних противоречий между компонентами в отношении {Запад/Восток}, а не то что эффективно конкурировать с формами-уровнями внешнего своего окружения (из состава планетарной природной среды, а затем ближнего и дальнего космоса). И, наконец, данная концепция выбивает почву из-под ног любого и всякого фанатизма и терроризма: нет объективных оснований ни для какой исключительности и «богом избранности». Нацизм, религиозный фундаментализм, «американская исключительность» или «бандеровщина» (подразумевающие иллюзорное расовое, религиозное, интеллектуальное или любое другое превосходство одной нации или конфессии над другой) базируются на *чрезмерной абсолютизации* и *необоснованном центризме* своих форм. Никакая же исключительность *неосуществима в принципе* по причине ограниченности и преходящего характера любой и всякой формы; этот вывод нужно доказательно доводить до сознания людей, чтобы ликвидировать тем самым мировоззренческую безграмотность.

Алгоритм развития — общий и универсальный для всех уровней-форм, от фотона до самых замысловатых понятийных схем и конструкций в головах отдельных индивидов: *новое содержание всегда будет стремиться обрести новую форму, а формы — наполниться, обогатиться новым содержанием. Отсюда — вихревое движение всего и всея.* Концепцией лишь подмечается типовой, стандартный характер хода вещей на всех уровнях: универсальное, обобщенное отношение {содержание/форма} облачается на каждом конкретном уровне в свою конкретную форму и сквозным образом «шествует» через уровни в направлении замены форм на все более и более содержательные.

За каждым *конкретным* отношением-формой из ряда таких, к примеру, *конкретных* отношений, как: {движение/покой}, {время/пространство}, {ускорение/тяготение}, {энергия/масса}, {поле/вещество}, {непрерывность/дискретность}, {волна/корпускула}, {отрицательный

заряд/положительный заряд}, {семя/плод}, {самец/самка}, {мужское начало/женское начало}, {дух/плоть}, {личность/общество}, {политика/экономика}, {либерализм/консерватизм}, {предприимчивость/инертность}, {интуиция/логика}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное}, {функция/структура}, {процесс/результат}, {качество/количество}, {изменение/основа}, {активное начало/пассивное начало} и т. д., и т. п., — прячется наиболее *абстрактное* отношение компонентов {содержание/форма}. И теперь исследование перспектив изменения, движения, развития нескончаемого числа разнообразных конкретных отношений, **обусловливающих существование различных областей многоуровневой реальности,** может вестись уже с пониманием существа этого движения-развития, т.е. более эффективно.

Применительно ко всем конкретным формам-отношениям (включая вышеперечисленный набор), отмечаемое движение @ в направлении достижения *наивысшей содержательности* означает, что по мере развития и эволюции конкретных форм-отношений наблюдается *смещение* в сторону *возрастания* «удельного веса», роли и значимости содержательного компонента (т.е. «числителя» отношения) в составе конкретных форм-отношений. При этом *сложившееся* прежде *соотношение* или *устоявшийся баланс* составляющих (компонентов) в их конкретных отношениях мало-помалу нарушается. что периодически требует поиска и установления нового соотношения, нового положения границы раздела между компонентами в *изменяющихся таким путем* конкретных отношениях-формах.

В ходе изучения закономерностей развития подобного рода отношений становится яснее роль и назначение самой *диалектики* — как **искусства** изыскания и установления **корректного соотношения** (или *сбалансированного* положения границы раздела) между сторонами-составляющими в их **конкретных отношениях,** обусловленного (речь идет о корректном соотношении) всякий раз определенным этапом развития каждого конкретного отношения (т.е. определенным местоположением его в цепи развития). Пока и до сих пор указанная задача (определения корректного соотношения между компонентами в конкретных отношениях) решалась и решается исключительно интуитивно, на ощупь, эмпирически... Концепция же позволяет и предлагает делать это более *осознанно,* с привлечением огромного потенциала человеческого мышления, обеспечивая тем самым конкурентоспособность человечества в противоборстве с другими, соперничающими с ним формами-уровнями.

Таким образом, *все частное и конкретное — это отдельные формы, в которые «рядится» рассматриваемая нами обобщенная абстрактная форма отношения {содержание/форма} в процессе своего эволюционного движения @ через уровни.*

Знакомство с концепцией, обнаруживающей повсеместное присутствие *содержательно-форменных трансформаций* известной направленности, позволяет иными глазами взглянуть и на циклы Чижевского, и на циклы Кондратьева, и на периодический закон Менделеева, и на истинные корни холизма и тектологии Богданова, и на феномены подобия, фрактальности, антропного принципа, и на смысл золотого сечения, и на суть мировых

констант, и на многочисленные физические законы сохранения (вещества, энергии, количества движения, заряда, четности, странности), и на гендерные отношения {мужчины/женщины} [1, с. 55], и на симметрию-асимметрию мира (включая зеркальную и «хиральную» симметрию форм животного мира, человека, его головного мозга, внутренних органов и систем [1, с. 13, 14, 25]) и т. д., и т. п.

Покажем в самых общих чертах (без детализации) «работу» модели {содержание/форма} и *принципа саморазвития* на примере отслеживания видоизменений форм животного мира (включая человека).

Моллюски с их раковинами спирального вида — пожалуй, наиболее *наглядные* древнейшие образцы содержательно-форменных превращений в ходе движения и развития содержательной составляющей реальности на уровне «живого». Зеркальная симметрия живых существ (нетождественность левой и правой половин тела) также олицетворяет собой не что иное, как содержательно-форменное взаимодействие двух сторон, двух противостоящих компонентов одного целого (организма) в ходе всего жизненного цикла особи (речь идет о насекомых, пресмыкающихся, рыбах, птицах, млекопитающих и т. д.). Зеркально-отраженные части (ветви витка спирали, см. рис. 1) живых организмов попеременно в процессе жизни особи выполняют функции то «сугубо форменного», то «более содержательного» характера.

Взаимодействие зеркальных половин живой особи сопровождает рост (накопление) объема и созревание глубинного содержания до момента передачи этого накопленного содержательного объема в «свернутом», спрессованном, концентрированном виде своему потомству. Далее содержательно-форменные превращения сопровождают процесс спаривания особей, оплодотворения яйца (яйцеклетки), зарождения новой фазы содержательного начала и продолжения его дальнейшего движения в том же направлении, но на новом этапе (витке) его развития. Наиболее рельефно этот процесс представлен широко известными примерами метаморфоза насекомых (бабочка — яйцо — гусеница — куколка — новая бабочка).

Муравей, собака, человек — это «укороченные» спиральные витки форм реальности, проявленные соответственно разным этапам-уровням ее развития. Если для неживого (да и для некоторых ранних, простейших форм живого) надо еще ухитриться разглядеть этот спиральный виток (в силу его малой кривизны-интенсивности развития), то для развитых живых форм он проявлен самым наглядным образом и слишком очевиден. Противостояние левой и правой половин живых существ (что наиболее выражено у животных) демаскирует взаимодействие содержательной и форменной половин витка в процессе существования и развития организма (см. рис. 1) и делает это взаимодействие, как и сам виток, предельно наглядным и очевидным. При этом симметрия и равновесие левой и правой половин организма — только **кажущиеся;** на самом же деле это **асимметрия** двух конкурирующих, нетождественных, неэквивалентных составляющих-сторон одного целого (рис. 1), обеспечивающая движение-развитие организма в целом. Для всего животного мира (в том числе и для человека) можно выявить, проследить и описать содержательно-форменные преобразования в наиболее обобщенном виде: движение содержания на фоне содержательно-форменного

взаимодействия визуально симметричных частей организма; далее, взаимодействие компонентов «содержания» и «формы» на уровне отношения {самец/самка}: спаривание, оплодотворение яйцеклетки и рождение нового содержательного звена в виде потомства; и как продолжение — воспроизведение очередного подобного витка содержательно-форменных отношений на новом уровне. Причем поглощение одной формы другой формой (поедание живых форм) в процессе жизненного цикла особи и обогащение (подкормка, подпитка) тем самым развивающегося содержания — также составляют существо содержательно-форменных превращений на уровне живого.

Покров тайны отношений между мужчиной и женщиной (как двумя «половинками» единого целого отношения {мужчина/женщина} — см. рис. 1), таинства любви и продолжения рода человеческого (включая акты зачатия, развития эмбриона в материнском лоне, рождения ребенка — см. рис. 1), как, впрочем, и загадок гендерных отношений в целом, — становится более прозрачным в свете представлений о содержательно-форменном движении, определяемом моделью **@.**

При этом и развитие каждого более мелкого фрагмента (составной части) этого процесса, в свою очередь, может быть рассмотрено (и *требует* рассмотрения) с позиций отношений подобных же сторон (пример тому, скажем, содержательно-форменное взаимодействие ветвей спирали молекулы ДНК на протяжении ее жизненного цикла, репликация молекул, деление клеток и т. п.); той же направленности процессы идут на клеточном, тканевом, органном уровнях живых организмов, а также на атомном и молекулярном уровнях органической и неорганической природы.

Непостижимая доселе природная симметрия «левого» и «правого» (характерная несовпадением, противостоянием и взаимодополнением симметричных частей целого, и не только в случае зеркальной, «хиральной» или круговой симметрии, а и в случае иных типов симметрии, включая и специфические симметрии физики элементарных частиц и квантовой механики), взаимодействие электрических зарядов и явления электромагнитной природы, формулировки различных законов сохранения и условий достижения равновесия или баланса величин (компонентов-составляющих-сторон) рассматриваемых отношений в разных областях реальности, феномены всевозможных «периодических законов» и «подобия» (в том числе и так называемые «фрактальность» и «антропный принцип») также скрывают в глубине своей присутствие и развитие спирально-циклических содержательно-форменных трансформаций известной направленности. [При этом из-за «живости» и неисчерпаемости упомянутых отношений-переходов симметрия неизбежно трансформируется в асимметрию, а законы сохранения сплошь и рядом нарушаются, т.е. выполняются лишь в каком-то приближении с непременными оговорками-допущениями-ограничениями].

В пределах растительного мира об аналогичном характере превращений можно судить по спирально-циклическому движению в цепи «растение — плод — семя — новое растение», по внешнему виду и внутреннему строению деревьев, кустов, листьев, травы, цветов, плодов…

Этот же *принцип саморазвития* позволяет уразуметь суть направленности видоизменений форм и в неживой природе, на что, скажем, свыше полутора столетий указывает нам в главных чертах Периодическая система элементов Д.И. Менделеева (периодический закон изменчивости химических и физических свойств элементов в зависимости от их атомной массы).

Увидеть подобное развитие и проявление сути содержательно-форменных отношений в неживом предметном мире много сложнее, чем в живом, поскольку интенсивность развития или трансформаций компонентов-составляющих отношения {содержание/форма} здесь чрезвычайно низкая, и потому периоды таких превращений (витков) растягиваются порой не просто на века, а на миллионы и миллиарды лет.

Рассмотрим, к примеру, как и какие содержательно-форменные отношения определяют изменчивость природных ландшафтов.

Известно, что неравномерность нагрева различных участков земной поверхности солнцем вызывает перемещение воздушных масс (ветры, ураганы, торнадо и т. д.). Даже если не принимать во внимание другие источники изменений (осадки, землетрясения, грозовые явления, космические воздействия и т. д.), то перемещение воздушных масс так или иначе все равно изменяет рельеф местности (форму поверхности участков Земли). Это сказывается на смене условий нагрева поверхности, которые, в свою очередь, влияют на интенсивность нагрева воздуха и вносят свои изменения в характер перемещения масс этого воздуха. Последнее опять-таки отражается на рельефе местности и приводит к изменению картины нагрева поверхности. Таким путем, посредством накопления определенных местных изменений (даже исключая действия тектонической и вулканической природы), могут создаваться разные площадки с разными климатическими зонами на земной поверхности. Измененная «форма» поверхности (рельеф местности) тут же начинает по-новому поглощать солнечные лучи и по-новому усваивать их энерго-«содержание». Это выражается в изменении теплоотдачи, а, следовательно, и смене степени и интенсивности нагрева воздуха над поверхностью. Последнее обстоятельство, в свою очередь, приводит к изменению (по отношению к предыдущему) характера движения масс воздуха над той же поверхностью и, соответственно, к новым изменениям рельефа (формы) местности. Таким образом, новая «форма» поверхности как бы **следует** за изменяющимся тепло-энерго-«содержанием» окружающей воздушной среды. Многократно повторяющиеся изменения такого рода на протяжении длительного времени приводят, в конечном итоге, к коренным качественным преобразованиям — к лавинообразному следованию формы за содержательными (в обиходе — тепловыми, энергетическими) изменениями, что и означает, в конце концов, качественный скачок и переход к новой кардинально измененной форме с новым объемом накопленного содержания. Результатом может быть совершенное разрушение прежней формы (ландшафта) и замена ее на новую или такое ее видоизменение, которое способствует еще более интенсивному дальнейшему следованию «формы» за тепло-энерго-«содержательными» изменениями (в обиходе —установлению все более гибкой и тесной обратной связи).

Усложним задачу. Взаимодействие с нагретым воздухом и солнечным излучением поверхностей разных водоемов (рек, озер, морей, океанов и пр.)

ведет к испарениям поверхностных слоев водного зеркала, которые, поднимаясь над землей, охлаждаются атмосферой и образуют облака водяного пара. Образование облачности само по себе является фактором существенного влияния на интенсивность нагрева местности солнечными лучами, что, в свою очередь, сказывается на характере перемещения воздушных масс над земной поверхностью. Но это еще не все. По мере подъема и охлаждения пары воды конденсируются и образовавшаяся влага, в конце концов, возвращается на землю в виде осадков (дождей, ливней, града, снега). Это обстоятельство вызывает изменение очертаний берегов, площадей водных поверхностей, глубины водоемов, скорости и объемов переноса водой грунта, появление новых водоемов, а, следовательно, и смену условий, характера, интенсивности последующего этапа испарения воды. Попеременное чередование (а точнее, «параллельно-последовательное» действие) режимов испарения воды и выпадения осадков приводит порой к существенным изменениям рельефа (формы) участков земной поверхности и смене климатических зон. Таким образом, «форма» постоянно как бы подтягивается к «содержанию» имеющих место изменений. Даже без учета влияния тектонической и вулканической активности, а также иных космических воздействий, кроме действия солнечных лучей, можно видеть, **как** описанное выше содержательно-форменное взаимодействие выражается в существенных видоизменениях «форм» (изменении участков местности, смещении климатических зон), следующих за тепло-энерго-«содержательными» наслоениями. С позиции описываемого подхода, к слову сказать, легче понимается и суть такого общеизвестного феномена, как круговорот воды в природе, изучаемого в младших классах начальной школы.

Теперь добавим еще один сопутствующий рассматриваемому процессу фактор. Известно, что образование облаков иногда сопровождается их поляризацией (т.е. накоплением в облаке электрических зарядов одного знака). При сближении и столкновении (соприкосновении) полярно заряженных облаков между собой или с землей возникают мощные электрические разряды (молнии), которые вызывают порой колоссальные изменения в окружающей среде и приводят к появлению новых форм. Таковое может произойти опять же по причине изменения рельефа местностей из-за пожаров или же вследствие образования качественно новых химических соединений элементов (из состава земной коры, воды, воздуха и пр.) под воздействием высокой температуры в месте электрического разряда. Возникшие соединения элементов, вобрав в себя новые содержательные изменения, сами способствуют накоплениям дальнейшего содержания в качественно новых формах. Вполне возможно, именно такие электрические разряды привели, по мнению ученых, к созданию условий для возникновения прототипов форм более подвижных, более гибких и приспособленных к поглощению и накоплению последующих изменений, т.е. «протоживых» форм и впоследствии — протоплазмы. Форма здесь неотступно следует за содержательными изменениями окружающего пространства, внося, в свою очередь, свой вклад в объем вызываемых этим движением содержательных накоплений. В конечном итоге это может приводить к коренным изменениям содержательного характера в виде катаклизмов и скачкообразного возникновения кардинально новых форм. При этом могут изменяться не только очертания (рельеф) прежних форм местности и климатические условия, но и появляться соединения элементов с измененными и прежде

невиданными химическими составами, которые, в свою очередь, могут стать причиной возникновения новых более гибких и подвижных содержательных структур и форм.

[Заметим, что приводимые тут примеры рассматриваются нами при допущении отсутствия каких бы то ни было элементов живой природы. Присутствие живых форм, несомненно, ускорило бы рассмотренные содержательно-форменные переходы, что и имеет место в реальности на сегодняшнем этапе развития.

Кроме того, приведенный здесь анализ основывается на рассмотрении лишь факторов, относящихся к разряду атмосферных явлений. Подобный же анализ можно провести и с рассмотрением последствий воздействия иных циклических факторов (таких, скажем, как землетрясения с вулканическими извержениями и волнами цунами, как вращение Земли вокруг оси и движение ее по солнечной орбите, как скачки солнечной активности, как столкновения Земли с небесными телами и пр.)].

Все природные циклические явления (к примеру, смена сезонов: весна — лето — осень — зима) — это не что иное, как спиралеобразное восхождение содержания реальности обновленными ее формами, т.е. проявление **такого же** завуалированного содержательно-форменного движения в направлении поглощения «развивающегося содержания» самим же «развивающимся содержанием».

Если же говорить о закономерностях, скажем, в сфере экономики и общественного развития, то учение Маркса о смене общественно-экономических формаций вследствие развития производительных сил и неизбежного вступления этих сил в конфронтацию (противоречие) с производственными отношениями (т.е. вследствие содержательного перерастания производительными силами форм или рамок производственных отношений) — есть не что иное, как описание проявления действия в конкретном виде (форме) и в конкретной области реальности той же самой общей тенденции или обобщенной абстрактной модели **@*.***

Опять же производственная и любая иная деятельность человека направлена на создание новых форм разных уровней в расчете на всесторонний и исчерпывающий охват ими и реализацию (в соответствии с формулировкой @) «уносящегося» вперед содержания в образе возникающих в сознании (и подсознании) человека потребностей, желаний, намерений, интересов, воли, устремлений, целей, схем, идей, теорий...

Миллиарды людей ежедневно, «ежемоментно» сознательно и неосознанно вовлечены в тот же единый всеобщий процесс содержательно-форменных трансформаций и участвуют в погоне **своими «формами» за своим же убегающим от них «содержанием»** в надежде и стремлении облечь это «содержание» в надлежащую и приличествующую текущему (или перспективному) моменту новую или обновленную (совершенную) «форму». И пусть двигаются эти люди (и механически, и физически, и «психофизиологически») в разных направлениях, совершают разные поступки, выполняют различные действия (лежа, сидя, стоя, на бегу, перемещаясь в автомобиле или самолете и т. п.), суть их стремления,

движения, существования **одна и та же —** укрощение своего неугомонного, непоседливого содержательного «Я» путем облачения его в соответственно новую и более пригодную для этого нового содержания форму (как в виде умозрительных схем и планов, так и в виде производственной деятельности и ее продуктов, а также в виде всевозможных внешних механических перемещений, в том числе и целенаправленных движений различных частей и органов человеческого тела).

Таким образом, производственная (практико-теоретическая) деятельность современного человека в совокупности с продуктами этой деятельности (в виде всевозможных *технологий* и *идеологий)* представляет собой не что иное, как усовершенствованные, развитые, комплексные *формы проявления той же единой изменяющейся реальности, обретающиеся на уровнях* ***повышенной содержательности*** и *пришедшие на смену* и как **продолжение** форм исходной (простой) трудовой и познавательной деятельности раннего человека в сочетании с ее примитивными первичными результатами.

Сформулированный *принцип саморазвития* внутренне естественно и органично присущ как нам (человеку), так и всему нашему окружению. *Лежащие в основе всех реальных процессов содержательно-форменные превращения унитарной направленности,* здесь описываемые, не только объясняют спирально-циклический характер этих процессов, но и позволяют прогнозировать их развитие.

Можно дополнительно привести великое множество примеров, интерпретирующих действие универсального *принципа саморазвития @* на разных уровнях содержательно-форменного движения реальности: этот внутренний принцип зажигает и гасит звезды, вращает Землю, перемещает по поверхности планеты массы грунта, воды и воздуха; он же «прячется» за внешним видом вихревых атмосферных и океанических течений и образований (хорошо различимых на метеоснимках из ближнего космоса), процессов вулканической природы, процессов образования и формирования планет, звезд, галактик, туманностей (на фотоснимках дальнего космоса в подавляющем большинстве случаев в глаза бросаются узоры из спиралевидных ветвей так называемого межзвездного и межгалактического вещества); этот же принцип стоит за превращениями химических элементов и соединений при смене или потере орбит валентными электронами на атомном и молекулярном уровнях; он же гоняет «по кругу» стада диких животных и стаи перелетных птиц; благодаря реализации этого принципа люди рождаются, живут, общаются между собой, воплощают в жизнь свои намерения и планы. Всюду визуально и умозрительно отмечается спирально-циклический характер реально протекающих процессов, за фасадом которого скрываются *содержательно-форменные переходы известной направленности.*

Мы (человечество), равно как и все наше окружение, охвачены и одновременно пронизаны этим принципом, составляем его суть и представляем его же в явлениях, находимся в его власти, ему подчинены и его же перманентно возобновляем и воспроизводим. И никакого *внешнего* акта творения и управления со стороны какого-нибудь «создателя» или «творца» для реализации этого *внутреннего* принципа не требуется. Мир относительно прост и единообразен **по сути** (по принципу организации, механизму или алгоритму движения и развития содержания), но бесконечно

сложен и многообразен в своих проявлениях **по форме —** вследствие естественного, невообразимого в деталях взаимозацепления, переплетения и врастания форм-уровней друг в друга при их взаимодействии.

Более того, в свете излагаемой здесь концепции, всеобщий и всеобъемлющий Абсолют в форме вечной, неизменной, законченной и совершенной абстракции *неосуществим в принципе,* поскольку все существующее, в конечном счете, это **процесс** *в гораздо большей мере,* чем какой-то зафиксированный раз и навсегда результат, чем какое-то законченное образование, чем какая-то совершенная «конструкция», чем какая-то «безгранично-беспредельная сущность» и т. д., и т. п. Вселенная, равно как и все ее отдельные элементы, *делаются, воссоздаются, воспроизводятся и возобновляются* еже- моментно, в режиме реального времени, видоизменяясь, существуя и сосуществуя в виде изменяющихся форм.

С оглядкой на сказанное, становится очевидным, каким образом следует относиться и к вопросу о познаваемости мира. Поскольку мир, Вселенная непрестанно и безостановочно «делаются», «воссоздаются наворачиванием», а не представляют собой этакий чемодан с книгами, то познание *делающегося,* ежемоментно *воспроизводящегося* мира — это тем более бесконечный и бесконечно увлекательный содержательный процесс. Как можно говорить о каком-то всецелом, полном и окончательном познании мира, если мир непрестанно «разворачивается» все новыми и новыми содержательными формами? В таком разрезе резоннее говорить о познаваемости и познании мира как о совершенствовании *возможностей по предвосхищению* такого «разворачивания» форм, возможностей по предугадыванию возникновения новых и тенденции изменения имеющихся форм, т.е. по прогнозированию грядущих событий и их последствий, говоря привычным обыденным языком. *Эффективное прогнозирование развития форм реальности — вот перспектива содержательного развития человечества.*

Изложенные выше представления о развитии непосредственным образом связаны и с вопросом разработки *методологии* исследования и познания окружающего мира. Речь идет о создании более или менее универсальной формы-алгоритма исследования развития любых объектов, процессов и явлений в разных областях реальности [1, с. 66; 20, с. 36]. Выявленные общие объективные закономерности развития служат одновременно и ***единым объединительным основанием для всех имеющихся в настоящее время наук и областей знания***.

Принцип саморазвития (самоорганизации), являющийся центральным ядром предлагаемой концепции развития, легко поддается математической формализации (путем приведения к рекуррентным зависимостям и организации итерационно-циклических вычислений по методу последовательных приближений), что позволяет надеяться на построение более совершенных и эффективных (чем имеющиеся в настоящем) прогностических моделей развития реальности (или в привычной терминологии — моделей окружающего мира). Можно предположить, что наиболее сложным и интересным моментом в ходе создания соответствующих математических моделей исследования спирально-циклического развития той или иной формы реальности, окажется, вероятнее всего, решение вопроса

всестороннего учета последствий *интерференции* (наложения, вмешательства и влияния) множества подобных же спиральных процессов развития всевозможных соседствующих и сопутствующих конкурирующих форм.

Отождествление процесса познания с процессом содержательного многоуровневого движения-развития реальности путем смены ее форм-уровней в направлении @ позволяет уверенно говорить о достижении некоторой осмысленности в осуществлении процесса познания самой реальности.

Как это можно заметить, здесь описаны в основном общие принципы организации и развития реальности (в том числе и процесса ее познания). Само собой разумеется, невозможно без участия профессионалов корректно адаптировать общие положения к многочисленным специфически-ориентированным областям знания. Эта часть работы по силам лишь «узким» специалистам. В то же время знакомство с общими принципами значительно облегчит любому специалисту разбирательство в существующем переплетении специфических форм-отношений разных уровней, образующих сферу его профессиональных интересов.

Концепция развития: основополагающий принцип. Послесловие.

В наши дни в научных кругах распространено довольно предвзятое и высокомерное отношение к *субъективному* и *идеальному.* А между тем, каким иным путем, если не в результате «конструирования» отдельными индивидами субъективно-абстрактных идеальных форм выстраивается *общезначимое* и *общепринятое* в ходе последовательных приближений к воспроизведению самого что ни на есть *объективного* (т.е. объективного содержания реальности)?

Не следует думать, что все вышеизложенное относится лишь к разряду упражнений в построении пустопорожних *идеальных* абстрактных конструкций. Наиболее концентрированно на сегодня суть даже самой *прагматичной* концепции (теории, учения и т. д.) может быть выражена только посредством *концептуальных* (понятийных) формулировок, т. е. посредством абстрактных **субъективно-идеальных форм.**

Область, среда и, наконец, *уровень идеального* — это то «пространство», в которое современный человек выкладывает все самое *значимое*, самое *содержательное,* чем он только и может на сегодня располагать. И цели, и методы, и схемы, и решения, и заключения, и модели, и образы, и картины, и планы, и программы, и идеи, и теории, и учения и т. д., и т. п. — это все из области *идеального* (являющегося так же всего лишь **формой очередного приближения** к наиболее полному выражению **объективного содержания** развивающейся реальности).

Еще один аргумент в пользу значимости *идеального* для человека состоит в том, что без идеи и, в более широком смысле, вне идеологии человек

попросту «оскотинивается», сводя свою жизнь к набиванию утробы и отправлению естественных надобностей, т. е. к «зацикленному» существованию на «приземленных» уровнях.

Именно с опорой на выстраиваемые ***содержательные идеальные*** конструкции речь здесь ведется не о чем ином, как о *перспективе развития человечества.* Во времена, когда за бесконечно-рутинной повседневной цикличностью человек не видит никакого смысла в жизни и в своем существовании, открывается возможность взглянуть на все это совершенно другими глазами. Каждый человек не просто способен, но обязан стать исследователем. В каждом из нас дремлет подсознательное стремление к тому, чтобы «изловчиться заглянуть за угол» (удовлетворяя свое врожденное любопытство), чтобы предугадывать наступление событий, чтобы прогнозировать и предвосхищать появление и развитие новых форм. Надо лишь активизировать это дремлющее природное стремление и придать ему новый импульс, т.е. сознательно вывести на новый уровень.

Описанный здесь подход призван нацелить человека не просто на познание некоего испокон веков существующего мира, а предрасполагает к осмысленному исследованию всего того, что «делается», что «воспроизводится» и «воссоздается» непосредственно здесь и сейчас — в режиме реального времени как в ближнем, так и дальнем нашем окружении.

На сегодняшний день существует миллион концепций мироустройства. Всяк строит собственную модель (картину) мира по-своему, исходя из знаний и опыта как своего, так и предшествующих поколений. Отсюда произрастают самые разные варианты миропонимания, ряд из которых оказывается в числе принятых общественным сознанием доминирующих моделей мироустройства. Будучи на самом деле **разными** *приближениями* к одному и тому же, многие из них поначалу, а иногда и весьма длительное время **кажутся** *равнозначными* — поди знай, какой из вариантов точнее соотносится с развивающейся реальностью... Но лишь до тех пор, пока не начинаются явные сбои и невосполнимые потери при принятии решений и осуществлении соответствующих действий в русле следования той или иной *общезначимой* модели. И только тогда, когда на передний план выдвигается проблема выживания человечества (или по крайней мере его части), во весь рост встает вопрос оценки **адекватности** существующего миропонимания, т. е. оценки **достаточности** *уровня (полноты)* **объективной содержательности (объективного содержания)** *идеальной модели,* «избранной» прежде в качестве путеводной звезды. **Неадекватное** *(малосодержательное)* мышление (со всеми его *малосодержательными неистинными* абстрактными субъективно-идеальными формами-моделями реальности), имеющее основанием в том числе и ложные предпосылки, и искренние заблуждения, рано или поздно рискует быть наказанным преждевременным прекращением существования и исчезновением самой формы человечества вследствие «растаскивания» на части, поглощения и ассимиляции этой формы более *содержательными* конкурентами. Принимая во внимание то обстоятельство, что не бывает двух и более одинаково содержательных и равнозначных «истин» или точек зрения относительно одного и того же предмета суждения или исследования (т.е. не существует *в принципе одинаковых* и *равновеликих приближений* к истине абсолютной), нужно отчетливо осознавать, что острота

вопроса оценки и выбора человеком наиболее содержательного (истинного) и наиболее адекватного варианта решения из двух и более таких вариантов не притупится и не утратится никогда. Между тем *неадекватность восприятия мира ведет человека к катастрофе* — хочется думать, что когда-нибудь эта мысль овладеет развивающимся человеческим сознанием и станет актуальным и привычным его содержанием. *В подобной связи трудно переоценить значение решений, принимаемых человеком (а также меру его ответственности) при выборе той или иной* ***идеальной*** *модели развития реальности.* Такая вот отнюдь *не безобидная* роль у всякого, казалось бы, малозначимого *субъективного идеального.*

Многое из вышеизложенного, как уже отмечалось, представлено в различных источниках научной и философской литературы по частям. Однако подобное *концентрированное* изложение отдельных взглядов и представлений в виде *цельной единой концепции* воспроизводится впервые — в этом может удостовериться каждый, кто привык систематически отслеживать научные и философские публикации указанной направленности.

Всевозрастающее число примеров интерпретации и подтверждения фактическим материалом сформулированных выше концептуальных положений дает основание считать, что представляемая здесь мировоззренческая концепция оказывается *на сегодня* наиболее *содержательной* и *адекватной.*

Концепция развития: основополагающий принцип. Литература.

1. Владлен В.К. Распознать очевидное. Нетривиальный взгляд на эволюцию [Текст]. — СПб.: Super Издательство, 2016. — 68 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук [Текст]. —Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. — 452 с.

3. Гухман А.А. Введение в теорию подобия [Текст]. — М.: Высш. шк., 1973. — 296 с.

4. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора [Текст]. — Л.: Наука, 1991. — 539 с.

5. Казначеев В.П. Феномен человека: космические и земные истоки [Текст]. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. — 126 с.

6. Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития [Текст]. — М.: КомКнига, 2006. — 152 с.

7. Красилов В.А. Нерешенные проблемы теории эволюции [Текст]. — Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. — 91 с.

8. Маркс К, Энгельс Ф. Немецкая идеология [Текст] / Собр. соч. — 2-е изд. —Т. 3. — М.: Издательство политической литературы, 1955.

9. Опарин А.И. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие [Текст]. — М.:

Наука, 1968. — 173 с.

10. Поннамперума С. Происхождение жизни [Текст]. — М.: Мир, 1977. — 175 с.

11. Шарден П.Т. Феномен человека [Текст]. — М.: Наука, 1987. — 240 с.

12. Философия науки. — Вып. 9: Эволюция творческого мышления [Текст]. — М.: ИФ РАН, 2003. — 309 с.

13. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.

14. Фокс С. Молекулярная эволюция и возникновение жизни [Текст] / С. Фокс, К. Дозе. — М.: Мир, 1975. — 374 с.

15. Френкель Я.П. На заре новой физики [Текст]. Сборник избранных научно-популярных работ. — Л.: Наука, 1970. — 384 с.

16. Эбепинг В. Физика процессов эволюции [Текст] / В. Эбелинг, А. Энгель, Р. Файстель. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 328 с.

17. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: статьи, рецензии, письма, эволюция физики [Текст]. — Т. IV — М.: Наука, 1967. — 599 с.

18. Koonin E.V. (2012). The Logic of Chance: The Nature and Origin of Biological Evolution. — Upper Saddle River, N.J: Pearson Education, Inc.; Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. — М.: Издательство Центрполиграф, 2014.

19. Видеотрейлер [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=V06B1mDMngI

20. Vladlen V.K. To Cognize the Obviousness. Non-trivial Outlook on Evolution. — Houston, TX 77065: Strategic Book Publishing and Rights Co., 2013. — 46 p.

Природа и смысл мировых констант. Аннотация.

Описание наиболее общих и многих специфических закономерностей развития окружающего мира редко обходится без присутствия так называемых мировых констант — универсальных величин, входящих в состав *формообразующих* такого описания (математических формул, математических зависимостей, математических выражений).

Великое множество печатных трудов посвящено этим величинам, и, несмотря на обилие исследований их замечательных свойств и характеристик, общепризнанным является обстоятельство, что до сих пор подлинная природа и действительный смысл фундаментальных мировых констант никому неведомы.

Настоящая работа снимает покров таинственности с весьма популярных и необыкновенных чисел **л**, **е** и **Ф**, разгадке тайны которых посвящаются многочисленные публикации в разных информационных источниках.

На примере этих трех наиболее древних и вездесущих чисел в статье показано, каким образом следует подходить к установлению природы и выявлению смысла подобного рода постоянных.

Работа может быть рекомендована вниманию исследователей в качестве исходного материала для изучения подоплеки и выяснения смысла всего спектра имеющихся фундаментальных констант, а также в качестве источника альтернативных взглядов на природу и сущность окружающего мира.

Природа и смысл мировых констант. Abstract.

The description of the most common and many specific laws of the development of the surrounding world is seldom managed without the presence of so-called world constants which are the universal values included in the formative means of such a description, i.e. in mathematical formulas, dependencies and expressions.

A great number of printed works are devoted to the constants, and despite the abundance of studies of their remarkable properties and characteristics, it is generally admitted that until now the true nature and real meaning of the fundamental world constants remain unknown to anyone.

This work removes the cover of mystery from the very popular and extraordinary numbers **л**, **e** and **Ф**, to solving of secrets of which the numerous publications in various information sources are devoted.

On the example of these three most ancient and omnipresent numbers, the article shows how to approach determination of the nature and the sense of such constants.

This article can be recommended to the attention of the researchers as a starting point for investigating the subject and elucidating the sense of the entire range of existent fundamental constants, and also as a source of alternative views on the nature and essence of the surrounding world.

Природа и смысл мировых констант. Вступление.

Известно множество версий относительно происхождения, назначения и роли фундаментальных мировых констант. Речь идет, прежде всего, о древнейшей константе «**л**» [2, 10, 11, 13, 17, 20, 22, 28, 34, 51, 52] — обозначении и численном значении отношения длины окружности к ее диаметру, а также о не менее фундаментальной и популярной (хотя и не столь давней, как первая) постоянной «***e***» [2, 8, 10, 11, 17, 20, 26, 29, 31, 43, 51, 53] — обозначении и численном значении основания натуральных логарифмов. В этой же связи не преминем напомнить и еще об одной выдающейся константе «**Ф**» [1, 2, 3, 7, 14, 19, 23, 25, 35, 39, 40, 47, 50, 51] — обозначении и численном значении так называемого золотого отношения, или золотого сечения, или золотой пропорции.

Необыкновенным и таинственным (чтобы не сказать — мистическим) числам **л** (пи), ***е*** и **Ф** (фи) посвящено великое множество печатных трудов. Особое внимание традиционно уделяется перечислению удивительных свойств этих безразмерных постоянных. И вместе с тем, несмотря на обилие исследований и описаний замечательных характеристик указанных чисел, общепризнанным является обстоятельство, что до сих пор природа и действительный смысл этих величин никому неведомы.

В отличие от миссии пополнения списка восторженных описаний чудесных свойств вышеперечисленных мировых постоянных скромная задача настоящей статьи состоит в том. чтобы показать источник их необыкновенных свойств, вскрыть и обнажить подлинную природу и суть этих величин.

Поставленную задачу будем решать, опираясь на *концепцию развития,* описанную в предыдущей статье этого же сборника, а также в работах [5, 21, 54].

При исследовании сущности упомянутых констант исходим из того, что реальность (окружающий нас мир, природа) всегда как минимум двусторонняя (двойственна). Любой объект, процесс, явление в наиболее общем абстрактном виде представляет собой отношение двух сторон-составляющих-компонентов: **{содержание/форма}**. Тогда всякая конкретная форма (подразумевающая под собой те же объект, процесс, явление) определяется соотношением указанных сторон-составляющих в каждом их конкретном отношении. Развитие же самих форм представляет собой изменение соотношений отмеченных составляющих в рамках их отношений. В такой связи становится очевидным, что формы, определяющиеся вышеупомянутыми соотношениями, могут быть как более, так и менее *содержательными* (в силу присутствия *разных долей* содержательного и форменного компонентов в их отношениях). Общая же тенденция развития и изменения форм (как показывает опыт человеческих наблюдений на протяжении человеческой же истории) такова, что по мере их (форм) развития имеет место *смещение* соотношения компонентов (в их отношениях) в сторону «числителя», т.е. в сторону *содержательного* компонента (имеется в виду принципиальная ориентация на общее движение-развитие форм в направлении приобретения *наивысшей содержательности*) [5, 21]. Такая установка-ориентация именуется *принципом саморазвития,* с формулировкой которого читатель может ознакомиться там же — в предыдущей статье настоящего сборника и в работах [5, 21, 54]. Означает эта формулировка примерно следующее: *все, что существует и развивается, имеет направлением своего развития и существования выражение (охват, поглощение, усвоение, ассимиляцию, постижение ...) собой существующим и развивающимся себя же существующего и развивающегося.* И подобная направленность или ориентация движения-развития присуща всем развивающимся формам без исключения.

В тексте статьи читатель не встретит ни одного формульного выражения для определения (подсчета) исследуемых нами величин, равно как не увидит и “жонглирования” числовыми их значениями, имеющими в настоящее время возможность быть воспроизводимыми с любой заданной наперед точностью. Демонстрация подобных эффектов не добавляет, к сожалению, ясности при намерении выяснить подлинные природу и смысл рассматриваемых констант:

ведь сколько раз не произноси слово “халва” – во рту слаще не станет. Для нас в данном случае наиболее важно вскрыть и проявить глубинную философию этих феноменов, т.е. выявить суть, смысл, подоплеку, природу и насущную необходимость использования человеком этих параметров (величин) в своей деятельности. Возможность же решения этой задачи определяется отнюдь не навыками владения ремеслом, а уровнем владения искусством “высшего пилотажа”, т.е. диалектикой.

Не отвлекаясь на описание удивительных свойств и характеристик рассматриваемых нами безразмерных постоянных (эти свойства с лихвой перечислены и описаны в литературных источниках по упомянутым в самом начале ссылкам и многих-многих других), остановимся на главном, по нашему мнению, вопросе: в чем же, собственно говоря, состояла и состоит для человека насущная потребность или необходимость введения этих чисел в обиход, в практику, в обращение? Иными словами, будем отвечать преимущественно на такой вопрос: какую главную для себя проблему пытался разрешить человек (пусть бессознательно, неосмысленно, интуитивно) путем введения в практический оборот этих чисел? При этом заметим, что, отвечая на эти простые вопросы, нам неминуемо придется отвечать и на более общий вопрос: какая фундаментальная закономерность развития приводит к необходимости изыскания и использования подобных постоянных?

В двух словах и пока весьма упрощенно ответ на эти вопросы будет выглядеть приблизительно так.

Когда человек чего-то не знает, не понимает или недопонимает (т.е. сталкивается с чем-то неизведанным, как в малом, так и большом), он всеми силами своими стремится выразить это неведомое через известное и познанное, — пусть, не столь гладко и основательно, не полностью, а с каким-то «довеском» не совсем обычного (скажем, через какие-то нетипичные или неизвестные — до поры, до времени — *комбинации* известных форм), но все-таки в основном через привычное и уже знакомое. А это означает, что в таких случаях человеком движет стремление — облечь новое развивающееся содержание (новое знание) в более или менее известную форму, придать этому новому содержанию (новому знанию) более или менее осмысленный уже и привычный вид. Поэтому, каким бы странным это ни выглядело, не только на первых порах, а и всегда в подобных случаях человеческое мышление решает главную для себя *философскую* проблему изыскания и облачения обновляющегося и накапливающегося *содержания* развивающейся реальности в более или менее (а в предельном выражении — в *наиболее* и *максимально*) отвечающую этому содержанию и одновременно «удобоваримую» для осмысления *форму.* В таком же разрезе исходная *внутренняя содержательная* человеческая активность или устремленность ищет воплощения или выражения через внешнее *форменное прагматичное* исполнение; причем *содержательная* сторона в этом тандеме (**отношении** *содержательного и форменного компонентов)* всегда оказывается ведущей и движущей стороной. Вероятно, для большинства из нас это утверждение пребывает в недостаточно проявленном пока и неосознанном до конца виде, но дело обстоит именно так!

Теперь перейдем к детальному разбирательству только что высказанного применительно к интересующим нас числовым константам.

Природа и смысл мировых констант. § 1. Начнем с числа «л» (пи).

Как известно еще со школьной скамьи, число «**л**» представляет собой отношение длины окружности к ее диаметру. Это наиболее отчетливо проявленное отношение двух сторон-составляющих реальности, для которой характерны в данном случае такие основные отношения ее свойств, как {кривизна/прямолинейность}, {непрерывность/дискретность}, {безграничность/ограниченность} и т. д. В каждом из отмеченных отношений присутствуют и взаимоувязаны две стороны-составляющие реальности. Однако, невзирая на теснейшую взаимосвязь, ни та, ни другая стороны не тождественны друг другу и представляют собой не подменяемые друг другом компоненты; причем в такой степени не подменяемые, что между этими сторонами-компонентами всегда пролегает природно-обусловленная граница раздела. Человеческое мышление сравнительно легко справляется с осознанием *форменной* стороны подобных отношений, т.е. «знаменателя», и много хуже обстоят дела с восприятием *содержательной* стороны — «числителя». Исходя из этого, с самых давних времен все, еще не понятое и непонятное, человек тривиальным образом стремится выразить через уже понятое и понятное. Приведенные выше отношения в этом смысле не исключение. В своих попытках выразить, постичь непонятные непрерывность и безграничность кривизны окружности через понятные ограниченность и дискретность ее прямолинейного диаметра, человек неминуемо приходит к искомому отношению, выражаемому и обозначаемому неким раз от разу примерно повторяющимся числовым значением (нареченным впоследствии константой «**л**»): довольно очевидным и незамысловатым путем ему удается непонятное *иррациональное* выразить через хорошо известное и достаточно изученное *рациональное.* Тем самым в образе числа «**л**» мы находим первую *результативную* попытку человека справиться с весьма серьезными трудностями, каковые обусловливаются объективным присутствием двух объективно друг другу противостоящих и невзаимозаменяемых сторон реальности [5, с. 55]. Это несомненные достижение и победа человека, но не без последующих разочарований.

Пожалуй, самый простой алгоритм (способ) нахождения (вычисления) константы «**л**» сводится к отысканию предела отношения периметров вписываемых в окружность и описываемых (вокруг нее) правильных многоугольников (при неограниченном увеличении числа сторон этих многоугольников) к диаметру этой окружности. Таким способом реализуется стремление к выражению наиболее *содержательного* соотношения между содержательным и форменным компонентами в их отношении **{длина окружности/диаметр окружности}**, косвенно определяющего, по сути дела, и соотношение между такими фундаментальными сторонами-компонентами реальности, как **{кривизна/прямолинейность}**, {непрерывность/дискретность}, {безграничность/ограниченность} и пр.

Прямая и окружность — две самые популярные линии на плоскости времен абсолютного лидерства геометрии среди всех нарождавшихся тогда наук. Между двумя замечательными линиями — окружностью и ее диаметром — заключено целое семейство вписываемых в окружность (и описываемых

вокруг нее) ломаных линий (многоугольников) с периметрами, легко вычисляемыми и сколь угодно близко приближающимися к длине окружности. Экскурс в историю показывает, каким незатейливым, но весьма трудоемким способом человек *рациональный* приближался к постижению *иррационального'.* Архимед, как известно. в своих вычислениях дошел до подсчета периметров вписанных в окружность и описанных 96-угольников [42, с. 43; 52]. И, несмотря на столь трудоемкую и кропотливую работу, выразить длину окружности *целиком* и *без остатка* через ее диаметр так и не удалось [18, с. 291; 24, с. 131; 51, с. 33—34]. Все последующие попытки новых времен только подтверждали неразрешимость этой задачи в *исчерпывающе* точном выражении. Сегодня интересующая нас константа вычислена уже с точностью до миллиардов значащих цифр после запятой [20], но в окончательном виде задача так и не решена. О чем это говорит? Да лишь о том, что в ходе такого рода исследований человек вплотную столкнулся с невыразимостью реальной (реально существующей) *иррациональности* простым *рациональным* путем, даже в случае заведомо ограниченного, так называемого плоского геометрического пространства. Наряду со свидетельством достигнутой победы, соответствующей какой-то маломальской возможности представить одно через другое, число «**π**» — это вместе с тем и показатель тщетности попыток добиться *окончательной* и *полной выраженности* объективной безграничности, непрерывности, кривизны через не менее объективную ограниченность, дискретность, прямолинейность.

Неистощимость и прогрессирующая результативность таких попыток, но в то же время и *принципиальная* недостижимость выражения всей полноты содержания в конечном виде и форме интерпретируются и обосновываются упомянутой выше формулировкой *принципа саморазвития,* который и оказывается подоплекой той самой (искомой) закономерности развития, приводящей к необходимости изыскания и использования данной постоянной.

В указанной связи смысл константы «**л**» видится в том, что она фиксирует некое *переходное* («пограничное») числовое соотношение между содержательной и форменной составляющими в отношении {«криволинейная» окружность/«прямолинейный» диаметр}. В данном случае человеческое мышление ухитрилось выразить весьма определенным образом — более или менее конкретным числом — соотношение между кривизной, безграничностью и непрерывностью (олицетворением которых является кривая линия окружности), с одной стороны, и прямолинейностью, ограниченностью и дискретностью (олицетворяемыми прямолинейным диаметром окружности), с другой стороны. И в данном же случае мы констатируем отнюдь не окончательную и исчерпывающую, но все-таки *результативную* попытку мышления перекинуть мост от реальности *рациональной* (с позиции традиционного человеческого мышления) к реальности в какой-то мере *иррациональной* (термин ***«иррациональный»*** употребляется здесь в значении чего-то, не до конца познанного, недостаточно исследованного и сравнительно более содержательного, не поддающегося осознанию в полной мере, а не в смысле чего-то мистического и потустороннего). В стремлении выразить *иррациональное* через *рациональное* (т.е. перекинуть «мостик» от одного к другому) и появляются замечательные отношения, подобные числу «**л**»***.*** По причине объективной

недостижимости полного и исчерпывающего выражения *иррационального* через *рациональное* (бесконечного через конечное, непрерывного через дискретное, неопределенного через определенное, абстрактного через конкретное и т. д.) подобные отношения выражаются и отображаются иррациональными числами (т.е. бесконечными непериодическими дробями). Сама иррациональность таких чисел-отношений (присущая рассматриваемым нами безразмерным мировым константам) всегда предполагает как бы длинный (бесконечный) «разбег» перед «прыжком» от *форменной* стороны-составляющей отношения к его более *содержательной* стороне-составляющей (например, от прямой линии или плоскости к окружности или сфере в случае определения числа «**π**»).

Так же. как и любое природное образование, человек и его мышление по меньшей мере двусторонни (двойственны), и потому противоречивы. В силу указанных особенностей даже такой мощный инструмент, как абстрактное человеческое мышление со свойственной ему громадной интенсивностью осуществления содержательно-форменных трансформаций, оказывается не в силах решать подобные задачи, ***двигаясь исключительно размеренно-постепенными шагами;*** только*скачком* в мышлении (т.е. *на уровне опосредованных человеческим мышлением форм-понятий и представлений о противоречивых компонентах реальности в их действительных отношениях взаимосвязи и взаимопереходов*) преодолевается барьер или граница раздела между противостоящими сторонами-компонентами реальности.

Хотим мы того или нет, но диалектика присутствует здесь и далее, что называется, в полный рост.

Из набора сведений о всевозможных исследованиях числа «**л**» известно. что имеется множество кривых разных порядков, каким-то образом соотносящихся с отрезками прямых, соединяющих концы этих кривых на плоскости, но лишь отношение длины окружности к ее диаметру является наиболее масштабным и «полнокровным» по величине (т.е. *наиболее содержательным*) из всех подобных отношений. *Наивысшая содержательность* отношения-формы, выражаемого и обозначаемого числом «**л**» (как отношения длины окружности к длине ее диаметра), обусловливается, в первую очередь, замечательным свойством «числителя» отношения, т.е. окружности; как утверждает математика, из всех замкнутых кривых заданной длины на плоскости окружность ограничивает область максимальной площади [2]. Из *выдающейся* содержательной полноты окружности и проистекает интуитивно-практический интерес человека к исчислению длины окружности посредством ее диаметра — в стремлении и надежде на отыскание простого приема для исчерпывающего выражения *иррациональной* кривизны через *рациональную* прямолинейность. Сохраним в памяти данное замечание о *наивысшей содержательности* этого чудесного соотношения двух рассматриваемых компонентов в их отношении.

Таким образом, из всех соотношений между компонентами реальности в общем отношении-форме {кривизна/прямолинейность} число «**л**» представляет такое особенное соотношение компонентов в их частном (и наиболее родственном с общим) отношении-форме {длина окружности / диаметр окружности}, которое отвечает *предельно возможному содержательному наполнению* (или *наивысшей содержательности*) этой

формы-отношения.

При этом иррациональность числа «**л**» свидетельствует о *принципиальной* невозможности установления в *исчерпывающем* виде окончательного числового соотношения между компонентами отношения-формы {длина окружности / диаметр окружности}, соответствующего максимально содержательному его наполнению, и тем самым о невозможности обретения *наивысшей содержательности* этой формой-отношением. *Невозможность исчерпывающего выражения наивысшей содержательности* указанной формой-отношением выясняется в ходе моделирования процесса обретения (достижения) этой *наивысшей содержательности* процедурой вычисления соотношений между периметрами вписанных в окружность (или описанных вокруг нее) многоугольников и диаметром этой окружности при неограниченном возрастании количества сторон многоугольников.

Результативно осуществленная попытка увязать две самостоятельные и невзаимозаменяемые стороны реальности оказывается впоследствии востребованной в плане использования найденного *компромиссного* числа «**л**» во всех других случаях, которые так или иначе требуют тиражирования подобных «пограничных» величин для адекватного описания более сложных реальных ситуаций. Тем самым число «**л**» относится к ряду замечательных и неординарных числовых соотношений благодаря еще и потребности в нем для последующего применения в составе формальных (формульных) выражений и зависимостей, описывающих развитие разнообразных (включая и компромиссные) реальных комплексных форм и процессов. Присутствие константы «**л**» в таких описаниях указывает на принадлежность описываемых с ее помощью форм и процессов к числу *оптимальных* (т.е. наделенных *повышенной содержательностью).* Примеры разноплановых задач, в решении которых число «**π**» участвует в качестве константы для описания разного рода *оптимальных* форм и процессов, можно найти, скажем, в таких печатных трудах [6, 10, 11, 16, 24, 27, 30, 32, 33, 38, 46, 48, 49].

Природа и смысл мировых констант. § 2. Переходим теперь к исследованию константы «Ф» (фи), ответственной за так называемое золотое отношение, или золотое сечение, или золотую пропорцию.

Главная особенность и правило построения золотой пропорции более или менее точно, на наш взгляд, переданы словами И. Кеплера, который называл эту пропорцию саму себя продолжающей: «Устроена она так, что два младших члена этой нескончаемой пропорции в сумме дают третий член, а любые два последних члена, если их сложить, дают следующий член, причем та же пропорция сохраняется до бесконечности» [15]. Этой цитатой описывается особый алгоритм составления целого из совокупности частей.

Продолжая отвечать на поставленный в начале статьи вопрос, — какая фундаментальная закономерность развития приводит к необходимости изыскания и использования подобной константы и отображаемого ею

золотого отношения, — констатируем, что и эта закономерность обусловливается упоминаемым выше *принципом саморазвития.*

В ходе реализации данного принципа универсальный внутренний механизм (алгоритм) создает все более «живые» (т.е. все более *содержательные*) уникальные природные формы-образования. Подчиняясь единому принципу исчерпывающего выражения всей целостности развивающегося содержания, природа последовательными приближениями решает задачу охвата, представления и постижения этой содержательной целостности совокупностью все новых и новых форм. В данном конкретном исследуемом нами случае роль содержательной и форменной сторон-составляющих в обобщенном абстрактном отношении {содержание/форма} исполняют компоненты **{целое/часть}**. Природа как определенного уровня внешнее оформление развивающейся реальности постоянно нащупывает наиболее оптимальный способ решения указанной задачи. Эмпирическим путем (путем реализации многочисленных приближений) продуцируются формы, которые наиболее соответствуют требованиям исчерпывающего в конечном итоге решения упомянутой задачи, т.е. *наиболее содержательные* формы. Формы-отношения, воспроизведенные на базе золотого соотношения между компонентами этих отношений, стоят в ряду таких *наиболее содержательных* для своих уровней форм. Развивающаяся реальность способна ***посредством человеческого мышления****, как очередного звена-формы в цепи форм ее содержательного развития,* фиксировать и оценивать степень содержательности своих же (как уже существующих, так и вновь образующихся) звеньев-форм при стремлении последних к обладанию *наивысшей содержательностью* на своих уровнях. Чем характерна *повышенная* (а в предельном случае — *наивысшая) содержательность* и в чем она выражается применительно к наделенным ею формам-отношениям? На уровне человеческого сознания упомянутая *содержательность* соотношения, отображаемого числом «**Ф**», и эффективность избранного пути оценивается и подтверждается максимальной плотностью «освоения» (т.е. «наилучшим освоением») свободного пространства отдельными формами [2, 15], а также в силу этого обстоятельства установлением присутствия указанного соотношения в целом ряде природных образований-форм-отношений [1, 3, 14, 19, 23, 25, 40, 50, 51].

Как и в случае с отложенным в памяти (см. ранее) замечанием о *наивысшей содержательности* обозначаемого числом «**л**» соотношения. применительно к числу «**Ф**» речь так же ведется о формах с соотношениями (между компонентами {целое/часть} в их отношении), отвечающими выражению *повышенной содержательности*. Золотое отношение-форма отличается от других отношений-форм таким соотношением содержательного и форменного компонентов, которое обеспечивает *максимальное наполнение содержанием* этой формы-отношения на данном (том или ином) этапе-уровне ее развития.

Подобное замечательное соотношение фиксируется некоторым числом «**Ф**» в ряду всех прочих числовых значений, соответствующих всем прочим соотношениям в рамках рассматриваемого отношения. И дело, пожалуй, даже не в каком-то конкретном числовом значении этого соотношения, а в том. что такое замечательное соотношение существует *в принципе* среди множества соотношений и соответствующих им числовых значений. Особое соотношение

содержательного и форменного компонентов, обеспечивающее *максимальную содержательность* золотых форм-отношений, наделяет эти формы повышенной устойчивостью и жизнеспособностью. Для выражения прочих преимуществ таких выдающихся форм-отношений, а фактически для оценки степени или меры их *внутренней содержательности* человек придумал и использует в обиходе великое множество всевозможных эпитетов и определений (непосредственно увязанных в том числе и с проявляющимся на уровне внешних человеческих эмоций эстетическим началом), таких, например, как: божественная красота, совершенство формы, идеальность, исключительность, уникальность, гармония, оптимальность, особенное свойство, высокое качество, «радует глаз» и много-много других. Повышенная (максимально достижимая или наивысшая для своего уровня и этапа развития) *внутренняя содержательность* подобных форм-отношений, выражающаяся набором их замечательных *внешних характеристик и свойств,* связывается с присутствием, как уже отмечалось, вышеупомянутого конкретного числового соотношения в целом ряде известных человеку неживых и живых форм. Подтверждение этому можно найти в многочисленных литературных источниках (см. ссылки выше и ниже), уделяющих избыточное внимание описанию чудесных свойств золотого сечения. Приходя к такого рода оптимальным соотношениям в ряде некоторых форм, природа из года в год продолжает спирально-циклическими движениями «шлифовать» свои творения, добиваясь результатов, еще более поразительных и еще более приближенных к выражению *наивысшей содержательности.* Таким путем сама развивающаяся реальность через сонм своих видоизменяющихся и вновь возникающих форм в русле алгоритма (формулировки) *принципа саморазвития* ***периодическими*** возвратно-поступательными движениями «уточняет» значение этого соотношения в отношении {целое/часть}.

Между тем человеческое умиление, обожествление и превознесение известных свойств представляют собой реакцию человека лишь на *внешние* признаки проявления *внутренней* содержательной наполненности таких особенных форм и оставляют без должного внимания саму эту внутреннюю содержательность. Не будучи искушенным в подобных вопросах, человек склонен абсолютизировать и мистифицировать все то, что выше его понимания, принимая поверхностное явление за сокровенную суть. И золотое сечение как *внешнее* проявление повышенной *внутренней* содержательности определенных форм не является в данном случае исключением.

Итак, в чем же на самом деле состоит божественность форм-отношений, воспроизводимых по алгоритму золотой пропорции? Да только в том, что именно такое соотношение, такая пропорция части и целого обеспечивает *максимально возможное содержательное наполнение* той или иной формы на определенном этапе ее развития, т.е. на этом определенном отрезке своего пути данная форма *наиболее содержательна* (выделяется из прочих форм *повышенной* своей *содержательностью).* Потеря или утрата формой части своей повышенной внутренней содержательности на другом участке (этапе) своего пути, неизбежно приводит и к изменению (или исчезновению) соответствующих внешних признаков этой формы.

Как и в случае с числом «**л**», установление очередного замечательного

соотношения «**Ф**» между содержательным и форменным компонентами в их отношении, безусловно, еще одна победа человека *рационального.* Об особых отношениях целого и части человек задумывался с незапамятных времен. Древнегреческие философы (начиная с Платона) полагали, что целое не сводится к простой сумме его частей. Но все важнейшие предположения и догадки в этой связи и по сию пору пребывают в разряде теоретических (чтобы не сказать схоластических) и не имеют ни статуса признанного знания, ни практического применения. Официальные энциклопедические издания также ограничиваются весьма скупыми и туманными высказываниями на сей счет [45, с. 768; 37, с. 1500].

Целое — это не простая сумма (или совокупность) его частей, а плюс еще *нечто*, получающееся в результате взаимодействия частей между собой и частей с целым. **Когда целое прирастает частями в таком соотношении с целым, как предписывается алгоритмом золотого деления, тогда образующееся целое** (под которым подразумеваются как вновь возникающие, так и видоизменяющиеся формы-отношения) **обретает максимальное содержательное наполнение. Таким образом, число «Ф» есть довольно конкретное количественное соотношение между целым и частью в некоторых отношениях-формах, отвечающее максимально возможному содержательному наполнению этих форм-отношений в ходе прироста их частями в упомянутых количественных соотношениях с целым на каких-то определенных этапах-уровнях развития этих форм-отношений.** Именно это соотношение (эта пропорция) целого и части отвечает *наивысшей содержательности* целого, прирастающего частью в указанном соотношении.

Описанная Кеплером закономерность построения золотой пропорции удивительным образом напоминает последовательность чисел Фибоначчи. Удивительным, однако, только на первый взгляд. Абстрактная и, казалось бы, не связанная с практическим применением числовая последовательность Фибоначчи есть не что иное, как ***модель*** *оптимального,* наиболее *содержательного* прироста целого частями, т.е. модель видоизменения существующих и образования новых форм *повышенной* (при стремлении к наивысшей) *содержательности.* [*Попутное замечание*. Математика избыточно полна сюрпризов, считающихся иногда продуктами бесплодной игры блестящего ума, но имеющих, однако, прямое отношение к предметной реальности, хотя и не всегда очевидное. Все дело в превышении, говоря упрощенно, интенсивности содержательно-форменных трансформаций на уровне человеческого мышления над аналогичной интенсивностью на уровне предметно-практической активности человека, вследствие чего многие *содержательные* наработки «чистого» разума пылятся на полках, смиренно дожидаясь «привязки» и востребования на уровне *форменного* практического воплощения].

Особо следует отметить, что под термином «золотое сечение» и его числовым значением прячется пограничное соотношение между компонентами целого и части с его (соотношения) пределом, угадывающимся в перспективе бесконечного роста совокупности составных частей в целом, моделируемого (речь идет о росте) восходящей последовательностью чисел Фибоначчи.

Анализ тенденции изменения значений отношений соседних членов

последовательности Фибоначчи, лежащий в основе поиска наиболее содержательного соотношения между целым и совокупностью составляющих его частей в конкретных формах-отношениях, выстроенных по типу золотого сечения, свидетельствует о том. что увеличение числа включенных в целое частей приводит к уточнению такого соотношения и все большей его оптимизации, но получение *исчерпывающе точного числового значения,* отвечающего наиболее оптимальному соотношению, даже при сколь угодно большом (неограниченном) росте количества частей в составе целого (как и при пропорциональном увеличении геометрических размеров целого и частей), ни практически, ни теоретически невозможно. Иными словами, содержательно исполненное целое *неисчислимо* (не поддается исчислению) и *невыразимо целиком* и *без остатка* никаким числом ограниченных частей и их совокупностью; при безграничном возрастании числа входящих в целое частей, моделируемом восходящей последовательностью Фибоначчи, отношение соседних членов последовательности сколь угодно близко приближается к некоему пределу, но никогда его не достигает. Только таким *незавершенным* путем и *приближенным* образом выражается (и может быть выражена) *содержательная полнота неисчислимого целого через бесконечную череду исчисляемых совокупностей его частей.*

Тем самым анализ *в указанной связи* нескончаемой последовательности чисел Фибоначчи позволяет прийти к важному выводу о принципиальной недостижимости *исчерпывающего* выражения содержания *целого* никакой форменной *совокупностью* его *частей,* даже при неограниченном увеличении количества частей в совокупности.

Продолжая исследование данной модели (т.е. анализируя изменчивость значений отношений соседних чисел последовательности Фибоначчи), можно усмотреть и присутствие здесь некоторого *подобия* развивающихся на разных уровнях *форм* с разными объемами содержательности (при варьировании числа частей или их размеров в составе этих разноуровневых форм), но *повторение* (т.е. равенство или тождество) *форм,* относящихся к *разным* уровням с *разными* объемами содержательности, *неосуществимо* и *невозможно принципиально!* Об этом опять-таки свидетельствует бесконечная *незавершенность* и *недостижимость* (при вычислении) *исчерпывающе* точного соотношения, обозначаемого иррациональным числом «**Ф**», наблюдаемая (речь идет о незавершенности и недостижимости) при исследовании характера изменения значений отношений соседних членов возрастающей последовательности Фибоначчи.

Золотая пропорция, или особое соотношение целого и части, обозначаемое числом «**Ф**», является индикатором *повышенной содержательности* форм-отношений определенного типа, проявляющейся через оптимальность свойств-характеристик и через эстетическое совершенство этих форм. Иррациональность же данного числа свидетельствует как о недостижимости *исчерпывающего* выражения *наивысшей содержательности* формами таких пропорций, так и о возможности неограниченного приближения к ее *исчерпывающему* выражению. Наступление события *исчерпывающей выраженности наивысшей содержательности* формой золотого отношения означало бы, что, *начиная с некоторого шага* реализации алгоритма вычисления константы «**Ф**», соотношение целого и части (золотой пропорции)

оставалось бы *неизменным,* т.е. ограниченным каким-то количеством знаков (*любым* их количеством, но непременно *ограниченным*), и потому *неизменным.* Однако бесконечность и непериодичность дробной части (т.е. иррациональность) числа, отображающего это соотношение (как и в случае с числом «**п**»), говорит об обратном.

Как и в случае с числом «**л**», бесконечность и непериодичность дробной части (иррациональность) числа «**Ф**» означает тот *барьер,* который отделяет две несовместимые *в точности* и невзаимозаменяемые стороны-составляющие одного и того же отношения {содержание/форма}. Как и в случае с тем же «**л**», опять-таки отмечаем бесконечный «разбег» или нескончаемый *переход* от одного компонента реальности к другому (из одной области реальности — в другую) в их отношении. Если случай с числом «**л**» говорит о невозможности всецелого выражения безграничной непрерывности и кривизны ограниченной дискретностью и прямолинейностью, то случай с числом «**Ф**» свидетельствует о *принципиальной* невыразимости *исчерпывающим* образом содержательного целого (опять же неисчислимого и непрерывного) посредством совокупности форменно ограниченных частей (т.е. посредством исчисляемого и дискретного). Несмотря на нераздельность и взаимосвязанность содержательной и форменной сторон-составляющих в известных отношениях «**л**» и «**Ф**», *барьер* между содержательным и форменным компонентами (в обоих отношениях) существен настолько, что не может быть преодолен никакими *последовательными* или *постепенно-размеренными шагами-приближениями,* сколь долго бы эти шаги-приближения не осуществлялись. Даже человеческое мышление с его огромным потенциалом не способно *размеренной постепенностью* преодолеть этот барьер; преодолевается он исключительно *скачком.* Однако последний всегда таит в себе нечто недопонятое и недосказанное. Отчасти и по этой причине природу и смысл фундаментальных мировых констант до сих пор никто толком не может объяснить.

Таким образом, число «**Ф**» есть такое особенное количественное соотношение между компонентами в отношении-форме {целое/часть}, которое отвечает *предельно возможному содержательному наполнению* (или *наивысшей содержательности*) этой формы-отношения.

При этом иррациональность числа «**Ф**» свидетельствует о *принципиальной* невозможности установления в *исчерпывающем* виде окончательного числового соотношения между компонентами отношения-формы {целое/часть}, соответствующего максимально содержательному его наполнению, и тем самым о *невозможности* обретения *наивысшей содержательности* этой формой-отношением.

Невозможность исчерпывающего выражения наивысшей содержательности указанной формой-отношением выясняется в ходе моделирования процесса обретения (достижения) этой *наивысшей содержательности* процедурой вычисления соотношений соседних членов бесконечно-возрастающей последовательности Фибоначчи.

Несомненно, число «**Ф**», фиксирующее определенное соотношение компонентов (сторон-составляющих) в некоторых конкретных формах-отношениях, связывается с некой *оптимальностью* этих конкретных форм-

отношений, обусловленной таким вот замечательного вида реализованным в них соотношением компонентов. При этом нельзя не видеть, что *внутренняя содержательная* наполненность этих форм первична, а оптимальность и прочие внешние качества-характеристики таких форм производны и вторичны; на практике же все как раз наоборот — форменная сторона принимается за исходную, и уж потом через нее пытаются выражать *рациональность* и *иррациональность* всех внутренних связей и отношений.

Повышенная внутренняя содержательность форм-отношений, отмеченная золотым соотношением их компонентов, задает наиболее *оптимальную интенсивность развития* таких форм, обеспечивающую их продолжительное и продуктивное содержательное существование на каких-то этапах. Однако подобный сценарий может быть верен и реализуем лишь на определенных участках развития тех или иных форм; при изменении условий и обстоятельств (т.е. в ходе непременного дальнейшего всеобщего развития) те или иные носители золотых пропорций могут терять свой чудодейственный потенциал. По этой причине весьма опрометчиво увлекаться *излишней абсолютизацией* особых соотношений компонентов и соответствующих им форм-отношений, предрекая таким формам главные роли на все времена. Реальные формы бывают разные и всевозможные, и потому весь спектр развивающихся форм-отношений отнюдь не исчерпывается одним (тем или иным) конкретным соотношением их компонентов. На данном этапе развития именно такое соотношение составляющих-сторон внутри некоторых форм-отношений является и выглядит наиболее оптимальным, устойчивым и целесообразным; на другом этапе при иных условиях и обстоятельствах это соотношение может вынужденно преобразиться (подобно тому, как на протяжении столетий меняются симпатии к пропорциям и красоте, скажем, женской фигуры). Поэтому пытаться сводить все формы-отношения к золотому отношению, т.е. абсолютизировать, фетишизировать, мистифицировать это отношение и распространять известный миф (о сквозном присутствии этого соотношения) поголовно на весь сонм уникальных развивающихся форм, — абсурдно. Более того, в указанной связи главная задача человека и его мышления — это *научаться предугадывать* и *предвосхищать* появление новых соотношений (в том числе и *оптимальных*, т.е. отличающихся *повышенной содержательностью*) содержательной и форменной сторон-составляющих в их отношениях-формах *на новых этапах развития,* **что,** собственно, и будет определять дальнейший прогресс человечества.

Вообще всякие утверждения по поводу «финального» обнаружения самой окончательной и совершенной из форм (будь то золотое сечение, или какая-то «универсальная» математическая формула, или какие-то «сверх» технологии) противоречат самому духу развития, который, несмотря ни на какие «абсолюты», *взламывает* и *преодолевает* своей содержательной стороной любую форму, пытающуюся раз и навсегда зафиксировать в себе и собой любое содержательное движение-развитие; от определенности -— через неопределенность --— к новой определенности, — вот наиболее общий вид цепочки осуществляющегося развития. При этом элементы неопределенности и непредсказуемости хода развития были, есть и будут всегда — в соответствии с формулировкой *принципа саморазвития* (возвращения к себе самому, но всякий раз к себе измененному, обогащенному и развитому).

Данный контекст предполагает естественным представление о том. что *момент неопределенности* — это также объективный и неотъемлемый элемент всякого развития.

Примеры описания *оптимального* вида всевозможных форм и процессов, построение, образование или развитие которых подчиняется закономерностям золотой пропорции, можно найти в таких печатных трудах: [2, 14, 15, 19, 25, 40, 50].

Природа и смысл мировых констант. § 3. С разбирательством по существу числа «е» дело обстоит еще сложнее.

В научной и учебной литературе постоянная **е** идентифицируется как основание натуральных логарифмов, что отнюдь не привносит какой-либо дополнительной ясности в нашем случае. Константа **е** не связана очевидным образом с простыми геометрическими отношениями подобно рассмотренным выше постоянным **л** (пи) и **Ф** (фи). Если число **л** служит по большей части для описания весьма статичных форм-отношений, число **Ф** — для описания переходных форм, *готовых* к динамическому развитию, то число **е** присутствует в описании самых что ни на есть динамично развивающихся форм-отношений-процессов-систем, компонентами которых оказываются, в первую очередь, такие стороны-составляющие реальности, как: {движение/покой}, {время/пространство}, {энергия/масса}, {кинетическая энергия/потенциальная энергия}, {температура/давление} и т. д.

Как считают авторы современных публикаций: «Если **л** отвечает за пространство, то **е —** за время и тоже проявляет себя почти всюду» [20]. Иными словами, **е** *отвечает* не за статику, а за динамику, за процесс, за изменяющиеся и прогрессирующие формы (а не за формы большей частью предметные и статичные).

Исходя из этого, следует ожидать, что обозначаемые числом **е** взаимосвязь и соотношение компонентов в их отношении, сложнее и содержательнее, чем в отношениях **л** и **Ф**, поскольку применительно к константе **е** речь идет о компонентах другого «этажа» реальности, другого уровня содержательности, нежели те уровни, которые занимают компоненты отношений **л** и **Ф**. Соответственно этому, числовое значение **е** фиксирует *иное*, нежели **л** и **Ф**, «пограничное» и *переходное* соотношение между упомянутыми компонентами в их отношениях.

Кроме того, с позиции наших представлений о развитии реальности (т.е. с позиции *концепции развития*) вышеперечисленный набор отношений ({движение/покой}, {время/пространство}, {энергия/масса}, {кинетическая энергия/потенциальная энергия}) входит в «обойму» или «сферу влияния» такого обобщенного отношения, как **{изменение/основа}**. На этом основании дальнейшие исследования существа константы **е** будем вести в контексте именно этого наиболее информативного для нас исходного отношения.

Отношение {изменение/основа} — это совсем другой «класс», другой уровень форм-отношений, нежели разобранные нами ранее (при рассмотрении констант **л** и **Ф**) отношения {кривизна/прямолинейность} и {целое/часть}. Форма-отношение {изменение/основа} отлична от двух последних форм-отношений более выраженной динамичностью, подвижностью, живостью, изменчивостью.

Но все это, по-прежнему, мало чего проясняет; ведь ковер-самолет по описанию может быть и квадратным, и персидским, и принимать участие в воздушных парадах, но главное (в створе нашего настроя на выявление неброской сути) было бы все-таки уяснение того — ***что*** делает его самолетом.

Поэтому опять-таки, как в случаях с числами **л** и **Ф**. обратимся к наиболее емким определениям и толкованиям константы **е,** а также к истории ее появления и происхождения.

Исходный и самый действенный, на наш взгляд, толчок или ключ к уразумению смысла числа **е** предоставляет классическое его *определение* [8, с. 231; 26, с. 354]. Скрупулезно рассматривая это определение числа **е** с позиции упомянутой уже не один раз *концепции развития,* можно обнаружить, что под собственно *определением* данного числа кроется своеобразный алгоритм реализации наиболее *эффективного* способа накопления и усвоения прирастающего *содержания* какой-либо *формой,* развивающейся в направлении обретения *наивысшей* (максимально достижимой) *содержательности!* И опять речь идет о некой *содержательности,* которая *так же* служила для нас ключевым моментом в ходе выявления сущности констант **л** и **Ф**. Реализующаяся по такому алгоритму форма представляет собой *оптимальное* образование благодаря вытекающему из данного определения *способу присвоения максимально возможного объема содержания,* прирастающего на основе весьма *ограниченного* исходного содержательного объема самой формы и за весьма определенный *конечный* промежуток времени.

На чем основано это утверждение? На сопоставлении хрестоматийного *определения* константы **е** со способом подсчета сложного банковского процента, начисляемого на некоторую сумму первоначального денежного вклада в течение определенного временного интервала [31]. Собственно говоря, история происхождения числа **е,** как отмечается во многих литературных источниках, связана именно с изысканием максимального предела возрастания денежного вклада, прирастающего по отношению к первоначальной его сумме в условиях бесконечно сокращающихся промежутков времени между моментами начисления процентов на последовательно прирастающую в те же самые моменты сумму этого вклада. Только, в отличие от истории с происхождением числа **е,** в случае исследования *определения* этого числа с *позиции* упомянутой *концепции развития* под суммой вклада и банковским процентом подразумеваются некая форма исходного содержания (основа) и «наворачивающееся» на основу некое абстрактное содержание (изменение), прирастающее к основе по алгоритму, соответствующему вышеупомянутому способу начисления банковского процента.

Согласно используемому для подсчета **е** алгоритму, предусматривающему все

более частые (учащающиеся) процентные начисления на соответственно прирастающую сумму вклада, с такой же возрастающей частотой прирастает и сама сумма вклада; похожий алгоритм реализуется, как мы уже установили, и при вычислении все более точного значения константы **Ф** посредством бесконечной последовательности чисел Фибоначчи. Только в отличие от форм, статичные пропорции которых определяются мерками числа **Ф,** формы, образующиеся по лекалам числа **e,** строятся динамическим путем, с участием *пошагово* изменяющегося компонента времени, в силу чего и в этом последнем случае накапливающееся содержание не удается выразить формой *всецело,* — состояние содержательного «насыщения» не достигается (не наступает) *принципиально,* поскольку всегда есть, всегда присутствует «позаформенная» утечка содержания, несмотря на процесс последовательного разрастания, совершенствования и повышения степени «всеобъемлемости» формы представления этого содержания. Отсюда, даже в режиме стремительно развивающегося динамического наслоения содержания (изменения), предопределяемом (речь идет о режиме) указанным алгоритмом вычисления числа **e,** и даже при ограниченном содержании изолированной исходной формы (основы), невозможно *в пределе* (полностью и без остатка) охватить, поглотить и присвоить *исчерпывающе* все прирастающее содержание какой бы то ни было окончательной формой! Тут мы опять (как и в случае с числом **Ф**) сталкиваемся с *принципиально* недостижимым *пределом* накопления и выражения какой бы то ни было *совершенной* формой ***исчерпывающе*** всего неуклонно прирастающего (в ходе развития этой формы) содержания.

Нужно сказать, что математики, описывая **e** как замечательный предел некоторого функционального отношения, не связывают алгоритм или процедуру вычисления значения этого отношения ни с каким из физических процессов [2]; иными словами, для математического склада ума рассмотрение и решение задачи в наиболее общей абстрактной постановке является делом естественным и привычным.

В разбираемом нами случае использования алгоритма вычисления числа **e** для подсчета содержательных накоплений (изменений) исходя из первоначального ограниченного содержательного объема (основы), «знаменатель» (т.е. основа) приведенного ранее отношения {изменение/основа}, как и «числитель» (изменение), непосредственно участвует в содержательных приращениях и накоплениях: изменения не происходят на пустом месте, а всегда «цепляются» за основу (за исходный вклад, за какой-то начальный капитал или взнос) и это касается не только развития специфических форм-отношений в области экономики и финансов, а и развития каких угодно форм и в каких угодно сферах. Подобная точка зрения на соотношение (взаимосвязь) указанных компонентов в упомянутом отношении считается самой собой разумеющейся (разве можно отделить собственно изменение в «чистом» виде от того, ***что*** изменяется?), — см., например, о связи изменения и устойчивости свойств, структуры и законов существования тел [44, с. 161]. Поскольку числитель отношения («изменение») не существен сам по себе (вне «основы»), то под «изменением» числителя следует понимать «содержательно изменяющуюся основу» (или «основу, прирастающую содержанием»). Под «основой» же знаменателя понимается «основа исходного содержания». Так вот, анализ данного

алгоритма показывает, что максимальная сумма прироста содержания изменяющейся основы, т.е. «числителя» отношения, по сравнению с содержанием исходной основы, т.е. «знаменателем» отношения, в условиях реализации такого особенного алгоритма (специфического способа прироста содержания) не может выйти за пределы превышения содержательной первоосновы в **е** (как некоторого определенного числа) раз.

Разберем теперь, чем же отличается этот специфический алгоритм подсчета сложного банковского процента (т.е. *содержательных* приращений и накоплений в контексте нашей *концепции развития),* совпадающий по виду с алгоритмом вычисления константы **е,** от прочих алгоритмов банковских начислений.

Согласно механизму реализации данного алгоритма, **максимальный прирост содержанием некой формы ограниченного исходного содержательного объема в течение конечного интервала времени достигается при условии, что всякая бесконечно малая часть содержательного объема данной формы обеспечивает прирост прирастающего к этой части объема, пропорциональный прирастающему к этой части объему** (этой несколько витиеватой фразой здесь всего лишь словесно или ***вербально*** передана суть известного математического выражения для вычисления константы **е** [8, с. 231; 26, с. 354], и не более того!). Иными словами, благодаря такому способу накопления, каждая частичка, каждый мельчайший (бесконечно малый) элемент (поначалу исходной, а затем «послойно» прирастающей формы) полномасштабно участвует в общем, едином процессе накопления и усвоения (ассимиляции) внешним образом прибывающего содержания. И при всем при этом указанное прибывающее содержание (изменение) не может превысить исходный содержательный объем формы (основу) более чем в **е** раз.

Таким образом, число **е** располагается на границе размежевания двух компонентов в отношении {изменение/основа} и связывает их воедино определенной зависимостью, обусловливающей изменение (накопление) содержания, прирастающего к основе (т.е. «налипающего» или «наворачивающегося» на начальный, заведомо ограниченный объем основы) в суммарном исчислении, не превышающем объем первоосновы более чем в **е** раз.

Как это теперь можно видеть, алгоритм подсчета **е** напоминает формулировку *принципа саморазвития.* И в том. и в другом случаях присутствует динамика развития формы во времени и пространстве. Разница состоит лишь в том. что первый вариант описывает *частный случай* развития формы исходно *ограниченного* содержательного объема (первоначального капитала, определенной суммы денежного вклада в банке, какого-то процесса в изолированном пространственном объеме и т. д.) на протяжении конкретного *конечного* временного интервала; второй же, обобщенный вариант применим к описанию развития любых форм (включая открытые развивающиеся системы, равно как и совокупности систем в целом) без каких-либо пространственно-временных ограничений.

Условия реализации такого особенного алгоритма (отвечающего вышеотмеченному частному случаю) предполагают наличие явных

ограничений как содержательного, так и форменного плана; налицо ограниченность, как по времени начисления процента, так и по объему исходного вклада (т.е. ограничения пространственно-временного характера). Но наряду с этим все преимущества такого обособленного процесса демонстрируются также в полную силу.

Будучи частным случаем общего *принципа саморазвития,* алгоритм подсчета числа **e** (схожий по виду с процессом «наворачивания» содержания, описываемым формулировкой *принципа саморазвития)* позволяет отдельным формам в специфических условиях *активности* их *ограниченной* содержательной первоосновы в течение *конечного* времени накопить максимально возможное содержание в силу того обстоятельства, что *каждая малая частичка, каждый мельчайший элемент этих отдельных форм прямым и полноценным образом участвует в процессе содержательного накопления.*

Таким образом, число **e,** а точнее алгоритм его получения (вычисления, подсчета), представляет собой описание наиоптимальнейшего способа (процедуры) усвоения и накопления какой-либо конкретной отдельной (обособленной) формой максимального объема прибывающего извне содержания.

Если в разрезе сказанного представить себе, что развивающаяся реальность (т.е. весь окружающий нас мир) как всеобщая форма единого комплексного процесса (не имеющая ограничений ни форменного, ни содержательного характера, т.е. не ограниченная ни в пространстве, ни во времени) была бы составлена («сплетена») из таких максимально эффективных (оптимальных) *малых* «**e**-форм», то эта единая всеобщая *большая* комплексная форма и характеризовалась бы *наивысшей содержательностью.* Однако «суровая» действительность вносит свои коррективы в виде *вмешательства* и *интерференции* форм в «судьбы» друг друга. «Нетипичность» подобных «**e**-форм» обусловливается тем обстоятельством, что данная форма строится на основе исходной формы, содержательно ограниченной и весьма изолированной от взаимодействия с другими формами; подобный алгоритм развития не состоятелен в применении к имеющим несравненно большее распространение открытым формам-процессам, которые, в силу *вынужденного* взаимодействия с другими формами, развиваются по более общим и менее оптимальным шаблонам. Между тем «**e**-форма» — это яркий пример наиболее оптимального и эффективного развития формы в рамках содержательно-форменных ограничений (т.е. ограничений, в данном случае, пространственно-временного характера).

Из-за описанных ограничений подобный специфический алгоритм (по типу подсчета числа **e**) не реализуем *в полной мере* применительно к открытым формам-системам, имеющим повсеместное распространение и развивающимся по общим лекалам обобщенной формулировки универсального *принципа саморазвития.* Капитализация ограниченного банковского вклада или стартового капитала — это едва ли не единичные образцы реально существующих более или менее закрытых изолированных систем, к описанию развития которых идеально применим алгоритм вычисления числа **e**: вероятно, по этой самой причине все литературные источники, как по команде, ссылаются исключительно на пример подсчета (освященного именем Бернулли) сложного ростовщического процента, — как

на пример реально функционирующей изолированной системы, гарантирующей максимально достижимые содержательные накопления в условиях известных ограничений.

Однако это вовсе не означает, что преимущества таких особенных форм сколь-нибудь заметно не реализуются на практике; тот факт, что специфические «**e**-формы» по насущной необходимости широко используются человеком в виде безразмерных величин при описании огромного числа всевозможных реальных процессов, означает, что реальные формы ориентированы на развитие по образу и подобию самых содержательных «**e**-форм», но в силу нещадного внешнего *воздействия, вмешательства* и *интерференции* со стороны таких же форм траектория их развития может существенным образом искажаться и значительно отличаться от наиболее оптимальной. Иными словами, обозначение числа **e** (сохраняющего в «свернутом» виде алгоритм получения этого числа), присутствуя в различных комбинациях с другими параметрами, переменными и аргументами в формульных выражениях, описывающих всевозможные реальные процессы, указывает тем самым хотя и на далеко не наивысшую, но все-таки на какую-то *оптимальность (повышенную содержательность)* форм таких процессов. Кроме того, потребность в «**e**-формах» при описании сложных форм-процессов обусловлена и тем обстоятельством, что этими *малыми* формами «латаются» *разрывы* или *ступеньки* на границах раздела между сторонами-составляющими реальности, объективно имеющие место в условиях развития *больших* форм и процессов; *компромиссные малые* формы в подобных случаях просто необходимы для *адекватного* и *корректного* описания таких реально развивающихся *больших* процессов и форм.

Всякая форма-отношение-процесс имеет направлением своего развития *оптимизацию* самое себя (что, собственно говоря, составляет и суть формулировки *принципа саморазвития*). Этим же обстоятельством обусловлено и наличие-присутствие *оптимизирующих* величин («**e**-форм») в формульных выражениях-описаниях разнообразных реальных комплексных форм-отношений-процессов. Как это вытекает из нашего расследования, наиболее эффективно задачу вышеупомянутой *оптимизации* решает все-таки «**e**-форма», которая, не имея в силу сопутствующих ей ограничений сколь-нибудь широкого распространения в «чистом» виде, входит, однако, составной частью и крайне востребована при описании *оптимально* развивающихся реальных общих форм и процессов.

Вместе с тем ограниченность числом-пределом **e —** не единственная *замечательная* черта сценария развития форм в русле исследуемого нами алгоритма. Вторая замечательная особенность данного сценария — *принципиальная* недостижимость предела наивысшей (максимальной) содержательности и невыразимость этого предела в *исчерпывающе* точном цифровом виде. Процесс, протекающий по такому алгоритму, не имеет ни площадки, ни точки «насыщения». И снова мы сталкиваемся с отношением двух компонентов, чей переход от одного к другому в рамках отношения невозможен *плавным размеренным ходом.* В роли взаимодействующих и противостоящих компонентов, как уже и отмечалось, в данном случае выступают стороны-составляющие «изменение» и «основа». Отношение, составленное из этих компонентов реальности (аналогично другим, более

конкретным отношениям данного типа: {движение/покой}, {время/пространство}, {энергия/масса}, {температура/давление} и т. п.), обречено на присутствие (между сторонами-компонентами этого отношения) *барьера* в образе иррационального числа, отвечающего некоторому объективному, хотя и невыразимому *исчерпывающе,* предельному соотношению этих компонентов. И, наконец, третья замечательная черта того же сценария заключается в возможности бесконечного его развития и приближения к выражению наивысшей содержательности упомянутого отношения сколь угодно близко.

Ни практически, ни теоретически невозможно исчерпывающе точно установить соотношение, а следовательно, и границу раздела между прирастающим содержательным объемом («изменением») и исходным содержательным объемом («основой»); аналогичным образом нельзя определить и точную границу раздела между компонентами в «родственных» отношениях из той же «обоймы»: {движение/покой}, {время/пространство}, {энергия/масса}... С какой бы частотой и сколь угодно долго ни пытаться осуществлять подобные шаги приближений в ходе реализации анализируемого нами алгоритма, всегда останется какая-то содержательная часть, не выраженная, не исчисленная и не подвластная исчислению никакой *рациональной* формой. И этот *барьер* между выраженным содержанием и содержанием, неспособным быть выраженным во всей его полноте какой бы то ни было формой, — *непреодолим в принципе!*

В этом-то и состоит смысл иррационального числа **e**. Бесконечная непериодическая дробь этого числа олицетворяет собой тот же бесконечный «разбег» перед «прыжком» из одной области реальности (от *рациональной* реальности формы) — в другую ее область (к *иррациональной* реальности содержания), т.е. от одного *(рационального)* компонента отношения — к другому *(иррациональному)* компоненту этого же отношения.

Таким образом, число **e** есть такое особенное количественное соотношение между компонентами в отношении-форме {изменение/основа}, которое отвечает *предельно возможному содержательному наполнению* (или *наивысшей содержательности*) этой формы-отношения.

При этом иррациональность числа **e** свидетельствует о *принципиальной* невозможности установления в *исчерпывающем* виде окончательного числового соотношения между компонентами отношения-формы {изменение/основа}, соответствующего максимально содержательному его наполнению, и тем самым о невозможности обретения *наивысшей содержательности* этой формой-отношением.

Невозможность исчерпывающего выражения наивысшей содержательности указанной формой-отношением выясняется в ходе моделирования процесса обретения (достижения) этой *наивысшей содержательности* специфической процедурой начисления сложного банковского процента при неограниченном сокращении интервалов времени между моментами его начисления.

Как показывает опыт наблюдений, в описаниях оптимально протекающих реальных комплексных процессов (с максимальным для определенных условий содержательным приростом) всегда присутствуют «**e**-формы».

указывающие тем самым на принадлежность форм этих общих комплексных процессов к числу *оптимальных* форм. На этот счет в научной литературе представлены многочисленные примеры описаний форм наиболее содержательного развития всевозможных процессов в самых разных областях реальности [*9, 10, 11, 12, 17, 20, 29, 30, 31, 33, 36, 38, 41, 43, 46, 49,* 55].

Природа и смысл мировых констант. § 4. Определившись с природой, смыслом и необходимостью введения человеком мировых констант в практический оборот, сделаем еще несколько уточнений и пояснений.

Как удалось установить в ходе исследования, все три рассмотренные нами постоянные — **л**, **Ф** и **е —** есть пределы, к которым стремятся некоторого вида функции-отношения при неограниченном возрастании их аргументов. Исторический экскурс позволяет выявить круг частных практических задач, в ходе решения которых появились первые упоминания о вышеназванных величинах. Решения указанных задач связаны с нахождением алгоритмов вычисления следующих пределов:

• в случае константы **л** — предела отношения возрастающих периметров многоугольников, вписанных в окружность (или описанных вокруг нее), к диаметру этой окружности [42, с. 43];

• в случае константы **Ф** — предела отношения возрастающего суммарного целого к его частям на основе моделирования вычислительной процедуры посредством восходящей последовательности чисел Фибоначчи [39];

• в случае константы **е** — предела отношения содержания, нарастающего определенным образом (до «насыщения») на содержание исходной формы (т.е. "числителя"), к содержанию исходной формы (т.е. к "знаменателю") на основе моделирования процедуры вычисления сложного банковского (или ростовщического) процента [31].

Дальнейший анализ дает возможность усмотреть скрывающиеся за отношениями частных сторон практических задач отношения общих сторон-компонентов реальности:

• в случае константы **л** такими сторонами реальности являются компоненты отношения **{кривизна/прямолинейность}**, а также компоненты ряда других «родственных» отношений: {непрерывность/дискретность},{безграничность/ограниченность} и т.д.;

• в случае константы **Ф —** компоненты отношения **{целое/часть}**, а также компоненты ряда других похожих отношений: {общее/единичное}, {функция/структура} и т. п.;

• в случае константы **е —** компоненты отношения **{изменение/основа}**, а также компоненты ряда других подобных отношений: {движение/покой},

{энергия/масса}, {время/пространство} и пр.

Пристальное изучение помогает понять, что за вышеуказанными константами скрываются способы или приемы выражения и представления объективных, но не совсем понятных для человека *(иррациональных)* сторон реальности через не менее объективные и значительно более понятные человеку *(рациональные)* ее стороны. В этом смысле разбираемые нами константы оказываются для человеческого сознания своеобразными «переходами» или «мостиками» из областей *рационального* — в области *иррационального* :

• в случае константы **л —** это переход от «прямолинейности» к «кривизне»;

• в случае константы **Ф** — это переход от «части» к «целому»;

• в случае константы **е —** это переход от «основы» к «изменению».

Вышеупомянутые пределы и есть олицетворение *барьеров,* которые нужно преодолеть, чтобы «перебраться» из одной области отношения в другую его область, от одного компонента реальности к другому ее компоненту. Бесконечная непериодическая вереница цифр дробных частей иррациональных чисел **л, е, Ф** (а они на сегодня известны уже с миллиардами значащих цифр после запятой [2]) выглядит как нескончаемый «разбег» перед «прыжком» из одной области реальности в другую и одновременно указывает на невозможность и неосуществимость *плавного* преодоления этого барьера — последний преодолевается только *скачком* в мышлении, т.е. на уровне *понятий* и *представлений* о взаимодействующих противоречивых сторонах-компонентах реальности в их отношениях.

Будучи выраженными иррациональными числами, данные константы символизируют не просто переходы от одного компонента реальности к другому в их действительных отношениях, а переходы *бесконечные, незавершенные, незаконченные, незакрытые...* Именно это обстоятельство позволяет сделать один из важнейших выводов: если **л, Ф, е** и можно назвать числами в расчете на устоявшуюся терминологию применительно к определению иррационального числа, то уж «константами» их никак не назовешь! Символы **л, Ф, е** обозначают «живые», *незавершенные переходные процессы,* чем, собственно говоря, и вызвано употребление в формульных выражениях и описаниях любых и всяких реальных форм и процессов именно *символов,* а не конкретных чисел. Это — особые формы выражения *специфических* переходных содержательных процессов, которые следовало бы так и именовать: «**л**-переход», «**Ф**-переход», «**е**-переход» или «**л**-форма», «**Ф**-форма», «**е**-форма», — исходя из соответствующего понимания и обращения с ними как с обозначениями *действительных переходных форм и процессов.* Математической формой выражения подобных *предельных переходов* является функция. В великом множестве описаний других всевозможных форм-процессов (т.е. в разнообразных формульных выражениях) эти функции присутствуют не как константы, а как формы процессов, ***принципиально*** не имеющие возможности быть выраженными постоянными конечными величинами; в конце концов **л, Ф** и **е** — это бесконечные и нереализуемые до конца переходы от *рационального* к *иррациональному,* облаченные в математическую форму. Как только и когда эти переходы сводятся к числам с *ограниченным* количеством значащих цифр

после запятой, тогда только они перестают быть и процессами, и переходами, и функциями внутри описаний процессов более сложных и комплексных; тогда только эти формы превращаются в константы, присутствие которых вместо соответствующих символов ограничивает *содержательный потенциал* (полноту и глубину) упомянутых описаний.

Таким образом, под обозначениями **л, Ф** и **е** подразумеваются «свернутые» алгоритмы (моделирующие *действительные переходные процессы*) вычисления *предельных* числовых значений соотношений компонентов в отношениях {кривизна/прямолинейность}, {целое/часть}, {изменение/основа} соответственно.

Кроме того, в ходе разбирательства было выяснено, что все рассмотренные выше иррациональные числа **л, Ф, е** обозначают пределы или предельные соотношения компонентов в их отношениях, отвечающие *наивысшей содержательности* отношений этих компонентов. Если представить себе, что упоминаемые отношения {кривизна/прямолинейность}, {целое/часть}, {изменение/основа} могут характеризоваться всевозможными значениями соотношений их компонентов в диапазонах (определяющих меру содержательности этих соотношений) от условного «ноля» (т.е. малой содержательности) до какой-то наивысшей содержательности, то предельные числовые значения «круглого **л***»,* «золотого **Ф**»**,** «насыщенного **е**» и будут соответствовать максимальной содержательности вышеперечисленных отношений (которая, как не раз уже отмечалось, сама по себе также *принципиально* недостижима и представима лишь в виде недосягаемого предела).

Наблюдения и практический опыт показывают, что далеко не все формы-отношения (объекты, процессы, явления) принадлежат к числу «круглых», «золотых» или «насыщенных». Подавляющее большинство реальных «рядовых» форм-процессов-отношений занимает самые разные ступеньки содержательности в пределах указанных выше диапазонов; правда, все эти «рядовые» формы-отношения-процессы также имеют направленностью своего развития достижение все той же *повышенной* (а в предельном выражении — *наивысшей)* содержательности. Но главное в этой связи все-таки то, что среди необозримого многообразия форм-отношений человек сумел выделить такие, которые характерны *повышенной содержательностью,* что и отличает эти формы-отношения от всех прочих; при этом выделенным формам-отношениям удалось поставить в соответствие установленные человеком предельные соотношения компонентов этих отношений в виде более или менее конкретных чисел, которые впоследствии и стали индикаторами *повышенной содержательности* данных форм-отношений. Выделение и выдвижение таких форм из всех прочих сопровождалось и сопровождается всплеском человеческих эмоций (восхищения, умиления и восторга), которые на самом деле оказываются реакцией отнюдь не на *внутреннюю повышенную содержательность* этих форм по сравнению с другими, а на *внешние их признаки, характеристики и свойства.* И дело здесь, пожалуй, даже не в значениях и величинах самих чисел **л, Ф** и **е**, а в том, что такие *особые* числа *есть* и соответствуют они *особенным же* (выделяющимся из прочих) отношениям-формам развития реальности.

Как было уже отмечено, символы **л, Ф, е** обозначают «пограничные»

соотношения компонентов в наиболее содержательных *специфических* формах-отношениях-процессах. Но это своего рода *частные случаи* среди множества других более *общих* форм, развитие которых описывается обобщенным алгоритмом (формулировкой) *принципа саморазвития.* Поэтому присутствие символов **л, Ф, е** в описании других более общих комплексных процессов и форм указывает на *оптимальность* и *повышенную эффективность* этих других комплексных форм и процессов по сравнению с конфигурациями всех прочих реальных процессов и форм. Кроме того, при наличии объективно имеющих место *разрывов* или *ступенек* между сторонами реальности на границах их раздела, в ряде случаев *адекватное* описание реально развивающихся форм и процессов без привлечения «**л**-», «**Ф**-» и «**е**-форм» просто невозможно.

Следующее утверждение будет являться ответом на вопрос, поставленный в начале статьи: все три алгоритма для подсчета предельных соотношений **л, Ф, е —** это частные случаи обобщенного алгоритма (формулировки) *принципа саморазвития,* который и лежит в основе фундаментальной закономерности развития, обусловливающей необходимость изыскания и практического применения подобных «постоянных». Во всех трех случаях речь идет об условно «идеальных», условно «исключительных», предельно содержательных формах-отношениях, некоторым образом изолированных (особенно в случае «**е**-формы») от взаимодействия со всеми прочими реальными формами. В «суровой» реальности таких исключительных (идеальных) форм очень немного, они — особенны; формы же открытого реального мира являются продуктом и следствием противостояния и взаимодействия всего сонма форм открытого мира. И применительно к такого рода открытым реальным формам и процессам речь ведется уже не об их абсолютном совершенстве, исключительности и идеальности (как в случае частных специфических форм-отношений), а об их ***движении-развитии*** в *направлении некой оптимальности* (т.е. максимально достижимой *содержательности*), но в условиях реальной *интерференции* и *вмешательства* других форм. И так же признаком ориентации на оптимальность и наивысшую содержательность, но уже в случае реальных комплексных открытых процессов-форм служит присутствие *малых* «**л**-», «**Ф**-» и «**е**-форм» в описаниях этих *больших* реальных открытых процессов-форм.

Таким образом, **л**, **Ф** и **е —** это алгоритмы частных специфических форм-отношений, характерных выраженной направленностью на достижение абсолютного совершенства и исключительности своих особенных форм, тогда как алгоритм (формулировка) *принципа саморазвития* определяет универсальную направленность движения-развития любых всевозможных форм-отношений реальности, включая и исследуемые нами специфические частные формы.

Любое и всякое НЕЧТО есть отношение, доступное выражению ко всему прочему и в математическом или цифровом виде. Число в данном случае выступает в качестве меры любого и всякого отношения; число есть количественная характеристика отношения, указывающая на соотношение компонентов в цельном их отношении, на степень участия сторон-компонентов отношения друг в друге, на степень выраженности одной составляющей посредством своей другой, на положение границы раздела

между сторонами-компонентами в их отношении. Известные примеры найденных замечательных пределов **л**, **Ф** и **е** говорят о реальной и вполне реализуемой возможности численного выражения (познания) одного через другое: целого через часть (или через совокупность частей), безграничной непрерывности через ограниченную дискретность, развивающегося содержания (изменения) через существующую форму (основу), неопределенности через определенность, неизвестного через известное (но всякий раз с некоторыми отличиями от уже известного) и т. д., и т. п. *Именно таким образом (путем выражения неведомого или «неухватываемого» сознанием в полной мере* содержательного *через известное или постигнутое* форменное) *и реализуется процесс познания (как, впрочем, и само развитие), а другого способа и иного пути просто не существует.* Числа **л**, **Ф** и **е —** это примеры результативных попыток человека выражать одно (недостаточно изведанное) через другое (достаточно постигнутое).

Однако помимо нагрузки — быть «мостиками» между сторонами-компонентами реальности — рассматриваемые нами так называемые «постоянные» выполняют еще одну важную функцию: все три «константы» — это пограничные столбы (вехи), стоящие на разных рубежах и очерчивающие границы предметного физического уровня реальности; первые две (**л** и **Ф**) располагаются на границах раздела областей, связанных с внешними, большей частью статичными геометрическими *(пространственными)* формами, последняя (**е**) **—** на границе раздела компонентов более абстрактных, более глубинных и динамичных *(временны**х**)* форм-отношений.

Далее, принимая во внимание, что **л**, **Ф** и **е** располагаются на границах компонентов совершенно *разноплановых* и *разноуровневых* (во всяком случае, очевидным образом не пересекающихся) форм-отношений, каковыми являются отношения-формы {кривизна/прямолинейность}, {целое/часть} и {изменение/основа}, искать *количественную* связь между этими формами-отношениями (и, соответственно, между отвечающими им числами) надо с учетом этой *разноуровневости,* т. е. более осмысленно. Не исключено, что со временем такая внутренняя связь будет установлена или обнаружится система счисления (а может, и система отсчета), в которой мировые «константы», подобно химическим элементам таблицы Менделеева, будут упорядоченно занимать определенные клеточки таблицы, благодаря чему окажется возможным прогнозировать появление и введение (диктуемое практической необходимостью) в обиход новых мировых «постоянных».

Что касается прочих мировых «констант», и в частности так называемых физических «констант», то, вероятно, подобным же образом можно исследовать и установить подлинную сущность и скорости света [4, с. 98-107; 5, с. 37], и гравитационной постоянной, и постоянной Планка и т. д. При этом необходимо помнить, что всякая мировая «константа», недостаточно еще осмысленная и до поры до времени слывущая необъяснимым и неразгаданным числом, — это всегда *барьер* или по крайней мере «пограничный столб» на рубеже между несовместимыми и отличными друг от друга компонентами-составляющими некоего отношения, т.е. между объективными сторонами реальности. Причем не менее важно также понимать, что ***упомянутые отношения несовпадающих и противостоящих сторон реальности не располагаются где-то там, в***

«дальнем далеке» друг от друга, и не разделены между собой какими-то «пространствами» и «временами», а вплетены друг в друга и находятся в единой связке в каждом мельчайшем элементе реальности, занимая разные ее уровни-этажи.

«Константы» имеют важное значение, поскольку стоят на рубежах между основательно познанным и недостаточно изученным или не дающимся в понимание также легко и свободно, как уже познанное; именно мировые «константы» очерчивают границы *рационального* (с позиции стереотипного человеческого мышления) мира, т. е. привычного и весьма «определенностного» предметного (геометрически-физического) уровня реальности. Если **л** располагается на границе перехода от линейного (плоского) мира к сферическому (исполненному кривизны), то число **е** и целый ряд других мировых «констант» стоит на пороге трансформации опять-таки привычного для нас трехмерного мира (абсолютизирующего статичную пространственно-форменную его сторону-составляющую) в динамично изменяющийся, так называемый пространственно-временной континуум. Ввиду важности отношений, фиксируемых обозначениями мировых «констант», с каждым из этих отношений и соотношением их компонентов надо разбираться неспешно и аккуратно; с кондачка подобные вопросы *корректно* не разрешить. В любом случае начинать надо с изучения истории возникновения той или иной проблемной формы-отношения — здесь сразу может обнаружиться главная подсказка для раскрытия секрета ее особых свойств и, соответственно, популярности. Следование принципу соблюдения единства исторического и логического при ведении подобных разбирательств — особенно актуально.

Понимание сути мировых «констант» раздвигает горизонты наших представлений о развивающейся реальности, поскольку «константы» являются непременными участниками *корректного* моделирования поведения сам**о**й многоуровневой реальности, находясь в составе математических (формульных) выражений, описывающих это поведение. В этой связи наиболее целесообразно, на наш взгляд, придерживаться той позиции, что по каждому конкретному случаю лучшее решение, толкование и объяснение найдет «узкий» профессионал, овладевший представляемой здесь и в который раз уже упоминаемой *концепцией развития.* Скажем, специалисту в области истории становления геометрии (со знанием как математики, так и ее истории, хорошо знакомому к тому же с указанной *концепцией развития*) легче, чем кому-либо другому, выйти на исходные условия и обстоятельства, приведшие к эмпирическому или интуитивному обнаружению замечательного соотношения **л**; или физику (хорошо знакомому с исторической подоплекой и опять-таки с данной *концепцией*) проще разбираться с числом **е**; а биологу (зоологу, ботанику), освоившему *концепцию развития,* — с закономерностями золотого отношения в живых формах, и т. д., и т. п. Мировые «константы» ждут своих исследователей.

Напоследок заметим, что настоящая статья служит примером практического применения *концепции развития* в качестве **инструмента** *для исследования окружающего мира.*

Природа и смысл мировых констант. Заключение.

Подытожим изложенное.

1. Мировые «константы» — это внешние формы проявления внутренних связей и отношений сторон-компонентов реальности; это своеобразные «мостики» между упомянутыми сторонами-компонентами в их реальных отношениях; это предельные соотношения определенных сторон-составляющих реальности, выражаемые численными величинами.

2. Конкретные примеры замечательных пределов **л, Ф, е** свидетельствуют о принципиальной осуществимости и результативно осуществленных человеком устремлениях и попытках количественного выражения (пусть даже приближенного) недостаточно познанных *(иррациональных)* сторон-составляющих реальности через понятные и привычные *(рациональные)* ее стороны-составляющие.

3. Иррациональность (т.е. бесконечность и непериодичность дробных частей) чисел, соответствующих упомянутым пределам отношений **л,Ф** и **е,** указывает, во-первых, на *принципиальную* недостижимость *выражения* в ***исчерпывающем*** виде *иррациональной* стороны-составляющей реальности через *рациональную* ее сторону-составляющую и, во-вторых, на возможность сколь угодно близкого приближения к такому *исчерпывающему* выражению.

4. Та же иррациональность чисел **л, Ф** и **е** указывает также и на то, что числа эти — вовсе не «константы», как принято считать, а некие формы *бесконечных процессов перехода* от одной стороны-компонента реальности к другой ее стороне-компоненту. Воспринимая это на уровне интуиции, человек потому-то и включает их в формульные выражения и описания реальных форм и процессов не в виде конкретных числовых значений, а в виде *символов.*

5. Мировые «константы» — это своего рода «погранстолбы» по периметру границы наиболее изученного человеком, понятного ему и привычного предметного (физического) уровня реальности, т.е. именно мировые «константы» *очерчивают границы* так называемого *рационального* (с позиции обыденного человеческого сознания) мира.

6. Пределы отношений **л, Ф** и **е —** это также «вехи» на границах раздела между компонентами весьма **разноуровневых** отношений, таких как: {кривизна/прямолинейность}, {целое/часть}, {изменение/основа}; потому-то искать количественные соотношения между их числовыми значениями без предваряющего данный поиск *осмысленного* проникновения в эти отношения и их компоненты, на наш взгляд, малоэффективно. Вполне допустимо, что между вышеперечисленными формами-отношениями существует глубинная содержательная *(неформальная)* связь, которая и может быть со временем обнаружена; но чтобы говорить об этом предметно, нужны дальнейшие углубленные исследования самих этих отношений и их компонентов.

7. Числовые значения **л,Ф** и **е** обозначают соотношения компонентов в вышеперечисленных формах-отношениях, отвечающие *повышенной* (а в пределе — *наивысшей) содержательности* этих форм-отношений на своих уровнях, что делает эти формы-отношения «счастливыми» обладателями их

замечательных свойств и характеристик, фиксируемых человеческим сознанием как нечто особенное и исключительное.

8. Поскольку, не прибегая к помощи исследуемых нами «констант», многие реальные процессы *корректно* и *адекватно* описать просто невозможно, человек привлекает эти специфические формы-отношения (**л, Ф** и **е**) для участия в описаниях многих других реальных комплексных форм и процессов. Присутствуя в качестве обозначений *процессов перехода* в формульных выражениях и описаниях других, более сложных форм и процессов, эти специфические формы-отношения *повышенной содержательности* указывают тем самым на *оптимальность* тех других форм и процессов по сравнению со множеством прочих «рядовых» форм и процессов, не отличающихся подобной оптимальностью. Кроме того, под обозначениями «констант» в таких описаниях скрываются *компромиссные связи* (мостики), «сглаживающие» объективно существующие *разрывы* или *ступеньки* между компонентами реальности.

Природа и смысл мировых констант. Литература.

1. Бутусов К.П. Золотое сечение в Солнечной системе [Текст] // Проблемы исследования Вселенной. — Выл. 7. — М.-Л.: ВАГО, 1978. — 475 с.

2. Василенко С.Л. Базовые соотношения между фундаментальными константами [Электронный ресурс] // URL: http://www . trinitas . ru/rus/doc/0016/001c/1934-vs . pdf

3. Васютинский Н.А. Золотая пропорция [Текст]. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 238 с.

4. Владлен В.К. Развитие. Новый опыт натурфилософии. Эссе [Текст]. — Киев: Логос, 2005. — 204 с.

5. Владлен В.К. Распознать очевидное. Нетривиальный взгляд на эволюцию [Текст]. — СПб.: Super Издательство, 2016. — 68 с.

6. Волынский М.С. Необыкновенная жизнь обыкновенной капли [Текст]. — М.: Знание, 1986. — 144 с.

7. Воробьев Н.Н. Числа Фибоначчи [Текст] / 4-е изд., доп. — М.: Наука, 1978.— 144 с.

8. Выгодский М.Я. Справочник по элементарной математике [Текст]. — М.: Наука, 1968. — 416 с.

9. Гильдерман Ю.И. Вооружившись интегралом... [Текст]. — Новосибирск: Наука, 1980. — 192 с.

10. Горобец Б. Мировые константы л и е в Природе [Электронный ресурс] //URL: http://7iskusstv . com/2009/Nomer1/Gorobec1 . php

11. Горобец Б. Мировые константы «пи» и «е» в основных законах физики и физиологии [Текст] // Наука и жизнь. — 2004. — № 2.

12. Добролюбов А.И. Бегущие волны деформации [Текст]. — Мн.: Наука и техника, 1987. — 144 с.

13. Жуков А.В. Вездесущее число л [Текст]. — М: Едиториал УРСС, 2004.—216 с.

14. Зигель Ф.Ю. Астрономическая мозаика [Текст]. — М: Наука; Ел. ред. физ.-мат. лит., 1987. — 176 с.

15. Кеплер И. О шестиугольных снежинках [Текст] / Пер. с латинского Ю.А. Данилова. — М.: Наука, 1982. — 194 с.

16. Кикоин И.К. Рассказы о физике и физиках [Текст]. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1986. — 160 с.

17. Кпейн Ф. Элементарная математика с точки зрения высшей [Текст]. В2-ХТ. — Т. 1. Арифметика. Алгебра. Анализ /Пер. с нем.; под ред. В.Г. Болтянского. — 4-е изд. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1987. — 432 с.

18. Кпейн Ф. Элементарная математика с точки зрения высшей [Текст]. В 2-х т. — Т. 2. Геометрия / Пер. с нем.; под ред. В.Г. Болтянского. — 2-е изд. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1987. — 416 с.

19. Ковалев Ф.В. Золотое сечение в живописи [Текст]. — К.: Вища школа, 1989. — 143 с.

20. Козловский Б. 10 чисел, на которых держится мир [Электронный ресурс] // URL:expert . ru/russian_reporter/2008/9/cisla/

21. Кравченко В.В. Концепция развития: взгляд изнутри [Текст] // Журнал философских исследований. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 47—73.

22. Кымпан Ф. История числа л [Текст]. — М.: Наука; Гл. ред.физ.-мат. лит, 1971. — 216 с.

23. Лаврус В.С. Золотое сечение [Электронный ресурс] //URL: http://n-t . ru/tp/iz/zs . htm

24. Ландау Л.Д., Китайгородский А.И. Физика для всех: Физические тела [Текст] — 6-е изд. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит,1984. — 208 с.

25. Липов А.Н. Золотое сечение как основной морфологический закон [Текст] // Философия и культура. — 2010. — № 9. — С. 96—108.

26. Лопатников Л.И. Краткий экономико-математический словарь [Текст]. — М.: 1979, Наука. — 358 с.

27. Намбу Е. Кварки [Текст] / Пер. с японск. — М.: Мир, 1984. — 225 с.

28. Никифоровский В.А. Путь к интегралу [Текст]. — М.: Наука, 1985. — 192 с.

29. Никольский С.М. Элементы математического анализа [Текст]. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1981. — 160 с.

30. Осипов К.А. Новые идеи и факты в металловедении [Текст]. — М.: Наука, 1986. — 72 с.

31. Перельман Я.И. Занимательная алгебра [Текст]. — М.: Наука, 1967.—200 с.

32. Перельман Я.И. Занимательная физика [Текст]. В 2 кн. — Кн. 2. — 21-е изд., испр. и доп. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1983. — 272 с.

33. Работнов Ю.Н. Введение в механику разрушения [Текст]. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1987. — 80 с.

34. Савин А. Число л [Текст] //Калейдоскоп «Кванта». — 1996. — № 6.

35. Савин А. Число Фидия — золотое сечение [Текст] // Калейдоскоп «Кванта». — 1997. — № 6.

36. Самсонов В.А. Очерки о механике. Некоторые задачи, явления и парадоксы [Текст] — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1980. — 64 с.

37. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: А.М. Прохоров. — 4-изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 1632 с.

38. Спиридонов О.П. Универсальные физические постоянные [Текст]. — М.: Просвещение, 1984. — 160 с.

39. Стахов А.П. Гармония мироздания и золотое сечение: древнейшая научная парадигма и ее роль в современной науке, математике и образовании [Электронный ресурс] // URL: http://www . obretenie . info/txt/stahov/harmoni1 . htm

40. Стахов А.П. Коды золотой пропорции [Текст]. — М.: Радио и связь, 1984.— 152 с.

41. Тарасов Л.В., Тарасова А.Н. Беседы о преломлении света [Текст] / Нод ред. В.А. Фабриканта. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1982. — 176 с.

42. Тихонов А.Н., Костомаров Д.П. Рассказы о прикладной математике [Текст]. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1979. — 208 с.

43. Фельдблюм Б. О самом важном в математике [Текст]. — Л.: Детлит, 1969. — 126 с.

44. Философский словарь [Текст] /Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. — М.: Политиздат, 1963. — 544 с.

45. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.

46. Хургин Я.И. Да, нет или может быть... [Текст]. — 2-е изд. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1983. — 208 с.

47. Шевелев И.Ш. и др. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии [Текст]. — М.: Стройиздат, 1990. — 343 с.

48. Шилов Г. Е. Простая гамма. Устройство музыкальной шкалы [Текст]. — 2-е изд. — М.: Наука, 1980. — 24 с.

49. Шредингер Э. Пространственно-временная структура Вселенной [Текст] / Пер. с англ.; под ред. РА. Асанова. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1986. —

224 с.

50. Штейнгауз Г. Математический калейдоскоп [Текст] / Пер. с польского. — М.: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит, 1981. — 160 с.

51. Шумихин С. Число Пи. История длиною в 4000 лет [Текст] / С. Шумихин, А. Шумихина. — М.: Эксмо, 2011. — 192 с.

52. O 'Connor J. J., Robertson E.F. A history of Pi [Электронный ресурс] // URL: http://www . history . mcs . st-andrews . ac . uk/HistTopics/Pi_through_the_ages . html

53. O 'Connor J.J., Robertson E.F. History topic: The number e [Электронный ресурс] // URL: http://www . history . mcs . st-and . ac . uk/PrintHT/e . html

54. Vladlen V.K. To Cognize the Obviousness. Non-trivial Outlook on Evolution. — Houston, TX 77065: Strategic Book Publishing and Rights Co., 2013. — 46 p.

Универсальный критерий истины. Аннотация.

Краеугольным камнем теории познания любой философской системы или учения является вопрос об истине.

На основе анализа произведения В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» показано, что критерием истины или истинности форм развивающейся реальности служит не практика, как ошибочно считается по сию пору, а содержательность этих форм; практика же — это способ или процедура оценки полноты или «количества» содержательности форм реальности. К тому же практика являет собой лишь частный случай более развернутой технологии установления истины — интерпретирования.

Выдвигаемый в настоящей статье критерий истины позволяет количественно оценивать значимость форм реальности, что, в свою очередь, дает возможность ранжировать формы и на этом основании более осмысленно намечать направления перспективных исследований.

В той же связи отмечается, что не бывает двух или более одинаково содержательных истин (идей, представлений, утверждений, теорий. концепций, моделей, мнений, точек зрения и пр.) относительно одного и того же исследуемого вопроса или предмета суждения, как не может быть в принципе двух или более равнозначных приближений к истине объективной (истине абсолютной). На всякий данный момент развития истина в указанном смысле всегда одна.

Кроме того, показано, что понятие «отражения» («копии», «отображения») действительности, используемое диалектическим материализмом и другими философскими учениями для описания принципа функционирования мышления или сознания человека, служит ограничением или барьером на пути понимания сущности процессов развития и познания реальности; объективная реальность представляет собой движение и смену форм в направлении обладания наивысшей содержательностью (т.е. максимально достижимым содержанием), и все процессы развития и познания реальности

следует изучать и рассматривать через призму содержательно-форменных переходов, превращений, трансформаций унитарной направленности.

Универсальный критерий истины. Abstract.

The cornerstone of the epistemology of any philosophical system or doctrine is the question of truth.

Based on the analysis of the Vladimir I. Lenin's work "Materialism and Empirical Criticism", it is shown that the criterion of truth or truthfulness of the forms of developing reality is not practice, that is erroneously considered to this day, but the content (pithiness) of these forms; practice is a method or procedure for evaluating the completeness or "quantity" of the content (pithiness) of the forms of reality. Besides, practice is only a special case of a more advanced technology of establishing the truth — the interpretation.

The criterion of truth, put forward in this article, allows quantitative assessing the content (pithiness) and significance of the forms of reality, which in turn makes it possible ranking forms and on this basis to outline more meaningfully the directions of promising researches.

In the same connection it is noted that there are no two or more equally pithy truths (insights, statements, theories, concepts, models, opinions, points of view, etc.) regarding the same question or subject of judgment, as there cannot be in the principle two or more equal approximations to objective truth (absolute truth). At every certain moment of development, the truth in the indicated sense is always alone.

In addition, it is shown that the concept of "reflection" ("copy", "display") of reality, used by dialectical materialism and other philosophical doctrines to describe the principle of functioning of human consciousness, is a limitation or barrier to understanding the essence of development processes and of reality cognition; objective reality is the movement and change of forms in the direction of possessing the utmost pithiness (that is, the maximally achievable content), and all processes of development and cognition of reality are to be investigating and considering through the prism of "content-to-form" transitions and transformations of the unitary orientation.

Универсальный критерий истины. § 1. Вопросы теории познания.

В октябре 1908 года Владимир Ильич Ленин закончил в основном работу над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Добрая половина этого произведения посвящена критическому анализу теории познания эмпириокритицизма (субъективно-идеалистического направления в философии, модного в начале XX в.) и изложению взглядов на те же вопросы теории познания с позиции диалектического материализма (для краткости:

диамата) [11].

Начиная с античности и по настоящее время «центральной категорией» теории познания и «важнейшим, незаменимым понятием науки» считается категория истины [4, с. 6].

Древний спор философов относительно познаваемости мира и истинности добываемого, извлекаемого, приобретаемого знания, казалось бы, там же, в этой ленинской работе, в общих чертах был решен в пользу точки зрения марксистов, к числу которых принадлежал и сам автор [19, с. 352—353]. И тем не менее снова и снова приходят поколения исследователей окружающего мира, которые не устают «наступать на те же грабли» и продолжают набивать собственные шишки ценой собственных же заблуждений.

Таким образом, давний философский спор не утихает и по сию пору, и, вероятнее всего, более полное решение той же проблемы, как и всегда, невозможно вне свежего взгляда на устоявшееся положение вещей и без опоры на требующее периодического уточнения мировоззрение.

С учетом указанных соображений настоящая работа (статья) призвана:

а.) показать, что представления диамата об истине в главном все-таки более верны и находятся к истине ближе, чем представления других философских систем и учений;

б) и затем, уже на этом основании, несколько развить и дополнить представления диамата

Первый, актуальный во все времена вопрос, рассмотренный В.И. Лениным в его книге от лица диалектического материализма и в связи с упомянутым анализом теории познания, — это вопрос о принципиальной познаваемости окружающего мира в ходе приобретения о нем знаний.

Второй вопрос, вытекающий из первого, — вопрос о критериях истинности, достоверности, подлинности форм добываемого знания.

Первый вопрос решается в работе В.И. Ленина положительно признанием действительным ряда (цепочки) объективных «содержаний» или так называемых относительных истин, представляемых разными познавательными формами, а также указанием на движение и смену этих форм или относительных истин в ходе познания в направлении достижения истины абсолютной.

Позитивное решение второго вопроса связывается с разумной (рациональной) достаточностью критерия практики (в качестве критерия истины), который «настолько “неопределенен”, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в “абсолют”, и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [11, с. 138].

Универсальный критерий истины. § 2. Как диамат отвечает на вопросы теории познания.

Остановимся подробнее на том, — ***как*** диалектический материализм отвечает на вопросы о возможности познания (т.е. познаваемости) окружающего мира и об оценке истинности приобретаемого знания.

С позиции диамата есть, существует внешний мир или объект, заключающий в себе некоторое **объективное содержание,** с одной стороны и познающий (ощущающий и осознающий) этот мир субъект с другой стороны. То, что разнообразные формы окружающего мира (предметы, тела, вещи, процессы, явления и пр.) являются носителями некоего объективного содержания, независимого от познающего субъекта, не вызывает с точки зрения диамата никакого сомнения, поскольку об этом свидетельствуют результаты тысячелетней практической деятельности человека. Остается вопрос — насколько верно представления познающего субъекта об этих формах окружающего мира соответствуют независимому от субъекта содержанию этих форм. По словам В.И. Ленина: «Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой, как сам человек — лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы». Но если для Канта «вещь в себе» есть «абстракция без реальности», то для Фейербаха «вещь в себе» есть «абстракция с реальностью», т.е. существующий вне нас мир вполне познаваемый и ничем принципиально не отличающийся от «явления» [11, с. 115].

Далее, отыскивается и подтверждается наличие объективного содержания в чувствах, ощущениях и восприятиях (т.е. в «опыте» — по распространенной в то время терминологии [11, с. 123. 327]) познающего субъекта.

И, наконец, устанавливается «объективное содержание... понятий, идей, суждений, теорий, учений и целостной картины мира в диалектике ее развития» [19, с. 226], т. е. доказывается присутствие объективного же содержания в абстрактных формах (продукции) человеческого мышления. То, что объективное содержание должно присутствовать и присутствует в абстрактных формах и продуктах мышления познающего субъекта, с позиции диамата опять-таки несомненно. Вопрос сводится лишь к тому, каким образом это можно подтвердить. Иными словами, для того чтобы установить истинность добытого или приобретенного знания (суждений, утверждений, теорий, концепций, формулировок законов и закономерностей, учений, парадигм, моделей и т. д.), необходимо опять-таки понять, — является ли данное знание (точнее, его субъективно-идеальные формы) так же носителем *объективного содержания.*

Универсальный критерий истины. § 3. Обзор существующих критериев истинности знания.

Линейка сегодняшних представлений о критериях оценки подлинности или

достоверности знания занимает диапазон от вульгарно-предметного объективизма до крайне-идеалистического субъективизма. Перечислим вкратце наиболее известные и яркие из этих представлений [7].

Объективизм рассматривает явления действительности как исторически необходимые безотносительно к субъекту деятельности и познания, и потому истина здесь почти отождествляется с объективностью [13, с. 418]. Иными словами, речь идет уже как бы даже не о знании (теоретико-абстрактной форме), истинность или достоверность которого необходимо установить, а о представлениях, тождественных или «совпадающих» с самим предметом.

Основоположники упомянутого уже эмпириокритицизма считали, что правильность или истинность мышления обусловливается принципами «экономии мышления» (по Э. Маху) и «наименьшей траты сил» (по Р. Авенариусу) [11, с. 165-167]; эти же принципы они положили и в основу своей теории познания.

Р. Декарт в качестве критерия истины предполагал ясность и очевидность: если что-либо понимается ясно и очевидно, то оно истинно.

Разными мыслителями предлагались в качестве критериев истины, например, внутренняя согласованность мыслей, их ценность и т. д.

Прагматизм выдвигает следующий критерий: истинно то, что полезно или выгодно людям.

Потоками информации современных СМИ беспрецедентно муссируется и навязывается человеку справедливость следующей точки зрения по части оценки или выбора критерия истины: кто сильнее (кто выигрывает) — тот и прав. Иными словами, если удается силой, навалом, «нахрапом», беспримерной наглостью, хитростью и подтасовками продавить и внедрить в сознание некоторого множества людей (обывателей) любое сомнительное суждение, утверждение, выводы или заключение (а в предельном случае — и целую систему миропонимания), то результат такого действа и отождествляется с правдой или истиной; во многих случаях именно такой путь избирается сегодня разными субъектами для утверждения правоты своей позиции или точки зрения.

Ряд известных философов критерий истины видит в «общезначимости». С точки зрения этого критерия истина есть то, что «общезначимо», т. е. с чем согласны все люди или подавляющее их большинство, или просто большинство.

Разновидностью данной точки зрения является еще одна, которой придерживался французский математик А. Пуанкаре. Согласно выдвинутой им концепции (это так называемый конвенционализм) научные понятия и теории не отражают объективной действительности, а являются результатом соглашения ученых или произвольно установленными правилами. Квинтэссенция его взглядов выражается следующей фразой: «Единственная настоящая объективная реальность есть внутренняя гармония мира» [11, с. 161].

Сродни взглядам А. Пуанкаре существует и такая точка зрения: критерий истины есть красота (как проявление внутренней и внешней гармонии мира).

Надо сказать, что вариант назначения критерием истины «общезначимого» (общепринятого, общеобязательного и т.п.) детально разобран В.И. Лениным в этой же его книге, где показывается, что во многих случаях «общезначимое» является синонимом или эквивалентом коллективных человеческих заблуждений, если это «общезначимое» лишено *объективного содержания,* данного человеку в опыте, т.е. приобретенного или установленного эмпирическим путем в ходе познания окружающего мира (или, что то же самое, в ходе предметно-практической деятельности человека).

Универсальный критерий истины. § 4. Субъективизм большинства критериев истины.

Нетрудно видеть, что большинство из вышеперечисленных критериев в той или иной мере проникнуто духом субъективизма. При всей важности содержащихся в них признаков или показателей истинности знания отсутствует главный, который подчеркивал бы или указывал на объективность знания, т.е. увязывал бы его с объективностью содержания форм внешнего мира. Безусловно, ни одна сколь-нибудь цельная или сбалансированная философская система (учение) не станет рассматривать истинность знания вне связи с объективной реальностью, и в первую очередь — с тем предметным миром, в котором такая система обретается («хочет» она того или нет).

Отсюда произрастает потребность в комплексном критерии, который устанавливал бы и учитывал наличие и того самого предметного объективного содержания во всех абстрактных и субъективных формах знания. На сегодняшний день такой более или менее уравновешенной системой взглядов признана диалектико-материалистическая философия, которая не отрицает значения ясности мыслей, их согласованности, их общезначимости, их рациональности, экономности, очевидности, полезности, прагматичности, гармоничности и т. д., и т. п., но вместе с тем полностью отдает себе отчет и в том, что вышеперечисленные показатели (признаки) из-за отсутствия достаточно основательной и устойчивой естественной их связи с внешним миром не могут быть признаны фундаментальными критериями истины. Исходя из такого понимания, наиболее подходящим искомым критерием истины диалектический материализм видит практику или предметно-практическую деятельность человека как субъекта познания.

Таким образом, под сводами добротно выстроенного здания диалектико-материалистической философии в качестве сердцевины ее обнаруживается действительно вроде бы весьма стройная система взглядов на фундаментальные вопросы теории познания.

Универсальный критерий истины. § 5. Особенности толкования диаматом природы субъективно-идеальных форм познания (форм представления знания).

И вот тут хотелось бы обратить внимание на одну особенность только что упомянутой системы взглядов. Если субъективно-идеалистическая философия превращает ощущения познающего внешний мир субъекта в некую «перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира», то вопреки этим представлениям диамат считает, что «ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в **факт сознания»** [11, с. 49].

Как видим, согласно взглядам диамата в пику критикуемым им взглядам идеалистических (к слову сказать, как субъективно-, так и объективно-идеалистических) учений, никакого барьера, отделяющего объективный (в том числе и привычный для нас предметный трехмерный) мир, во-первых, от чувственного мира (ощущений, опыта) и, во-вторых, от идеального мира познающего субъекта, похоже, не существует. Смотрим далее: «Эти **факты сознания** не есть лишь некоторые условные знаки, символы, иероглифы, но представляют собой **копии, изображения** действительных вещей и процессов, происходящих в природе, а само познание есть диалектический процесс **отражения** сознанием объективного мира» [19, с. 352]. Иными словами, видим, что уровень ощущений здесь еще признается «непосредственной связью сознания с внешним миром». Но что же с самим сознанием? — а вот оно-то обратилось в «факт», и факты сознания представляют собой уже некие «копии», «изображения», «отражения» действительных вещей и природных процессов.

Согласно этим представлениям объективное содержание мышления существует на деле лишь в виде копии, в виде какого-то отражения действительности. Поначалу вроде бы избавились от одной «перегородки» между формами предметности и формами мышления, но ровно настолько, чтобы затем прийти к другой «перегородке» — познание превращается в диалектический процесс **отражения** сознанием объективного мира. Тем самым дается непроизвольный старт процессу «умножения сущностей», с чем не может согласиться даже насквозь религиозное сознание: волей-неволей приходит на ум известное под наименованием «бритва Оккама» изречение английского монаха: «Сущности не следует умножать без необходимости». Отрицая на словах идеалистические учения с их религиозной сердцевиной, на деле уходим в религию, ибо всякая религия — это и есть земное воплощение (отражение, копирование «по образу и подобию») некой неземной сущности.

Марксизм, диамат да и вообще любого достоинства материализм стоят на позициях жесткого противопоставления и отделения «перегородкой» или «стеной» всего предметного и эмпирического (материального) от всякого идеального, являющего собой некую эфемерную «копию» или «отражение» всего материального (читай: реального). При этом, в какой разряд следует определить это самое «отражение», никто до сих пор толком не знает: по «сю

сторону» оно никак не приживается (ибо оно же не материально), тогда как «потусторонность» высмеивается и отвергается материалистическими учениями самым решительным и беспощадным образом.

Наличие подобной нестыковки (согласно приведенной выше терминологии — «перегородки» или «стены») нарушает, на наш взгляд, стройную систему представлений о трансформации или передаче *объективного содержания* от формы к форме в процессе познания и не оставляет шансов на верное истолкование и корректное прогнозирование направления дальнейших преобразований форм познания.

Между тем по мере накопления знаний и совершенствования представлений об окружающем нас мире все явственнее и отчетливее осознается то обстоятельство, что наше окружение, равно как и мы сами, — это изменяющаяся, движущаяся, развивающаяся многоуровневая реальность, «делающаяся» и «воспроизводящаяся» в режиме реального времени и во всякий момент проявляющаяся в единственном, неповторимом, уникальном экземпляре. В таком аспекте хорошо знакомые нам изречения о некоем «копировании», «фотографировании», «отображении» и в общем случае — «отражении» объек-тивно существующей реальности [11, с. 125] — как-то не очень-то уже и «уживаются» с действительным раскладом вещей.

Универсальный критерий истины. § 6. Описание процесса «восхождения» содержания преемственными формами

Но, может быть, не следует столь прямолинейно и «в лоб», столь механистично и тривиально подходить к толкованию процесса познания, а также к восприятию и интерпретации движения, развития, эволюции природы, человека, общества?

Почему бы не рассмотреть этот же процесс с несколько иной позиции или в несколько ином свете, а именно: некая глубинная суть или *объективное содержание* развивающейся реальности «восходит» и проявляется отдельными преемственными и сопрягающимися одна с другой конкретными формами — условно-изначальной формой предметности (предметным миром), далее формой ощущений (растительным и животным миром, включая человека) и, наконец, формой мышления (субъективным абстрактным человеческим мышлением).

Будучи *объективным содержанием,* изначально представленным предметной формой (о какой-либо изначальности представления здесь можно говорить весьма **условно,** поскольку о формах, предшествующих предметным, включающим и разного рода физические поля, мы здесь вообще пока ничего определенного сказать не можем), упомянутое содержание в процессе своего движения-развития меняет форму на более гибкую и емкую, каковой оказывается, с точки зрения человеческого сознания, форма ощущений, которая затем, в свою очередь, сменяется формой еще более емкой и объемлющей, а потому и более абстрагированной, именуемой нами формой

мышления. По этой причине каждая из указанных форм, как всего лишь *разных оболочек* того же единого, но трансформирующегося при переходе с уровня на уровень *объективного содержания,* должна легко сопрягаться с формами предшествующими и последующими. что и свидетельствовало бы о преемственности (а в конечном счете, и об истинности) всех этих форм.

Независимое от субъекта *объективное содержание* (по аналогии с вышеупомянутой «вещью в себе»), присутствующее в любом и каждом предмете окружающего мира, «восходит» (подобно «восхождению» некой глубинной сути окружающего мира) сначала в меру субъективными и абстрактными содержательными формами растительного и животного мира (в том числе и формой человеческого опыта, к которому относится чувственное или ощущения) и затем — все более абстрактными формами человеческого мышления. Иными словами, процесс «начинает» развиваться с момента условного старта самых «грубых», механистически-материалистических предметных форм, далее продолжается формами, наделенными чувственностью (к коей относятся ощущения и реакции живого — растительного и животного мира), затем «перехватывается» формами-носителями образов сознания и представлений уже в совокупности с формами-носителями ощущений и формами-носителями предметности (высшими животными и «ранним» человеком) и далее продолжается формами-носителями все более абстрактного интеллектуально-духовного содержания (каковыми являются «поздний», т.е. современный человек и социум) опять-таки в совокупности со всеми предшествующими формами.

Благодаря способности к сопряжению отдельных форм единого «восходящего» *объективного содержания,* следующих одна за одной как продолжения форм предшествующих, возникает обобщенная (совокупная) многоуровневая форма (человека с его мышлением), состоящая, подобно пирамиде, из взаимосвязанных и невообразимо переплетенных между собой слоев-уровней-форм, вершинная часть которой (пирамиды) венчается формой-носителем чрезвычайно абстрактного (наиболее абстрагированного из достоверно нам известных) содержания (теоретического знания).

Имея перед глазами только что нарисованный образ пирамиды, остается удостовериться лишь в том. что содержания взаимоувязанных слоев-форм-уровней этой пирамиды действительно преемственны, а, следовательно, и объективны, т.е. представляют собой отдельные звенья развивающегося сквозным образом (посредством вышеуказанных форм) единого *объективного содержания* реальности. Последнее же доказывается с помощью весьма известной процедуры, издавна именуемой практикой (о чем много и подробно мы будем говорить ниже).

Таким образом, раскрывающаяся «потаенная суть» реальности или *объективное* ее *содержание* «шествует» сквозным образом в процессе своего восхождения-развития посредством разных, вырастающих друг из друга и потому взаимоувязанных форм.

Отчетливой видимости и уверенной констатации этого обстоятельства препятствует теснейшее переплетение переходящих друг в друга форм движения объективного содержания. Вместе с тем можно заметить, что, будучи представленными разными формами, фрагменты этого общего

объективного содержания отличаются друг от друга какими-то своими особенностями, которые привносятся в них по мере их развития из исходной *объективной,* но все-таки в какой-то мере неопределенности.

Итак, сообразно нашим представлениям отдельные предметы (тела, вещи, объекты) — это формы существования и «обретания» *объективного содержания* реальности на уровне неживого, проявленного посредством форм-уровней живого, т.е. «ощущений» и «мышления».

Далее, растения и животные — это формы движения того же *объективного содержания* на уровне и через уровни живого неодушевленного, произрастающие из форм (и являющиеся продолжением форм) неживого и, как и предыдущие предметные формы, выраженные и проявленные посредством форм-уровней «ощущений» и «мышления».

Наконец, человек с его мышлением (человечество и социум) — это еще более специфическая форма движения опять-таки того же *объективного содержания* на уровне и через уровни субъективного мышления (сознания), еще более тесно связанная прямой и обратной связью с формами живого и неживого и являющаяся непосредственным продолжением последних. Эта форма также выражается и проявляется посредством форм-уровней «ощущений» и «мышления».

И поскольку весь только что перечисленный набор форм — это **продолжение** формы предметной, то нет при этом никакой необходимости вводить некие промежуточные прокладки в виде понятий и терминов «отражение» или «копия» только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть своеобразный характер таких форм. Иными словами, цепочка вышеперечисленных форм — это то же самое выражение, проявление, движение, «шествие», развитие *объективного содержания,* только в самых что ни на есть *специфических,* именуемых субъективными формах, являющихся **продолжениями** предшествующих предметных форм. Корень ошибочности представлений о такой, в частности, форме, как форма мышления (как о некоем эфемерном образовании — «идеальном отражении» действительности), и проблема истолкования такой формы таятся в *искусственном* вычленении высшего («мышленческого») слоя *из общей единой связки или совокупности всех имеющихся в «человеческой» структуре уровней-форм* и последующей абсолютизации и противопоставлении ее (этой наиболее *специфической* формы) всем предшествующим формам.

Конечно и несомненно то, что объективное содержание, которое проявляется и может проявиться только через субъективные формы, никогда не избавится от оттенка некоторой субъективности, но в то же время оно остается объективным по своей природе, по своему происхождению, по своим корням, которые лежат в основании всей цепочки форм, обеспечивающей трансформацию этой объективности в некую специфическую субъективность по мере движения-развития реальности.

Объективное содержание одновременно и восходит через субъекта, и движется в этой его форме в направлении достижения своего «окончательного» выражения в этой же или другой более совершенной форме, как самой совершенной из всех форм. Разница форм представления

объективного содержания в ходе его движения-развития обусловливается и характеризуется различными значениями или величинами интенсивности содержательно-форменных трансформаций на разных уровнях представления и обретания этих форм. Изменение интенсивности содержательно-форменных трансформаций при переходе с уровня на уровень в конечном итоге оказывается главным фактором, определяющим развитие форм реальности. [В данной работе этот аспект практически не рассматривается и не раскрывается.]

Каждым фрагментом, эпизодом, актом своего существования предметы (если речь идет о неживом), каждым своим вдохом и шагом животное, каждым поступком или фразой человек извлекают потаенную **суть** своей природы изнутри наружу и делают ее **явлением** (делают ее **видимой),** которое (явление) на деле оказывается всякий раз лишь каким-то *очередным приближением* к полному и всецелому выражению этой самой сути.

Субъект с его сознанием не «отражает» реальность, т.е. не дублирует и не множит сущности, а **продолжает собой** поиск более содержательной формы (корректируя и дополняя содержания предшествующих форм-уровней в их совокупности) развивающейся таким способом реальности. И эта новая искомая уточненная форма реализуется как надстройка над предшествующей совокупностью форм, вбирая, включая в себя в главных чертах, в концентрированном («снятом») виде *содержания* предшествующих форм.

От предметных — к субъективно-идеальным формам (являющимся одновременно составными частями общей совокупности форм, входящими в «зацепление» или сопрягающимися с теми же предметными формами), — вот соответственно нашим представлениям направление развития реальности на сегодняшнем этапе в кластере известных нам форм.

Покажем и разберем процесс «восхождения» и трансформации *объективного содержания* на примере конкретного предмета — некоего шарообразного камня-валуна, определенность формы, габаритов и внутренней структуры которого вынуждает «считаться» с этими его особенностями:

— во-первых, окружающие его неживые предметы, наталкивающиеся на него под воздействием разнообразных внешних сил как на объективно присутствующее препятствие и взаимодействующие с ним как с препятствием;

— во-вторых, перемещающиеся живые тела, взаимодействующие с ним и «учитывающие» его уже не только как препятствие, но воспроизводящие или генерирующие в этой связи некоторые простейшие абстрактные его образы;

— в-третьих, живые одушевленные организмы, которые наряду с результатами предметных с ним взаимодействий и чувственных о нем представлений, проявляют его суть и в виде развитых абстрактных образов и представлений, простирающихся от абстрактного формульного описания его шарообразной поверхности до описаний физических, химических и квантово-механических свойств его материала в обличии еще более абстрагированных символьно-формульных выражений, математических уравнений и теоретических выкладок.

На примере сферического валуна (встречаются в природе и такие экземпляры), окатанного со всех сторон ледником и подвергавшегося долговременному воздействию шквальных ветров, бурных вод. бушевавших пожаров, а также подобных же каменных глыб (в силу столкновений с последними), можно проследить «восхождение» содержательной сути отдельного предмета посредством меняющихся по мере такого «восхождения» форм.

Конечных, ограниченных размеров предмет, фиксируемый и запечатлеваемый («воспринимаемый») соседними предметами как препятствие, переходит со временем в стадию чувственного восприятия и простейшего образного описания его живыми организмами как обтекаемый, твердый, сплошной, массивный... и далее переходит к этапу восприятия его человеческим мышлением и описания абстрактными средствами в виде усложненных образов, символов и формул: как шаровидного предмета радиусом R с поверхностью, приблизительно вычисляемой по формуле $4\pi R^2$; как предмета с объемом, приблизительно вычисляемым по формуле $4/3\pi R^3$; как предмета с предельной прочностью материала на разрыв (или сжатие), вычисляемой как отношение предельно допустимой нагрузки на предмет к площади его поперечного сечения; как предмета с твердостью, определяемой в условных единицах, скажем, по Бринеллю; как предмета с износостойкостью и прочими свойствами и характеристиками, определяемыми формулами и математическими зависимостями, известными из курсов математики, физики, химии, сопромата... квантовой механики и т. д„ и т. п. И все это комплексное описание может быть квалифицировано как проявленная содержательная суть одного и того же нечто, представленная формами разной степени абстрактности и субъективности, — по мере восхождения этой сути последовательно через формы-носители предметности, формы-носители ощущений и, наконец, через формы-носители мышления.

Выразить прочность и твердость материала валуна через найденные эмпирическим путем и установленные при этом формы эталонов, такие как пределы прочности его материала (скажем, на разрыв и срез), и через эмпирически установленные условные единицы твердости (скажем, по Роквеллу, Бринеллю или Виккерсу), — это значит найти выражение новых абстрактных знаний о камне (т.е. найти выражение его *объективного содержания,* развивающегося новыми и все более абстрактными формами) через сложившиеся или сформированные «в опыте» содержания конкретных предметных и чувственных форм-эталонов. То же самое касается и знаний о прочих свойствах камня, таких, скажем, как износостойкость, трещиностойкость и т. д., и т. п.

Теперь вернемся к вышеприведенным словам В.И. Ленина о познании мира как о процессе последовательного превращения (трансформации) «вещи в себе» в «вещь для нас» и посмотрим, что получится, если преобразовать эти ленинские слова в свете только что изложенных представлений о «восхождении» объективного содержания реальности (глубинной ее сути) посредством форм, трансформирующихся из объективных предметных в субъективные абстрактные. Тогда исходная ленинская цитата с нашим дополнением будет иметь примерно следующий вид: «Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается

от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой, как сам человек...» — лишь продолжение содержательного развития «вещи в себе» в «вещь для нас» посредством являемой им совокупности последовательно вырастающих одна из другой специфических форм, таких как форма ощущений и форма мышления, трансформировавшихся по ходу упомянутого содержательного развития из формы предметности.

По мере описываемого «восхождения» содержательного компонента развивающейся реальности поначалу через неживые предметные формы, затем через живые формы ощущений и далее через интеллектуальные и духовные формы человеческого мышления, все упомянутые формы появляются как продукты «демонстрации» нарастающей и накапливающейся при этом содержательности, которые (продукты) и проявляются затем в виде сменяющих друг друга *технологий* и *идеологий.* Реальность при этом, как это можно видеть на наших примерах, — та же общая, непрерывная, единая изменяющаяся субстанция, но проявляет она себя на разных этапах своего движения-развития по-разному, т. е. в разных формах: от форм конкретных и объективных (от нашего сознания независимых по оценке нашего же сознания) — до форм все более абстрактных и субъективных...

Тут очень важно понимать, что нет готовой (раз и навсегда) *сущности мира,* которая где-то там «прячется» от человека и которую человеку остается всего лишь познавать мелкими порциями и шажками, как нет и готового (всецело себя исчерпывающего и независимо ни от чего существующего) объективного мира: сущность мира «восходит» прорастающими одна из другой содержательными формами, благодаря чему объективный мир ежемоментно «делается», воссоздается и воспроизводится из себя же наращиванием послойных изменений на имеющуюся и одновременно таким путем изменяющуюся основу.

Соседний внешний предмет не просто «отражается» во мне (в моем сознании), а **существует** через меня своим содержанием, которое изменяется вместе со мной и моим сознанием (как **продолжение** отношения компонентов {я/предмет} или более емкого отношения {субъект/объект}) *по мере углубления знания об этом предмете.*

Суть происходящего или происходящих в объективном мире изменений «восходит» через меня и посредством меня, в непосредственной связи или в *отношении* со мной (как и в отношении с другим индивидом, и в отношении с животным, и в отношении с неживым предметом). Без меня это будет уже несколько иная форма проявления сути, а с другим «Я» — это будет третья форма проявления сути и т. д. И только обобщенная форма как *совокупность* вышеперечисленных форм экспонирует, воспроизводит некое обобщенное собирательное содержание, которое только и может именоваться *содержанием объективным.* Иными словами, об отдельной и ни от кого или ни от чего независимой *абсолютной* сути здесь вообще говорить не приходится — таковой в природе не имеется. Суть «извлекается наружу», т. е. *проявляется* лишь в процессе взаимодействия чего-то одного с чем-то другим.

Согласно подобным представлениям о развитии сменяемость форм (от конкретных форм предметности до абстрактных форм мышления) соответствует привычному естественному (с позиции человеческого сознания)

ходу событий. Теперь в свете и на основании этих представлений можно прийти к более точному пониманию и выводу о действительном отношении компонентов субъективного и объективного в процессе описываемого движения форм (от предметных — до мышления).

Человек — многоуровневое образование, состоящее из иерархической последовательности (трансформировавшейся с течением времени в нераздельную совокупность) сопрягающихся и характерных своей преемственностью форм-уровней (именно это, прежде всего, должно бросаться в глаза, но мало кем принимается во внимание). Совокупность или связка уровней, начиная от атомарного и молекулярного (образующих предметный уровень), далее — к клеточному, органно-тканевому и организменному (образующим животный уровень или уровень «живого неодушевленного») и далее — к биосферному, субъектному и социальному (образующим уровень «живого одушевленного и социально-организованного»), — представляет собой образец «сплоченной» организации трансформирующихся друг в друга и потому содержательно преемственных форм-уровней (включающих в себя и еще более многочисленные *подформы-подуровни).*

На основе приводимых рассуждений можно прийти к следующему немаловажному, на наш взгляд, выводу: сознание человека — не некое пассивное «отражение» действительности, а это и есть сама действительность, сама реальность или, точнее, очередная форма проявления последней на очередном этапе ее (реальности) «восхождения», развития. На этом этапе своего движения-развития реальность предстает перед нами, как и перед самой собой, в специфической форме человека и его мышления. В этом случае сознание следует принимать не как мертвое пассивное отражение или копию всего предшествующего и существующего неживого и живого, а как очередную форму проявления содержания восходящей, развивающейся реальности, продолжающую и объединяющую собой весь ряд предшествующих форм этой же реальности.

При таком подходе не прерывается живая цепь развития (и его логика), прирастающая все более емкими, содержательными и потому все более абстрагированными звеньями-формами. Подобный исследовательский подход избавляется от искусственного ограничения сверху на всякое развитие и, в том числе, ликвидирует известный барьер, выстроенный диаматом. Череда изменяющихся форм реальности не блокируется и не заканчивается формой человека и его мышления. а уходит все более вглубь, во все более *абстрагирующуюся реальность...* Тем самым процесс познания также не ограничивается постижением формы мышления как наиболее «вершинной» формы из достоверно известных нам пока форм реальности, а предполагает наличие и появление еще более развитых ее форм с большей интенсивностью содержательно-форменных превращений (трансформаций). Но, что существеннее, такой подход позволяет прогнозировать дальнейший ход развития (и, соответственно, познания) и предвосхищать с возрастающей степенью точности появление новых форм изменяющейся реальности.

Универсальный критерий истины. § 7. Модель реальности с позиции наших представлений. Принцип саморазвития.

Но что же представляет собой, хотя бы в первом и самом грубом приближении, эта служащая предметом нашего обсуждения развивающаяся реальность? Попробуем определиться с более или менее цельной ее *моделью,* отвечающей нашим взглядам.

Вообразим себе некоторое «путешествующее» двухкомпонентное, но единое цельное образование или конструкцию вида **{содержание/форма} —** весьма абстрактную (в наиболее общей ее конфигурации), но в ходе своего «путешествия» всегда предстающую в конкретной форме, меняющейся в направлении или в сторону все большего и большего преобладания в составе данной конструкции компонента «содержания» и приобретения тем самым «числителем» данного отношения все большего удельного веса в масштабах цельного отношения [2, 8, 23].

Определенным образом направленная изменчивость этого абстрактного отношения {содержание/форма} обусловлена одновременными единством и нетождественностью (неодинаковостью) его компонентов, в силу чего оба компонента находятся в состоянии взаимодействия и неистощимого движения на сближение друг с другом и обретение равновесия (баланса) или взаимной выраженности друг другом (что означает: стать предельно содержательной — для формы, и определиться со своей совершенной формой — для содержания). Присутствие в одном цельном отношении двух компонентов с разными типами активности порождает вихрь, смерч, круговорот, «самонаворачивающуюся» спираль, т.е. специфического характера изменение (движение, развитие) как обеих составляющих этого отношения, так и самого отношения в целом.

«Эмпирический опыт» и абстрактное мышление позволяют выявить глубинную суть этого движения, облачив ее в формулировку некоего универсального **принципа саморазвития** [2, с. 10; 8, с. 53- 54; 23, с. 4]: **развитие содержания осуществляется в направлении исчерпывающего выражения развивающимся содержанием самого же развивающегося содержания.** Применительно к окружающему миру это означает примерно следующее: *все, что существует и развивается, имеет направлением своего развития и существования выражение собой существующим и развивающимся себя же существующего и развивающегося.*

Абстрактное отношение {содержание/форма} со вполне однозначной направленностью изменения-движения-развития компонентов или составляющих этого отношения, равно как и всего отношения в целом, — это то, что существует изначально, повсеместно, объективно и независимо от какой бы то ни было конкретности; это то, что в силу своей вездесущности, пронизывает собой все имеющиеся и возникающие конкретные формы-уровни-отношения. Именно содержательно-форменные трансформации вышеописанной направленности (т.е. изменения компонентов отношения в строго определенную сторону, в строго определенном направлении) лежат в

основе развития форм реальности, являющихся, в свою очередь, всего лишь конкретным облачением и воплощением представленной выше абстрактной модели. И именно эта исходная модель в силу своей основательности наиболее, на наш взгляд, приемлема и эффективна для углубленного изучения, исследования и проникновения в суть окружающего мира (изменяющейся реальности) на сегодняшнем этапе его развития.

Отмечаемое *двуединство* с весьма строгой и определенной направленностью содержательно-форменных превращений (трансформаций) объясняет ежемоментную уникальность обретающегося мира (Вселенной, природы, жизни и т. д.). а также уникальность и многообразие существующих и нарождающихся форм как отдельных элементов этого мира.

Будучи сугубо абстрактным образованием, указанное отношение {содержание/форма} принципиально не проявимо в наиболее общем его виде или образе, но вместе с тем составляет сердцевину или саму суть любой и всякой реальной конкретной формы.

Исторический путь абстрактной конструкции {содержание/форма}. уподобляемый «путешествию» ее в конкретных образах, пролегает через великое множество всевозможных конкретных форм (в том числе и через такие родственные ей, но все же более конкретные формы-отношения как {субъект/объект}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное} и пр.). Не задача настоящей статьи прослеживать содержательно-форменные преобразования этого отношения по мере его исторического движения-развития, — и посему отметим лишь то, что исходный, как, вероятно, и конечный пункты его «путешествия», теряются в туманных дымках прошлого и будущего, параллельно сосуществуя в единой связке или совокупности конкретных форм, вырастающих одна из другой и преобразующихся по ходу рассматриваемого «путешествия».

Под «управлением» упомянутого *принципа саморазвития,* внутренне присущего всем образованиям-формам и обусловливающего существование (на его базе) всех форм без исключения, из формы предметности, принятой нами за условное начало развития всех прочих форм окружающего нас мира, развилась очередная новая форма ощущений, объединенная с первой формой в одно целое. Эта вторая форма отличается от первой большей интенсивностью содержательно-форменных трансформаций, т.е. обеспечивает обратную связь или возвращение к себе и «познание» (воспроизведение, самоорганизацию) самое себя с большей «скоростью», чем форма предметная. Вторая форма под давлением и управлением того же принципа развилась со временем в еще более емкую и, соответственно, более абстрактную форму мышления, объединяющую в себе уже как бы три взаимосвязанные формы — предметную, ощущений и мышления; и эта третья форма характерна еще большей интенсивностью содержательно-форменных превращений по сравнению с двумя предшествующими формами. Тем самым все три указанные формы «работают» как бы в одной связке, в единой совокупности, обеспечивая все более интенсивное «раскручивание» процессов развития и познания окружающего мира под «управлением» общего для всех форм универсального *принципа саморазвития.*

Человек, выступающий в первую очередь как «носитель» формы мышления,

на самом деле представляет собой тугой *узел* из всех трех форм, характерный гармоничным единством этих отдельных форм в сложившейся их совокупности, венчающейся наиболее абстрагированной, мощной и емкой формой мышления. Человек — это «пирамида» из вышеперечисленных взаимоувязанных форм развивающейся реальности в «укомплектованной» таким образом очередной «продвинутой» форме той же развивающейся реальности.

Под «диктатом» принципа саморазвития содержание любой формы движется за пределы своей формы в направлении обладания формой еще большей содержательности, т.е. формой большей емкости и вместимости для «уложения» этого саморазвивающегося, «самоделающегося» содержания. Тем самым непрестанно осуществляется процесс «наворачивания» содержания на себя же существующего — с образованием иерархической цепочки форм, все более содержательно емких и потому все более абстрагированных.

Сама формулировка *принципа саморазвития* указывает на то, что процесс познания осуществляется выражением или заменой непонятного на понятое, неизвестного на известное и хорошо знакомое, т.е. кругами самовыражения; и такой способ движения (познания) наиболее точно подходит под толкование термина «интерпретирование» (о чем мы будем говорить ниже). Все построения новых форм, включая и образование форм познавательных, идут выражением форм через самих себя. В сущности, процесс познания, будучи поначалу отдельной веточкой, выделяющейся на общем стволе развития, смыкается в дальнейшем с последним, оказываясь попросту его продолжением ему же тождественным.

Поскольку в природе нет иного строительного материала, чем сама же природа или окружающий нас мир, постольку все строится и надстраивается из себя же, «самоделанием», — все «танцуется от печки», от основы, путем непрекращающегося самовыражения, т.е. выражением изменяющегося через существующее и имеющееся.

Всюду, повсеместно и ежемоментно функционирует и реализуется единый *принцип саморазвития,* который и обусловливает движение всех форм. Побудительные причины, «механизмы», силы и мотивы любого изменения, движения, развития следует рассматривать как проявления разной интенсивности содержательно-форменных трансформаций компонентов в отношении {содержание/форма} под управлением универсального *принципа саморазвития.* По мнению Ф. Энгельса, «в любой области естествознания, даже в механике, делают шаг вперед каждый раз, когда где-нибудь избавляются от слова сила» [20, с. 130].

Всякое изменение-движение-развитие объясняется наличием двух неравных, нетождественных начал в едином их природно-обусловленном **отношении,** наделенных, с одной стороны, неиссякаемым естественным стремлением к единению и **взаимовыраженности** и, с другой стороны, — не менее естественными несовместимостью и противоположением. Как уже отмечалось ранее, подобное двуединство и противоборство двух начал в их природном стремлении к тождеству и никогда этого тождества не достигающих, и определяет многообразие и уникальность форм окружающего мира.

Отношение {содержание/форма} в сочетании с формулировкой *принципа саморазвития* дает достаточно исчерпывающее представление о направленности всех процессов, как на гносеологическом, так и на онтологическом уровнях реальности, и потому может служить естественно-объективным основанием для объединения наук, сложившихся на протяжении периода гносеологической активности человеческого мышления.

О какой-то связи между компонентами в отношениях, таких, скажем, как {содержание/форма}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное}, {человек/природа} и т. д., можно говорить только тогда, когда установлено присутствие одного компонента в другом, когда эти компоненты взаимопроникнуты и выражаются друг через друга, когда между ними установлено некое соотношение. Формулировка принципа саморазвития в наиболее компактном виде просто «проявляет» и «закрепляет» подобное представление о динамической взаимосвязи компонентов-составляющих реальности: развитие чего бы то ни было направлено на поглощение, ассимиляцию и воспроизведение себя же таким путем развивающегося, а также на установление всякий раз нового соотношения между исследуемыми компонентами «содержание» и «форма» в исследуемом их отношении {содержание/форма}. Как частный случай развития, как отдельная его ветвь, человеческое познание также ориентировано на постижение себя же познающего и таким путем развивающегося.

Объективный процесс повышения содержательности форм на гносеологическом уровне (в результате активной «работы» принципа саморазвития на уровне мышления) воспринимается и оценивается самим мышлением как возрастание степени его (мышления) адекватности, что эквивалентно совершенствованию форм и способов его представления и существования на этом уровне (в виде) понятий, категорий, теорий, умозрительных моделей и т. п.

На других уровнях результаты «работы» того же принципа, соответственно, другие. Так, скажем, на уровне живого неодушевленного (растительного и животного мира, включая и человека как животного) процесс накопления содержания облачен в следующие формы: извлечение питательных веществ из почвы и окружающей среды (у растений); собирательство, поиск, охота и поедание добычи (у животных); прием пищи (у человека). Движение и обогащение содержания посредством воспроизводимых и изменяющихся наследственных (наследуемых) форм, т.е. посредством воспроизведения потомства, — также находится в ряду содержательного развития на растительном и животном уровнях. Иными словами, на более примитивных (с точки зрения человеческого сознания) животном и растительном уровнях и содержательные накопления реализуются, соответственно, в более примитивных формах — менее объемлющих и менее содержательных, чем на уровне мышления. Показателем же оценки результатов «работы» того же принципа на этих уровнях, подобно показателю адекватности для уровня мышления, служит эффективность решения животным или растением задач по выживанию и обеспечению собственного устойчивого развития.

Из сказанного в двух предыдущих абзацах следует, что непреодолимой пропасти между содержательным движением на уровне «живого неодушевленного» и на уровне «мышления» не существует. Эта пропасть

легко преодолевается, если рассматривать мышление с его формами и способами существования (в виде понятий, категорий, умозрительных моделей, теорий, концепций, учений и т. п.) не как некое «идеальное отражение» чего-то материального в мозгу человека, а как **продолжение** реализации того же механизма, того же алгоритма содержательного движения, но в других (специфических) формах и на другом уровне, — с уклоном, со смещением в сторону все более объемлющих, все более *содержательных* форм развивающейся реальности, каковыми являются вышеупомянутые понятийные формы. Таким образом, ключевым моментом в осознании существа перехода содержательного движения с уровня на уровень является понимание или представление **о смене форм содержательного движения** (в сторону возрастания степени абстрагирования форм), но **без смены принципа** (механизма или алгоритма) **этого движения.**

Ни природа, ни материя не наделены «всеобщим свойством отражать», а выступают лишь формами проявления действия единого универсального **динамического** *принципа саморазвития,* обусловливающего «самонаворачивание» или спирально-циклическое движение всего сущего, что **в статике** воспринимается человеческим мышлением *как отражение себя в себе* или как *самоотражение.*

Нужно отметить, что прогноз по поводу возникновения и появления еще более абстрагированных форм, следующих за формой мышления, делается здесь уже не на пустом месте, а на основании и с учетом *принципа саморазвития,* обусловливающего спирально-циклические содержательно-форменные трансформации с уклоном в сторону прироста содержательности очередных новых форм. Было бы «верхом верхоглядства» не видеть того, что формой человека и его мышления содержательное движение (или движение содержательной составляющей реальности) не заканчивается и не исчерпывается. Как, в каких новых абстрагированных формах продолжается это движение после содержательно-форменного «перехода» или «скачка» от формы человека с его сознанием — предстоит еще исследовать и выяснять. Однако со всей определенностью можно сказать, что ни к какому вечному раю или аду под покровительством «верховного божества» эти очередные перспективные формы касательства не имеют. Абсолют не возможен, не осуществим в принципе! Всякая последующая форма отчасти содержит в концентрированном («снятом») виде (и в какой-то мере даже «превосходит» собой) содержание формы предшествующей, но отнюдь не является окончательной и всеобъемлющей. Содержательное движение неисчерпаемо и на очередных своих этапах предстает посредством все новых и все более содержательных (а потому-то и все более абстрагирующихся) форм.

В этой связи позволим себе привести маленький пример-иллюстрацию к сказанному. Ясным солнечным утром вы «выгуливаете» свою собаку на лесной опушке. Любопытное животное не преминет, пожалуй, сунуть лапу или нос в лесной муравейник, окажись таковой поблизости. Как истинный любитель и охранитель дикой природы, а может по каким-то иным соображениям, вы поспешите оттащить пса от муравейника за поводок. Теперь поставьте себя на место муравья и представьте себе то беспокойство и ужас, которые овладевают вами всякий раз, когда непонятное нечто, по вашим меркам

всемогущее, но чуждое всей вашей муравьиной сущности, вдруг обрушивается откуда-то «сверху» на вашу размеренную муравьиную жизнь.

И вот в один прекрасный день пелена с ваших глаз спадает и обнаруживается, что это самое ужасающее и всемогущее нечто сидит на коротком поводке у другого «божества» — еще более «верховного» и еще более «главнокомандующего», которое не дает разгуляться первому «вседержителю» и вершителю муравьиных судеб. На всякого «хозяина» первого уровня находится свой «хозяин» второго уровня, ибо цепочка форм содержательного движения бесконечна. Не исключено, что «хозяин» первого уровня каким-то образом «вмешивается» в вашу муравьиную жизнь, но верно, однако, и то, что он зависим не только от «хозяев» других «верховных» или более вершинных уровней развития, но также и от вашего муравьиного уровня. И имя всей этой структуре из вложенных (точнее, сопряженных преемственных) форм и процессу, ее порождающему, — спиралеобразная «самонаворачивающаяся» содержательно-форменная бесконечность. Будем надеяться, что этот крайне упрощенный пример хоть как-то поможет разобраться в существе содержательно-форменного движения. Если же и после такой иллюстрации вы не прекратите считать, что всемогущее «божество на поводке» остается для вас самым «верховным главнокомандующим», которому, как и прежде, нужно бить поклоны в надежде на его покровительство и защиту, то уже ничто не сможет помешать вам и далее пребывать с миром в плену ваших сладких грез и заблуждений.

[К слову сказать, искать следы присутствия более высокоорганизованного (т.е. ушедшего вперед в своем развитии) уровня-формы, исходя из примитивных представлений о внеземном «разуме» и иных формах «жизни», нелепо и бесплодно. Пока с уверенностью можно утверждать лишь то, что отличается этот очередной уровень развития реальности от форм-уровней нашего кластера реальности *существенным скачком в интенсивности содержательно-форменных трансформаций.* Сказать же что-то определенное о формах, в которых обретается реальность на том очередном уровне ее существования, все еще крайне проблематично].

Универсальный критерий истины. § 8. Проблема объективности и независимости объекта от субъекта с позиции наших представлений.

Проблему независимости-зависимости объекта от субъекта в ходе установления объективности содержания в развивающихся формах реальности пробовали решить и решают многие исследователи. Здесь предлагается следующий вариант ее решения, а точнее, всего лишь *очередное приближение* к «исчерпывающему» (т.е. «полному и окончательному») ее решению.

Острый момент, с которым так или иначе сталкиваются все философские течения, — это необходимость принятия той или другой стороны в рассуждениях о независимости или, наоборот, взаимозависимости объекта и

субъекта. Диамат, как известно, решает эту задачу в пользу видимой и мыслимой независимости объекта от субъекта. С нашей же позиции вопрос о независимости объекта от субъекта или объективного от субъективного в соответствующих их отношениях {субъект/объект} и {субъективное/объективное} сродни вопросу о попытке разделения и обособления содержательного и форменного компонентов в исходном, наиболее общем (абстрактном) отношении {содержание/форма}. Применительно к этому отношению истоки различения указанных компонентов уходят в латентное (скрытое) **синкретическое** единство. Справедливость такой оценки и такого вывода подтверждается точкой зрения Г.В.Ф. Гегеля: «При рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, форма в одно и то же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему»; и даже еще более определенно: «Форма есть содержание» [3, с. 298].

Полагая, что отношения {субъект/объект} и {субъективное/объективное} являются лишь более конкретными проявлениями абстрактного отношения {содержание/форма}, тот высокий ранг *субъектности* [5], которым наделяются «числители» первых двух вышеуказанных отношений, на наш взгляд, никак не исключает глубинную нераздельность и зависимость их от соответствующих «знаменателей», — разве что отмечаемые нераздельность и зависимость становятся еще более латентными и неявными при сопоставлении с недвусмысленно проявляющейся взаимозависимостью компонентов в отношении {содержание/форма}. Последнее обстоятельство (возрастающая скрытность) и служит источником утверждений о независимости компонентов объективного и субъективного (объекта и субъекта) друг от друга, безапелляционно и бесконечно воспроизводимых (речь идет об утверждениях) приверженцами этого мнения.

Исходя из нашей позиции, нужно констатировать, что с точностью до наоборот *видимая* обособленность, автономность, самостоятельность и независимость друг от друга компонентов объективного и субъективного лишь относительны, поскольку субъектность (как активное деятельное начало, как самостоятельность, как самость, как индивидуальность, как состоятельность [15]) характерна для содержательных компонентов (т.е. «числителей») всех конкретных отношений этого типа, и эта субъектность или большая активность одного компонента по отношению к другому отнюдь не упраздняет их взаимозависимость и глубинную нераздельность, а следовательно. и обратную связь или влияние друг на друга.

Известным примером демонстрации присутствия той же скрытой синкретической нераздельности компонентов в отношениях подобного типа служит и древний парадокс, касающийся установления первичности курицы или яйца.

К слову сказать, активность и лидирующее начало компонента содержания по сравнению с пассивностью и консервативностью компонента формы в самом отношении {содержание/форма}, как предтеча наглядно проявляющейся субъектности «числителей» производных отношений {субъект/объект} и {субъективное/объективное}, так же не является препятствием для глубинного синкретизма компонентов-составляющих этого абстрактного

отношения.

Подытоживая сказанное, наберемся смелости заявить, что применительно ко всем вышерассмотренным отношениям, подобный вопрос по установлению первичности и утверждению полной независимости компонентов этих отношений друг от друга не решаем и бессмыслен *в принципе,* поскольку в самом содержании или содержательном компоненте исходного (для всех конкретных отношений) отношения {содержание/форма} уже **изначально** присутствует субъектность содержания по отношению к форме, как в компоненте с явно выраженным признаком активного лидирующего начала по сравнению с более пассивным консервативным компонентом формы, и тем не менее истоки качественного отличия одного компонента данного отношения от другого (истоки различения компонентов данного отношения) уходят в нераздельное *синкретическое* единство.

В неживой (предметной) природе эта, скажем так, «субъектность вещи» проявляется эпизодически и потому явным образом выражена довольно слабо, нечетко, завуалировано, но между тем и там уже служит подоплекой всевозможных взаимодействий, проявляющихся в виде столкновений, соударений, разрушений, взрывов и в общем случае — всяческих изменений (ветров, ураганов, пожаров, ливней, наводнений, землетрясений и т. д., и т. п.).

По мере же интенсификации содержательно-форменных переходов в ряде и через ряд весьма конкретных отношений, указанная субъектность содержательного компонента «крепнет» и все увереннее и явственнее «выступает» вовне, обнаруживая тем самым очевидное противостояние и противоборство двух составляющих, двух компонентов некоего единого отношения, пока, наконец, не оформляется в якобы отдельно, автономно и независимо от формы (т.е. объекта, природы) существующего содержательного субъекта (человека или высшего животного в некоторых случаях), утратившего с объектом (природой) на самом деле всего лишь **явственно (визуально)** выраженную связь.

Пресловутое активное начало, скрытно присутствующее в любом элементе реальности (проявляющееся, например, посредством движения электронов в атомах и молекулах, или в виде так называемых сил тяготения между небесными объектами, или посредством потоков солнечных (космических) лучей и воздействия электромагнитных полей, или в виде земных торнадо, циклонов, вулканов и т. д.) — это первообразное той активной содержательной (субъектной) составляющей всего неживого и живого, которая впоследствии, после прохождения многочисленных промежуточных форм, преобразуясь и видоизменяясь до неузнаваемости, предстает, наконец. перед нами в образе или виде личности человека как творца, созидателя, субъекта, будучи, однако, вместе с тем латентно привязанной к форменной пассивной (объектной) составляющей в едином и цельном отношении {субъект/объект}. Таким образом, взаимонезависимость формы и содержания, равно как объекта и субъекта в разобранных случаях весьма относительна — где-то большая, где-то меньшая; однако в любом случае обратной стороной этой **видимой** независимости выступают их **скрытые** глубинные, сущностные единство и взаимообусловленность.

Субъективное выросло из так называемого объективного, является его продолжением, но лишь другими формами, и уже только по этой причине их (объективное и субъективное) нельзя считать полностью независимыми друг от друга. Субъективное включает в себя **развитое** содержание объективного, — в некотором смысле «преломленное» субъектом первоначальное (исходное) содержание объекта. Субъект — это и есть новая форма «восходящей» сути объекта. Но если субъективное содержит в себе истоки и *развитую* часть объективного, не означает ли это то же самое латентное единство с объективным наподобие синкретизма составляющих в отношении {содержание/форма}? И то, что в облике обратной связи субъект способен оказывать воздействие на объект, также доказывает их единую природу и основу. Тем самым независимость объекта от субъекта может быть признана чисто номинальной, относительной и отнюдь не абсолютной.

Исторически состоявшееся и визуально констатируемое выделение или вычленение субъекта из объекта свидетельствует лишь о том, что какой-то своей частью объект по-прежнему содержится и присутствует в субъекте и, следовательно, представляет собой и часть их общей системы и потому от нее зависим, — что, в сущности, и подтверждается возможностью обратного влияния на объект со стороны субъекта.

Под объективным содержанием реальности в предельном его выражении (подобно понятию абсолютной истины как движения от истины относительной в направлении достижения истины абсолютной) понимается **движение-развитие** ее (реальности) содержания посредством форм разных уровней **в направлении** обретения единой обобщенной формы наивысшей (максимально возможной) содержательности. В ходе подобного движения-развития, регистрируемого и фиксируемого человеческими органами чувств и мышлением, имеет место смена форм представления и обретания содержания на разных уровнях: от неживых, далее к живым-неодушевленным и, затем, к живым-мыслящим-одушевленным, отличающимся разными соотношениями компонентов {субъективного/объективного} в их разноуровневых отношениях-формах. При этом каждая из форм последовательно вырастает из предшествующей, являясь как бы ее **продолжением** и оставаясь в связке (при непременном наличии прямой и обратной связи) со всеми предыдущими формами-уровнями, вовлеченными в общее спирально-циклическое содержательно-форменное движение.

Будучи теснейшим образом переплетенными в одной связке, эти формы движения-развития объективного содержания тем не менее (и именно вследствие взаимоувязанности) пронизаны и опосредованы субъективной формой **условно конечного** и наивысшего (из достоверно выявленных на данный момент) уровня, каковой является форма человеческого мышления (сознания). Такого рода опосредованность не может не сказаться на оценке самой объективности (объективного содержания) через призму субъективности, т.е. обусловливает невозможность выделения и отделения собственно объективного содержания от «примеси» содержания субъективного, от присутствия компонента субъективного и невозможности проведения оценки объективности вне присутствия составляющей субъективности.

В силу неизбежности проведения оценки объективности через призму

субъективности само объективное проникается субъективным и облачается в форму общепринятого и *общезначимого,* что, однако, не мешает этой форме быть **продолжением** *объективного* и одновременно *быть этим же объективным.* Отдельные субъекты или индивиды потому-то и схожи между собой, оттого-то и подобны друг другу (как внешне, так и внутренне), что на деле являют собой обобщенную (совокупную) форму обретания **единого объективного содержания** реальности, представленную *единообразными фрагментами* на вполне определенном уровне ее (реальности) движения-развития.

Однако реализуемый через совокупность или ряд подобных друг другу субъектов (индивидов) набор субъективных содержаний обретает статус содержания объективного не сразу и не всегда. Субъективные содержания, представляемые абстрактными субъективно-идеальными формами, лишь тогда могут считаться объективными, когда объективность их проверена и подтверждена преемственностью содержаний всех слоев-форм обобщенной пирамиды (см. § 6-7) и, в первую очередь, возможностью и допустимостью выражения («замещения») надстроечных содержаний вершинных форм пирамиды содержаниями первичных вещественно-предметных форм, лежащих в основании той же пирамиды. Вне такой проверки содержание прежде принятого общезначимого (с «налетом» субъективного) может оказаться обыкновенной ложью, одобренной и утвержденной коллективным большинством в расчете на свои сиюминутные выгоды и предпочтения. О способах и приемах установления *объективности содержаний* субъективных форм будем говорить ниже.

Таким образом, объективное содержание — это тоже, по большому счету, всегда лишь отношение типа {субъективное/объективное}; в чистом виде нет ни того, ни другого. О какой форме объекта можно говорить вне опосредованности ее субъектом? Вне отношений с субъектом — это всего лишь неопределенность. Пополняющаяся совокупность отдельных субъективных восприятий одного и того же нечто и демонстрирует собой приближение ко все более полному выражению объективного содержания этого нечто. Критерием полноты выражения или постижения объективного в таком случае может быть лишь объем (или «количество») содержательности, который дает «добро» на становление и успех существования той или иной формы.

Подчеркнем здесь еще раз. что субъективный образ объекта есть не *отражение* объекта, а *продолжение* в специфической форме его (объекта) развивающегося содержания (подобно продолжающемуся «восхождению» сути объекта в иных, отличных от предметной формах).

Так что полной независимости объекта от субъекта, равно как и субъекта от объекта, не бывает, — именно в силу *синкретизма связи* содержательного и форменного компонентов в отношениях {субъект/объект}, {субъективное/объективное}.

Самый простой и наглядный пример из повседневной жизни в подтверждение сказанного — это отношение {ребенок/мать}.

«Числитель» и «знаменатель» указанного отношения соотносятся между

собой как компоненты субъект-объект, изменение-основа, содержание-форма в соответствующих отношениях {субъект/объект}, {изменение/основа}, {содержание/форма}. По отношению к своему ребенку мать, безусловно, выступает в данном случае и как основа, и как форма, и как объект — кто бы, что бы на этот счет ни говорил. Как бы ни были далеки друг от друга в пространстве и во времени мать и ее ребенок, обоюдная связь и взаимозависимость сохраняются навечно — в генах, в тканях, в мыслях, привычках, поведении, образе жизни, предпочтениях и т. д., и т. п. Даже современными не столь совершенными средствами объективного контроля установить это родство (или существование общей неизбывной **объективной** объединительной **основы**) не представляет никаких трудностей.

Универсальный критерий истины. § 9. Точка зрения диамата на роль абстракций и субъективно-абстрактных форм в ходе познания. Толкование термина «интерпретация».

Чтобы продвинуться дальше в изложении наших взглядов и подхода, придется ненадолго остановиться на представлениях диалектического материализма о роли абстракций и необходимости обращения в ходе познания к субъективно-абстрактным формам.

Метод абстракций (или абстрагирования) по определению «Философского энциклопедического словаря» [19, с. 7] — это универсальный метод познания, логическая основа понимания природы и общественной жизни, — и в субъективном смысле, так как посредством абстракции «мы превращаем всякую вещь в логическую категорию» [14, с. 131], и в смысле объективном, поскольку абстракции (категории мышления) есть «выражение закономерности и природы и человека» [12, с. 83].

О значимости и глубине разработанности этого метода свидетельствует следующая его характеристика: «Абстракции, применяемые к непосредственным чувственным данным, называются абстракциями первого порядка; абстракция от абстракции первого порядка дает абстракцию второго порядка и т. д. Познавательное значение могут иметь абстракции любого порядка, но особого доверия заслуживают абстракции, результаты которых могут быть осмыслены на материальных моделях. Такие абстракции называются **реальными,** остальные — **идеальными (идеализациями).** Важнейшей задачей научной методологии является осмысление абстракций высокого порядка через абстракции более низкого порядка или **замена идеальных абстракций реальными.** ...Наиболее развитой системой абстракций обладает математика, которая сама по существу является наукой об абстракциях: они составляют ее предпосылку, метод и предмет» [19, с. 7]. Здесь же приведено еще одно чрезвычайно важное, на наш взгляд, суждение относительно того, что обычное осмысление, скажем, абстрактных теорий идет, как правило, путем **интерпретации.**

Потребность в анализе и систематизации разрабатываемых мышлением

абстрактных построений, а также вышеперечисленное разнообразие и иерархия последних показывают, насколько важно для человека (познающего субъекта, исследователя) уметь корректно оценивать истинность этих построений и иметь в своем распоряжении надежные **критерии** и **способы** такой оценки.

Как видим, к анализу предназначения и роли абстракций диамат подходит весьма серьезно. Какая основная мысль прослеживается в описании метода абстракций? Та, что понимание и толкование абстракций требует выражения их друг через друга (высших через низшие, и далее тех и других через самые что ни на есть предметные и конкретные — материальные). И второе важное обстоятельство, здесь же отмечаемое, указывает на то, что осмысление абстракций идет, как правило, путем *интерпретации.*

В указанной связи необходимо еще попутно выяснить, какое содержание вкладывает диамат в понятие *интерпретация.* В широком смысле интерпретация означает «истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык» [17, с. 502]. В науке и логике это понятие трактуется как «совокупность **значений (смыслов), придаваемых** каким-либо образом элементам некоторой теории (выражениям, формулам и отдельным символам)». И далее: «Интерпретация теоретических построений развитых областей научного знания носит, как правило, опосредованный характер и включает в себя **многоступенчатые** [сравни: многоуровневые, — *Прим. автора*]**иерархические** системы промежуточных интерпретаций. Связь начального и конечного звеньев таких иерархий обеспечивается тем, что **интерпретация интерпретаций** какой-либо теории дает непосредственную ее **интерпретацию.** Т.о., **интерпретация** есть инструмент научного моделирования. ...В содержательных естественнонаучных и математических теориях всегда подразумевается некоторая **интерпретация:** такие теории используют лишь осмысленные выражения, т.е. смысл каждого выражения предполагается с самого начала известным» [19, с. 215].

В продолжение списка приведенных цитат нельзя не согласиться и со следующим толкованием: «Содержательное знание — это такое знание, термины и высказывания которого имеют некоторое значение и смысл, то есть определенную *интерпретацию.* ***Быть содержательным и означает не что иное, как иметь интерпретацию****»* [10].

И, наконец, завершая цитирование трактовок термина «интерпретация», приведем еще одно суждение, согласно которому *интерпретирование* понятий означает не что иное, как выявление наличия в них *объективного содержания* [7].

Универсальный критерий истины. § 10. Роль абстракций и субъективно-абстрактных форм с позиции наших представлений.

Ввиду важности вышеуказанных вопросов поговорим основательно о том, что же являют собой субъективные абстрактные формы, какова их роль и каковы,

в конце концов, критерии истинности этих форм — теперь уже с позиции наших представлений.

Как показывает череда вышеприведенных (см. § 9) толкований и определений, процесс познания не сводится к необходимости выражения абстрактных форм исключительно или только лишь через предметные формы, а решает задачу последовательного выявления и подтверждения **объективности** содержаний всех наличествующих в познавательной цепочке форм (от форм предметных, через формы ощущений к формам мышления и в рамках этих последних — всей разветвленной иерархии абстрактных построений и конструкций) путем выражения их друг через друга. В конечном итоге этот прием или способ взаимовыражения форм друг через друга и должен приводить к установлению истинности или ложности «вершинных» субъективных абстрактных форм.

Подобный прием или способ в самом широком его смысле именуется *интерпретированием.* В наиболее общем случае главным доказательством истинности иерархической цепочки абстрактных форм оказывается их интерпретируемость (т.е. возможность и допустимость интерпретирования абстрактных форм более конкретными формами). Как можно уже догадаться, частным случаем технологии интерпретирования, известным и применяемым с незапамятных времен, является процедура практики, сводящаяся к интерпретированию абстрактных форм формами в подавляющем большинстве предметными, опосредованными формами ощущений (или так называемым эмпирическим опытом).

О чем, в конце концов, здесь идет речь? В сущности, о намерениях иметь обоснованную возможность выражать одно через другое: непонятное через понятое, частное через общее, абстрактное через конкретное — и затем это конкретное, в свою очередь уже, заменять *преемственным содержательным абстрактным,* чтобы **оперировать в дальнейших исследованиях именно *проверенным* абстрактным как очередным, более продуктивным и эффективным средством познания.**

В отличие от содержания формы-уровня чувственного (субъектами которого могут служить человек и животное) содержание формы-уровня идеального (субъектом которого служит человек с его мышлением) в рамках, скажем, процесса познания упоминаемого выше предмета (камня-валуна, см. § 6) составляют следующие абстракции (в порядке возрастания степени абстрагирования): габариты предмета (длина, ширина, высота); форма предмета (цилиндр, куб. шар и т. д.); вес (масса) предмета; цвет предмета (длина волны отражаемого света и его интенсивность); твердость материала предмета (по Роквеллу, Бринеллю, Виккерсу); прочность предмета (на разрыв, срез, изгиб, удар и т.д.); радиоактивность материала и т. д., и т. п. Все это животными (от муравья до собаки и далее — вплоть до человекообразного) просто не оценивается; знание вышеперечисленных свойств предмета — это из области содержательного идеального, имеющего значение лишь для человека как «продвинутого» субъекта познания.

При установлении истинности абстрактных форм (т.е. наличия в них объективного содержания) необходимо фактически отвечать на вопрос: а допускает ли найденная абстрактная конструкция или построение (как

продукт формы мышления) замену или выражение посредством конкретной формы предметности и/или посредством менее конкретной (чем предметная) формы ощущений и в какой степени возможна и допустима такая замена? Например, чтобы самым простейшим способом удостовериться в истинности или справедливости абстрактной формулы, описывающей пресловутый закон Бойля-Мариотта (PV = const: объем V газов обратно пропорционален давлению P [11, с.131]), необходимо эмпирически или мысленно «заменять» («замещать» или «наполнять») эту абстракцию конкретными ощущениями; т.е. при изменении положения поршня в цилиндре, к примеру, путем нажатия на шток поршня рукой, ставить в соответствие всякому его положению (что регистрируется визуальным образом в качестве зрительных ощущений) величину ответной силы или обратного давления поршня на руку (что опять-таки регистрируется органами осязания как тактильные и мьппечно-двигательные ощущения). Если при некотором стандартном наборе начальных условий (постоянная температура и неизменная масса газа в цилиндре), ограничивающих область применимости или справедливости данного закона, такая замена возможна и допустима многократно, то данный абстрактный продукт формы мышления может считаться истинным. И в данном же случае, как это видно, практические действия и их результаты служат мерилом или способом, удостоверяющим возможность замены (той или иной степени полноты) найденной абстрактной формы (формулы) конкретной формой другого, более «приземленного», более «низкого» уровня (т.е. измерением перемещений поршня и соответствующих им усилий). Причем для увеличения упомянутой степени полноты замены (в целях расширения границ применимости абстрактной формы) описание абстрактной формы (в данном случае формулы) требует, как водится, доработки и усовершенствования, в результате чего первоначальная простая абстрактная форма (формульное описание закона Бойля - Мариотта) при других наборах фиксированных начальных условий и параметров окружающей среды может принимать вид законов Гей-Люссака, Шарля, Авогадро и, в конце концов, при соответствующем наборе начальных условий может быть заменена универсальной абстрактной формой с максимально расширенными границами ее применения. Как следствие произведенных уточнений и доработки исходной формы закона, появляется уравнение Менделеева — Клапейрона [22].

Иными словами, суть практических действий или проверка практикой сводится к установлению возможности и допустимости замены или замещения содержания некой абстрактной формы (в данном случае формульного описания закона Бойля - Мариотта) содержанием формы опять-таки более конкретной (в данном случае содержанием формы ощущений). Если возможность такой замены обеспечивается и подтверждается, то подтверждается или удостоверяется тем самым и истинность абстрактной формы. В конечном же итоге (отметим еще раз) проверка практикой на деле оказывается частным случаем или разновидностью более широкой, обобщенной процедуры установления истинности знания, каковой является оценка возможности или допустимости *интерпретирования* содержания абстрактных форм содержаниями форм более конкретных, т.е. подобными же родственными практическими примерами и добываемым (добытым) фактическим материалом. Если абстрактная форма допускает интерпретирование (т.е. наполнение конкретным предметным содержанием,

сопряжение и преемственность содержаний сопоставляемых форм с переходом их друг в друга), то такая абстрактная форма может быть квалифицирована как *содержательная* и *истинная.*

Установление истины включает согласование содержаний форм (чувственного и идеального), нахождение соответствия содержаний тех же форм и как перспектива — определение количественных соотношений между объемами сопрягающихся содержаний...

Вопрос установления и оценки истинности знания и наличия *объективного содержания* в абстрактных формах, которыми это знание представлено, — всегда чрезвычайно актуален, и не только для научных и высокоинтеллектуальных сфер человеческой деятельности, но и для повседневной жизни.

В конечном итоге наиболее важным в процессе познания оказывается содержательная увязка абстрактных форм с конкретными, допускающая интерпретирование или выражение этих абстрактных форм через предшествующие более конкретные (в том числе и предметные) формы-уровни с тем, чтобы впоследствии **оперировать** этим **абстрактным, как более мощным инструментом познания взамен** употребляемых с этой же целью **конкретных форм.**

Универсальный критерий истины. § 11. Развитие как траектория превращений в ходе содержательного движения. Способы установления наличия и полноты объективного содержания.

Итак, траектория содержательно-форменных превращений в ходе «сквозного» содержательного движения выглядит следующим образом.

Принимая за *условное* начало содержательного движения (и превращений форм) форму предметности, отмечаем первый переход содержания этой формы (в силу неизбежности содержательно-форменных трансформаций, обусловливаемых *принципом саморазвития*) в содержание формы ощущений; далее наблюдаем переход содержания формы ощущений (путем содержательно-форменных трансформаций, обусловливаемых тем же принципом саморазвития) в содержание формы мышления. При этом объективность содержаний форм представленной цепочки оценивается лишь опосредованным образом — при непременном участии формы ощущений и формы мышления.

Для установления наличия *объективного содержания* в предметных формах окружающего мира служат, в конце концов, не только формы ощущений (органы чувств) человека, но и органы чувств других представителей животного мира. Поэтому не одна лишь предметно-практическая деятельность человека или практика оказывается способом оценки содержательности предметных форм; в случае выражения содержания указанных предметных форм посредством содержания форм ощущений

животного мира подобным же средством является поведенческая реакция животных.

Наличие *объективного содержания* в предметных формах в наиболее простых случаях беспристрастнее и надежнее доказывается как раз-таки сопоставлением поведенческих реакций (повадок, ужимок, эмоций, наборов звуков и т. д.) других, помимо человека, представителей животного мира. Если люди могут договариваться между собой по части согласования реакций на один и тот же предмет (что и означало бы «протаскивание» в качестве **объективности** пресловутой **общезначимости** мнений о предмете как результата некой договоренности между людьми), то представить себе подобную же договоренность между животными в отношении схожих реакций на исследуемый предмет просто невозможно.

На стадии трансформации объективного содержания предметных форм в содержания форм ощущений представителей животного мира, включая и человека, происходит наполнение и насыщение форм ощущений содержанием (содержаниями) предметных форм. Эго стадия накопления формами ощущений так называемого эмпирического опыта. Установление наличия *объективного содержания* в формах ощущений и проверка (оценка) содержания форм ощущений на объективность этого содержания осуществляется процедурой практики.

Установление *объективности содержания* предметных форм выполняется сопоставлением содержаний как можно большего числа форм ощущений. При совпадении или одинаковости содержаний ряда или множества форм ощущений делается заключение об *объективности содержания* предметных форм. Если последствия и результаты взаимодействий форм ощущений с предметными формами (и предметных форм между собой) оказываются примерно одинаковыми, то подобным совпадением содержаний множества форм ощущений представителей животного мира, включая человека, и доказывается относительно независимое от отдельных форм ощущений *единообразие* содержания предметного мира, т. е. *объективность* этого *содержания.*

Кроме того, совпадением или тождеством содержаний форм ощущений (для ряда или множества представителей животного мира, включая человека) доказывается не только наличие общего объективного содержания в предметных формах, но и объективность содержаний в сопоставляемых формах ощущений.

Итак, на некотором этапе движения-развития реальности содержание предметных ее форм трансформируется в содержание более подвижных и «продвинутых» форм, каковыми становятся формы ощущений представителей животного мира, включая человека; иными словами, упомянутое содержание предметных форм «восходит», так сказать, на новый уровень своего представления формами ощущений. Объективность содержания предметных форм, как и содержаний форм ощущений, устанавливается практическим путем (процедурой практики) — оценкой возможности и допустимости замены содержаний одних форм ощущений содержаниями других форм ощущений (т. е. проведением указанной оценки как бы «по горизонтали»), о чем и должна свидетельствовать одинаковость (совпадаемость) содержаний этих форм при

их сопоставлении. Даже само наличие подобных друг другу или одинаковых форм-носителей ощущений во множественном числе (например, человеческих индивидов) доказывает преемственность содержаний формы ощущений и формы предметности и, в конечном итоге, объективность содержаний этих форм.

Это то. что касается связки форм предметности и ощущений. Теперь — о связке форм предметности, ощущений и мышления.

Объективность содержания абстрактных форм мышления проверяется и подтверждается путем сравнения и установления наличия в этих абстрактных формах конкретного содержания, единого и общего в какой-то мере для всей связки форм предметности, ощущений и мышления.

Объективность содержания более абстрагированных (по отношению к формам предметности и ощущений) форм мышления доказывается возможностью и допустимостью **приблизительного** выражения или замещения содержания абстрактных форм содержаниями более конкретных предметных форм, опосредованными формами ощущений. Кроме того, на уровне самого мышления, для подтверждения истинности сугубо (высоко) абстрактных форм-продуктов мышления могут привлекаться менее абстрактные формы-продукты того же мышления, уже имеющие или получившие статус подлинного знания (носителей объективного содержания) на предшествующих этапах человеческой деятельности. В данном случае речь идет о проведении оценки содержательности форм как бы «по вертикали».

Далее, выявить объективную содержательность некоторой абстрактной формы-продукта мышления — это значит установить (путем сравнения) наличие в этой форме содержания, общего с содержаниями более конкретных сопряженных форм, и на этом основании сделать заключение о том, «укладывается» ли содержание абстрактной формы в цепочку содержаний предшествующих конкретных форм и продолжает ли собой эту цепочку; позитивный ответ на эти вопросы означает положительный ответ и на вопрос, может ли таким образом содержание исследуемой абстрактной формы претендовать на *объективность.*

Наука считается скептическим методом познания, утверждавшимся на протяжении 400 лет в условиях жесточайшей конкуренции взглядов на то или иное явление (в смысле объяснения его основ и прогнозирования его последствий). Что же обеспечило в таком случае прерогативу научного подхода и превосходство способа научного мышления (и получения знаний) по отношению к другим методам? Установка и нацеленность исключительно на **объективность** содержаний добываемых знаний, удостоверяемую *преемственностью* сопрягаемых и переходящих друг в друга *объективных содержаний* форм, интерпретирующих эти знания.

Процедура установления присутствия и объема («количества») объективного содержания в той или иной совокупной форме, каковой является, скажем, многоуровневая форма самого человека, требует оценки наличия обязательной прямой и обратной связи между уровнями в их совокупности (совокупной форме). Практика или предметно-практическая деятельность человека как раз и выступают в роли способа или приема, подтверждающего

или удостоверяющего наличие такой связи. Присутствие непосредственной связи между уровнями свидетельствует об их преемственности.

Так или иначе процесс или процедура установления истины или истинности субъективно-абстрактных форм всегда осуществляется спирально-циклическим путем возвращения к истокам (к основанию — к предметным формам и формам ощущений) и тем самым возвращения «к себе самому на новом уровне» (в чем, собственно говоря, видится суть и обратной связи, и содержательного обогащения, и изменения-движения-развития в направлении обретения наивысшей содержательности — т. е. объективного содержания — всей совокупностью форм).

Если в ходе осуществления такой процедуры наблюдается отсутствие или неустойчивость прямых и обратных связей между субъективным и объективным уровнями (компонентами в отношении {субъект/объект}), то именно на этом основании и должен следовать однозначный вывод о неистинности, неверности, некорректности, неточности проверяемой субъективной формы — продукта мышления (знания, суждения, утверждения, определения, понятия, формулы, теории, концепции, учения, модели и т.д.).

В этой связи уместно было бы еще добавить, что в силу особенностей подобного возвратно-поступательного движения (при котором на любом участке пути сам ход или естественный спиралеобразный характер развития реальности предполагает возвращение к подножию-основанию пирамиды, «подпитку» или обогащение обретающегося содержания первородными живительными истоками, а также «обратное» его движение к ре-формирующейся вершине, к ре-формирующимся содержательным абстракциям), не только эволюция, но и революции, и кризисы, и конфликты, и прочие потрясения не исключены, не закончены и не завершены (как этого может быть и хотелось бы человеку неискушенному и неосведомленному по части «механизма» реализации диалектического движения).

Универсальный критерий истины. § 12. Критерий истины - содержательность. Развитие как движение форм реальности в направлении обладания наивысшей содержательностью.

Как это уже можно было заметить, центральным понятием, на основе которого выстраивается наше повествование и которое будет еще настойчивее вплетаться в канву дальнейших рассуждений, является понятие «содержание» и его производное — «содержательность».

В соответствии с воспроизведенной выше точкой зрения *развитие* представляет собой «восхождение» объективного содержания *разноуровневыми,* но сопряженными одна с другой преемственными формами, которые по мере упомянутого восхождения становятся все более абстрактными и емкими, сдвигаясь или смещаясь в область все более содержательных *субъектных* форм, т.е. в сторону «числителей» известных

отношений {содержание/форма}, {субъект/ объект}, {субъективное/объективное}, {абстрактное/конкретное}, {изменение/основа} и пр.

Соответственно нашему подходу развитие реальности осуществляется в направлении возрастания содержательности ее форм, которые, занимая новые информативные уровни, становятся и все более абстрактными.

Зададимся теперь следующим актуальным для нас вопросом: в каком отношении с *содержательностью* форм находится их *истинность?*

Согласно диамату, истина — это *объективное содержание* чувственного. эмпирического опыта, понятий, идей, суждений, теорий, учений и целостной картины мира в диалектике ее развития [19, с. 226]. Поскольку содержание не бесформенно, а форма не бессодержательна (см. § 8), всякое содержание, в том числе и отвечающее истине, предстает в реальности или реализуется только через форму и не иначе, — на что, собственно говоря, и указывается в самом определении истины. Иными словами, истина не проявляется в реальности иначе, чем через **формы** (включая и перечисленные в определении такие формы, как: понятия, суждения, идеи, теории, учения, эмпирический опыт и т. д.), и в указанном аспекте вопрос о том, является ли истина ***формой*** *проявления объективного содержания,* есть вопрос риторический.

По какому признаку (показателю, качеству, свойству, компоненту, составляющей и пр.), исходя из приведенного определения, следует оценивать **истинность** форм, и в том числе абстрактных форм знания (понятий, идей, суждений, теорий, учений и т. д.)? Очевидно, по наличию в этих формах *объективного содержания.* Иными словами, оценке подлежит **содержательность** форм, и, похоже, именно этот показатель (признак, качество, свойство, компонент, составляющая и пр.) и будет служить **критерием** оценки *истинности* той или иной формы.

Учитывая *синкретическую* нераздельность содержания и формы, о чем говорилось выше, всякая форма «от рождения» наделена некоторым содержанием, но для человеческого мышления ориентиром служит и вызывает интерес, как правило, *максимальная* содержательность и, соответственно, форма выражения *наивысшей* содержательности. Поэтому логичнее всего предположить, что наиболее содержательная форма (т.е. форма, максимально «наполненная» *объективным содержанием* или форма, обладающая наивысшей содержательностью) и будет формой *истинной.* Таким образом, **истина,** с позиции наших представлений, — это форма выражения **объективного содержания** (т.е. форма выражения *наивысшей, максимально достижимой содержательности*) реальности или отдельного ее элемента на всяком определенном этапе ее (реальности) развития.

Как, каким путем, способом, какими средствами, процедурами, технологиями можно оценивать объем или «количество» *содержательности* той или иной исследуемой абстрактной формы? Путем выражения или «замещения» (хотя бы мысленного) содержания исследуемой абстрактной формы уже оцененными, проверенными, одобренными и утвержденными человеком (т.е. наделенными статусом *истинных*) содержаниями более конкретных форм.

Такая процедура именуется *практикой,* а в рамках более широкого применения подобной процедуры или технологии — *интерпретированием.* В обоих случаях упомянутые процедуры сводятся к оценке возможности и допустимости выражения или замещения содержаний исследуемых абстрактных форм содержаниями форм более конкретных и уже проверенных (наподобие вышеописанного в § 10 способа или процедуры оценки истинности абстрактной формы-формулы закона Бойля - Мариотта).

Вот еще пример оценки содержательности и истинности форм. Попросту говоря, если объем шарообразного сосуда радиусом R выражается, согласно «происка м» абстрактного мышления, формулой $4/3\pi R^3$, то не составляет никаких трудностей проверить или оценить рассчитанный таким образом объем, вливая в сосуд воду или насыпая речной песок. Оценкой содержательности формы мышления (т.е. вышеуказанной формулы), осуществляемой в данном случае способом или процедурой замещения содержания абстрактной формы мышления содержанием конкретной формы ощущений (заполняя сосуд измеренным *затем* количеством воды или песка), можно удостовериться в истинности формулы, т.е. в истинности формы-продукта абстрактного мышления. И далее, эту абстрактную форму (формулу для вычисления объема шара), проверенную миллион раз на соответствие или «совпадаемость» содержания ее с содержанием формы ощущений, можно, в свою очередь, использовать для проверки и оценки содержательности других форм, ссылаться на нее и употреблять в дальнейших исследованиях как основание с *подтвержденной* и *удостоверенной истинностью.*

Таким образом, тот **критерий** (признак, показатель, качество, свойство, компонент и пр.), по которому следует оценивать **истину** или в общем случае **истинность** возникающих, существующих и исчезающих форм, — это вовсе *не практика*, а **содержательность** форм. *Практика* же — это всего лишь процедура (процесс) проведения такой оценки, причем ограниченная в основном предметной областью деятельности человека. В отношении более широкой области применения, включающей оценку истинности абстрактных конструкций, построений и структур различной иерархичности и вложенности, такая процедура именуется **интерпретацией** (см. § 9) или **интерпретированием.** В данной связи практика оказывается всего лишь частным случаем, узкой прослойкой более обширной процедуры или технологии установления истинности форм — интерпретирования. Тем самым практика — это также интерпретирование, т.е. замена (зачастую мысленная) одних форм, как правило более абстрактных, формами более конкретными и проверенными (в этом же ряду находится и процесс моделирования).

[*Практика* — это, прежде всего, *процесс,* и потому в некотором смысле неопределенность, что само по себе не очень-то подходит под определение *критерия.* С позиции наших рассуждений *критерием истины* является не сама по себе практика или предметно-практическая деятельность субъекта с ее результатами, а *наличие* и *объем* или «количество» *объективного содержания* в исследуемых абстрактных формах, что и устанавливается с помощью процедуры практики или в общем случае технологии интерпретирования].

Подлитым критерием оценки истинности абстрактных форм-продуктов мышления является содержательность этих форм. Практика же или интерпретирование — это технология (процедура. способ, процесс, средство и

пр.) установления наличия и «количества» содержательности (т. е. *наличия и «количества» объективного содержания*) в исследуемых формах, а значит, в конечном итоге, и *истины* или *истинности* исследуемых форм.

На первом этапе реализации упомянутой технологии устанавливается *наличие* объективного содержания (содержательности) в исследуемых формах путем оценки или проверки возможности и допустимости как можно более полного замещения (выражения, замены) содержаний исследуемых форм содержаниями форм более конкретных (уже проверенных и с подтвержденной истинностью), т.е. устанавливается допустимость замены одного на другое (неизвестного на известное, непонятного на п**о**нятое, иррационального на рациональное и т. п.). По результатам такой проверки делается заключение об интерпретируемости исследуемых форм, т.е. о преемственности замещающих и замещаемых содержаний. Интерпретируемость исследуемых форм в таком случае означает подтверждение наличия некоторого «количества» объективного содержания (содержательности) в исследуемых формах.

На втором этапе оценивается *полнота* такого замещения (т.е. определяется «количество» содержательности исследуемых форм) путем нахождения или установления как можно большего числа конкретных форм (уже проверенных и с подтвержденной истинностью), пригодных для осуществления вышеуказанной замены. По результатам выполненной оценки делается заключение о полноте содержательности, а затем и об *истинности* исследуемых форм.

Оба этапа могут объединяться в один и реализовываться одновременно. Таким образом, интерпретируемость исследуемых форм и число интерпретаций дают более или менее полное представление о статусе (истинности или неистинности) исследуемых форм.

На основании вышеприведенных рассуждений можно прийти к тому выводу, что подлинным **критерием истинности** форм служит их **содержательность,** а *статус истинной формы или истины отвечает форме с максимально достижимой (на том или ином этапе развития реальности) содержательностью.*

Что же такое *содержательность* той или иной *формы*? Следует полагать, что применительно к конкретным предметам и прочим материальным элементам реальности содержательность (как преимущественно внутренний скрытый компонент или составляющая) конкретных форм должна тем не менее представляться извне посредством каких-то конкретных внешних атрибутов этих предметов или элементов. Может быть проявлением содержательности, к примеру, красота формы? Вероятно, может. Красота вполне может оказаться одним из атрибутов, пригодным для оценки содержательности, а следовательно, и для оценки истинности какой-либо конкретной формы. То же самое, очевидно, можно сказать и о таких проявлениях содержательности конкретных форм, как простота (или, наоборот, сложность), экономность (экономичность), полезность, прагматичность, рациональность, системность, целостность, оригинальность и т. д.

Теперь по поводу содержательности *абстрактных* форм: теорий, концепций,

парадигм, планов, схем, формул, проектов, диаграмм, моделей, учений и пр. Красота (к примеру, математическая красота и изящество формулы) также может оказаться внешним проявлением, пригодным для оценки содержательности той или иной абстрактной формы. Внешним воплощением содержательности абстрактных форм вполне могут быть и ясность суждения, и стройность изложения, и доказательность утверждения, и лаконичность мысли (идеи), и логичность выводов, и непротиворечивость теории, и общезначимость результатов, и информативность диаграммы, и простота схемы, и компактность планировки и т. д., и т. п.

Однако в какие бы одежды ни рядилась содержательность конкретных и абстрактных форм, в тех и других случаях содержательность в лице своих вышеуказанных проявлений должна быть подтверждена интерпретированием оцениваемых форм либо результатами предметно-практической деятельности (практикой), либо многократно проверенными и одобренными результатами (продуктами) теоретической (мыслительной, субъективно-идеальной) деятельности человека. Процедура же интерпретирования подразумевает под собой как можно более полное выражение, замену или замещение (хотя бы мысленное) содержания исследуемой (проверяемой) абстрактной формы содержаниями форм более конкретных. Тогда интерпретируемостью форм (т.е. возможностью и допустимостью содержаний исследуемых форм быть выраженными или замещенными содержаниями форм более конкретных и проверенных) доказывается присутствие *объективного содержания* в исследуемых абстрактных формах.

Максимальная же или наивысшая содержательность, а значит, и истинность исследуемых форм, в свою очередь, доказывается возможностью и допустимостью выражения или замещения содержания абстрактной формы конкретными содержаниями *максимально возможного* числа конкретных форм разных уровней конкретности (практическими примерами, фактическим материалом, результатами многочисленных экспериментов, многократно проверенными и утвержденными ученым сообществом результатами теоретических исследований и т. п.). Только тогда форма с оцененной таким образом содержательностью может претендовать на место в списке *максимально содержательных* абстрактных форм, а, следовательно, и форм *истинных.* Иными словами, истинность, т.е. максимальная или в крайнем случае достаточная содержательность абстрактной формы, должна удостоверяться и подтверждаться ее интерпретируемостью (возможностью и допустимостью быть выраженной) содержаниями других форм:

— более конкретных, т.е. более «низкого» (по иерархии) уровня форм;

— форм абстрактных, истинность которых подтверждена ранее и не вызывает сомнений,

что и свидетельствовало бы о преемственности содержаний всех этих форм разных уровней, а, следовательно, и об их *объективности.*

Здесь же уместно вернуться к критерию истинности, предложенному А. Пуанкаре (см. § 3). Разбирая детально высказывание французского ученого, можно видеть, что с его точки зрения «внутренняя гармония мира» и есть объективная содержательность, обусловливающая истинность этого

(реального) мира.

Может ли гармония мира быть проявлением его содержательности? Очевидно, может, как и красота. Дело остается лишь за малым — решить, как оценивать эту содержательность (т.е. внутреннюю гармонию мира или реальности), в каких условных единицах или эталонах следует ее выражать, чтобы выявить наивысшую степень (уровень) этой содержательности, которая и будет отвечать *истинной* форме реальности.

И при всем этом оценка *содержательности* исследуемой формы (*внутренней гармонии мира* по А. Пуанкаре) должна вестись, как и было отмечено выше, в полном соответствии с технологией интерпретирования (т.е. установлением допустимости и полноты замещения содержания исследуемой формы содержаниями возможно большего числа форм конкретных, а также форм абстрактных, истинность которых подтверждена ранее и не вызывает сомнений).

Ввиду особой важности рассматриваемого вопроса воспроизведем еще раз обоснование выше выдвинутого критерия истины (истинности форм реальности).

Поскольку множество словарей, в том числе и философских, истолковывают *критерий* как *признак,* на основании которого производится оценка чего-либо [16, с. 130; 17, с. 664] и по которому можно определить истинность или ложность суждения [21], а также как *«отличительный знак,* при помощи которого мы можем ее (истину) узнать» [6], то со всей уверенностью можно сказать, что таким признаком или показателем в случае оценки истинности форм (т.е. в процессе поиска и установления истины) является уж **никак не практика.**

Вот, например, что сообщается в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [21]: «Формальным критерием истины служат логические законы: все, что не заключает в себе внутреннего противоречия, логически возможно, но для того чтобы быть истинным, оно должно соответствовать и материальному критерию, т.е. и **фактическому содержанию** мысли». Как видим, в конечном счете и здесь в качестве критерия истинности форм выдвигается их фактическая (объективная) **содержательность,** что отнюдь не расходится с нашими представлениями и нашей позицией. Ведь на наиболее корректный и уместный в данной связи вопрос, — по какому однотипному признаку или показателю следует оценивать истинность абстрактных форм, какое качество или свойство абстрактной формы подлежит оценке для выявления и удостоверения ее истинности, — ответ напрашивается следующий: разные формы можно корректно сравнивать, сопоставлять, оценивать лишь по признаку, присущему любой и всякой форме и именуемому *содержательностью* (т.е. по полноте или наполненности формы содержанием). Наиболее истинна, подлинна и действительна форма, обладающая наивысшей содержательностью на данный момент ее (формы) развития; менее содержательная форма и менее истинна, и менее достоверна, и менее действенна, и менее действительна.

Наполненность абстрактной формы внутренним содержанием оценивается, устанавливается, проверяется по внешним проявлениям формы, таким,

скажем, как красота, рациональность, простота, очевидность, лаконичность и пр. А вот как, каким образом, путем, способом, с помощью какой процедуры выполняется такая оценка — это уже вопрос технологии. Под практикой подразумевается процедура оценки истинности абстрактных форм, связанная с определением возможности и допустимости замещения содержания абстрактной формы содержаниями форм конкретных, а именно — содержаниями предметных форм, опосредованных формами ощущений. С высот сегодняшнего дня эта процедура несколько «узковата», чтобы охватывать собой весь широчайший спектр областей деятельности современных исследователей. Поэтому для оценки истинности форм во всех областях деятельности современного человека применяется процедура, именуемая интерпретированием.

Технология интерпретирования связана с определением возможности и допустимости как можно более полного замещения содержания абстрактной формы не только содержаниями форм ощущений и предметных форм, опосредованных человеческими ощущениями (как в случае процедуры практики), но и содержаниями таких абстрактных форм-продуктов мышления, истинность которых предварительно проверена и многократно подтверждена в ходе предыдущей деятельности человека (речь идет о практических примерах, эмпирических данных, фактическом материале, формульных выражениях и выкладках, схемах, моделях, теориях, учениях, аксиомах, постулатах и т. д., и т. п., истинность и действительность которых не вызывает сомнения, прежде всего, в научных кругах или в среде ученой общественности). В такой связи процедура практики оказывается частным случаем технологии интерпретирования; т.е. практика также относится к технологии интерпретирования, но с той лишь разницей, что здесь процедура оценки истинности форм осуществляется замещением (возможно, мысленным) содержаний абстрактных форм содержаниями главным образом таких конкретных форм, как формы предметности, опосредованные формами ощущений.

Подчеркнем, таким образом, еще раз. что не практика или в общем случае технология интерпретирования служат критериями истинности абстрактных форм, а такой вездесущий компонент или составляющая всех форм, как их внутренняя содержательность (наполненность или степень наполненности содержанием). Процедура же практики или технология интерпретирования позволяют лишь **оценить** наличие и полноту (т.е. «количество») содержательности (а значит, и степень или уровень истинности) исследуемых форм. И теперь на основании понимания **существа** критерия истинности форм появляется возможность **осмысленно** разрабатывать его (критерия) численные эталоны — строить, скажем, шкалы, диаграммы, номограммы, рейтинговые системы и пр. для **численной (количественной) оценки,** во-первых, *содержательности* и, во-вторых, *истинности* всевозможных форм.

Критерий оценки истинности формы — это ее содержательность, а уровень истинности или подлинности формы определяется полнотой содержания или «количеством» этой самой содержательности. Отсюда истина — это форма наивысшей содержательности или максимально достижимой полноты содержания на всякий определенный момент развития этой формы. Любая форма наивысшей содержательности (т.е. форма максимально наполненная

содержанием) на всякий данный момент ее (формы) развития и есть форма **истинная.** В таком контексте легко понимается, что по своей сути **абсолютная** истина — это итерационный процесс бесконечных приближений к исчерпывающему (окончательному и полному) выражению *объективного содержания* развивающейся реальности разнообразными ее (реальности) формами наивысшей содержательности.

Если практика (как процедура, как технология, как способ, как процесс и пр.), **ошибочно** выступающая доселе в роли критерия истины, не поддается количественной оценке и потому не может служить информативным критерием при установлении истинности форм, то содержательность форм — это такой признак или показатель, который органически, естественным образом пригоден и приспособлен для подобной оценки.

Кто-то, наверняка, скажет, что за чушь здесь несется — как можно мерить содержательность и тем более истинность чего-либо? Ответ простой: человек испокон веков только тем и занимается, что оценивает и меряет содержательность всевозможных форм реальности. Отныне будет делать это более осмысленно.

В каждой сфере человеческой деятельности существуют свои рейтинговые системы, шкалы, графики, таблицы, диаграммы, номограммы и т. д., и т. п. для оценки содержательности разнообразных форм. Метрическая система мер, системы СИ, СГС и пр. с их условными единицами и эталонами (килограммами, метрами, секундами и т. д.), денежная система, виртуальная система Bitcoin (или нечто подобное крипто валютное, приходящее на смену и как продолжение денег), индексы IQ, Хирша, РИНЦ и др. (как попытки выражения в условных единицах уровня интеллекта человека), гуманистические системы оценки духовности (как попытки оценки в условных единицах духовного потенциала человека) — все это примеры рейтинговых систем, позволяющих оценивать *содержательность* всевозможных форм реальности, обретающихся на разных ее уровнях и в разных областях. «Количество» измеренной содержательности форм и отвечает разным приближениям этих форм к абсолютной истине или к форме «исчерпывающего» выражения *объективного содержания* реальности (в той или иной ее области).

Человек как одна из множества форм многоуровневой реальности, в свою очередь, представляет собой многоуровневое образование. Но с давних времен и до сих пор содержательность человека определяется в основном уровнем материальных накоплений, присутствующим и, к сожалению, доминирующим (пока) среди прочих уровней в их иерархической совокупности. Деньги при этом и есть количественная мера содержательности этой доминанты (т.е. доминирующего уровня в составе совокупности всех прочих уровней человека), почему они и занимают особое место и являются наиболее распространенной рейтинговой системой среди прочих систем и шкал количественной оценки содержательности форм. Будучи, однако, мерой содержательности главным образом «приземленных» материальных уровней и подуровней в составе многоуровневой формы человека, рейтинговая денежная система в силу указанного обстоятельства не так уж универсальна, как кажется, и «бессильна» в отношении оценки, скажем, духовной и иных вершинных сфер и уровней «обретания» истинной

содержательности человеческого «Я». Духовность или нравственность, будучи совокупностью глубинных человеческих чувств, опосредованных человеческим же мышлением (сознанием), вообще плохо поддается количественной оценке с использованием существующих «приземленных» эталонов. Для оценки духовного потенциала человека требуется особенная филигранно-утонченная шкала.

Деньги — это примитивный «измеритель» объемов содержания или потенциала форм главным образом вещественно-предметного уровня (а не некий «всеобщий эквивалент»; неверные или устаревшие базовые представления иногда серьезно препятствуют пониманию существа проблемы), за «монументальным» фасадом которого скрывается незамысловатая суть этой «прокладки» как еще одного лишнего промежуточного элемента (подобного понятиям «отражение» или «копия» в известных гносеологических теориях), надобность в котором отпадет по мере совершенствования организации общественного устройства.

Подобно тому, как весы, часы, разного рода счетчики (электрические, газовые, водяные) и другие счетные устройства служат простыми измерителями объемов содержания или **содержательного ресурса** тех или иных форм разных уровней (электроэнергии, тепла, воды, газа, нефти, воздуха, времени и т. д.), деньги — это также «механический» измеритель содержательного потенциала всевозможных форм-уровней, оцениваемого опять же замещением содержаний как конкретных, так и абстрактных форм содержанием весьма конкретной вещественной формы. Иными словами, деньги — это так же тривиальная (с претензией на универсальность) рейтинговая система для измерения «количества» содержательности форм.

Как известно, всякое движение вперед заключается в том, что делается шаг от достигнутого и все перспективные формы (такие, скажем, как планы, проекты, программы и пр.), прежде чем получить одобрение на их воплощение и применение, проверяются путем замены (хотя бы мысленной) формами существующими (достигнутыми) и уже применяющимися человеком. Если содержания исследуемых (проверяемых) форм могут быть замещены (как можно более полно) содержаниями уже использующихся форм (т.е. форм, наделенных *объективным содержанием* — форм истинных), то делается заключение и о достаточной содержательности исследуемых форм, и о пригодности их для дальнейшего применения.

«Успех человеческой практики», считают марксисты, доказывает соответствие представлений человека «с объективной природой вещей», которые он воспринимает [11, с. 134-135]. Речь здесь идет о соответствии содержания продуктов человеческого мышления (тех или иных абстрактных субъективно-идеальных конструкций и построений) содержанию предметного мира, т. е. об истинности продуцируемых человеческим мышлением абстрактных форм, что для человека как субъекта познания наиболее интересно, ценно и важно *в первую очередь.* Условием «успеха» применения, а значит, и признаком (критерием) истинности абстрактной формы-продукта мышления будет соответствие ее содержания содержанию формы предметности, или, иными словами, возможность и допустимость *как можно более полного* замещения содержания абстрактной формы мышления содержанием предметных форм, опосредованных формами ощущений. В

конечном же итоге наличие *объективного содержания* в исследуемой абстрактной форме — вот критерий истинности этой формы, а значит, и «успеха» ее применения на практике. Как видим, ни «человеческая практика», ни «успех» не являются ключевыми словами в вышеприведенном утверждении; определяющим фактором успеха практического применения или *истинности* той или иной абстрактной формы оказывается ее *объективная содержательность.*

Итак, по части признания особенной роли и значения практики в оценочном процессе установления истины не имеется никаких возражений с той лишь разницей, однако, что практика в этом случае не является критерием истинности или успеха применения исследуемых абстрактных конструкций, а служит лишь приемом или способом такой оценки. Подлинным же критерием истины или успеха применения абстрактных форм оказывается содержательность проверяемых форм, а точнее — «количество» этой содержательности, на основании чего становится возможным, наконец, **осознанно** оценивать *истинность* исследуемых форм **количественно,** т.е. числом или «цифрой».

Если смысл практики сводится к оценке возможности и допустимости замещения содержания абстрактных форм содержаниями форм в основном предметных (а точнее, содержаниями форм ощущений), то технология интерпретирования представлена более расширенным набором средств и приемов установления и проверки истинности абстрактных форм: и формами ощущений, и уже проверенными. одобренными и признанными (утвержденными) в их истинности абстрактными формами разных уровней и конструкций. Разноуровневые абстракции с установленной и подтвержденной истинностью — это также ступеньки «восхождения» сути или *объективного содержания* реальности.

В прежние времена обращение к процедуре практики было достаточным; сегодня же эта процедура должна быть расширена путем *сознательного* включения в ее оценочный арсенал набора современных и более эффективных средств — иначе человек, полагаясь на ложные или неумело и ошибочно избранные ориентиры («неистинные» истины), рискует утратить адекватность восприятия мира и исчезнуть как вид или определенная форма-уровень реальности.

Общеизвестное выражение (прототипы которого с большой вероятностью обретаются в трудах Г.В.Ф. Гегеля): «Истина всегда конкретна», — совершенно верно с той точки зрения, что истина на всякий данный момент — это всего лишь *конкретная ограниченная форма* очередного приближения ко всеобъемлющему выражению движущегося, развивающегося содержания (как эквивалента «извлекаемой» из глубины абстрактной сути) реальности. Кроме того, истинность содержаний (т.е. полнота или «количество» содержательности) исследуемых абстрактных форм-продуктов мышления (понятий, суждений, проектов, теорий, концепций, философских систем, учений и т. д.) устанавливается допустимостью интерпретирования и числом интерпретаций этих исследуемых форм *известными точечными конечными* примерами: фактическим материалом, результатами предметно-практической и теоретической деятельности, а также уже проверенными и подтвержденными абстрактными формами. В таком разрезе легко

понимается, что все перспективные формы, претендующие на обретение статуса форм истинных, также впоследствии окажутся *конкретными относительными* истинами в силу *интерпретирования* их *конкретными конечными* примерами-результатами предшествующей практической и теоретической деятельности в процессе установления их истинности.

«Успех» существования (т.е. истинность, действительность, дееспособность) любой реальной формы определяется ее *содержательным ресурсом* или опять же «количеством» ее содержательности. Содержательный ресурс, в свою очередь, складывается из множества составляющих; для такой формы как, например, государство — это отнюдь не только развитая экономика, но и интеллектуально-духовный потенциал населения, запасы природных ресурсов и оборонный потенциал, самодостаточность, высокая адаптивность населения к изменяющимся условиям при сохранении адекватности мышления и т. д. Применительно, скажем, к живым формам — это и выносливость организма, и его живучесть, и его энерговооруженность или энергетический потенциал, и продолжительность жизни (без потери качества), и адекватная реакция на воздействия и способность адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды, и опять же самодостаточность и пр.

Хорошо-плохо, лучше-хуже, выше-ниже, широко-узко, много-мало, больше-меньше, глубоко-мелко, полезно-вредно. — происхождение и широкое употребление этих и множества подобных пар сравнений также обусловлено потребностью в оценке полноты содержательности или содержательного ресурса всевозможных форм реальности в основном на бытовом уровне.

Аналогичным образом успех действий иди успешность деятельности человека определяется *содержательным ресурсом* формы человека (в общем случае — человечества) и его мышления.

Любая форма-уровень живет или существует, *обогащаясь* естественным образом, до тех пор, пока какая-либо из подформ-подуровней, входящих в состав целой совокупности подформ-подуровней формы, не выразит собой максимально достижимую для этой подформы-подуровня содержательность. С наступлением момента выраженности максимальной содержательности какой-то подформой-подуровнем в составе существующей формы (что отвечает достижению пика активности всей формы) начинает преобладать прогрессирующий отъем ее содержания соседствующими формами-уровнями. По этой причине форма стагнирует и регрессирует, будучи «растаскиваемой» по частям и ассимилируемой другими более активными формами-уровнями вследствие жесточайшей между ними конкуренции и неиссякаемого «спроса» на содержательность. Всякую «зазевавшуюся» форму, остановившуюся в наращивании своего содержания (содержательного потенциала) и притормозившую развитие, конкуренты тут же растаскивают на составляющие, пополняя тем самым запасы своей содержательности соответственно вездесущему *принципу саморазвития.* Границы, ресурс, качество всякой формы обусловливаются накопленным в ней объемом содержания.

Всем формам-уровням приходится доказывать свою *состоятельность* (т.е. способность наращивать и приумножать свой потенциал-содержательность) в жесткой конкурентной борьбе. Человек — не исключение, а образец типичной

формы, подчиняющейся действию универсального «механизма» развития реальности — *принципа саморазвития.*

Само существование любой формы имеет место лишь благодаря наращиванию и сохранению темпов роста ее содержательности, а сам факт ее существования свидетельствует о наличии в ней достаточного объема содержательности. С другой стороны, наивысшая содержательность того или иного уровня демонстрируется, подтверждается и удостоверяется устойчивостью его формы.

Таким образом, «успех» или длительность стабильного существования формы является следствием и показателем присутствия в этой форме достаточного объема *содержательности,* и эта подлежащая оценке содержательность (всевозрастающей степени абстрактности) форм должна быть увязана с конкретностью предшествующих форм, т.е. допускать интерпретирование предшествующими конкретными формами-уровнями.

Какие преимущества сулит такое, казалось бы, несущественное уточнение, касающееся выдвижения и обоснования *корректного* и *подлинного* критерия истины?

В «обличии» вновь выдвигаемого критерия исследователь получает в свое распоряжение эффективный инструмент для осуществления **осознанной** сравнительной *количественной* оценки *содержательности* (а значит, и *истинности*) разнообразных форм и, соответственно, выстраивания их по ранжиру. И уже на этом основании открывается возможность принимать более грамотные и взвешенные решения относительно определения направления дальнейших исследований реальности с опорой на осмысленно отобранные **истинные** ее формы.

Универсальный критерий истины. § 13. Технология интерпретирования как универсальный способ оценки содержательности форм.

Разберем детальнее технологию интерпретирования, применяемую при оценке и установлении содержательности и истинности исследуемых форм.

Как уже было выяснено выше (см. § 9), «интерпретировать» — означает выразить нечто абстрактное и недостаточно определенное через основательное, определенное и конкретное; перевести непонятное на язык понятного; представить новое и необычное посредством известного и привычного. Аналогичным образом истолковать понятие или дать определение — это значит выразить частное через более общее, или, говоря словами В.И. Ленина, «это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое» [11, с. 142]. В указанных случаях одно выражается через другое: нечто, еще только складывающееся неясное и расплывчатое — через устоявшееся и определенное предшествующее. В этом смысле *технология интерпретирования* укладывается в русло *принципа саморазвития* (и этому принципу подчиняется), определяющего и

предписывающего единую направленность развития всем реальным процессам.

Иными словами, интерпретирование — это и разъяснение (истолкование) абстрактных построений путем обращения к содержанию конкретных форм; это и выражение иррационального через рациональное; это и присвоение конкретных смысловых значений абстрактным элементам: образам, понятиям, суждениям, выражениям, выкладкам, схемам, формулам, символам и т. д.

Все научные приемы установления истины, включая объяснение и прогнозирование результатов исследований (в числе которых оказываются: моделирование процессов, воспроизведение реальных ситуаций, симуляция поведения, предвосхищение последствий и пр.), относятся так или иначе к *технологии* (методу, способу, процедуре) *интерпрет ирования.*

Наиболее ходовой и распространенный способ подтверждения содержательности абстрактных форм — это интерпретация этих форм привычными и принятыми (принимаемыми разумом, обыденным сознанием или так называемым здравым смыслом) частностями и конкретностями.

Обращение к фактам (примерам, эмпирическим данным, апробированным результатам теоретической деятельности) с целью выражения содержаний исследуемых абстрактных форм содержаниями форм более конкретных есть интерпретирование абстрактного конкретным (такая практика применяется в отношении всех субъективно-идеальных форм из разных сфер человеческой деятельности, а не только продуктов и результатов теоретических исследований).

Способность или *пригодность* абстрактной формы к интерпретированию другими более конкретными формами (т.е. интерпретируемость абстрактной формы) отнюдь не говорит еще и не свидетельствует о достаточной содержательности этой формы, но тем не менее — это первое обязательное условие на пути освидетельствования истинности той или иной формы. Второе обязательное условие при установлении истинности формы — определение *полноты* ее содержательности и, следовательно, уровня ее истинности в зависимости от «количества» этой содержательности, обусловливаемой числом (и как можно большим) интерпретаций содержания исследуемой формы содержаниями форм более конкретных.

По признанию и заключению самих марксистов, принятый ими в теории познания критерий истины, отстроенный на основе практики, в какой-то мере неопределенен, т.е. не является исчерпывающим (необходимым и достаточным). Но дело-то здесь совсем не в совершенстве-несовершенстве процедуры (практики) как критерия; неопределенность всякого из возможных критериев истины в любом случае обусловлена тем, что, во-первых, ни одна из исследуемых (проверяемых на истинность) реальных форм не может быть содержательно исчерпывающей или **абсолютно** содержательной и, во-вторых, наивысшая содержательность ни одной из форм не может быть подтверждена **бесконечным** числом интерпретаций. Тут в силу вступает принцип разумной достаточности, на который и следует ориентироваться на практике при установлении истины с использованием технологии интерпретирования.

К процессу познания это же самое относится в первую очередь. В порядке убывания степени конкретности и возрастания абстрактности форм доверие к методу интерпретирования как процедуре или технологии оценки содержательности форм распределяется следующим образом: сначала отдается предпочтение замещающим формам «эмпирического опыта», затем практическим примерам и фактическому материалу и далее — уже заблаговременно проверенным, принятым и утвержденным в качестве истинных абстрактным (теоретическим) построениям и конструкциям.

Почему фактический, конкретный материал предметного мира (т.е. форма предметности) доминирует по отношению к надстроечным, абстрактным субъективно-идеальным формам? Во-первых, этот уровень развития форм исторически первичен; предметные формы и формы ощущений относятся к сфере так называемого повседневного «эмпирического опыта» человека. Ведь даже ходим и бегаем по земле мы вовсе не только и не столько благодаря уму или интеллекту, не вследствие наличия абстрактного мышления и его потенциальной готовности к конструированию и постижению абстрактных схем и моделей, а в первую очередь, в силу присутствия в общей связке или совокупности форм «человеческой» природы более ранних по времени возникновения основообразующих форм-уровней, — именно тех форм, которые определяются как «живые», но пока еще без сопутствующих приставок: мыслящие, одушевленные, высокоорганизованные, интеллектуальные, духовные и т. п. Во-вторых, в процессе познавательной деятельности человека все неизвестное и неизведанное всегда выражается через уже известное и постигнутое. И поскольку общий процесс развития (как и специфическая его форма весьма определенного уровня — познание) представляет собой бесконечное движение содержательной составляющей через все более и более содержательные формы-уровни, характерные своей уникальностью, неповторимостью и необратимостью, — легко осознается, что **единственно** возможный способ (процедура, алгоритм или технология) реализации такого движения-развития, равно как и познания, — это **«делание себя из себя же при этом изменяющегося»** с опорой на достигнутое и с *непременным* использованием содержаний форм предшествующих уровней.

Отсюда в силу стремления ко все более содержательно емким абстрактным формам естественным образом складывается и иерархичность форм-уровней, проявляющаяся через их разветвляющуюся совокупность (от форм предметных к формам мышления). И все это многообразие определяется однонаправленностью движения-развития (см. формулировку *принципа саморазвития,* § 7). В этом и заключается смысл движения в сторону необратимой «выси»: новое содержание вырастает из имеющегося, из накопленного, из уже достигнутого путем «делания себя из себя же» и одновременно оказывается от себя отличающимся. [Даже простое внешнее сопоставление показывает, что технология интерпретирования как непреложный элемент познания изменяющейся реальности оказывается воплощением того же универсального *принципа саморазвития*].

И снова обратимся к выверенной системе взглядов диалектического материализма.

«Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была

приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [12, с. 172], — эти известные слова В.И. Ленина дают недвусмысленное представление о том, каким длительным путем (в ходе повседневных наблюдений и рутинных действий, способствующих накоплению «эмпирического опыта») складываются **истинные** абстрактные логические конструкции, наполненные конкретным содержательным смыслом (речь идет об исходных формах ощущений и мышления). Становясь все более *содержательными,* упомянутые логические фигуры со временем сами могут служить основаниями или аксиоматической основой, а также ориентирами и индикаторами направленности последующей деятельности человека, как практической, так и теоретической. Таким нехитрым тривиальным способом строится многоуровневая реальность.

Здесь хотелось бы непременно отметить, что момент *латентного содержательного формообразования* вскрыт нашим величайшим отечественным диалектиком В.И. Лениным настолько мастерски и передан такой филигранно-точной формулировкой, что чего-либо отнять или добавить к ней уже не получится, как бы ни хотелось.

Таким образом, все более абстрагирующаяся по ходу развития реальности содержательность ее форм указывает в то же время и перспективное направление изменчивости форм представления этой реальности. Максимально достижимая (наивысшая) содержательность — вот путеводная звезда для всех изменяющихся форм на всевозможных уровнях развития. Разные логические фигуры, о которых говорит В.И. Ленин, есть не что иное, как трудовые навыки, привычки, обычаи, традиции, обряды, принципы, убеждения, идеалы, предпочтения, культурные коды, ценности, правила и законы поведения людей, складывавшиеся в различных человеческих сообществах на протяжении тысячелетий. Эго те абстрактные построения и конструкции, которые, будучи наполненными содержательным смыслом, ведут по жизни от рождения до смерти как отдельного индивидуума, так и многочисленные их группирования, не давая сбиваться с пути — с дороги, по сути своей, праведной и истинной, с курсом на обретение наивысшей содержательности человеческими формами, следующими этой дорогой.

Поскольку чувственное в многоуровневой человеческой природе берет верх над «сверхчувственным» (мыслительным), постольку уровень мышления (сознания) пытается естественным и наиболее очевидным, примитивным образом (большей частью, «механическим» путем) все содержательное (особенно абстрактного толка) **рационализировать,** т.е. выразить через вполне конкретные формы ощущений, которые оказываются для человеческого сознания ближе, «роднее» и понятнее (основательнее) всех других форм. Технология интерпретирования — это универсальный способ оценки содержательности всевозможных форм реальности, но поскольку в нашем кластере реальности первородными основообразующими формами являются формы предметные, вещественные, материальные, то и в расчет, в первую очередь, принимаются и упор большей частью делается на эти фундаментальные «приземленные» уровни-формы.

Чтобы установить истинность, достоверность, подлинность, действительность той или иной абстрактной формы, надо выявить и «извлечь» из сопоставляемых абстрактных и конкретных форм общее («как единое во

многом или подобие многого» [18, с. 351]) для них содержание.

Подтверждение содержательности теории, концепции или любой другой абстрактной формы обеспечивается реализацией процедуры сопоставления содержаний разных конкретных форм с содержанием абстрактной формы с целью выявления общих или совпадающих «долей» содержаний сопоставляемых форм и установления тем самым возможности замены (замещения) содержания абстрактной формы содержаниями форм конкретных.

В качестве общего содержания всех сопоставляемых форм может оказаться какой-то единый универсальный принцип, «механизм», постулат или алгоритм, общий для всех форм, задействованных в указанной процедуре. При приблизительном совпадении содержаний форм ощущений и абстрактных форм мышления делается заключение о содержательности именно абстрактной формы (так как наиболее интересен для человека момент как можно большей совпадаемости и преемственности содержаний абстрактной и предметно-чувственной форм). В противном случае (без осуществления проверки возможности замены содержаний указанных форм), давая волю своим субъективным абстрактным фантазиям, можно нафантазировать бог знает чего. Поэтому издавна человек занят поиском критериев для определения истинности, в первую очередь, субъективных абстрактных построений и конструкций.

Неадекватное восприятие мира, обусловленное абстрактными придумками, ложными посылами и выводами, может принести и приносит, в конце концов, вред человеку и человечеству. По этой причине человек должен уделять повышенное внимание оценке и проверке на содержательность и достоверность всех без исключения абстрактных форм, продуцируемых в его голове, всех человеческих предположений, гипотез, выдумок, творческих идей и фантазий (в том числе и особенно публикаций в СМИ, см. § 17). Неаккуратность и халатность в этом отношении, излишняя доверчивость к непроверенным измышлениям приносит человеку, как и всему человечеству в целом, неизмеримо больше вреда, чем пользы от сиюминутной выгоды, отстроенной на фундаменте ложных представлений и выводов. Неистинность абстрактных форм мышления означает их **малосодержательность** (т.е. недостаточную наполненность этих форм *объективным содержанием*), о чем и должна свидетельствовать непреемственность и несопрягаемость их с предшествующими конкретными формами ощущений и предметности. Таким образом, абстрактные формы как продукты человеческого мышления — это особые, специфические формы представления, *то же самое,* **объективного содержания** реальности на очередном определенном этапе движения-развития этой самой реальности.

Установление истинного знания о предмете эквивалентно процедуре мысленного выделения и «извлечения» *объективного содержания* из предметной формы и соотнесения его с трансформированными содержаниями более абстрагированных форм других уровней, а именно: формы ощущений и формы мышления.

Само собой разумеется, что после трансформации в другие формы и представления в других формах других уровней, это предметное объективное

содержание не остается себе тождественным или равным содержанию форм-носителей предметности, — иначе оно не меняло бы свою форму. Сопутствующие таким трансформациям изменения содержаний упомянутой цепочки форм и представляют собой особенности или изюминки тех форм, в которые трансформируется объективное содержание по мере своего движения-развития или «восхождения» от форм предметных. Всякая последующая форма указанной цепочки включает в себя в «свернутом», спрессованном виде содержания форм предшествующих и еще нечто особенное, от них отличное — некий «довесок» новизны и неповторимости.

Предметная форма — это источник и предтеча человеческих ощущений. Однако сопоставить содержание этой формы с содержанием формы мышления не представляется возможным, так как содержание формы предметности не проявимо вне формы ощущений. Следовательно, сопоставлять и сравнивать корректно остается всегда лишь содержания форм мышления и форм ощущений. Форма мышления должна проверяться на возможность и допустимость замены (замещения) ее содержания проверенным объективным содержанием формы ощущений. Тогда форма мышления претендует на наличие в ней того же самого *объективного содержания.* Практика. охватывая все многообразие предметной деятельности человека, включая и теоретические приемы апробирования знания, является процедурой проверки возможности замены (замещения) содержаний абстрактных форм содержаниями форм конкретных любого достоинства. и в частности и прежде всего содержанием формы ощущений. Однако практика не охватывает такие виды проверки и установления содержательности абстрактных форм, как замещение (замену) их формами также абстрактными, но других уровней или другими, уже проверенными абстракциями с подтвержденной истинностью. Такую задачу решает процедура более развернутого характера, именуемая интерпретированием. С учетом этого обстоятельства имеем в своем распоряжении полный набор инструментов или процедур установления и проверки содержательности разного рода и уровня (этажности) абстрактных построений и конструкций.

Как это становится все явственнее, интересна не сама по себе истинность абстрактной формы (что, похоже, не является конечной целью человеческих исследований и изысканий), а способность содержания этой формы быть выраженным наиболее полно посредством содержаний более привычных для человека форм предметности, опосредованных формами ощущений, и пригодность этого содержания для дальнейшего «употребления». Если таковое наблюдается, то найденная абстрактная форма, раздвигающая для человека горизонты восприятия и понимания реальности, встраивается в общую совокупность форм, пополняя тем самым содержательные накопления этой совокупности и способствуя прогрессирующему познанию реальности, «нащупывающей» *одновременно* посредством человека и его мышления наиболее *оптимальный* содержательный путь своего же дальнейшего развития.

Критерий истинности форм — их содержательность. Истинность форм оценивается по наличию и «количеству» этого компонента. Статус истинной получает или обретает форма, обладающая наивысшей содержательностью из возможной и достижимой на данном определенном этапе развития

реальности. Оценка полноты, объема или «количества» содержательности той или иной формы выполняется посредством процедуры интерпретирования (выражения или замещения, порой мысленного, содержания исследуемой формы содержаниями форм более конкретных). Объем, количество, достоверность фактического материала, да и вообще конкретных форм, участвующих в оценочной процедуре, и будет определять в конечном итоге *полноту содержательности,* а значит, и истинность исследуемой формы.

Только те вновь образующиеся формы «наслаиваются» и «удерживаются» на вершине пирамиды форм реальности, которые несут в себе содержание, сопрягающееся с объективными содержаниями форм (составляющих основание пирамиды) и продолжающее собой цепочку их объективных содержаний. Пирамида реальности обретает устойчивость, если надстраивается формами, «начиненными» *объективным содержанием.*

Замена абстрактных форм более конкретными формами (а точнее, замена содержаний абстрактных форм содержаниями форм более конкретных) отвечает процедуре наполнения абстрактных форм смыслами или наделения их *объективным содержанием.*

Возвращением к «себе самому на новом уровне» осуществляется постоянное уточнение содержания все более абстрагирующейся вершинной формы пирамиды путем соотнесения его с объективным содержанием многоуровневой основы этой же пирамиды.

Оценка содержательности теоретического знания практикой эквивалентна процедуре представления содержания абстрактных форм заменяемыми содержаниями конкретных предметных форм, опосредованных формами чувственности и ощущений (т.е. формами эмпирического опыта).

Истинность или достоверность абстрактных субъективно-идеальных форм (т.е. знания: аксиом, постулатов, утверждений, суждений, представлений, теорий, концепций, учений, парадигм и т. д.), претендующих на статус носителей *объективного содержания,* доказывается не практикой, а «количеством» или объемом содержательности этих обобщающих форм. Процедурами же практики или интерпретирования устанавливаются наличие и «количество» содержательности исследуемых форм. Наличие содержательности форм определяется возможностью и допустимостью их интерпретирования фактическим материалом или конкретными примерами, а «количество» содержательности оценивается числом таких интерпретаций. Чем больше число известных конкретных примеров, интерпретирующих исследуемую субъективно-идеальную абстрактную форму, тем с большим основанием эта форма может претендовать на статус носителя *объективного содержания.*

Иными словами, процесс поиска и установления истины сводится к процедуре максимально полного выражения непознанного иррационального через познанное рациональное (т.е. неизвестного через известное) и возвращения тем самым к своим рациональным истокам или основам, но уже на новом уровне — с примесью чего-то особенного, как дополненного рационального.

Таким образом, критерием истины является не сама по себе практика (предметно-практическая и теоретическая деятельность субъекта с ее

результатами), а наличие и полнота объективного содержания в исследуемых формах, что и устанавливается с помощью процедуры практики или технологии интерпретирования.

Корректно сгенерированные и воспроизведенные мышлением абстрактные формы оказываются более содержательными, поскольку включают в себя в «снятом» или «свернутом» (т.е. компактном, концентрированном) виде сведения или содержательные объемы целого множества конкретных форм.

Присутствие некоего общего в частностях и конкретностях должно подтверждаться как можно большим числом таких частностей и конкретностей. Если это условие выполняется, то «извлеченное» общее обретает *статус объективного содержания.*

Ведь что на самом деле представляет собой некая теория или концепция или какой-то основополагающий принцип, который требует либо подтверждения и принятия, либо опровержения? Это нечто общее (которое кому-то удалось «подсмотреть» или подметить случайно или преднамеренно), корректно «извлеченное» из некоторого числа частностей и конкретностей и концентрированно представленное в виде обобщенной абстрактной теории (концепции, модели) для *объяснения* и постижения сущности еще большего числа частностей и конкретностей (как существующих, так и предполагаемых к существованию), а также для *прогнозирования* и предвосхищения возникновения новых форм реальности на основании знания об этом концентрированном общем.

Истинность или достоверность той или иной концепции (теории, модели) доказывается наличием в ней объективного содержания, допускающего интерпретирование (т.е. замещение, хотя бы мысленное) его содержаниями частных и конкретных форм (примеров, фактов). Если нечто абстрактно-общее, составляющее существо концепции (теории, модели), обнаруживается в частностях и конкретностях предметного мира и тем самым допускает возможность интерпретирования его этими частными и конкретными формами предметного мира, то это абстрактно-общее жизнеспособно и наделено *объективным содержанием,* т.е. истинно и достоверно.

Подобный путь установления истины укладывается в единое русло общего содержательного движения (от истины «неполной» к истине все более объемлющей и содержательной), определяемого формулировкой *принципа саморазвития.* Так осуществляются и процесс познания, и процессы развития чего бы то ни было; иного пути просто не существует!

Исходя из того, что всякая *справедливая, истинная* теория (концепция, модель) интерпретируется или может быть интерпретирована фактическим материалом, допустимость и пригодность вновь выдвигаемой концепции к интерпретированию многочисленными фактами служит непременным условием, требующим проверки на выполнимость при установлении ее достоверности или истинности (или по крайней мере научности). В русле данного подхода это означает, что возможность результативного интерпретирования какой-либо концепции бесконечным числом (или по крайней мере множеством) фактов наделяет эту концепцию статусом достоверности (истинности); иными словами, чем больше установлено

корректно интерпретирующих ту или иную теорию фактов, тем достовернее (истиннее) «придуманная» или сгенерированная мышлением теория (концепция, модель).

Как уже говорилось ранее, всякий принцип — это нечто общее, извлеченное из целого ряда частных отдельных примеров и проявлений. Успешное обратное «возвращение» общего в каждое новое отдельное конкретное частное (если таковое возможно, допустимо и достижимо) и есть способ доказательства единства и общности всего ряда частностей и конкретностей, как и способ доказательства наличия *объективного содержания* во всех исследуемых формах (т.е. в сопоставляемых частностях и конкретностях).

Общий принцип (концепция, теория) собирает и объединяет собой отдельные частности и конкретности. Собиранием воедино многих частностей определяется существо способа интерпретирования. Если интерпретирование (собирание воедино многих частностей) удается, то найденный или извлеченный ранее общий принцип может быть признан *объективно содержательным* и представлен к интерпретированию еще большим числом частностей. Истинность принципа установлена, если этот принцип справедлив и общ в отношении какого-то наперед заданного множества частностей и конкретностей. Чем больше частностей и конкретностей объединяется общностью принципа, тем больше оснований считать его *истиной (истинным).*

Чем полнее и масштабнее абстрактное выражается посредством конкретного, чем больше конкретностей оно охватывает и объединяет — тем оно содержательнее, тем вернее наделено *объективным содержанием.*

Если прирастающая абстрактным содержанием форма не включает в себя содержания более конкретных форм, не выражается ими и их совокупностью в наиболее полном объеме, не замещается (хотя бы мысленно) ими, то она не наделена *объективным содержанием* и, следовательно, не является *истинной.*

Назначение технологии интерпретирования, по сути дела, и состоит в проверке и доказательстве наличия *объективного содержания* во всевозможных абстрактных формах.

Универсальный критерий истины. § 14. Дифференциация форм по объему содержательности. Объем содержательности формы как показатель приближения к выражению объективного содержания реальности.

В связи с тем, что выдвигаемый здесь критерий истины (то бишь содержательность форм) оказывается пригодным для количественной оценки форм, становится возможным выстраивать разнообразные формы по ранжиру в зависимости от полноты или «количества» их содержательности (истинности). Такой подход противостоит мифу о возможной равнозначности разных абстрактных форм (теорий, концепций, моделей, учений, планов и т.

д.), в том числе и одинаковой истинности разных точек зрения на один и тот же вопрос или предмет суждения. *Истинная* модель, оцениваемая как самое «близкое приближение» к абсолютной истине на всякий данный момент развития, — всегда одна; потому-то важно суметь такую модель *распознать,* чтобы в дальнейшем своем перспективном движении-развитии опираться именно на нее.

Как в любом наборе (в любой совокупности) форм любого уровня, точно так же на уровне субъективно-идеальных форм встречаются, по нашему мнению, формы как *менее содержательные,* так и *более содержательные* (наиболее «пригодные» к выражению максимально достижимого объема содержания на «вершинных» уровнях абстрагированных форм).

Исходя из таких представлений, ответ на вопрос — все ли абстрактные построения и конструкции, все ли суждения (точки зрения, мнения, позиции, решения, выводы, заключения и пр. относительно какого-либо предмета суждения) равноправны, равносильны, равновелики, равноценны, эквивалентны и, наконец, адекватны, — ожидаемо предсказуем и однозначен: нет и не может быть *в принципе* одинаково адекватных точек зрения на один и тот же предмет суждения, поскольку любая и каждая из них являет собой лишь *очередное приближение* к исчерпывающему выражению *объективного содержания* предмета суждения (т.е. лишь *приближение* к некой абсолютной истине). Из всех суждений в таком случае необходимо, используя для этого наиболее комплексный критерий оценки истинности суждений, выбирать то, содержательное наполнение которого максимально и наиболее близко к выражению *объективного содержания* реальности (объективной истины). Все прочие суждения представляют собой еще более грубые и неточные приближения.

Задача выбора из двух и более точек зрения наиболее истинной или правильной на всякий момент выбора будет стоять перед человеком всегда, поскольку свобода выбора, проистекающая из неопределенности и неоднозначности хода событий и перспектив развития, с чем сталкивается и всегда будет сталкиваться субъект познания, — *объективна* и обусловлена *диалектической природой* мира (развивающейся реальности). Выбор из ряда приближений наиболее «близкого приближения» к форме наивысшей содержательности всегда будет самым ответственным и драматическим моментом в судьбах человечества и отдельных индивидов; и никогда это решение не будет простым. Можно лишь добиваться все более осмысленного стремления к увеличению *содержательности* такого решения.

В силу содержательно-форменной (диалектической) природы мира и его развития и вытекающей отсюда невозможности повторения или *повторного воспроизведения* чего бы то ни было в деталях и мельчайших подробностях, — не бывает и не может быть даже двух (не говоря уже о множестве) равноценно истинных, одинаково равновеликих мнений, суждений или точек зрения на один и тот же предмет (вопрос, проблему). Одна из точек зрения (или суждений) всегда будет ближе к истине, чем прочие. Именно из этого надо исходить, именно этот момент надо принимать во внимание при определении истинности той или иной формы и при выборе тем самым ориентира и основы для дальнейших исследований и развития.

Когда применительно к той или иной концепции (теории) огульно говорят о том, что это всего лишь одна из многочисленных равнозначных точек зрения или мнений в отношении того или иного предмета познания, нужно, во-первых, быть осведомленным о *принципиальной* недостижимости равнозначности или равноценности разных точек зрения на предмет исследования и, во-вторых, помнить о необходимости следования определенным правилам или приемам (процедурам, технологии) установления истинности теоретических форм с помощью комплексного критерия их интерпретируемости (проверкой фактическим материалом, конкретными примерами, достоверными логическими построениями и конструкциями и пр.).

Естественно, мало кто поверит лишь на слово в то, что такая-то концепция является или может стать альтернативным знанием по отношению к существующим теориям. Только предоставлением достаточного объема подтверждающего фактического материала можно убедить заинтересованную общественность (или сторону) в том, что тот или иной подход является на сегодня наиболее «близким приближением» к истинному.

Исходя из этих соображений, следует ожидать, что особый и повышенный интерес всегда будет представлять оценка «содержательностей» вышеупомянутых форм путем их сопоставления и, соответственно, определения их приоритетности путем ранжирования. Поскольку каждая из сопоставляемых и ранжируемых форм является по существу *очередным приближением* к форме наивысшей содержательности, постольку о тождественности или эквивалентности сравниваемых и ранжируемых форм не может быть и речи.

Все устоявшиеся, постигнутые и готовящиеся к постижению истины — лишь очередные приближения к исчерпывающему выражению содержания наиболее совершенной формой, очередные приближения к истине абсолютной. Но среди этих приближений всегда есть такое, которое являет собой наиболее на всякий данный момент близкое к «цели» приближение. Вот его-то и надо суметь отыскать, на него-то и надо ориентироваться в своих исследованиях и при принятии решений. Это то настоящее, то действительное, то истинное, что обретает право на долговременное и устойчивое существование, — на чем и акцентирует внимание Г.В.Ф. Гегель, замечая: «Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением... В философском смысле — напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой... Неистинное означает... дурное, несоответствующее самому себе... Рассмотрение истины в разъясненном здесь смысле, в смысле согласия с самим собой, составляет подлинную задачу логики» [3, с. 126—127].

Отыскать такую форму, которая выражала бы всю полноту содержания реальности на данный момент, т.е. найти наиболее содержательную форму, форму наивысшей содержательности, знаменующую собой тождество компонентов отношения {содержание/форма}, и, соответственно, *вырождение* последнего в нераздельную цельность — вот подлинный смысл (с позиции наших представлений), заключенный в приведенных словах Гегеля.

Истина всегда выражается формой, наиболее содержательной на всякий данный момент по сравнению со всеми прочими конкурирующими и сопутствующими формами. Полагая, что исчерпывающее выражение содержания формой возможно, допустимо и достижимо только в боге и через бога: «Только бог есть истинное соответствие понятия и реальности» [3, с. 126], — Гегель интуитивно облачает содержательное движение реальности и ее содержательно-форменные трансформации в *одеяние итерационного процесса бесконечных приближений* к выражению этой самой «истины в последней инстанции» (лаконичнее Гегеля ***в свете его представлений об этом***, пожалуй, и не скажешь).

В науке (как, впрочем, и в жизни) *объективное* (содержание) обойти без последствий невозможно; в качестве «данного от века» есть общее, фундамент, воспроизводимое основание, на которое наслаивается что-то из изменяющегося и субъективного, пока это что-то не обретает *статус дополненного и развитого объективного.*

Частности, особенности и индивидуальности все равно «танцуются от печки», отталкиваются от общего, на которое со временем и наслаиваются. Общее и *объективное* (содержание) *имеет место быть* вне всяких сомнений, и все мы вольно или невольно стремимся увидеть и явить миру это *объективное содержание* посредством разных форм. Все, что ни на есть «креативное» субъективное, — это лишь разной степени приближения (разноуровневые модели, фрагменты или целостные картины), зафиксированные в своем стремлении к «полному и окончательному» выражению и постижению бесконечного содержательного движения, т.е. развития этого самого общего, основы, *объективного.* В контексте рассматриваемого материала философия (как, впрочем, и литература, и живопись, и музыка, и т. п.) — это искусство *субъективного* видеть (обнаруживать) и проявлять *объективное* (содержание). По понятным причинам преуспевающим здесь оказывается тот, кому это удается (подобный подход легко и безошибочно выявляет истинную подоплеку глубины и величия, скажем, русской литературы XIX века и т. д.).

Настоящий подход имеет своей целью также *дать представление* о том общем, объединяющем *объективном,* которое до сих пор не «ухвачено» современными науками (последние, как в притче со слоном, каждая по отдельности видят то ноги, то хобот, то хвост, не имея возможности составить представление о целом). Без единого общего ***объективного*** основания ни наука, ни философия не имеют шансов на ускорение или скачок в своем развитии.

Универсальный критерий истины. § 15. «Наворачивание» содержания как сущность принципа саморазвития.

Изложенное в предыдущих параграфах укладывается в русло концепции развития, основные положения которой и описание «механизма» изменения-движения-развития реальности содержатся в работах [2, 8, 23].

На всякий данный и произвольный момент мир уникален и неповторим (что уже отмечалось выше). Но неповторимость или уникальность изменяющихся и вновь образующихся форм реальности возможна и осуществима лишь благодаря «наворачиванию», «деланию из себя», т.е. особому специфическому характеру или способу движения-развития форм. Эта специфическая особенность развития реальности никогда не должна выпадать из поля зрения аналитиков, занимающихся теоретическими исследованиями и моделированием изменчивости окружающего мира. Под «диктатом» алгоритма *принципа саморазвития* соотношение компонентов-составляющих в известном отношении {изменение/основа} постоянно меняется, вследствие чего ежемоментно реализуется *«изменяющаяся основа»,* воспроизводящаяся благодаря все новым и новым содержательным наслоениям, — отчего и не истощается, отчего и не прекращается само развитие реальности.

Всякий момент «прожитое» становится «строительным материалом» для «настающего» настоящего, «наворачиваясь» и наслаиваясь на еще более давнее прошлое («прожитое»). Только такой способ движения-развития, как «делание из себя», такой ход событий, подобный «наворачиванию», страхует и избавляет будущее от детальных повторений прошлого. Простым «копированием» или «отражением» не реализуется в полной мере ни один процесс; противное — из разряда заблуждений и химер. В реальности имеет место перманентное движение в сторону новизны и неповторимости на основе уникальности всего «свершающегося». *Сам характер, тип и способ* движения-саморазвития исключает повторяемость и обратимость форм.

Появление нового содержания в новых формах никак не объяснить «копированием» или «отражением» внешнего мира органами чувств (ощущениями) и мышлением познающего субъекта [11, с. 125, 151]. Новое содержание возникает и реализуется в новых формах потому, что оно «наворачивается» одним слоем на другой с сопутствующими изменениями всех слоев (вследствие вбирания слоями этих изменений) и, соответственно, с отличиями содержания форм последующих от содержания форм предшествующих,

Человек, животное, растение дышит, пьет, ест, взаимодействует с внешним миром, и именно таким путем — *путем наслаивания изменений на основу* — осуществляется подпитка, пополнение, обновление развивающегося содержания живых форм (в том числе субъективно-идеальных форм человеческого мышления). На самых простых вещах, на обыденных и повседневных примерах можно убеждаться в этом снова и снова. В частности, организм в состоянии сна и есть та основа, тот фундамент, на который «монтируются», в который встраиваются изменения и новые объемы содержания, накапливаемые организмом в период его активности. На примере сна хорошо заметно, что наслоения приобщаются к основе не равномерно и безостановочно, а разнообразными порциями, чередуясь с паузами, покоем, «отдыхом» и т. д.

В чем видится «смысл» жизни или существования растения, животного, человека? В том, чтобы *разными уровнями* своих многоуровневых образований ассимилировать, выражать, постигать содержательные накопления в расчете (с упреждением) на последующую ассимиляцию, выражение и постижение

новых, еще больших объемов *разнообразных содержательных* накоплений.

Копирование и фотографирование не дает истинных представлений о текущих процессах в многоуровневой реальности (в том числе и на уровне самопознания). Как отражение или копирование это может восприниматься и осуществляться лишь в неподвижности, в статике, в виде частного случая всеобщего движения; в динамике же, в развитии — это всегда «наворачивание», «из себя делание»... Развитие-движение-изменение действительности есть порождение и воплощение объективно реализующегося *принципа саморазвития* (**изначально** присутствующего в любом «нечто», в любом элементе реальности), который дает представление и свидетельствует об интенсифицирующемся движении содержания (реальности) на охват и постижение самог**о** же движущегося содержания во все более и более «зародышевом» его состоянии. Таким же образом осуществляется и процесс познания как движения специфической (гносеологической) формы реальности на уровне и в терминах человеческого мышления.

Что касается вопроса о познаваемости окружающего мира, то в конечном итоге неизбежно потребуется прийти к пониманию того обстоятельства, что мир — это не книга и тем более не скала или камень-валун в своей неизменности, а нечто непрестанно «делающееся», воспроизводящееся, изменяющееся *в режиме реального времени;* и подобный вопрос в корректной постановке должен задаваться не в отношении познаваемости чего-то данного и существующего от века в своем постоянстве, а в отношении возможности *предвидения* и *предвосхищения* нарождающихся форм (в том числе последствий, результатов, событий, конфигураций, ситуаций) развивающейся реальности.

Уровни развития зачастую нераздельны, неотделимы друг от друга оттого, что содержательная составляющая, скажем, одного уровня может в одно и то же время (во взаимосвязи) оказываться форменной составляющей для другого уровня и наоборот. А также оттого, что содержательная составляющая одного уровня непременно представляет собой новое отношение {содержание/форма} для другого уровня. То же самое следует сказать и про любую форменную составляющую. Но главное препятствие на пути ясного понимания хода процесса развития и точных его формулировок состоит в том, что природная граница между компонентами-составляющими «содержание» и «форма» в их отношении трудноразличима, а порой и просто не воспринимаема (до поры до времени). Таким образом, врастание уровней-форм друг в друга и произрастание их один из другого и есть причина невозможности выделения их в «чистом» виде, а также запутанности процессов и сложности выражения (объяснения) неизведанного, и в каком-то смысле иррационального, через постигнутое рациональное.

В подобной связи всегда надо учитывать двойственную природу мира, и особенно в случаях, когда дело касается разбирательства и исследования запутанных (а потому-то сложных) вопросов. Эта мысль далеко не нова, просто мы об этом часто забываем. А чтобы выйти на верное решение фундаментальных проблем, без диалектического подхода уже никак не обойтись.

Стремление выразить новое абстрактное содержание через предшествующие более конкретные формы в силу эффекта наворачивания содержания, описываемого и обусловливаемого (речь идет об эффекте наворачивания) формулировкой *принципа саморазвития,* приводит к поиску новой формы для нового содержания, являющейся продолжением всех имеющихся в связке или в совокупности прочих содержательных форм. Эта форма включает в себя в «снятом», концентрированном виде предыдущие проявления сути объекта и одновременно является их продолжением, расширением и надстройкой с «вкраплениями» некоторых особенностей (отличий), дотоле не присутствующих в прежних формах. Поэтому главное, что надо бы уловить в этом процессе, не «отражение» одного в другом (не удвоение или умножение сущностей), а преобразование, трансформацию имеющейся связки предшествующих форм в новую совокупную форму, причем не эквивалентную простой сумме форм, а качественно от нее отличную.

Жизнь и существование человека как субъекта познания — это движение содержательной составляющей через формы-уровни в направлении обретения наиболее содержательной формы такого движения, что и утверждается формулировкой *принципа саморазвития.* На словах мы как воплощение преимущественно консервативного компонента-составляющей отношения {изменение/основа}, т.е. «основы», конечно, можем отрицать, что ежемоментно каждым своим действием, каждым вдохом и выдохом, каждым словом и поступком (будучи одновременно олицетворением и второго компонента-составляющей отношения, т.е. «изменения») участвуем в поиске и создании наиболее содержательных форм нашего существования и развития; однако на деле все указывает на то, что альтернативы этому процессу не имеется.

Универсальный критерий истины. § 16. Систематизация и уточнение некоторых понятий и определений в свете наших представлений о развитии и познании реальности.

Попытаемся систематизировать вышеизложенное, пробиваясь, как и прежде, сквозь завесу заблуждений и путницы в понятиях и представлениях о предмете нашего разговора.

Истинность формы определяется ее содержательностью; отсюда критерием истины или истинности форм служит их содержательность. Чем содержательнее форма, тем она истиннее. Внутренняя содержательность формы обнаруживает себя разнообразными внешними проявлениями, исполнениями, воплощениями.

С незапамятных времен человек наблюдает и фиксирует множество проявлений внутренней содержательности форм, как то: красота и изящество, простота, гармония, лаконичность, системность, экономичность, непротиворечивость, самодостаточность и пр. Для установления и подтверждения истинности любой формы все эти проявления-исполнения ее

содержательности должны пройти одну и ту же процедуру оценки — интерпретирование, — заключающуюся в определении возможности и допустимости замещения содержаний исследуемых форм содержаниями как можно большего числа форм конкретных и абстрактных, истинность которых уже подтверждена и не вызывает сомнений.

Дело остается лишь за тем, чтобы применительно к каждому конкретному проявлению или исполнению содержательности найти (выявить, подобрать) свои специфические эталоны для корректного определения «количества» этой содержательности и выражения ее в условных единицах. Чем больше таких попадающих в поле зрения человеческого сознания проявлений, тем более *комплексным,* всеобъемлющим и информативным оказывается критерий оценки истинности форм; иными словами, если все проявления содержательности собрать воедино, то и получится *комбинированный* критерий всесторонней оценки истинности любой формы, — по *совокупности проявлений содержательности* этой формы.

Отсюда, по-видимому, и исходит интуитивное стремление ряда исследователей ввести некий комплексный критерий оценки истины; само по себе стремление вполне естественное и оправданное, тем более что во многих областях человеческой деятельности, обусловленных и порожденных разными проявлениями содержательности всевозможных форм, критерии оценки истинности форм уже выработаны и существуют, в других же — еще предстоит вырабатывать. Но при всей перспективности указанной идеи следует все-таки остановиться на особенностях ее толкования и воплощения.

«Мы полагаем, — пишут авторы, — что возможен синтез имеющихся концепций истины. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции, в связи с тем, что только она раскрывает сущность истинного знания. По словам Декарта, четко и наиболее кратко сформулировавшего главную идею теории корреспонденции, “истина... означает соответствие мысли предмету”. ... Без соотнесенности с предметом понятие истины не имеет смысла, беспредметной истины, истины ни о чем не бывает» [4, с. 6—7].

На примере приведенной цитаты разберем путаницу в представлениях,. о которой мы заявили выше. Дело в том, что в этом фрагменте статьи (как и во множестве публикаций на данную тему) сопоставляется не совсем сопоставимое, подобно, скажем, попытке установления соответствия между метрами и секундами. Несмотря на то, что те и другие «вырастают» из одного корня как компоненты-составляющие цельного отношения {время/пространство}, тем не менее они не эквивалентны и не тождественны друг другу, как не тождественны и не взаимозаменяемы компоненты первообразного отношения {содержание/форма}. Здесь налицо попытка соотнести и отождествить «форменное» и «содержательное» начала реальности, что по большому счету *некорректно* в силу их *природной* несовместимости.

Истинность знания определяется его содержательностью. Чем полнее, чем выше содержательность знания, тем оно истиннее, достовернее. Как видим, предметность здесь вообще ни при чем.

Необходимость «соотнесенности с предметом» появляется не в связи с оценкой истинности знания, а в связи с оценкой полноты или «количества» его содержательности, которая (оценка) выполняется, как об этом и говорилось выше, посредством процедуры практики или технологии интерпретирования, т.е. сопоставлением и замещением (как можно более полным) **содержания** абстрактной формы знания **содержаниями** более конкретных форм ощущений и/или **содержаниями** абстрактных форм мышления, истинность которых уже подтверждена и не вызывает сомнения. И лишь на основании установленной **содержательности** знания можно говорить о его истинности. Истинность той или иной формы, таким образом, не имеет к предметности прямого отношения (хотя бы даже потому, что подтверждения истинности одинаково требуют, как абстрактные, так и эмпирические формы или формы ощущений, тесно связанные с предметными формами). Истинность абстрактных форм соотносится с предметностью лишь опосредованно — через процедуру оценки и установления полноты **содержательности** абстрактных форм.

По этой же причине словесные обороты типа «соответствие мысли предмету» (в постановке Декарта) или «соотнесенность понятия с предметом» (в современной постановке) с давних времен и по сию пору применительно к процедуре поиска истины или установления истинности знания употребляются **некорректно.** Не следует забывать о том, что субъективное человеческое знание о реальном предмете служит выражением **объективного содержания** формы предмета, **уже опосредованного** формой человеческих ощущений и формой человеческого мышления. Поэтому сравниваться, сопоставляться, апробироваться на соответствие могут только **содержания** формы ощущений и формы мышления. И лишь на основании выявленных (в процессе сравнения и сопоставления) в какой-то мере сопрягаемости, соответствия, эквивалентности или «совпадаемости» этих содержаний, только и можно делать заключение о какой-то общности и преемственности их форм, а следовательно, и об **объективности** содержаний форм ощущений и мышления, дополняющих, углубляющих и развивающих **объективное содержание** формы самого **предмета.** В силу указанного обстоятельства **объективное содержание формы предмета** предстает уже в качестве **объективного содержания** обобщенной **многоуровневой совокупности** (симбиоза) всех трех сопряженных преемственных **форм** разных уровней (формы предметности, формы ощущений и формы мышления). Наконец, проявленное посредством формы мышления **содержание** вышеупомянутой совокупности форм с удостоверенной (с помощью процедуры практики или технологии интерпретирования) **объективностью** (т.е. наивысшей содержательностью) может претендовать на статус **истинного** знания о предмете.

Таким образом, *содержание* абстрактной формы (знания, мысли и пр.) требует «соотнесенности» или «корреспонденции» не с предметом (предметностью, бытием и пр.), а с *содержанием* предметной формы, к тому же *опосредованным* формой ощущений. И уже на основании упомянутого соотнесения и обнаруженного соответствия (корреспонденции) или преемственности сопоставляемых ***содержаний*** делается заключение о наличии в абстрактной форме *объективного содержания,* а, следовательно, и об *истинности* абстрактной формы.

В связи с высказанными здесь замечаниями в адрес фрагмента статьи [4] хотелось бы все же отметить, что статья, на наш взгляд, по-прежнему актуальна, но есть некоторые *типичные* неточности, на которые нельзя не обратить внимания в контексте рассматриваемых вопросов. Продолжая мыслить прямолинейно и игнорируя без преувеличения ведущую роль и значение *содержательно-форменных отношений* в развитии (и познании) реальности, мы никогда не отделим зерна от плевел и будем буксовать еще непростительно долго. Чтобы по-настоящему вникнуть в суть любого вопроса и разобраться в нем досконально, надо рассматривать этот вопрос непременно через *призму содержательно-форменных трансформаций* (к сожалению, этот призыв пока что — глас вопиющего в пустыне). Это тем более необходимо оттого, что мы живем в условиях, когда время на предвосхищение развития событий и правильную ответную реакцию на так называемые вызовы катастрофически сокращается. Равным образом нет сомнений в том. что подготовленный и бескомпромиссный читатель обнаружит в тексте и настоящей статьи неизбежные огрехи, что было бы очень неплохо и абсолютно нормально, ибо только путем последовательных приближений и можно подбираться ко все более точному и «исчерпывающему» выражению объективного (истинного) содержания развивающейся реальности.

Далее непременно следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на разницу внешних проявлений содержательности форм, технология (или процедура, или способ) оценки истинности любых форм остается универсальной и стандартной — это интерпретирование, частным случаем которого выступает практика. Заключается эта технология в выявлении возможности и допустимости замещения содержаний исследуемых форм содержаниями как можно большего числа конкретных и абстрактных форм (с уже установленной и подтвержденной истинностью); т.е. технология интерпретирования сводится в конечном итоге к поиску или выработке так называемых эталонов или условных единиц, посредством которых можно выразить или представить «количество» или полноту оцениваемой содержательности исследуемых форм.

Суть же этой технологии всегда одна — выражение неизвестного через известное, необычного через привычное, непознанного через познанное, непонятного через понятое, иррационального через рациональное, неопределенного через определенное, более абстрактного и менее конкретного через менее абстрактное и более конкретное и т. д., и т. п. Все непознанное и неизведанное оценивается, проверяется и выражается через уже имеющееся и существующее, истинность которого установлена и проверена временем. Ничего нового здесь ни человек, ни природа «придумать» уже не смогут, поскольку как процесс развития (чего бы то ни было), так и процесс познания (чего бы то ни было) всегда подчинялись, подчиняются и будут подчиняться универсальному *принципу саморазвития.* При этом не имеет существенного значения, выражается ли частное через общее или наоборот, — главное в том, что как результат описанной процедуры все дотоле неизведанное и неопределенное обретает более или менее законченную (сбалансированную на время) форму чего-то проверенного, доказанного, достигнутого и постигнутого. Впрочем, есть и иные точки зрения [9].

Невозможность всецело или всеобъемлюще и исчерпывающе охватить «делающееся и развивающееся» существующим и достигнутым и обусловливает, и порождает приблизительность, неточность или, так сказать, «хроническую» незаконченность выражения или охвата содержания формой в ходе взаимодействия этих двух составляющих. Непременно остается нечто содержательное (или какая-то его доля), неохваченное и не *поддающееся* охвату никакой формой, с каким бы «рвением» последняя не претендовала на само совершенство. Спираль, как и запятая — это круг «с развитием» или точка «с хвостиком», предвещающим всегда новый поворот событий и шаг в недостаточно определенное и не до конца изведанное.

Необходимо также заметить, что при описанном подходе к оценке и установлению истины или истинности разных форм знания не имеет никакого значения, — гуманитарное это знание (из области литературы, журналистики, политики, искусства и пр.) или естественно-научное (техническое, физическое, математическое и пр.), поскольку ложь и фальшь есть категории *объективные,* суть которых состоит в **малосодержательности** (а следовательно, и неистинности) содержаний их форм, которые так или иначе, рано или поздно будут опровергнуты и отвергнуты *принципом саморазвития,* указывающим на объективное движение-стремление к наивысшей содержательности (а значит, и к истинности) *всех без исключения* развивающихся форм. Чем скорее человек это осознает, тем дальше от края пропасти (т.е. угрозы исчезновения человечества как определенного уровня-формы реальности) будет (от)стоять.

Таким образом, истинность любой формы определяется ее содержательностью; *наиболее истинны формы,* **обладающие** *наивысшей содержательностью.*

Исходя из этого, критерием истинности форм служит их содержательность, тогда как практика или в более широком смысле интерпретирование — это всего лишь универсальная *технология,* процедура или способ оценки полноты или «количества» *содержательности* исследуемых форм.

Если объединить только что сказанное в одну фразу, то получится такое более или менее компактное выражение: критерий истины или истинности исследуемых форм — это содержательность этих форм, полнота или «количество» которой устанавливается возможностью и допустимостью замещения (хотя бы мысленного) содержаний исследуемых форм содержаниями *как можно большего* (в пределе — *бесконечного*) числа конкретных и абстрактных форм *с уже установленной и подтвержденной истинностью.*

Применительно к определению критерия научности знания (т.е. объективности содержания абстрактных форм знания) можно сказать следующее.

Критерий научности знания (или критерий объективности содержания абстрактных форм знания) — это опять-таки содержательность этих форм, полнота или «количество» которой устанавливается возможностью и допустимостью замещения (хотя бы мысленного) содержаний абстрактных форм содержаниями некоторого *условно-ограниченного числа* конкретных и

абстрактных форм *с уже установленной и подтвержденной истинностью.*

С позиции нашего подхода главные функции науки — объяснительную и прогностическую — можно примерно определить и охарактеризовать следующим образом.

Объяснение — это интерпретирование (выражение, замещение, замена) содержаний неизвестных, непонятных, непривычных, нестандартных абстрактных форм (суждений, построений, конструкций, теорий, концепций, формул и т. д.) содержаниями известных конкретных, понятных, привычных, стандартных форм.

Прогнозирование — это предвосхищение образования, появления или открытия новых форм реальности (а также предугадывание направления изменений существующих ее форм) с помощью и на основании «придуманных», сгенерированных, созданных, сформулированных обобщенных абстрактных форм (суждений, теорий, концепций, гипотез, конструкций, построений, формул и т. д.), объективность содержаний (т.е. содержательность) которых либо уже установлена и подтверждена, либо находится в стадии оценки и подтверждения технологией интерпретирования.

Весьма важные критерии научности знания — воспроизводимость и повторяемость результатов эмпирических исследований — в терминах нашего подхода означают допустимость многократного интерпретирования (выражения, замещения, замены) с одинаковым результатом содержаний исследуемых эмпирических форм содержаниями подобных же эмпирических форм, истинность которых уже установлена и не вызывает сомнений.

Логика изложения экспонируемого здесь исследовательского подхода требует также соответствующего толкования и уточнения термина «адекватность» с позиции наших представлений о развитии и познании.

И снова «танцуем от печки». Философские словари определяют адекватность следующим образом: «В теории познания термин “адекватный” служит для обозначения верного воспроизведения в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. В этом смысле **истина** определяется как **адекватность мышления бытию»** [19, с. 13].

Этим определением нас опять-таки пытаются убедить в корректности сопоставления не сопоставимого и сравнения не сравнимого. Вопреки приведенному определению, адекватность не имеет прямого отношения к бытию, также как и истина не имеет прямого отношения к предметности (на что указывалось выше). *Адекватность* мышления в данном случае означает высокую *содержательность* форм-продуктов этого самого мышления, которая уже прошла оценку или проверку интерпретированием, в результате чего упомянутые формы-продукты признаны *истинными.*

Тем самым термином *адекватное* обозначается и характеризуется **содержание** *истинной* формы мышления, максимально соответствующее (т.е. преемственное и собой продолжающее) **объективному содержанию** формы предметности (или объективному содержанию бытия), *опосредованному*

формой ощущений.

А истина, как и было определено ранее, — это форма (но форма как совокупность форм предметности, ощущений и мышления), исполненная наивысшей (объективной) содержательности.

И то, и другое — глубоко взаимоувязанные понятия. Неадекватное мышление, оперирующее содержанием неистинных форм, наказывается «небытием» досрочно и преждевременно.

Адекватное понятие, адекватный образ, адекватное представление. адекватная теория, адекватное учение и т. д. — это все об *объективном содержании* разнообразных *истинных* абстрактных форм-продуктов мышления.

Как видим, термин *«адекватное»* применим лишь для оценки, обозначения и констатации полноты содержательности самого верхнего слоя или вершины пирамиды (т.е. человеческого сознания), в основании которой лежат более примитивные вещественно-предметные и растительно-животные уровни; в то же время, следует ясно себе представлять, что без связки и взаимозацепления с этими более «приземленными» основательными уровнями тот «вершинный» уровень человеческого сознания просто не существен.

Адекватное мышление — это мышление, оперирующее содержанием *истинных* форм (наиболее содержательных абстрактных конструкций и построений), проверенных на полноту содержательности процедурой (технологией) интерпретирования. Последнее означает, что наивысшая содержательность (а значит, и истинность) таких форм уже подтверждена и удостоверена многочисленными конкретными примерами и фактическим материалом (в том числе проверенными и одобренными к использованию абстрактными формами).

Неадекватность мышления наказывается преждевременным (досрочным) прекращением развития формы человека и человечества (торможением развития, «растаскиванием» формы на части, поглощением и ассимиляцией конкурентами). Одним из признаков неадекватности мышления современного человека является пренебрежение диалектикой.

Регресс формы — это уже показатель того, что она «растаскивается», как изнутри, так и снаружи, на части другими, более активными уровнями. Приостановившуюся в своем развитии форму «подхватывают» соседние уровни, ассимилируют (целиком или частями) и приобретают тем самым новый импульс для своего собственного дальнейшего развития.

Целостно, гармонично, дееспособно, действенно, действительно и истинно то, что наполнено *объективным содержанием,* что наиболее содержательно на данный момент и при данных обстоятельствах.

Преемственность форм предполагает плавную стыковку, плавное врастание, плавный переход от содержаний форм предметно-практического уровня к содержаниям форм-продуктов уровня мышления (каковыми являются абстрактные представления и образы). Однако определяющим здесь все-таки, в конце концов, оказывается *объективное содержание* предметно-

практической деятельности, т.е. содержания форм предметного уровня (опосредованные формами ощущений), поскольку они более основательны в *многоуровневых* структурах форм человека и человечества.

Абстрактные формы-продукты субъективного мышления (т.е. знание в виде представлений, образов, понятий, теорий, учений и т. д.) и более конкретные формы, им предшествующие, способны выстраиваться и выстраиваются в непротиворечиво-преемственную последовательность или цепочку форм только тогда, когда наделены *объективным содержанием,* когда объединены общим компонентом, коим является *объективное содержание* развивающейся реальности. В указанном смысле *объективное содержание* развивающейся реальности — это тождество бесконечному движению к исчерпывающему выражению содержания реальности развивающимися формами этой же самой реальности.

В свою очередь, наивысшая содержательность знания и его форм (т.е. наполненность абстрактных форм *объективным содержанием)* и, соответственно, *адекватность* восприятия реальности (приблизительное, но как можно более полное совпадение или соответствие *содержаний* абстрактных форм мышления и форм ощущений) обеспечивают успех человеческой деятельности и служат условием выживания и стабильного развития человечества.

В современной литературе (а тем более в публикациях прошлого) понятие *адекватности* очень слабо, а точнее, практически никак не увязывается с *содержательностью* форм. Между тем решение задачи по установлению и детализации подобной связи неминуемо приведет к многочисленным открытиям в области медицины, биологии, кибернетики и др. сферах научной деятельности. Применительно к человеку *содержательность* в лице таких проявлений организма, как здоровье, долголетие, адаптационные способности и возможности, ресурс, интеллект и пр., должна исследоваться в теснейшей взаимосвязи с *адекватностью* мышления, восприятия, поведения человека (и других высших представителей животного мира), если исследователь настроен на получение оригинальных (прорывных) результатов в ходе своих исследований.

Универсальный критерий истины. § 17. Правда о лжи.

Настоящий раздел посвящен иллюстрации вышеизложенного материала некоторыми конкретными примерами и соображениями.

Как уже отмечалось в § 3, современные СМИ, подконтрольные коллективному Западу, лишены сомнений по части «исключительной» справедливости своих нескончаемых попыток намеренными вбросами фальшивой информации, силовым давлением и манипулированием сознанием обывателя достигать неблаговидных целей и любыми способами продавливать превосходство своей содержательности, т.е. своего «непревзойденного» понимания правды или истины, замешанной на ложных посылах и основаниях.

В подтверждение сказанного приведем неприкрыто циничное на этот счет

мнение (в статье с издевательским названием «Бешенство России») одного из современных пропагандистов таких мнений, «прописавшегося» на экранах российского ТВ:

«… Недавно мы увидели проявление американского “права сильного” во всей своей красе — убийство иранского генерала Касема Сулеймани.

… Да, подобное применение “права сильного” является возмутительным, нечестным и зачастую незаконным. … Но факт остается фактом: “право сильного” является неизбежной, даже естественной, я бы сказал, частью мировой политики. Нравится это кому-нибудь или нет, надо принять такое явление как данность. Подобный дарвиновскому естественному отбору “международный порядок” существовал испокон веков, и так будет всегда в той или иной степени. Право сильного — это одно из наиболее ярких и жестких проявлений “реалполитики”» [1].

С давних времен англосаксонский мир последователен в главных целях — навязать свой сценарий развития событий вопреки объективному их ходу и адекватному их восприятию. Англосаксы одержимы верой в то, что простым «хотением», прессованием, насаждением некоего упрощенчества (т.е. отказа от учета множества взаимодействующих факторов) можно искусственным образом переломить естественно развивающийся содержательный процесс. По их меркам вещественно-предметно-материальное в его денежном выражении всегда будет превалировать и превозмогать все прочее.

Для оценки весомости и авторитетности занимаемой в цитируемой статье позиции нужно ответить на простой вопрос: высока ли на современном этапе развития содержательность теории «социального дарвинизма»? Безусловно, что-то «долгоиграющее» остается от этой теории и по сию пору (человек, например, никогда не освободится *полностью* от присутствующего в нем животного начала хотя бы потому, что из этого начала «вышел»). Вместе с тем любой школьник сегодня знает, что «дикая» природа представлена всего лишь узкой прослойкой, промежуточным уровнем в общечеловеческой природе наряду с целым рядом вновь надстроенных уровней, базирующихся на учете таких качеств развитого человека, как его достоинство, готовность к сотрудничеству и взаимопомощи, гуманизм и т. п. Безусловно, уровень «дикости» также представлен в связке всех прочих уровней многоуровневой структуры человека и временами *подминает* под себя менее агрессивные по своей природе «интеллигентские» («травоядные») уровни, но несомненно и то, что удельный вес его в общей совокупности уровней на сегодняшнем этапе развития значительно меньший, чем в эпоху Ч. Дарвина. И сводить всю объективную содержательность существующей связки-совокупности уровней в общей структуре современного человека и его мышления к этому отдельному весьма «приземленному» («плотоядному») уровню есть простодушное заблуждение или намеренная ложь. Справедливость данной точки зрения подтверждается многовековой мудростью нашего народа (или несколько перефразированным высказыванием Александра Невского): не в силе бог (победа, успех, перспектива, цель и т. п.), а в правде, в истине …

Но вышеназванной когорте людей с колониальным мышлением этого не объяснишь. Речь идет о людях не просто иного дискурса и даже не иного цивилизационного уклада, а о «порожденцах» и выразителях *иного*

(противоположного) начала реальности, с которыми говорить о приоритете гармонии или объективно существующей тенденции к достижению некоего баланса составляющих-уровней в многоуровневой человеческой природе пока бессмысленно. Они убеждены в том, что гипертрофированная технологическая составляющая в их государственном устройстве гарантирует им полный успех и победу над всем миром. Какой вздор! На этой почве они абсолютизируют свою значимость и величие; на самом же деле больны своей мнимой исключительностью и не видят ничего дальше собственного носа. Тем проблемнее для них самих. *Малосодержательное* (примитивное) сознание имеет шанс никогда не дотянуться до критически необходимого уровня и оказаться *тупиковой ветвью развития человечества:* господа неандертальцы, где вы? Ау!

К счастью или несчастью, но объективная истина существует; на всякий данный момент она **одна** (из множества подобных приближений к истине абсолютной), и все настырнее проглядывает требование определяться с этим вопросом «по-взрослому». Пренебрежение объективной истиной чревато потерей человечества как вида или как одного из уровней реальности; на кону — судьба человечества, ни больше, ни меньше.

Главная ставка сегодняшних «хозяев жизни» и подвластных им СМИ — на низкие «приземленные» инстинкты человека, т.е. на его «расчеловечивание»: акцент делается на стимулирование и увеличение содержательности лишь самых примитивных форм-уровней (в составе целой совокупности уровней-составляющих современного человека), и, в частности, простейших форм ощущений и поведенческих реакций животного уровня. Нехитрое содержание указанных форм многократным вдалбливанием «зашивается» в мозг человека в качестве аксиом (так называемых бездоказательных истин). Основная масса невзыскательных обывательских умов в силу своего невежества «ведется» на дешевую установку и пропаганду следования навязываемому способу и образу жизни. Насквозь проникнутый ложью, лицемерием, двойными стандартами капиталистический мир по-другому (то есть не снимая «сливки» под прикрытием) жить просто не умеет. А что касается СМИ, то они всегда занимают позицию того, из чьих рук кормятся, что отнюдь не свидетельствует в пользу их независимости; СМИ по-прежнему «партийны», как и сто. и двести лет тому назад. Вопрос очищения сегодняшних СМИ от скверны лжи и полуправды не решаем, по-видимому, вне выяснения личных позиций представителей этих СМИ. Этот вопрос должен ставиться примерно так: сможешь ли, *сподоблен* ли ты лично как субъектная форма (как журналист, корреспондент, обозреватель, политолог и т. д.) быть формой-носителем и продолжателем развивающегося *объективного содержания* в противовес обретающимся и укоренившимся здесь сегодня «фейковым», лживым, продажным субъектным формам? Разумеется, вопрос сей имеет смысл лишь в связке с решением проблемы надлежащего воспитания молодых кадров. Журналистские кадры, подобно медицинским, должны приводиться к присяге или некой клятве, исходя из понимания, — насколько серьезным оружием против человечества могут быть пропагандируемые ложь и неадекватность мышления.

Коллективный Запад в лице заокеанского «гегемона» и его клевретов на самом деле «доигрался» уже до убежденности в том, что никакого

объективного содержания, никакой правды или истины не существует *в принципе;* все исчерпывается *общезначимостью* и тем, что удается навязать невзыскательному большинству путем манипулирования человеческим сознанием и откровенно силовым давлением. Манипулирование сознанием человека — это преступление против личности и против человечности. И преднамеренная ложь, и искреннее заблуждение, и тем более манипулирование сознанием — одинаково губительны для судеб человечества.

Западные СМИ серьезно обсуждают вопрос о наступлении эпохи так называемой «постправды». «Постправда» бесконечного числа субъективных мнений и высказываний (вымыслов, трудноотличимых от правды; безосновательных утверждений, «назначенных» быть правдой; пересказываемых слухов и досужих домыслов) должна безотлагательно опровергаться доказательством отсутствия устойчивой прямой и обратной связи, преемственности и сопрягаемости содержаний вбрасываемых субъективных абстрактных форм с объективным содержанием предметной реальности, конкретных фактов, надежно проверенных абстрактных логических форм с подтвержденной истинностью.

Нельзя произвольно и бесцеремонно обращаться с правдой (с истиной), и не потому что это наказуемо неким «верховным божеством» или «провидением», а потому что мир устроен диалектически. Возвращение к изначально отвергнутым формам большей содержательности рано или поздно состоится, и все ложные, сиюминутно выгодные ориентиры вместе с их пропагандистами и заказчиками будут отринуты и низвергнуты. Такова диалектическая природа мира, подразумевающая неминуемое возвращение к себе самому, но всякий раз на более и более содержательном (подлинном, истинном, действительном) уровне. Универсальный *принцип саморазвития* «руководит» всем и вся, управляет всеми процессами без исключения, и так просто ни на какой кривой козе его уже не объедешь. Каждый волен выбирать сам — принять этот принцип и следовать ему в жизни, либо отрицать и игнорировать с неизбежными для себя последствиями.

Реальное положение вещей таково, что в силу этой самой *диалектической природы* окружающего мира, все рано или поздно имеет обыкновение возвращаться «на круги своя», но не в прежнем своем виде, а в иных более весомых и более содержательных формах. При непонимании или игнорировании такого расклада, или при неумелом и неосмотрительном обращении с упомянутыми обновленными формами, — воздействия, а то и удары этих «утяжеленных» возвращающихся форм могут прийтись не туда, где пониже спины, а туда, где повыше шеи.

Нарастающая бессодержательность коллективного Запада его и погубит. И произойдет это не по причине божьей кары, божьего промысла или исполнения некоего «закона кармы», а оттого что истощающаяся содержательность их главных повседневных форм (образа жизни), основывающихся на человеческих пороках, провоцирует поглощение этих форм значительно более содержательными устойчивыми формами. Слишком много пустопорожних (малосодержательных) форм-образований на всех уровнях породила их меркантильная нацеленность и оголтелый индивидуализм (бутафорские постиндустриальные «экономики»;

необеспеченность валюты ФРС; лживые СМИ; бесплодные однополые браки; вычурные *празднествования;* «назначенная правдой» извращенная «постправда»; показушные ценности; фарисейская ювенальная юстиция; возникшие из ниоткуда лицемерные мультикультурализм, толерантность, политкорректность и т. д.). Когда общество (или государство) преследует *малосодержательные* цели, тогда оно и поглощается более *содержательными* и *сбалансированными* общественными устроениями.

Перечисленные выше (в скобках) формы-образования относятся к абстрактным построениям и конструкциям, придуманным в край субъективированным сознанием и возведенным на зыбких (ложных) противоестественных основаниях. Эти построения и конструкции, порожденные субъективным воображением в умах немногочисленных индивидов, не относятся к числу проверенных временем и подтвержденных обычаями и традициями, а имеют в своем арсенале лишь *ограниченное* количество более или менее успешно реализованных примеров. Здесь мы напрямую сталкиваемся с проявлением волюнтаризма, с произвольным абсолютизированием субъективного компонента в известном системном отношении {субъективное/объективное}, что чревато нарушением баланса или равновесия всего отношения в целом. Слишком малый объем фактического материала имеется в распоряжении человека, чтобы проверить и подтвердить истинность абстрактных конструкций указанного типа и допустить их затем в качестве *новых оснований* для массового применения человечеством. Без тщательной оценки *содержательности* плодов воспаленного мозга и безудержных фантазий процедурами практики и интерпретирования, истинность этих форм, мягко говоря, вызывает сомнения, а упорное повсеместное насаждение — безусловно, опасно.

В каждом отношении, подобном отношению {изменение/основа}, типичным представителем которого является и рассматриваемое нами отношение {субъективное/объективное}, присутствует *определенное соотношение* компонентов «изменения» и «основы» в их отношении, гарантирующее стабильность и устойчивое развитие самого отношения в целом на том или ином этапе развития реальности. Отыскание такого соотношения компонентов-составляющих в указанных отношениях, соответствующего некоему осредненному *сбалансированному* значению, определяемому и обусловливаемому всяким данным этапом развития реальности, всегда есть и будет важнейшей приоритетной задачей, стоящей как перед отдельными субъектами, так и перед их сообществами.

Как только незрелое субъективное мышление начинает игнорировать свою связь с «приземленными» уровнями *основы,* так оно уходит в крайность, в односторонность, в абсолютизацию этой односторонности. Мышление спекулятивно и практически безгранично может манипулировать всем, чем угодно, что оно и делает, и получает любые «результаты», и достигает «выдающихся» успехов. Но многое из этих «достижений» приобретается ценой утраты адекватности представлений о реальности. И в этом случае индивид или сообщество, безрассудно и «безбашенно» пользующиеся огромным потенциалом мышления (характерного высокой интенсивностью содержательно-форменных трансформаций), попадают в западню.

Вполне в духе англосаксонской субъективированной традиции — силой

загонять в «рай» и «окультуривать» (цивилизовать, демократизировать и пр.) всех несогласных и сопротивляющихся. Подобное раз от разу повторяющееся пренебрежение объективно складывающейся ситуацией неминуемо вернется к англосаксам бумерангом наказаний для их новых поколений, которым вынужденно придется «включать заднюю», расплачиваясь за *неадекватность* и *малосодержательность* своих предков. К сожалению, большинство (и, в первую очередь, молодежь) этого пока не видит, наивно полагая, что технократическая политика и технологическая «продвинутость» автоматически обеспечит первенство и преимущество во всех сферах человеческой деятельности. На самом же деле уродливая однобокость или дисбаланс в развитии разных сторон-составляющих отдельных цивилизаций приводит последние к вырождению в свою противоположность и неминуемому краху. [В результате чрезмерного раскачивания или утраты равновесия «корабль цивилизации», говоря образным языком, опрокидывается вверх дном, т.е. ситуация обращается в свою противоположность: на том месте, где находился человек (так называемый венец природы, по весьма распространенному ныне мнению), оказывается пропитанное смолой днище, а венец природы поглощается пучиной, т.е. возвращается в дикую (предметную) природу и ею ассимилируется].

Ведь, что в главном отличает современную западную *идеологию* от восточной (в частности, в рамках антагонизма США vs Россия)? Это разные представления о необходимом и достаточном соотношении компонентов в отношении {изменение/основа} (или в наиболее общем отношении {содержание/форма}). Западный мир делает акцент на превалировании составляющей *изменения* (запредельной предприимчивости, бесконечной свободы, неограниченного индивидуализма и эгоизма и т. п.), тогда как Восток отдает предпочтение компоненту *основы* — устойчивости, опыту, здравому смыслу, обоснованному консерватизму, коллективизму. И уже отсюда со стороны Запада вытекает пренебрежение моралью, нравственностью, гуманизмом. Тут встречаются и конкурируют два разных подхода с опорой на разные удельные веса (в том числе и в цифровом выражении) вышеупомянутых компонентов-составляющих в их нераздельной целостности. Для нахождения баланса или золотой середины между указанными компонентами, безусловно, нужны и запас терпения, и все более осмысленная лояльность Запада и Востока по отношению друг к другу. Однако не менее значимо и понимание того, что временами просто необходимо *активное* противодействие агрессии (и в воздухе, и на море, и на суше, и, особенно, в космосе). В окопах, подставляя попеременно щеки для ударов, не отсидеться. Следует смелее и энергичнее блокироваться с единомышленниками и коллективными усилиями контролировать баланс системы {Запад/Восток}. В частности, все «железо» непрозрачного и сомнительного назначения, выводимое в космос «гегемоном», должно находить упокоение на дне мирового океана. Иллюзий быть не должно; нельзя не видеть, что в данном случае Запад представляет собой не столько активный, сколько *агрессивный* компонент отношения {изменение/основа}, противостоящий *умеренно-активному* компоненту Востока. Западом «повелевает» совсем иное *начало реальности,* нежели Востоком, и полная совместимость или совпадение обоих *начал* не достижимы *в принципе.* Потому-то небезопасные алгоритмы, «роящиеся» в головах коллективного Запада, должны быть нейтрализованы на самых ранних стадиях. Известная

неадекватность обезьяны с гранатой может привести к коллапсу всей системы {Запад/Восток} и уходу «в небытие» такой формы-уровня реальности, как человечество. Само собой разумеется, что развитие реальности и естественный вселенский ход событий под «управлением» *принципа саморазвития* этим единичным актом не остановить — просто отдельное звено в общей цепи развития трансформируется в новую форму, которая и продолжит свое содержательное движение на новом уровне, но уже без человека. Однако самому-то человеку его судьба, пожалуй, не так уж и безразлична.

Процедура нахождения *баланса* вышеозначенных компонентов-составляющих сложна еще и оттого, что компоненты подвержены перманентному воздействию многочисленных внешних и внутренних факторов (т.е. таких же компонентов других отношений), что делает их весьма подвижными в рамках единого отношения и, в свою очередь, приводит к спорадической изменчивости самого отношения в целом.

Изменения без *основы* (т.е. отрицание и сведение к минимуму значения и роли основы) в известном отношении {изменение/основа} — это абсурд. Основа направляет изменения, сохраняет их в виде наслоений и задает тем самым вектор последующих изменений (т.е. развития). Обособляющиеся и «отрывающиеся» от основы изменения ликвидируют отношение в целом как таковое, поскольку нечто, лишаясь основы и «родства не помнящее», трансформируется в свою противоположность. Вектор развития в значительной степени определяется основой, т.е. прошлым, «прожитым», предшествующими накоплениями.

Роль России как главного стабилизирующего компонента или противовеса в системе {Запад/Восток}, грозящей временами пойти в разнос, — неоспорима. Правда, наиболее эффективно противовес этот будет функционировать лишь на основе обновленного общественного устройства с *социалистическим укладом,* который, несомненно, является нашим *национальным приоритетом и гордостью на века.*

Отсутствие (особенно у политиков) приверженности таким, например, качествам человека и показателям развитого гармоничного общества, как честь, совесть, порядочность, мораль, нравственность, человеколюбие, взаимоуважение, — прямой путь «в небытие» для тех человеческих сообществ, которые отказываются от подобных гуманистических приобретений, идеалов и убеждений.

Неадекватное поведение большинства индивидов (общества), как реакция на движение в никуда, «освященное» *бессодержательными* целями, наказывается «небытием», т.е. поглощением и ассимиляцией *малосодержательных* форм здоровыми *адекватными* формами. Россия с ее значительно более адекватными, чем у коллективного Запада, представлениями о действительности имеет все шансы на лидерство с гуманистической направленностью при условии, что будет найден способ трансформации навязанных ей уродливых и ущербных капиталистических форм в иные гармоничные формы развития.

Как показывает время и ход развивающихся событий, субъективный, казалось

бы, вопрос справедливости общественного устройства [римское право, например, относит понятие *справедливости* к категориям субъективным] оказывается вопросом вовсе не субъективным, а исключительно объективным. Принимая во внимание исконно присущие нашему народу стремление и тягу к справедливости, вполне назрела к воплощению на новом уровне следующая идеологическая схема или цепочка содержательных преобразований: правда (истина) --- справедливость --- право --- равноправие --- равновесие (общественное) --- баланс --- гармония ... Любое человеческое сообщество или цивилизация так или иначе (явно и неявно) стремится к реализации подобной цепочки, обусловленной **диалектической природой окружающего мира.** На самом деле — это вопрос жизни и смерти для всех ныне обретающихся человеческих сообществ.

Стоит, пожалуй, отдельно остановиться на роли и значении современной рекламы.

Сегодняшняя агрессивная реклама на ТВ — это, как правило, хорошо проплаченная ложь и намеренно искаженное представление об истинном положении дел. Языком рекламы с младенческих ногтей человеку посылается сигнал: можно рать много и безнаказанно, с высокой трибуны и на многомиллионную аудиторию. Реклама практически всегда безапелляционно гипертрофирует ограниченные позитив и преимущество товара, услуг и всяческих «брендов», пряча на заднем дворе негативные их особенности и недостатки. В этом состоит ее ложь, этим она пагубно влияет на неокрепшие молодые умы. Лживая реклама с утра и до вечера учит молодежь также легко и невзыскательно относиться к собственным не выполненным обещаниям и пустым посулам.

Рекламу с ТВ надо уводить однозначно. Наиболее «креативные» лгуны вопят, что без рекламы не будет ТВ. Врут, бессовестно врут, ибо принципы функционирования ТВ сознательно искажены и обезображены дельцами от ТВ. Врут те, кто имеет причастность к огромным деньгам, которые крутятся в этом закулисье и которые можно бесконтрольно рассовывать по карманам. В условиях общественного характера производства и частнокапиталистического способа присвоения замыливание глаз почтенной публике — неотъемлемый элемент всех телевизионных шоу и аттракционов. Когда дело касается распределения и присвоения наработанного при капитализме продукта, всяк должен сразу же забыть о прозрачности этих процедур — иначе никакими силами не собрать на относительно крохотных пятачках запредельное количество проходимцев и прочих одиозных особей.

Между тем, путь в обход этих «естественно» организованных трудностей весьма известный и бесхитростный — создавать фонд накопления, общественные фонды потребления и *питать* ими насущные и востребованные направления и не только на ТВ; это, пожалуй, пока наиболее эффективный и проверенный способ развития человеческих инициатив в условиях грядущего социалистического уклада.

Коснемся подоплек возникновения и укоренения ложных посылов.

Ложь — это тоже некая содержательная форма, но с чрезвычайно низкой степенью *объективной содержательности,* т.е. форма весьма далекого

(грубого) приближения к выражению объективного содержания реальности (*малосодержательная,* и потому *неистинная* форма).

Бессовестная ложь — это фактический отказ от морально-этических норм и категорий в пользу временной, сиюминутной, как правило, материальной выгоды (с ее единственной меркой — объемом денежной массы). К такому выбору подводит культивирование ярко выраженного индивидуализма в противовес коллективизму и приоритетности общественных интересов.

Неумение и нежелание отличать несущественное или малосущественное от существенного, во-первых, и произвольная абсолютизация этого малосущественного в ущерб существенному, во-вторых, — сродни наглой бесстыжей лжи. Пользуясь подобным приемом можно долгое время результативно лепить из мухи слонов, умышленно умаляя содержательность существенных форм. Сознательное умаление существенного и возвеличивание несущественного эквивалентно смешению лжи с полуправдой, а потому это самая изощренная, мерзкая и отвратительная разновидность лжи. Однако рано или поздно естественная установка на рост содержательности форм возымеет свое и расставит формы по своим местам соответственно уровню их содержательности.

Всякая ложь — это намеренная попытка увода в сторону и ухода от адекватного мышления.

Когда нас пытаются убедить в том, что черное — это белое, ссылаясь на истинность *общезначимого* (т.е. на мнение некоторого «коллективчика», собравшего под свои знамена ограниченное число индивидов), то этим пропагандистам общезначимого в ущерб *объективному* надо иметь в виду, что ответ за навязывание провального мнения, может так статься, придется держать уже не перед оболваненным «коллективчиком», а перед обманутым человечеством.

Виртуальная реальность — это ложь, основанная на неподкрепленной и неподтвержденной содержанием конкретных форм *допустимости преобладания субъективной* составляющей в отношении {субъективное/объективное} в ущерб составляющей *объективной.* Современный кинематограф по типу «заокеанского» голливудского (великолепно освоивший «солженицынские» мотивы и приемы раздувания менее существенного до масштабов, превосходящих все существенное) насыщен вымыслами, трюками и спецэффектами, препятствующими адекватному восприятию действительности. Потворство «заокеанской» *неадекватности* опять же чревато последствиями для всего мира.

В конце концов, это право каждого индивида на выбор — в какую сторону и насколько следует сдвигать разделительную черту в отношении {субъективное/объективное}, но, к счастью, критерий корректности и допустимости таких «сдвижек» все-таки имеется; это адекватность содержания мышления содержанию бытия. В случае абсолютизации компонента «субъективного» безобидная, на первый взгляд, неадекватность мышления и сформированных представлений о реальности может приводить к серьезным последствиям. Вышеупомянутый «коллективчик» или некоторое ограниченное сообщество и его коллективное сознание способно

просуществовать в «фейковом» режиме неадекватного восприятия реальности лишь весьма ограниченное же время, но и за короткий период может создать глобальную угрозу выживанию человечества в целом, а то и погубить его ...

Приведем несколько гиперболизированный и потому достаточно очевидный для уразумения пример. Положим, из квартиры седьмого этажа есть два выхода наружу: через дверь и через окно. Всем известно, что *можно* выходить как через дверь, так и через окно, но подавляющее большинство привычно пользуется дверью, поскольку знает, что выход через окно чреват тяжелыми последствиями. И тем не менее есть отдельные индивиды, которые, следуя навязчивым идеям, покидают квартиру через окно, и по тем или иным причинам число их не обнулится никогда. Осуществление такой альтернативной возможности в масштабах всего человечества грозило бы исчезновением человечества как вида. Утрата адекватности представлений о реальности в данном случае могла бы оказаться *критичной* и выразиться в потере человечества, как определенного уровня реальности. Речь здесь идет как раз о таком *«можно»,* которое *«нельзя»* с точки зрения адекватно мыслящего человека (и человечества в целом). [Намеренно утрированные примеры помогают иногда прочувствовать реальную опасность заигрывания с *неадекватностью*].

Еще пример. Птолемеевская картина мира исходила из примата геоцентрических представлений. Была ли эта неадекватность представлений критичной по тем временам? Наверное, нет. Но со временем мало-помалу таковой становилась. Во всяком случае ни о какой точности расчета траектории полета космических аппаратов на основе Птолемеевской модели (из-за запредельной громоздкости и *погрешности* вычислений) сегодня не могло бы быть и речи.

Мышление легко сдвигает границу в отношении {субъективное/ объективное} в сторону преобладания субъективного (для него самого как для наиболее абстрагированного уровня реальности это не критично), но при этом оно может в ущерб адекватности спровоцировать «выход» значений ***всего*** отношения за пределы диапазона, допустимого данным определенным этапом развития. Иными словами, для «собственно» мышления некие неадекватные предпочтения и необузданная внутренняя активность (пока они локализованы в голове, без выхода наружу) могут оставаться и без последствий, но для всей связки-совокупности уровней человека (обретающейся в предметном мире и включающей в себя форму предметности, форму ощущений и форму мышления), — произвольный выбор мышления с последующим выходом неадекватных реакций вовне может оказаться *критичным,* что и показывают приведенные выше примеры.

Ложь зачастую продиктована стремлением адаптироваться к внешним условиям и воздействиям во имя выживания и процветания какой-то отдельной формы-уровня в отрыве от остальных уровней общей совокупности в составе структуры человека (скажем, превознесение плоти и материальных приобретений в ущерб или обход морали и нравственности). При этом на ментальном уровне «воцаряется» фактическое «двоевластие» (раздвоение): что-то более форменное сталкивается с чем-то более содержательным. В результате возникает конфликт: содержательная составляющая «курирует»,

как правило, непосредственно прямой, бесхитростный путь достижения цели; форменная же составляющая, ради достижения цели как кажется более беспроигрышным путем, готова идти в обход, т.е. лгать.

Правда и ложь — формы заведомо разной степени приближения к выражению полноты движущегося (объективного) содержания. В силу пагубности влияния даже самых мелких публичных «фейков» и вымыслов на умы и сознание людей бороться с ложью нужно жестко, решительно и беспощадно, — подавлять, не оставляя без внимания ни одной серьезной попытки укоренения фальши. Когда встает вопрос о выживании человечества или отдельных его сообществ, ориентация на неадекватное мышление, ложные посылы и не апробированные жизнью «ценности» категорически не допустима.

Чтобы не оказаться на обочине развития,*содержательность* всех без исключения намечаемых в государственном масштабе к разработке и воплощению форм (идей, перспективных планов, проектов. программ, направлений и пр.) должна анализироваться и ранжироваться на государственном и общественном уровнях в *постоянном* и безостановочном режиме.

Однако не только подленькие, мелкие или корыстные мотивы и цели являются подоплекой фальшивых вбросов и распространения лжи. Свою «посильную» лепту неразберихи в общественную жизнь вносят гуманитарии, которые в силу своей профессиональной ориентации на мир людей и сферу психологии живут в отрыве от физического мира и с легкостью одурманиваются правящей «верхушкой», плохо представляя себе, как растет хлеб, варится сталь и высвобождается энергия при делении ядра урана. Ширящаяся безграмотность в вопросах естествознания — также одна из причин ложных представлений о мире, распространения и живучести мифов.

Беспринципность позиции и отсутствие стойких убеждений у государственных мужей и рядовых граждан аналогичным образом сродни отречению от истины и покровительству лжи.

«Компрадорское нутро» власть предержащих и так называемого бизнеса — опять-таки из той же серии.

Весьма распространенное мнение на тот счет, что рынок якобы все расставит по своим местам, как в сфере производства, так и потребления, — тоже ложь или по крайней мере дремучее заблуждение. Если уж невзначай, нежданно-негаданно (ну, проглядели, «проворонили», с кем не бывает!) возник человек с его мышлением (и, соответственно, все, что с ним связано, так называемое «искусственное»), то, вероятнее всего, он так или иначе сознательно и неосознанно будет вмешиваться и в природу всех вещей (или это вообще уже за гранью понимания?). Обжигаясь и допуская ошибки и на них же обучаясь, человек будет постоянно корректировать и свою собственную жизнь, и влияние внешнего окружения, — иного пути развития, кроме как «делание себя из себя же», просто не существует. По этой причине и госпланирование, и государственная поддержка, и госрегулирование в различных областях производства и потребления вполне закономерны и непременно будут присутствовать как следствие видения процессов развития глазами субъекта

(зачинателя всего «искусственного»). Другое дело, что при всем этом остается по-прежнему злободневным вопрос, который также никто не в силах отменить и который субъективному сознанию придется решать перманентно во имя обеспечения устойчивого содержательного развития, — отыскание оптимального соотношения или баланса взаимодополняющих компонентов «невидимой руки рынка» и «государственного регулирования» (т.е. баланса или оптимального соотношения *искусственного* и *естественного).*

И, наконец, нельзя уже не видеть сегодня, насколько разрушительным оружием (оружием массового поражения) может оказаться информационная пандемия и как важно уметь проверять и устанавливать *истинность* информационных вбросов. В такой связи значение и роль *технологии интерпретирования* (при решении проблемы установления истины) как средства противодействия угрозе причинения человечеству всякого рода ущерба глобального масштаба посредством хитроумно спланированных информационных атак неизмеримо возрастают.

К сожалению, не имеем возможности развивать здесь эту тему далее.

Всюду, на всех уровнях развития реальности, между всеми ее формами всех уровней без исключения имеет место жесткая конкурентная борьба за обладание *наивысшей содержательностью* или борьба за *содержательный ресурс,* что оказывается прямым следствием универсальности *принципа саморазвития.* Определяемое этим же принципом стремление к выражению истины и правды изначально заложено, в том числе, и в самом «механизме» человеческого мышления (сознания). И если сегодня некая ложь считается делом обычным и привычным и принимается «на ура» невзыскательными коллективами и сообществами, то завтра непременно отыщется субъект (или субъекты), который, подчиняясь обретающемуся в нем имманентному принципу саморазвития, «нароет» правду об этой фальши и все построения, возведенные на лживых посылах, рухнут в одночасье, да еще и с сопутствующими последствиями для тех, кто возводил ложь на пьедестал. Причем, реализуется такой сценарий отнюдь не по причине вмешательства «высших сил», а под «давлением» объективно всюду присутствующего *всеобщего, безусловного, слепого* и *безотносительного принципа саморазвития* с его «установками» на обладание максимально достижимой содержательностью всеми формами-уровнями изменяющейся реальности.

Универсальный критерий истины. Выводы.

Вышеизложенное считаем достаточным основанием для следующих выводов.

1. Объективная реальность представляет собой движение и смену ее форм в направлении обладания упомянутыми формами *наивысшей содержательностью.* Познавательный процесс может быть более эффективным, если развитие реальности рассматривать с позиции *содержательно-форменных трансформаций унитарной направленности.*

2. Человеческое сознание (мышление) — это наиболее абстрагированная (из достоверно известных на сегодня) форма представления содержания

реальности, продолжающая собой ряд предшествующих форм, таких как форма предметности и форма ощущений. Избавляясь от представлений о сознании как об «отражении» или «копии» действительности, человеческое мышление обретает возможность видеть развитие реальности как единое («сквозное») движение ее содержания посредством все более абстрагирующихся содержательных форм; тем самым устраняется искусственный гносеологический барьер, выстроенный самим же человеческим сознанием на пути познания содержательно бесконечного (многоуровневого) движения реальности.

3. **Установлен подлинный критерий истины или истинности форм развивающейся реальности. Истинность той или иной формы реальности определяется полнотой или «количеством» ее содержательности. Отсюда, критерием истинности форм реальности служит их содержательность.**

4. Вышеупомянутый критерий позволяет *количественно* оценивать *содержательность* форм реальности, что дает возможность выстраивать их по ранжиру и тем самым точнее и осмысленнее определять направление перспективных исследований.

5. Практика не является критерием истины, а служит процедурой (технологией, способом) оценки полноты или «количества» содержательности всевозможных форм реальности. В указанном смысле практика представляет собой частный случай более общей технологии, именуемой *интерпретированием.*

6. Суть процесса познания сводится к тому, что все исследуемое и непознанное оценивается, проверяется и выражается через имеющееся и существующее, истинность которого уже установлена и проверена временем.

7. Не бывает двух или более *одинаково содержательных* истин (идей, представлений, утверждений, теорий, концепций, моделей, мнений, точек зрения и пр.) относительно одного и того же исследуемого вопроса или предмета суждения, как не может быть *в принципе* двух или более *равнозначных* приближений к истине объективной или истине абсолютной. На всякий данный момент развития среди форм разных приближений существует всего *одна* форма, наиболее приближенная к форме *объективной* (абсолютной) содержательности. Это и есть та форма, на которую следует ориентироваться как на *истинную.*

Универсальный критерий истины. Литература.

1. *Бом М.* Бешенство России [Электронный ресурс] // URL: https://subscribe.ru/digest/economics/news/n272917707.html

2. *Владлен В.К.* Распознать очевидное. Нетривиальный взгляд на эволюцию [Текст]. — СПб.: Super Издательство, 2016. — 68 с.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук [Текст]. — Т. 1. Наука логики. — М.: Мысль, 1975. — 452 с.

4. *Губанов Н.Н., Губанов Н.И.* Категории в системе научного знания // Гуманитарный вестник. — 2016. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: http://hmbul.ru/articles/344/344.pdf

5. *Дерябо С.* Личность: от субъективности к субъектности [Текст] // Развитие личности: журнал. — 2002. — № 3. — С. 261-265.

6. *Жюлиа Д.* Философский словарь [Текст]. — М.: Международные отношения, 2000. — 544 с.

7. *Ильин В., Машенцев А.* Философия в схемах и комментариях [Электронный ресурс] // URL: http://eurasialand.ru/txt/ilyin/38.htm

8. *Кравченко В.В.* Концепция развития: взгляд изнутри [Текст] //Журнал философских исследований. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 47-73.

9. *Лебедев С.А.* Метод парадигмального обоснования научных теорий [Текст] // Журнал философских исследований. — 2019. — Т. 5, № 4. — С. 3-7.

10. *Лебедев С.А.* Метод формализации научных теорий и его возможности [Текст] // Журнал естественнонаучных исследований. — 2017. — Т. 2, №4. — С. 13-29.

11. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм [Текст]. — М.: Политиздат, 1979. — 384 с.

12. *Ленин В.И.* Философские тетради [Текст]. — М.: Политиздат, 1978, — 752 с.

13. *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества [Текст]. — ПСС, 5-е изд. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1967. — 662 с.

14. *Маркс К., Маркс К. и Энгельс Ф.* Нищета философии [Текст] // Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — М.: Политиздат, 1955. — 615 с.

15. *Петровский В.А.* Субъектность как состоятельность [Электронный ресурс] //URL: https://psy-journal . hse . ru/2015-12-3/161488495 . html

16. Словарь русского языка [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд. — Т. 2. — М.: Русский язык, 1982. — 736 с.

17. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: А.М. Прохоров. — 4-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 1632 с.

18. *Фейербах Л.* История философии [Текст] // Собрание произведений в трех томах. — Т. 2. — М.: Мысль, 1974. — 480 с.

19. Философский энциклопедический словарь [Текст]. — Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.

20. *Энгельс Ф.* Диалектика природы [Текст]. — М.: Политиздат, 1975. — 359 с.

21. Энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. — СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890-1907.

22. Энциклопедия физики и техники [Электронный ресурс] // URL: http://femto .

com . ua/articles/part_1/1635 . html

23. *Vladlen V.K.* To Cognize the Obviousness. Non-trivial Outlook on Evolution. — Houston, TX 77065: Strategic Book Publishing and Rights Co., 2013. — 46 p.

Невыученные уроки диалектики: у кого и как учиться мыслить диалектически. Аннотация.

Настоящая статья посвящена урокам диалектики от В.И. Ленина — выдающегося отечественного мыслителя, которому способность ясного диалектического мышления была щедро дарована природой.

Любое произведение, вышедшее из-под пера Ленина, проникнуто духом диалектики. Любая ленинская мысль — это цепь или череда понятийных форм, максимально исполненных объективного содержания. Любая его теоретическая работа — это образец мастерски сбалансированного скольжения мысли как бы по «лезвию бритвы», противоположные стороны-грани которой символизируют противостояние двух нетождественных противоборствующих сторон-компонентов реальности.

Данная статья имеет своей целью акцентировать внимание прежде всего молодого читателя именно на указанных качествах теоретических работ В.И. Ленина.

В ходе ознакомления с теоретическим наследием Ленина бросается в глаза то обстоятельство, что использованный им исследовательский подход оказывается до сих пор невостребованным, а ленинские уроки диалектики, соответственно, невыученными.

Поскольку в основании любой конкретной формы реальности (объекта, процесса, явления) лежат две весьма абстрактные и нетождественные, но вместе с тем объективные и взаимосвязанные стороны-составляющие-компоненты «содержание» и «форма», постольку содержательно-форменные отношения (превращения, преобразования, трансформации) выходят на передний план и оказываются предметом пристального внимания диалектики.

Рассмотрение теоретических работ Ленина через призму содержательно-форменных отношений и выявление на этом основании общих закономерностей построения и подачи материала позволяет говорить о возможности создания единой универсальной методики проведения результативных исследований на любом уровне и в любой области реальности.

Невыученные уроки диалектики. Abstract.

This article is devoted to the lessons of dialectics from Vladimir I. Lenin, an outstanding Russian thinker, to whom the ability of clear dialectical thinking was gifted generously by nature.

Any work that came out of the pen of Lenin is imbued with the spirit of dialectics. Any Lenin's thought is a chain or succession of conceptual forms that are maximally filled with the objective content. Any of his theoretical work is an example of a masterfully balanced sliding of thought, as it were along a “razor’s edge”, the opposite sides of which symbolize the confrontation of two non-identical objecting sides-components of reality.

This article aims to focus the attention above all of the young reader namely on the specified qualities of the theoretical works of Vladimir I. Lenin.

In the course of acquaintance with Lenin’s theoretical legacy it is striking that the research approach been used by him is still unclaimed, and Lenin’s lessons of dialectics are accordingly unlearned.

Since at the basis of any certain form of reality (i.e. an object or process, or phenomenon) two very abstract and non-identical, but at the same time objective and interrelated sides-components “content” and “form” are underlined, so the content-form relations (or transformations) come to the fore and turn out to be the subject of consideration of dialectics.

An examination of Lenin’s theoretical works through the prism of content-form relations and identification of general regularities in construction and presentation of works material on this basis, allows us to talk about the possibility of creating an unified universal methodology for the effective researches in any field and at any level of reality.

Невыученные уроки диалектики. Вступление.

В качестве эпиграфа к настоящей статье хочется взять слова В.И. Ленина из его работы «На дорогу», написанной в 1909 г: «... Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы...» [8, с. 540].

Приведенная цитата весьма рельефно, на наш взгляд, выражает не только характер незаурядной живой и гибкой личности, но и суть всей жизни и революционной деятельности В.И. Ленина: зорко и неотступно отслеживать обстановку, точно схватывать ее изменения и находиться в постоянной готовности своевременно реагировать на эти изменения наиболее адекватными ответными действиями — ***новыми формами борьбы.***

В данной статье мы рассмотрим и проанализируем величие и масштабность фигуры Ленина со стороны его врожденной способности: ***быть диалектиком.*** Отбрасывая все вымышленное, сомнительное и второстепенное, выпяченное на передний план в «мутные» 90-е годы прошлого столетия — годы беспощадной расправы над Советской властью и СССР, — будем касаться в наших исследованиях главным образом *упомянутого* аспекта деятельности и личности В.И. Ленина.

Диалектический склад ума — та неотъемлемая черта ленинской индивидуальности, которая, по нашему мнению, не нашла еще в должной мере освещения в художественной литературе и публицистике. Все прочие атрибуты гениальности — это уже производные подобного рода

замечательных особенностей его природы: и приверженность научному подходу в процессе изучения и исследования любых вопросов; и стремление к объективному и беспристрастному изложению выводов и результатов, полученных в ходе наблюдений и исследований, и т. п. Именно естественная «погруженность» Ленина в загадочную среду диалектики вызывает остервенелую враждебность и неприятие его со стороны недругов и оппонентов, которые будучи лишенными этого природного дара, в большинстве своем, помимо придумывания сюжетов «из головы» и изложения схоластических вывертов, домыслов, небылиц и сказок, ничем иным похвастаться не могут.

Еще одна причина патологической ненависти и неприязни к личности Ленина кроется в неспособности его оппонентов к проникновенному, подобному ленинскому, взгляду на суть и порядок следования вещей; и эта недосягаемость ленинской глубины осмысления действительных отношений остается главным раздражителем для его оппонентов и по сию пору.

В чем сила Ленина, если даже самые отъявленные его недоброжелатели и недруги признают тем не менее его влияние и авторитет в глобальном масштабе? Прежде всего, с нашей точки зрения, в его философской значимости и именно в мастерстве владения диалектикой: когда прозорливость есть следствие таланта отдельного индивидуума видеть развитие реальности через призму взаимодействия непосредственно противоборствующих ее (реальности) сторон. Он был тем, кем втайне желают и мечтают быть многие заурядные и незаурядные философствующие персоны, понимающие, однако, что не добирают, не дотягивают, не годятся на эту роль и потому не могут стать никем подобным — ввиду отсутствия в многослойной структуре собственного «Я» некоторых чрезвычайно важных элементов-составляющих.

Трудно сыскать современного общественного лидера, стоящего хотя бы вровень (на одной ступеньке) с Лениным — энциклопедической учености и глубины философом, блестящим полемистом, последовательным и бесстрашным революционером, крупным политиком и выдающимся государственным деятелем.

Обладание бесценным даром прирожденного диалектика позволяло Ленину филигранно балансировать на гребне волны событий и обстоятельств.

Выверенность и точность, с которой исторические личности диалектической «закваски» ходят по «лезвию бритвы», балансируя между Сциллой и Харибдой в толковании исследуемых вопросов, вызывает восхищение и зависть в самом добром смысле этого слова. Через них (и посредством их) диалектика прокладывает себе путь наиболее эффективным и оптимальным образом. Именно через них и их устами говорит с нами сама диалектически развивающаяся природа.

Досадно, конечно, что красоту и совершенство мысли, скажем, Маркса или Энгельса большинство из нас могут оценивать только благодаря стараниям переводчиков. Безусловно, переводчики тех времен являлись специалистами, весьма подготовленными и людьми совсем незаурядными, но, как справедливо кем-то подмечено, читать классику в переводе — все равно, что

принимать душ в пальто. И тем отраднее, что красоту, ясность и четкость ленинской мысли можно, слава богу, познавать и оценивать без вмешательства посредников-переводчиков.

Все люди (а тем более выдающиеся) в той или иной мере стихийные диалектики. И неважно, каким ремеслом (из разряда умственного или физического труда) они владеют. Входящая в плоть и кровь любого и каждого человека диалектика время от времени ориентирует его на те или иные парадоксальные (казалось бы, с точки зрения здравого смысла) решения, благодаря которым человек добивается замечательных результатов и потому становится известным широкой публике. Сошлемся здесь, к примеру, на мемуары и воспоминания прославленных: военачальника Жукова, летчиков Покрышкина и Кожедуба, конструктора авиадвигателей Микулина, режиссера Эйзенштейна, кардиохирурга Амосова, тяжелоатлета Власова и многих-многих других выдающихся людей, которым врожденное искусство парадоксального диалектического мышления в разных, казалось бы, невыигрышных с точки зрения обыденного сознания жизненных ситуациях, помогало «проскакивать» буквально в игольное ушко и одерживать непредсказуемые победы, совершать открытия, добиваться непредугаданного заранее, непредвиденного успеха. Но Ленин отнюдь не стихийный латентный диалектик, которых на планете Земля великое множество, а подобно Гегелю, Марксу и Энгельсу он, безусловно, ощущал и ***осознавал себя*** диалектиком и уже на этом основании поступал и действовал сообразно диалектической природе мира и набору тех средств воздействия, которые предоставляла эта природа: не *изобретая* средства из головы, а *открывая* их при помощи головы [16, с. 148].

Соответственно такому подходу любой вывод Ленина — это не волюнтаризм или отсебятина, а трезвое заключение на основании тщательного изучения и скрупулезного анализа сложившейся обстановки с выявлением всех «действующих лиц и исполнителей».

Как уже отмечалось выше, через таких мыслителей, как Маркс, Гегель, Энгельс, Ленин, сама природа (окружающий мир, развивающаяся реальность) разговаривает с нами языком самой что ни на есть диалектики. И наш Владимир Ильич выглядит в этом ряду диалектиков еще «покруче» вышеупомянутых немцев, особенно в вопросах практического исполнения и воплощения теоретических наработок.

Не только «Философские тетради» (составленные из цитат и заметок на полях прочитанных книг) или «Материализм и эмпириокритицизм» являются свидетельством глубокого понимания автором диалектических основ построения и гармонии окружающего мира, но и любая из всех прочих его работ вне зависимости от содержания, а даже по одним лишь формальным признакам удостоверяет его причастность и принадлежность к ряду настоящих проводников и трибунов диалектики.

Почему фигура Ленина привлекает к себе столь пристальное и нетленное внимание? Да потому что это один из величайших диалектиков всех времен и народов — прямой продолжатель и приумножитель диалектического наследия Гегеля, Маркса, Энгельса.

Ленин настолько велик и значим в вопросах практического применения мастерства диалектического мышления, что никто из живших *после него* и живущих ныне ученых и философов всех мастей не может пока в этом смысле быть поставлен с ним в один ряд. Бриллианты подобной величины и огранки появляются на свет божий раз в сотни лет.

Отмежевываясь напрочь от вороха вранья и нелепостей, высказанных в адрес этого выдающегося мыслителя во времена так называемого «безвременья» конца прошлого столетия (пусть это останется целиком на совести словоохотливых несмышленышей), будем оценивать масштаб личности Ленина с точки зрения духа и атмосферы его теоретических работ, находящихся в свободном доступе: вот, пожалуйста, читай, проверяй, бери на вооружение или опровергай нами изложенное — соответственно своему уразумению и подготовке.

В расчете на то, что данная статья может послужить некоторым *подспорьем* в деле овладевания искусством диалектического мышления (что особенно важно для *учащихся* и *студентов,* как гуманитарных, так и технических вузов), покажем и раскроем на примере ленинских работ красоту и гармонию диалектического метода в пику и в противовес механистическому, метафизическому, эклектическому и схоластическому образу (способам) мышления.

Что. в конце концов, важно знать, изучая те или иные *формы реальности:* объект, процесс, явление и пр ? Важно выявлять и отслеживать логику, историзм, тенденцию, закономерности, направленность (т.е. *содержательную* сторону) развития этих *форм проявления* и *существования реальности,* для чего оказывается совершенно необходимым *наблюдать* за тем — **как** происходит *превращение (преобразование, трансформация)* одних *форм реальности* в другие, и далее на этом основании пытаться *прогнозировать* такие превращения (преобразования, трансформации), *предвосхищая* не только изменение *форм существующих,* но и возникновение *форм новых.* Все это и составляет предмет рассмотрения диалектики. В конечном счете речь идет об изучении окружающего мира (природы, человека, общества) с позиции ***содержательно-форменных*** *превращений, трансформаций, преобразований* [2, 3, 7, 18].

Всякий серьезный исследователь, приступая к изыскательской работе, исходит из того, что реальность (окружающий мир, природа) всегда как минимум ***двустороння (двойственна).*** Любой реальный конкретный объект, процесс, явление в наиболее общем абстрактном виде представляет собой ***отношение двух начал*** (сторон, составляющих, компонентов, «оппонентов» и т. п.): **{содержание/форма}.** Тогда всякая конкретная форма реальности (подразумевающая под собой те же: объект, процесс, явление) определяется ***соотношением*** указанных начал-сторон-составляющих-компонентов в каждом их конкретном ***отношении.*** *Развитие же самих форм реальности представляет собой изменение соотношений отмеченных составляющих-компонентов в рамках их отношений.* В такой связи становится очевидным. что формы реальности, определяющиеся вышеупомянутыми соотношениями, могут быть как более, так и менее *содержательными* (в силу присутствия *разных долей* содержательного и форменного компонентов в их отношениях). Общая же тенденция развития и изменения форм реальности (как показывает

опыт человеческих наблюдений на протяжении человеческой же истории) такова, что по мере их (форм) развития имеет место *смещение* соотношения компонентов (в их отношениях) в сторону «числителя» отношения (если рассматривать такое отношение как математическую дробь), т.е. в сторону *содержательного* компонента отношения (имеется в виду принципиальная ориентация на общее движение-развитие форм реальности в направлении увеличения их *содержательности* и обретения, в конце концов, предельной *наивысшей содержательности*) [5, 7]. Такая установка-ориентация, указывающая на направление изменчивости всех форм, именуется *универсальным принципом саморазвития (самоорганизации)* реальности, формулирующимся следующим образом: **развитие содержания** форм реальности **осуществляется в направлении исчерпывающего выражения развивающимся содержанием самого же развивающегося содержания** этих форм [3, 5, 7, 18].

Применительно к окружающему миру эта формулировка означает примерно следующее: ***все, что существует и развивается, имеет направлением своего развития и существования выражение*** (т.е. охват, поглощение, усвоение, ассимиляцию, постижение и т. п.) ***собой существующим и развивающимся себя же существующего и развивающегося.*** В качестве визуального примера в данном случае наиболее подходящим оказывается образ «самонаворачивающейся» объемной спирали [2, 7]. И подобная направленность или ориентация изменения-движения-развития присуща всем развивающимся формам реальности, без исключения.

Для пущей иллюстративности только что сказанного заметим, что применительно к такому уровню (области) развивающейся реальности, как, скажем, *человек* и *социум,* этот *универсальный принцип* «двигает» вперед или развивает не только *положительные* (с точки зрения человеческого сознания) морально-нравственные и гуманистические устремления человека, но и *отрицательные* (опять же в терминах человеческого сознания) его помыслы, мотивы, тайные побуждения и «греховные» наклонности — такие, например, как высокомерие и снисходительность, чувства исключительности и собственного превосходства над ближним, зависть и тщеславие и т. д., и т. п. Всяк намеревается и пыжится представить себя и выглядеть наиболее значимым, компетентным, респектабельным, преуспевающим и пр., в общем — *самым содержательным,* что так же определяется и обусловливается тем же универсальным принципом объективного стремления любых форм к обладанию *наивысшей содержательностью.* Ведь так сладко и соблазнительно участвовать в какой-нибудь, скажем, политической тусовке и слыть в этом мире влиятельной персоной – вершителем человеческих судеб.

Таким образом, в свете излагаемой здесь диалектической концепции развития ***объективная реальность*** представляет собой движение и смену *ее* форм в направлении обладания *наивысшей содержательностью* (т.е. максимально достижимым содержанием) и все процессы развития и познания реальности следует изучать и рассматривать через призму *содержательно-форменных переходов, превращений, трансформаций унитарной* (т.е. строго определенной) *направленности.*

Определенным образом направленная изменчивость абстрактного отношения {содержание/форма} обусловлена, с одной стороны. *единством* и, с другой

стороны, *нетождественностью* (неодинаковостью) его компонентов, в силу чего оба компонента находятся в состоянии взаимодействия и неистощимого движения на сближение друг с другом и обретение равновесия (баланса) или взаимной выраженности друг другом (что означает: стать предельно *содержательной* — для *формы* и определиться со своей совершенной *формой* — для *содержания*). Присутствие в одном цельном отношении двух компонентов с разными типами активности порождает вихрь, смерч, круговорот, «самонаворачивающуюся» спираль, т.е. специфического характера изменение (движение, развитие) как обоих компонентов этого отношения, так и самого отношения в целом.

Широко известно изречение Гераклита по поводу того, что все течет, все изменяется. Но ***куда*** все это течет и изменяется — до сих пор ясных представлений не имелось. Только сегодня открывается возможность отвечать на этот вопрос более или менее вразумительно; сегодня мы можем осмысленно определиться с *вектором* этого всеобщего движения: всюду и всегда имеет место тотальное *многоуровневое* движение в сторону достижения **наивысшего уровня содержательности;** поголовно все пронизано стремлением и охвачено движением в направлении обладания *наивысшей содержательностью.* Этим вектором всеобщего движения определяются причинность, смыслы и цели: жизни, развития, эволюции, истории и т. д., — т.е. *существования чего бы то ни было, в каких бы то ни было формах.*

Алгоритм развития — общий и универсальный для всех уровней-форм реальности, от фотона до самых замысловатых понятийных схем и конструкций в головах отдельных индивидуумов: *новое содержание всегда будет стремиться обрести новую форму, а формы — наполниться, обогатиться новым содержанием. Отсюда — вихревое движение всего и вся.* Данной концепцией лишь подмечается типовой, стандартный характер хода и превращения вещей на всех уровнях: универсальное, обобщенное отношение {содержание/форма} облачается на каждом конкретном уровне в свою конкретную форму и сквозным образом «шествует» через уровни в направлении замены форм-отношений на все более и более *содержательные.*

Движение или стремление к достижению *наивысшей содержательности* (как ***единой цели*** для всех изменяющихся форм реальности) обусловливает жесточайшую *состязательность* и *конкуренцию* между движущимися и развивающимися таким образом формами реальности. Неизбежно возникающая в силу вышеуказанного движения (движения к *единому финишу)* конкуренция и состязательность выражается в виде противостояния, противоборства и взаимодействия реальных объектов, процессов, явлений на разных этапах, в разных областях и на разных уровнях их существования-движения-развития. В геополитике это может быть выражено противостоянием и противоборством компонентов в таких отношениях, скажем, как {Запад/Восток}, {метрополия/колония}, {глобальное/национальное}; в политике и экономике — в отношениях {интернационализм/национализм}, {пролетариат/буржуазия}, {наемный труд/капитал}, {либерализм/консерватизм}; на уровне биологических объектов — в отношениях {самец/самка}, {мужчина/женщина}, {мужское начало/женское начало}, {правая сторона тела (живых организмов)/левая

сторона тела (живых организмов)}; в области физики — отношениями {время/пространство}, {энергия/масса}, {волна/корпускула}, {отрицательный заряд/положительный заряд}, {движение/покой}, {ускорение/тяготение} и т. д., и т. п.

Будучи сугубо абстрактным образованием, отношение {содержание/форма} ***принципиально*** не проявимо в наиболее общем его виде или образе, но вместе с тем составляет сердцевину или саму суть любой и всякой реальной конкретной формы (объекта, процесса, явления и пр.).

Отмечаемое *двуединство* составляющих-компонентов реальных форм-отношений с весьма строгой и *определенной направленностью содержательно-форменных превращений* (трансформаций, преобразований) в ходе взаимодействия этих составляющих-компонентов объясняет ежемоментную ***уникальность*** обретающегося *мира* (Вселенной, природы, жизни и т. д.) как единого целого, а также ***уникальность*** и ***неповторяющееся многообразие*** существующих и нарождающихся *форм* как отдельных элементов этого мира.

Абстрактное отношение {содержание/форма} со вполне однозначной направленностью изменения-движения-развития компонентов или составляющих этого отношения, равно как и всего отношения в целом, — это то, что существует изначально, повсеместно, объективно и независимо от какой бы то ни было конкретности; это то, что в силу своей вездесущности пронизывает собой все имеющиеся и возникающие конкретные формы-уровни-отношения окружающей реальности. Именно содержательно-форменные трансформации вышеописанной направленности (т.е. изменения компонентов и их отношений в строго определенную сторону, в строго определенном направлении — на достижение *наивысшей содержательности)* лежат в основе развития форм реальности, являющихся, в свою очередь, всего лишь *конкретным* облачением и воплощением представленной выше *абстрактной модели* (т.е. абстрактного отношения {содержание/форма}). И именно эта исходная модель в силу своей основательности и всеобщности наиболее приемлема и эффективна для *углубленного изучения, исследования и проникновения в суть окружающего мира* (изменяющейся реальности) на сегодняшнем этапе его развития.

Подобный изыскательский подход демонстрирует свою эффективность на примерах результативных исследований ряда вопросов, которые до сих пор относились к темам весьма проблемным и «заковыристым» [5. 6].

Почему содержательно-форменные отношения выходят вдруг на передний план, оказываются сердцевиной и предметом рассмотрения и изучения диалектики? Да потому что сам факт и соответствующее ему *непререкаемое утверждение* о том, что не существует ни одного реального объекта, процесса, явления, которые были бы лишены содержательной и/или форменной своих сторон-составляющих, неминуемо подводят к тому выводу, что *содержание* и *форма* — и есть те два ***«праначала»*** (два главных *ключевых* компонента, составляющих, «оппонента» и т. д., и т. п), которые, взаимодействуя (противоборствуя и одновременно дополняя друг друга) в рамках единого общего целого отношения {содержание/форма}, создают («генерируют») и воспроизводят так называемую ***объективную реальность,***

т.е. весь окружающий нас мир (включая и нас самих) со всем *многообразием* и *неповторимостью* его *форм.*

Согласно *хрестоматийному* определению, *диалектика* — это «учение о наиболее общих закономерных связях и становлении, развитии бытия и познания, и основанный на этом учении метод творчески познающего мышления. ...Основные принципы диалектики, составляющие ее стержень, — всеобщая связь, становление и развитие, которые осмысливаются с помощью всей исторически сложившейся системы категорий и законов» [15, с. 154].

Приоритет категорий {содержание/форма} по отношению ко всем прочим категориям и понятиям очевиден и удостоверяется тем обстоятельством, что в основании всех прочих категорий и понятий (равно как и самих объектов, процессов, явлений предметно-физического уровня реальности, обозначаемых этими категориями и понятиями) можно с легкостью обнаружить *вездесущие* содержательно-форменные начала-составляющие-компоненты.

Естественно и безусловно то, что никто никогда не сможет охватить (т.е. познать) весь объем связей и всю сумму изменений, происходящих во всех элементах окружающего мира (начиная от фотона, включая бездну атомов, молекул, живых клеток и пр., пр. и кончая опять-таки причудливыми идеями и фантазиями в головах отдельных человеческих индивидов), но *тенденцию* или *закономерности* таких изменений познавать и охватывать человеческим мышлением (с точки зрения самого же человеческого мышления или сознания) все-таки удается.

Вот что пишет, например, по этому поводу Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», имея в виду всего лишь сравнительно небольшой пласт (сегмент) *реальности* — мировое хозяйство: «Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие.* ***Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов.*** Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их *исторического* развития... Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается *объективно необходимая цепь событий,* цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, **не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — *охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах*** с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к *ней* свое общественное сознание...» [11, с. 317-318].

Таким образом, «объективно необходимая цепь событий» (в том числе объективно необходимая смена форм хозяйствования) определяет или задает и направление изменения-движения-развития-совершенствования форм человеческого общественного сознания, вырабатывая так называемый *алгоритм* смены его (человеческого сознания) форм. Возникающие или вновь появляющиеся в такой связи абстрактные формы человеческого сознания

(мышления) вырастают из более конкретных форм путем *трансформирования содержания* последних на новый уровень реальности с сохранением преемственности и сопрягаемости содержаний тех и других (т.е. абстрактных и конкретных) форм, что и свидетельствует в конечном итоге об *объективности* содержаний (объективной содержательности или истинности) всей цепочки или совокупности сопрягающихся форм (от конкретных до абстрактных) [5]. Из «объективной логики эволюции общественного бытия» вытекают: и «самая высшая *задача* человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах...» (по Ленину, см. выше); и в более широком смысле *задача* определить и познать направленность развития реальности и, соответственно, цели и смыслы жизни и развития человечества как содержательного движения (и смены) познавательных форм реальности в направлении обладания *наивысшей содержательностью.* Решение этой последней задачи предполагает получение в распоряжение человеческого мышления все более исчерпывающих и всеобъемлющих способов перспективного, предсказательного, прогностического, «предвосхищающего» познания. В этом направлении — на познании закономерностей изменения и возникновения форм реальности, на познании закономерностей ее (реальности) содержательно-форменных трансформаций — и должны быть сосредоточены основные человеческие усилия. В этом и состоит идеологическое обоснование существа (и существования) человека; этим и определяется перспектива жизни и развития всего человечества в целом. ***И кому, как не нам — непосредственным наследникам и преемникам легендарных носителей приоритетных идей Великого Октября, — продолжать воплощать эту революционную идеологию в практику, в жизнь !!!***

С разрушением и утратой СССР Россия лишилась намеченных прежде перспектив своего развития. Ленин и его соратники, будучи людьми, глубоко просвещенными и образованными, отчетливо понимали — **что** значит для отдельного человека и для народа в целом формулировка целей и перспектив движения-развития. Без формулирования воспринятой и одобренной народом **общественной** цели ни о каких инициативах, почине, энтузиазме в «массовом размере» говорить не приходится. Для сплочения и организации народных масс должны быть сформулированы **общественные** цели, направления и перспективы движения-развития страны (государства, общества), сообразно которым вырабатывается стратегия достижения этих целей и перспектив. Причем обозначение перспективы не должно сводиться к сиюминутной реакции на внешние и внутренние так называемые вызовы и раздражители, а обязано быть начертано с учетом и на основе долгосрочных прогнозов и стратегических планов. Почему Ленин и его сподвижники-единомышленники понимали это? Да потому что ***качество*** тогдашних руководителей страны было несоизмеримо с нынешним; это были люди высокого уровня сознания и, соответственно, личности совсем иного масштаба.

В условиях же правления сегодняшней прожорливой и ненасытной «саранчи» о таких «пустяках» упоминать не принято. Более того, нынешние «правители», отмахиваясь от общественных запросов на идеологию, не понимают даже, чего от них хотят. Так, *патриотизм* нынче перекочевал почему-то в область идеологии и выдвигается для граждан страны в качестве

идеологической перспективы, хотя более или менее образованному человеку должно быть ясно, что **патриотизм —** это не идеология, а **чувство,** привитое (или не привитое) человеку с молоком матери (а возможно, присутствующее уже и в зародыше на генетическом уровне), но требующее, как правило, дальнейшего *взращивания* и *воспитания.* **Идея** же — это нечто отличное от чувства, это продукт совсем иного уровня. Идея — это, говоря образным языком, свет в конце тоннеля для всякого просвещенного ума. Развитый человек не мыслит себя вне идеи и идеологии. Чувства, ощущения, потребности, интересы, «ценности» (в значении этого слова, употребляемом «западным» миром) — это все продукты более «приземленных», хотя и более основательных уровней-составляющих человеческого «Я», тогда как *идея* — это продукт наивысшего из **достоверно известных** нам на сегодня его уровней — уровня человеческого сознания (мышления).

Идея основывается на чувствах, их продолжает, но отнюдь к этим чувствам не сводится и ими не исчерпывается. Идея зажигает человека изнутри и ведет по жизни как путеводная звезда; правда, не всякого человека, а лишь подготовленного, созревшего до восприятия этой идеи. Отсюда: **носителем идеи можешь ты не быть, но патриотом быть обязан! —** *без всякой идеологии,* а просто по праву и *по ощущениям* своей причастности и принадлежности к великому народу.

Несомненно, конечно, и то, что идея, раз возникнув, в свою очередь начинает оказывать влияние на чувство, развивать и обогащать его, из чего и складывается **духовность** человеческой личности, имеющая самую непосредственную связь с патриотизмом. Но первороднее в этом тандеме все-таки *чувство.*

Если патриотизм, главным образом, воспитывается, то идеология, будучи категорией мировоззренческой, формируется на базе знаний, т.е. образовательным путем. Вот, к примеру, социалистическая идея, основанная на развитых чувствах справедливости и патриотизма, — это уже начало обновленной идеологии. Да-да, обновленной (акцентируется специально для нынешних «управителей» и иже с ними), отстроенной с учетом прежних промахов и неосведомленности, естественных для предыдущей эпохи. И не надо стращать народ или уповать на то, что опять все закончится уравниловкой и застоем: корабль следует в нужном направлении и приходит к цели не только и не столько потому, что его правильно сориентировали в начале пути, а главным образом оттого, что сообразно обстановке курс его периодически корректируют, уточняют, изменяют. Совершенствование систем оплаты труда и процедур учета и контроля, а также сменяемость и обновляемость кадров на всех управленческих уровнях сверху донизу — как у классиков, но *четче, тщательней, въедливей, энергичней,* чем прежде, — дадут в конечном итоге ожидаемо-положительный эффект. Тогда не хватало времени на детали, все внимание фокусировалось на создании основ. И теперь не легче, но с твердой основой под ногами все-таки проще своевременно определяться с направлениями актуальных и жизненно необходимых перемен. *К тому же сегодняшнее гражданское общество уже другое — взрослее, ответственнее, требовательнее, взыскательнее...*

Народ не против социалистической идеи как таковой, а против закостенелых ее форм и против тех партийных функционеров, прежних и нынешних (в том

числе заседающих в думских фракциях и якобы оппонирующих власти), которые *паразитируют* на этой идее в ее омертвелом, догматическом виде, которые не поменялись с того часа, когда *предали* эту идею, похоронив Советскую власть с ее институтами (хотя органы и структуры Советской власти нужно было дорабатывать и видоизменять, на что всегда обращал внимание сам Ленин — в каждой его статье можно видеть, насколько гибок, оптимистичен и «креативен» он в своей устремленности по части обновления и совершенствования форм революционного движения).

Вопрос или идея построения обновленного социализма отвечает запросу общества на новую идеологию. Причем курс на построение социалистического общества и социалистический уклад жизни — уже не *самоцель,* а всего лишь одно из главных условий и средств обеспечения дальнейшего *содержательного* развития человека и человечества в целом. Впрочем, корректнее в данном случае говорить не о воцарении какого-то обновленного социализма, а о проявлении и становлении очередного этапа социалистического движения или о воплощении развивающейся социалистической идеи посредством очередной ее формы.

Отсутствие идейной перспективы «вакуумирует» человеческое сознание. В то же время упование на старую испытанную религиозную идею — бесплодно, поскольку последняя медленно, но верно угасает. Сыграв без всякого преувеличения и сомнений прогрессивную роль в свое время, но будучи не в силах сколь-нибудь удовлетворительно отвечать на все более острые и проблемные мировоззренческие вопросы молодых пытливых умов, архаичное богоцентрическое учение потеряет свою актуальность и естественным образом, без всякого над ним насилия, отойдет на задний план, уступая место новым мировоззренческим концепциям (подобно тому, скажем, как на наших дорогах до сих пор встречаются еще и гужевые повозки, но основной объем перевозок выполняется все-таки современными видами транспорта). И тенденция эта видна уже невооруженным глазом. Поэтому не надо бы сегодняшним «управителям» наводить тень на плетень. За молодежь обидно: на державном уровне опять продавливается «поповщина» взамен упора на повышение *грамотности* и *образованности.* При сбалансированной и эффективно функционирующей системе ***воспитания*** и ***образования*** никакой потери духовности, сопутствующей якобы отмиранию религии, не случится. Откуда только взялся этот безапелляционный бред — что, дескать, духовность, мораль, нравственность, гуманизм всегда обусловлены религиозной идеей? Вышеперечисленные категории и понятия (из которых «сотканы» духовные и нравственные скрепы и ориентиры многих человеческих сообществ) возникали и укоренялись в жизни человека по мере преобразования и совершенствования форм-уровней человеческого сознания в процессе развития человека; можно подумать, что, будучи язычником, князь Святослав руководствовался нравственными наставлениями бога Яхве (Иеговы, Ягве и т. д. в иных чтениях), когда изрекал свое незабвенное: «Иду на вы» или «Мертвые сраму не имут», — все это шло из глубинного естества человека, от его *содержательной составляющей,* обретающейся посредством исторически изменяющихся форм человеческого сознания в многослойной, многоуровневой структуре человека: и в форме *«духа»,* и в форме *«души»,* и в

более поздней ее (речь идет о *содержательной составляющей*) комплексной форме — человеческой *личности.*

Чтобы подобострастно осенять себя крестами, уповая на верховное божество, много ума не надо. Это всяко легче, чем на пределе *собственных* сил и возможностей брать *исключительно на себя* ответственность за судьбы страны и человечества. Для индивида, предпочитающего обретаться на платформах религиозных концепций, вопрос об ответственности заведомо не имеет смысла: судьбу и перспективу в конечном итоге решит за него бог со своими пророками. Дилемма, казалось бы, и выеденного яйца не стоящая: выбирай, кому что нравится — веровать и полагаться на вездесущего «дядю» или не веровать и полагаться на себя. И тем не менее, однако, оказавшись вдруг случайно, даже в неглубоком водоеме, никто из верующих не перестает самостоятельно барахтаться и бороться с волной, хотя можно было бы, следуя их же логике, всецело положиться на всемогущего верховного спасителя... Не мешало бы любому «правителю», прежде чем протаскивать поповщину на самом высоком уровне человеческого сознания, помимо церковно-приходской школы поучиться в советском вузе с *грамотным преподаванием естествознания* (естественно-научных дисциплин) и не прогуливать занятия. Такой апробированный прежде профиль образовательного процесса, безусловно, способствовал бы приобретению верной мировоззренческой ориентации, адекватной достигнутому человеческой цивилизацией уровню познания развивающейся реальности. Порой неловко наблюдать и слушать, как великовозрастные “недоросли” с несколькими (по их собственным словам) “законченными престижными верхними образованиями” рассуждают с глубокомысленным видом на каком-нибудь очередном политико-экономическом шоу или форуме о “добре и всем хорошем” в облике Христа или о вселенском “зле и всем плохом” в образе дьявола. Совет в данном случае можно дать только такой: учите ленинские уроки диалектики, троечники несчастные!

Впрочем, для более или менее адекватного понимания существа *многоуровневой реальности* поначалу следует крепко-накрепко уяснить лишь ***одно:*** все ТО, ЧТО оказывает какое-то влияние на *наш* уровень реальности (т.е. уровень человеческого сознания) и пытается корректировать (вмешиваться в) *нашу жизнь,* претендуя на статус Абсолюта, — САМО находится в *подчиненном* положении и представлено такими же, как и мы, *несовершенными* и *неабсолютными* формами, так же зависящими от воздействий (влияния) форм ***всех прочих*** уровней реальности. ***Абсолют не осуществим в принципе!*** — и развитие реальности, не прекращаясь ни на мгновение, продолжается *как движение содержательной составляющей за пределы своих форм* безостановочно и бесконечно. За Абсолют же в образе Демиурга человеческим сознанием принимается простая ***совокупность*** форм всевозможных (включающих в себя и доступные лишь субъективному воображению) уровней реальности.

Ориентируясь на модель развития реальности, базирующуюся на представлениях о содержательно-форменных трансформациях, проистекающих в известном уже нам направлении, отчетливо и безусловно понимаешь, что человек *с его сознанием* не исчерпывается предметно-чувственно-мышленческим образованием (т.е. трехмерным предметно-

физическим уровнем-формой существования во времени и пространстве его плоти), а “простирается” *за пределы* своих очевидных телесных границ. Сам же процесс развития, сама развивающаяся многоуровневая реальность (как движение и смена форм этой реальности) тем более не исчерпывается и не ограничивается лишь достигнутым уровнем-формой человека и человечества. Однако в какой трансформированной *форме* продолжается дальнейшее содержательное движение с *переходом* на иной (очередной, следующий после человека) уровень реальности – предстоит еще исследовать и исследовать. Впрочем, даже сегодня уже в этой связи можно сказать вполне определенно, что форма облачения содержательного начала на том очередном уровне движения реальности отличается повышенной информативной или энергетической (т.е. содержательной) “емкостью” и “вместительностью” по сравнению с формами предшествующих уровней, и, потому, она еще более абстрактна, нежели предшествующие формы-уровни.

[При переходе на очередной уровень содержательности форм (на очередной уровень развития реальности) значение для всякого индивида, как определенного соотношения компонентов в отношении {содержание/форма}, будет иметь лишь **то** – с какими интеллектуально-духовными (содержательными) наработками трансформируется на этот уровень его (индивида) содержательная составляющая (содержательное начало). Поскольку тот очередной уровень “абстрагизирован” (абстрактен, абстрагирован) в значительно большей степени, нежели уровни, ему предшествующие, – понятное дело, что ни яхт, ни особняков с мерседесами с собой *туда* не перетащишь. Важен будет накопленный в процессе жизненного (т.е. “земного”) цикла духовно-интеллектуальный потенциал и опыт обращения с абстракцией, а яхты и мерседесы – это, ***как и весь прочий материальный инструментарий***, всего лишь подсобные вспомогательные средства, раздвигающие рамки форменного обрамления развивающейся содержательной составляющей для дальнейшего раскрытия (развития) и приумножения этого самого потенциала. Отсюда следует, что упомянутыми средствами важно еще уметь правильно распорядиться на протяжении отрезка “земной” жизни. Данное разъяснение адресовано прежде всего тем, кто хочет видеть дальше собственного носа. Важным для каждого индивида окажется, в конечном итоге, умение выявлять, генерировать и использовать идеально-абстрактные формы нового уровня, максимально **наполненные объективным содержанием**, т.е. **истинные** формы (см. статью «Универсальный критерий истины» в настоящем сборнике)].

Эгоцентрическая и полицентрическая модели (картины) мира (в том числе: бого-, социо-, антропоцентрические модели) уходят в прошлое. На смену им приходит *концепция* единого *универсального внутреннего принципа саморазвития*: все формы-образования реальности изменяются, развиваются под управлением (под эгидой) универсального «механизма», алгоритма, *внутреннего принципа,* имманентного всем формам-образованиям реальности независимо от уровня, этапа (места и времени) их развития. Это модель (концепция) содержательно-форменных трансформаций в направлении достижения *наивысшей содержательности* любой и всякой развивающейся формой реальности. И понять, и предвосхитить изменение и развитие реальных форм, заглянуть как можно дальше «за угол», «за горизонт» — вот главная задача, которая будет стоять перед человеком и которую человек

вынужден будет вполне осознанно (осмысленно) решать в ближайшей и далекой перспективе во имя сохранения себя как вида и выживания в конкурентной борьбе с прочими формами-уровнями реальности. Без осознания этого обстоятельства человек не сможет полноценно противостоять так называемым вызовам природы (окружающего мира).

Человечество мучительно расстается с вышеперечисленными моделями, теориями и картинами прошлого: отсюда новый энергичный всплеск религиозных, этнических, национальных, расовых, цивилизационных и прочих аналогичных конфликтов и войн. Налицо мировоззренческий кризис веры, идеологий, всяческих «ценностей», приоритетов и исключительностей (понятия исключительности и абсолюта форм теряют свою былую значимость и информативность, отступая на второй план и освобождая место понятиям ***равноправной*** *уникальности* и *неповторимости* форм). На смену приходит иная мировоззренческая модель [2, 3, 5, 7, 18]. Прежние ортодоксальные предпочтения требуют уточнений, дополнений и замены на новые более *содержательные* модели и формы.

Однако по-прежнему актуальной остается задача нахождения баланса и корректного соотношения между взаимодействующими составляющими в отношении {содержание/форма}*в настоящем* и выявления тенденции изменения этого баланса — *на перспективу.*

В соответствии с универсальным *принципом саморазвития* (см. выше), многоуровневое изменение, движение, развитие форм осуществляется (в отличие от принципа и механизма «функционирования» разного рода *центрических* моделей) «наворачиванием» их развивающегося содержания, «деланием из себя». С выдвижением и становлением новой *концепции развития* окружающего мира (взамен теряющих смысл и силу богоцентрических теорий) неизбежные прежде войны и соперничество *религиозных* идеологий будут уходить в прошлое.

В чем заключается *содержательность,* якобы в край «заидеологизированной» советской эпохи? Что увлекало, вдохновляло, мотивировало советского человека на движение вперед?

Романтика будней строилась на велении сердца, энергии порыва, увлеченности прорывом в новое и неизведанное; исходя из потребности души, человек готов был открывать не открытое, постигать не постигнутое, покорять природу, космос, тайгу, осваивать целину, мирный атом и т. д., и т. п. Речь шла о раскрепощении и освобождении внутренних сил и творческой энергии человека в процессе созидательного труда во имя достижения ***общих*** целей и идеалов (в том числе и *благоденствия,* но никак не в виде гипертрофированной его фазы в облачении золотого тельца с прозаическими накоплениями). Отказываясь от возвышенного подхода к постановке, формулированию и достижению *общественно востребованных амбициозных* целей, мы «выплескиваем с водой и ребенка».

С первых же дней большевистской Советской власти вопросы актуализации (пробуждения) энергии порыва, энтузиазма и инициативы народных масс встали, что называется, в полный рост. Решение как архисложных, так и

простых повседневных задач подразумевало и требовало **не только** *рутинного напряжения физических сил,* но и *активизации познавательных устремлений* человека, побуждения его к удовлетворению *врожденного человеческого любопытства.*

У Ленина в первую очередь следует учиться *содержательному* мышлению. Ленин в полной мере осознавал, что человеческие усилия в конечном итоге направлены на то, чтобы прогнозировать, предвосхищать, предугадывать со все возрастающей точностью перспективу развития реальных событий, строить обоснованные планы и правильно расставлять акценты при их осуществлении, что означало — учиться заглядывать как можно дальше и успешнее «за горизонт» (т.е. смотреть в будущее).

Известны и возможны два пути повышения, накопления и приумножения реальными формами их собственной *содержательности* (объема или полноты содержания собственной формы):

1. Отъем и присвоение собственной формой «чужого» содержания («чужих» объемов, накоплений содержания, принадлежащих другим формам); как частный случай этого варианта — простое разрушение (деструкция, ликвидация, нейтрализация) «неприятельской» формы, которая препятствует или мешает движению-развитию и обогащению содержания собственной формы.

2. Сотрудничество (симбиоз) с другими формами и совместными усилиями накопление, увеличение содержания каждой из взаимодействующих и сотрудничающих форм.

Само собой разумеется, существенны и комбинации этих двух вариантов.

Применительно к развитию *форм человеческих сообществ* суть того и другого пути сводится к следующему.

Первый путь — это *путь войны, насилия, принуждения,* применяемый, например (на уровне государств и народов), метрополиями по отношению к своим колониям (подчинение метрополиями воли, присвоение природных ресурсов и результатов труда колониальных народов и государств). На сегодня наиболее освоен и отработан человечеством именно этот путь.

Второй путь, *путь социалистического развития* с непременными атрибутами *сотрудничества* между людьми и достижения целей совместными усилиями, пребывает пока в зачаточном виде и состоянии; как раз таки его — т.е. применение способа социалистического строительства и общественного обустройства нового типа в *массовых масштабах* — и исповедовал В.И. Ленин.

Хорошо известно (и со всей очевидностью подтверждено процессами, имевшими место в не столь давние времена разрушения Советского Союза), что накопление первоначального капитала идет, как правило, насильственным и обманным путем — *путем отъема* и *присвоения.*

Все мы воочию наблюдали, как осуществлялся передел общественной и государственной собственности, капиталов и активов в «послеперестроечной» России и других республиках СССР, ставших вдруг «независимыми». Это был путь подлогов, жульничества, бандитских разборок, издевательского

«разыгрывания» приватизационных пустышек и залоговых аукционов. Методы исполнения этой грандиозной аферы без всякого преувеличения — грабительские, и относятся они всецело к *первому* пути (варианту) повышения *содержательности* (т.е. обогащения) наиболее активных *отдельных реформаторов* (молодых и не очень).

Безусловно, обратная экспроприация собственности и активов, добытых таким путем, также предполагает в некотором смысле ответное насилие на начальном этапе строительства социализма. Ответный ход вынужденно связан с перераспределением некогда *преступно* присвоенной или *неправедно* нажитой «буржуазной» собственности и финансовых активов, но эта процедура осуществляется в интересах подавляющего большинства трудящегося населения (граждан страны) и во имя восстановления исторической справедливости.

Что же касается *законности* экспроприации собственности и капиталов во времена социалистических революций, то процедура эта проделывается, как уже было сказано, в интересах громадного большинства и единоразово (в ограниченно-короткий временной промежуток); и кто думает, что при *периодических революционных итерациях* без такого рода процедуры можно обойтись, — тот глубоко заблуждается или попросту не осведомлен по части неизбежности *существенного преобразования* основ нынешних в конфигурацию основ будущего общественного и государственного устройства. Этот этап необходим, в частности, для перераспределения начального капитала в интересах *большинства* населения с целью создания нормальных стартовых условий (позиций) для простых тружеников и в целях восстановления *обоснованного* баланса с позициями агрессивно-нахрапистого и бессовестного (по большей части) *меньшинства,* некогда присвоившего не принадлежавшие ему активы.

Да, развитие осуществляется, а история *пишется* «галсами», зигзагами — всякий раз «возвращением к себе на новом уровне» участками или сегментами витков спирали, которые никогда не выстраиваются полностью и не бывают идеально законченными. Таков внешний вид и характер самого что ни на есть диалектического способа развития чего бы то ни было. Где-то опять придется применять *казенные* методы экспроприации, ибо по-другому просто не получится: никто никогда добровольно не отдает *в поте чужого лица нажитое и в поте своего лица присвоенное.* Надо быть весьма наивным и несведущим в практической жизни человеком, чтобы этого не понимать.

В отличие от первого пути осуществление второго варианта повышения содержательности реальных форм общественного устройства и означает *погружение в социализм,* к которому человек независимо от его сознания оказывается все более подталкиваем складывающимися обстоятельствами; и нам этот путь волей-неволей придется реанимировать и продолжить, поскольку дальнейшее ***содержательное*** развитие человечества вне этого пути нерентабельно, неоптимально, неэффективно, «тупиково» и потому маловероятно. И теорией социализма придется заниматься глубже и основательней. И снова надо будет признавать справедливость и научность подхода Маркса, примененного им при разработке общественных и экономических теорий (а иначе, господа придворные апологеты сегодняшних общественно-экономических устоев, вы просто лишитесь своих целевых

«фанатских» аудиторий и, как следствие, куска хлеба; вот когда можно будет благодушно посмеяться над теми, кто высокомерно потешался над ортодоксальностью марксизма и изгалялся по части примитивизма научного коммунизма, — хорошо, господа, смеется тот, кто смеется *после* последнего).

Наследуя ленинские приемы и исследовательский инструментарий, мы можем констатировать сегодня, что, благодаря применению диалектического подхода или метода познания, многое из так называемого мироустройства просматривается лучше и яснее, чем прежде. И вместе с тем нисколько не умаляется, а наоборот — еще рельефнее проступает по-прежнему актуальная задача: продолжать учиться умению точнее видеть картину будущего (т.е. учиться все более эффективно заглядывать «за угол»), чтобы еще полнее понимать и себя, и окружающую реальность.

Решение этой задачи тождественно решению извечной проблемы поиска смысла жизни всяким отдельным человеком, которое (решение) в первом приближении обретает следующий вид: все сущее движется в едином направлении на выражение объективной истины в наиболее содержательной, окончательной ее форме — т.е. форме, наделенной *наивысшей* (объективной) *содержательностью* или форме так называемой *«абсолютной»* истины. И путь этот, безусловно, свойственен не только всякому отдельному человеку, но и целым народам и государствам. Зная это, *мы можем и должны возглавить это движение (этот процесс), поскольку лучше всех на данный момент о нем осведомлены и лучше всех его понимаем.* Следование форм развивающейся реальности (включая человечество) курсом на достижение наивысшей своей *содержательности* — это также и движение в направлении результативного разрешения непрестанно волнующего человека вопроса о возможности *познавания* и *познания* объективной истины.

Что такое жизнь, движение, развитие, прогресс и т. д. — в общих чертах уже понятно: это процесс содержательного наполнения форм при стремлении последних (на всех уровнях без исключения) к обладанию наивысшей (объективной) содержательностью. Это процесс «высвобождения» *внутреннего содержания* реальности и представления его *извне* в наиболее *содержательной* на всякий данный момент *форме,* приближающейся всякий раз к форме исчерпывающего выражения *объективной истины.* Мелкими актами *субъективных* человеческих движений (будь то достижения в живописи, литературе, музыке, спорте, науке и т. д., и т. п.) человечество с каждым таким элементарным актом приближается к наиболее полному выражению ***объективного содержания*** развивающейся реальности (выражению *объективной истины*). Каждым *звуком,* каждой *нотой* искусный музыкант или композитор стремится извлечь на свет божий и явить миру *объективную истину* — т.е. *наиболее содержательную* на данный момент (с точки зрения маэстро) форму представления реальности (реальности определенного уровня, определенной области и т. д.). То же самое верно и в отношении *поэтического слова* или *мазка кисти* на полотне художника, не говоря уже о содержательных *теориях и концепциях ученого.* Из ***наиболее содержательных*** *субъективных* мнений и взглядов на мир и складывается ***объективная*** *истина* [5].

Но понимание и осознание общей направленности реальных процессов отнюдь не исчерпывает собой решение всех актуальных вопросов: остается и

останется, пожалуй, навсегда открытым сверхважный и существенный для человека вопрос — вопрос предугадывания, предвидения, предвосхищения, *прогнозирования* с максимальной точностью и определенностью изменений (изменчивости) *форм существующих* и возникновения (появления) *новых форм* реальности и, с учетом этого обстоятельства, — вопрос ***планирования последующей человеческой деятельности.*** Ну, а поскольку человек по своей природе и месту в цепи развития является весьма *активным* звеном-компонентом (иными словами — *субъектом* деятельности), то он неизбежно будет «вмешиваться» в ход развития реальности и воплощать тем самым свое видение, свое понимание и свои «задумки», воздействуя на окружающий мир и изменяя его в требуемом ему направлении (в точном соответствии с упомянутым уже универсальным *принципом саморазвития).*

Несмотря на то, что мы способны уже сегодня определиться со смыслом жизни и существования как человека, так и всего его окружения (см. выше), дело по-прежнему остается за тем, чтобы учиться предвосхищать изменение *существующих* и появление *новых* форм реальности, чтобы как можно точнее прогнозировать ход событий, развитие ситуаций, научаться как можно глубже вглядываться в грядущее — и не только ради удовлетворения сиюминутного любопытства, а главным образом для обозрения и обозначения дальней перспективы.

Развитие – это смена форм реальности в направлении образования и становления форм, всё более исполненных объективного содержания. Все (без исключения) протекающие в окружающем мире процессы “нацелены” на повышение содержательности существующих (обретающихся) форм представления изменяющейся реальности. В этом усматривается суть направленности видоизменения природы во всеобщем вселенском измерении. Поиском, овладением, постижением истины, т.е. изысканием наиболее содержательных форм представления или обретания развивающегося объективного содержания, исполнена вся природа – от живых мыслящих существ (с их специфическими подформами в виде мышленческих надстроек из идеальных абстрактных конструкций) до неодушевленного камня-валуна, а также любой и всякой молекулы, атома, электрона, фотона (кванта) в составе этого камня или вне его. И никакие пустопорожние измышления на этот счет, олицетворяющие собой прежнюю “заумную” (софистическую, демагогическую, спекулятивную, схоластическую и пр.) философию более, пожалуй, уже не потребны, поскольку оказываются малосодержательными и, потому, бесплодными. Философия постепенно меняет свой статус и амплуа, превращаясь из привычного инструмента пассивно-описательного и объяснительного толка в инструмент активно-прогностического, предсказательного и преобразующего свойства. Спекулятивный ее характер, обусловленный многовековыми происками или играми досужего человеческого ума, обращает, наконец, ее саму в никому неинтересную бесполезную “вещицу”, в этакий причудливо-витиеватый атавизм прошлого. На передний план выдвигается диалектика, как сердцевина и облачение новой, более углубленной философии, как искусство продуцирования и воплощения “в жизнь” корректных прогнозов и намечаемых (планируемых) человеком преобразований. А вот здесь-то уже нашу обновленную философию и поджидает пресловутое неизбежное воссоединение и сращивание в одно целое с наукой, о чем избыточно много говорилось на протяжении 20-го века.

Резюмируя в двух словах вышесказанное, имеем все основания сделать следующий вывод: ***учиться понимать и уметь видеть перспективу развития реальности, т.е. перспективу (направленность) изменения существующих ее (реальности) форм и возникновения (появления) форм новых и на этом основании планировать последующую человеческую деятельность —*** *вот главная задача, стоящая перед человеком будущего, достойная вложения любых средств для ее постепенного поступательного разрешения.*

Социалистическая идея наиболее близка, наиболее отвечает самому духу русского человека, сущностью которого испокон веков считалась неизбывная тяга (стремление) к *справедливости.* Подлинно народной может быть только власть, исповедующая именно эту идею; когда трудящийся человек сможет ощутить каждой клеткой своей, что это его родная народная власть, — тогда он будет ее и защищать, и холить, и лелеять, и совершенствовать институты власти, и вкладывать с энтузиазмом свои силы и энергию в «обустраивание» жизни. А коли отдали землю, ее недра, национальные богатства и средства производства в руки «проходимцев», позволили им со всем этим *исконно народным добром* отгородиться от народа высокими заборами и военизированной охраной, — где уж тут взяться единению во имя общей цели — как ни «замыливай» глаза своим согражданам фарисейскими слоганами про якобы «народное достояние».

Присущее всякому русскому человеку *тяготение к справедливости* и как производное этого свойства души — *стремление к спасению ближнего* — обусловлены природной его склонностью к поиску и нахождению баланса (равновесия) как внутри, так и на внешнем контуре социума в противовес посягательствам (агрессии) на свободу и достоинство как на уровне отдельной личности, так и на уровне человеческих сообществ.

Социальная направленность государства или общественного устроения в таком случае должна определяться ***официально провозглашенной политикой государства,*** а не стыдливо протаскиваемыми время от времени и исподтишка благотворительностью, вспомоществованием, мелкими подачками, добровольными пожертвованиями или меценатством. Разумеется, государство подобного типа должно строиться на иных принципах, нежели существующее.

Нужно вернуть трудящемуся человеку чувство **сопричастности** великому делу, великому народу, великой стране с ее неисчислимыми природными богатствами и национальным достоянием; вернуть чувство сопричастности великой **общей** цели, наиболее эффективно приближаемой **совместными** усилиями с использованием **обобществленных** средств производства. Когда есть такое чувство, в свою очередь возрождающее и питающее чувства человеческой *гордости* и *достоинства,* — тогда человек готов целиком отдавать себя **общему** делу, которое неминуемо становится **личным** делом каждого. Надо вернуть нашим людям утраченное **чувство собственного достоинства,** присущее некогда **советскому** человеку.

Означает ли первое пробное *приближение* к овладеванию социалистической идеей полный крах марксизма, ленинизма, теорий социализма и научного коммунизма и т. п., как считают примитивные и недальновидные политики,

политологи, философы, экономисты? Да конечно же нет! К подобным фундаментальным течениям и теориям человечество будет возвращаться еще не единожды, приближаясь спирально-циклическим образом (или путем последовательных приближений) — в полном соответствии с характером и природой содержательно-форменного (диалектического) движения-развития реальности, — ко все более исчерпывающему варианту их осуществления. И что-то здесь подсказывает, что точка зрения мудрых классиков марксизма не лишена оснований и будет, в конце концов, преобладать в структуре поиска оптимального пути развития человечества, поскольку она более всего отвечает внутреннему содержанию человека, его настрою, ориентированному на сохранение человеческой идентичности, культуры, традиций, достоинства (соответственно генетической предрасположенности, генетической матрице, генетическому коду и так называемому зову предков и крови). Согласно формулировке *принципа саморазвития,* все существующее и развивающееся периодически возвращается «на круги своя», но другими, более содержательными и обогащенными формами.

Диалектика — это искусство нахождения баланса взаимодействующих сторон, которым (искусством) Ленин владел безукоризненно и в совершенстве. Для Ленина — это всегда результативный поиск оптимальнейшего соотношения между наиболее существенными сторонами-составляющими-компонентами развития (в их отношении): в диапазоне, например, от раскулачивания и продразверстки до введения продналога и НЭПа или от утверждения тотальной коллективной собственности на средства производства до установления и признания актуальным способа производства с элементами частной собственности и т. д. В этой связи, прежде всего, поражает его умение находить и выделять наиболее существенные стороны-составляющие реальности, пребывающие в непосредственном взаимодействии и отношении друг с другом (т.е. живом противостоянии и противоборстве) именно на данном конкретном отрезке их развития и уже на этом основании — демонстрировать умение прогнозировать тенденцию изменения соотношения выявленных сторон, а вместе с этим и предвосхищать дальнейший ход и перспективу развития всего отношения в целом. И совсем уж фантастичным выглядит умение выявлять *источники* возобновления (притока, прироста, поступления) содержательной энергии в парах взаимодействующих компонентов и далее — предугадывать и отслеживать уклон содержательно-форменных преобразований (превращений) этих компонентов и их отношений в целом.

Вот на рассмотрении вопросов, подобных затронутым выше, и сосредоточимся, изучая и анализируя труды В.И. Ленина с точки зрения «проникнутости» их духом диалектики.

Любая статья или работа Ленина — это динамичное творение, отстроенное по универсальной схеме, отвечающей диалектической природе развития самой реальности (т.е. по схеме отслеживания изменения-движения взаимодействующих форм в направлении достижения ими наивысшей содержательности): *исследуется изменчивость соотношения двух взаимодействующих сторон-компонентов в их отношении с последующим прогнозом развития результата этого взаимодействия в сторону (в область)*

преимущественного повышения содержательности активного компонента и всего отношения в целом.

Композиционно и структурно это выглядит примерно так.

* Описание и анализ сложившейся обстановки, т.е. описание набора и расстановки взаимодействующих сил-факторов-составляющих-компонентов (независимо от того, касается ли это вопросов реорганизации Рабкрина, положения дел на фронте, организации социалистического соревнования и пр., и пр.).

* Выявление непосредственно взаимодействующих сил-факторов-составляющих-компонентов и «объединение» их в основное *отношение* (фактически этим шагом выполняется размежевание или отделение существенного от несущественного).

* Выявление и выделение *активного* (ведущего) и *пассивного* (ведомого) компонентов в рамках установленного *отношения.*

* Оценка сложившегося *соотношения* упомянутых компонентов в составленном из них отношении и определение *вектора (направленности)* вероятного изменения-движения-развития как отдельных компонентов, так и цельного отношения.

* *Прогнозирование* развития событий: на основании произведенной оценки предугадывается (прогнозируется) изменение *форм существующих* и появление *новых форм* реальности.

Таким образом, всякий раз после анализа сложившегося положения вещей и расстановки сил Ленин определяется, во-первых, с конкретными дальнейшими шагами в направлении достижения ближайших целей и, во-вторых, с оценкой стратегической перспективы развития ситуации в целом.

Вот почему каждая такая статья оказывается не просто красивым диалектическим вывертом (декоративной иконкой), а *руководством* к *действию;* каждая его статья содержит описание выхода из создавшегося положения и перехода (возможно, *со скачком*) на новый виток-уровень развития взаимодействующих элементов, и в каждой статье без исключения автор предлагает свое оригинальное и эффективное решение рассматриваемой проблемы.

Все ленинские прогнозы делаются на основе корректно составленных отношений из взаимодействующих сторон-компонентов реальности, а также на основании предугадывания тенденции или направленности последующего содержательного наполнения этих отношений. При этом чем точнее выявляются стороны-компоненты, непосредственно противостоящие, противоборствующие и взаимодействующие друг с другом, тем правильнее и достовернее оказываются прогнозы дальнейшего развития событий и ситуаций.

Конечно, условия, обстоятельства и взаимодействующие в настоящем формы отличны от условий, обстоятельств и форм прошлого, но принцип (алгоритм, «механизм»), обусловливающий развитие реальности, *инвариантен во времени,* а потому-то предлагаемая схема или методика результативных

исследований окружающего мира подобна представленной выше.

Ниже разберем все это на примерах общеизвестных теоретических работ В.И. Ленина, относящихся к трем разным периодам его жизни: *дореволюционному, предреволюционному* и *послереволюционному.*

[Отметим лишь дополнительно, что в квадратные скобки, разбросанные по тексту, заключены ссылки на литературные источники (как это обычно и делается), а также примечания, пояснения и комментарии (в том числе и комментарии на комментарии) автора настоящей статьи].

Невыученные уроки диалектики. § 1. Произведения дореволюционного периода.

Диалектическую подоплеку ленинских трудов дореволюционного периода (стартовавшего за полтора десятка лет до Великой Октябрьской социалистической революции) рассмотрим на примере таких ленинских работ как «Что делать», «Шаг вперед, два шага назад», «Начало революции в России», «Марксизм и ревизионизм» и «На дорогу», объединенных единой внутренней логикой и канвой соответствующих исторических событий.

1. Обзор начального этапа революционного движения в России Ленин представил в книге **«Что делать?** Наболевшие вопросы нашего движения» [8, с. 80—236], вышедшей из печати в марте 1902 г. Книга была написана в период острой борьбы за создание революционной марксистской партии рабочего класса России и сыграла выдающуюся роль в становлении партии.

В этой работе Ленин выделяет три этапа и соответственно им — три периода в развитии революционного движения в России.

О первом этапе 1884—1894 г.г. он говорит как об утробном развитии социал-демократии, осуществившемся в отрыве от рабочего движения.

На втором этапе в 1894—1898 г.г. «социал-демократия появляется на свет божий как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия» [8, с. 227]. Наряду и вместо «хождения в народ» началось хождение интеллигенции к рабочим (как к наиболее активной силе-составляющей будущего революционного движения) и повальное увлечение рабочими стачками. Однако эта же стачечная борьба во имя повышения собственной эффективности заставляла учиться, читать нелегальные произведения, а также усиленно заниматься вопросами легального народничества, не забывая при этом о теории марксизма и задаче свержения самодержавия. «Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы» [8, с. 228].

Третий этап окончательно выступает на смену второму в 1898 г. Это период разброда, шатания, распада. Руководители движения боялись идти вперед (к политической борьбе), пасуя перед силой стихийного подъема народных масс. Лозунг «классовая борьба» не толкал ко все более широкой, все более

энергичной деятельности, а служил средством успокоения: ведь все знают, что «экономическая борьба неразрывно связана с политической». Идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину», ребяческую игру в «демократические» формы. И здесь в такой связи автор, как настоящий ученый, делающий выводы только на основании фактов (без выдумок и фантазий), затрудняясь сказать, когда закончится третий этап и начнется четвертый, выражает тем не менее твердую уверенность в том, что четвертый этап поведет к упрочению воинствующего марксизма, что на смену арьергарда соглашателей и отступников выступит действительный передовой отряд самого революционного класса (пролетариата), который сумеет преодолеть нерешительность, колебания и неуверенность в своих силах. И тогда (в смысле призыва к такой смене и сводя воедино изложенное) можно на вопрос «что делать?» дать краткий и исчерпывающий ответ: ликвидировать третий этап (период разброда, шатаний, колебаний и неуверенности в собственных силах) [8, с. 229].

[Таким образом. Ленин обрисовал здесь объективно имеющую место последовательную смену этапов (форм) содержательного революционного движения, выражающуюся качественно и количественно через изменение соотношения между содержательным и форменным компонентами в известном отношении {пролетариат/буржуазия}. Соотношение компонентов (в пределах указанного отношения) меняется с ростом удельного веса и значения активного революционного компонента (пролетариата) вследствие повышения его содержательности, обусловленного влиянием следующих сопутствующих факторов: зарождение социал-демократии => становление социал-демократии => объединение социал-демократических образований на почве идеи создания марксистской партии пролетариата => учреждение большевистской партии рабочего класса России как наиболее революционного его авангарда. Вся эта цепочка преобразующихся факторов воздействовала непосредственным образом на «числитель» вышеупомянутого отношения (т.е. на компонент «пролетариата»), повышая его содержательность в рамках целого отношения.

Иными словами, Ленин с беспристрастностью ученого констатировал, что за период времени с 1884 по 1898 г. и далее (позднее) имело место и продолжается объективное движение (преобразование, трансформация) содержательного компонента упомянутого отношения в сторону повышения его содержательности с одновременным нарушением равновесия в отношении {пролетариат/буржуазия} в сторону усиления и преобладания влияния более содержательных активных пролетарских форм движения над более консервативными буржуазными формами. Врожденная способность и предрасположенность к диалектическому мышлению позволили Владимиру Ильичу разложить по полочкам этапность и периодичность революционной борьбы, выявить активные и пассивные силы-составляющие революционного движения в России того времени, проследить их генезис и определиться с мерами по активизации и усилению содержательной пролетарской составляющей (что означало преодоление нерешительности, колебаний и неуверенности в своих силах, присущих социал-демократическим кружкам и образованиям, «подпитывающим» содержательность «пролетарского» компонента). Налицо и *источник* пополнения *содержательности* компонента

«пролетариата», каковым являлся на ту пору *образовательный ценз буржуазной интеллигенции*].

2. Продолжение борьбы за очищение революционного движения и его авангарда (марксистской партии) от колеблющихся ее членов (случайных элементов) весьма ярко описывается Лениным в книге **«Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии)»** [8, с. 237—421]. Книга явилась результатом тщательного изучения и анализа Лениным многочисленных протоколов заседаний и резолюций II съезда РСДРП и вышла в мае 1904 г. В этой работе Владимир Ильич показывает, как из малого (казалось бы, несущественного), из повседневных мелочей (дрязг, ссор, дискуссий и перепалок, служащих признаками ожесточенной борьбы мнений и разных точек зрения) складывается и вырисовывается, в конце концов, нечто большое, главное и существенное, задвигающее затем на задний план и затмевающее собой все мелочное и незначительное. Искусство великого диалектика проявилось в данном случае в распознании этого существенного — роли и значения организационных вопросов в процессе формирования ядра революционного движения (т.е. большевистской партии), а также своевременного размежевания с соглашателями и колеблющимися элементами при решении вопросов принципиальных, привлечения на свою сторону путем полемики и убеждения большинства из потенциальных единомышленников. В результате этой борьбы выкристаллизовалась идея учреждения и организации монолитного ядра рабочего движения — партии большевиков — в противовес *кустарщине* и *кружковщине,* характерным для социал-демократического движения. Без сплочения вокруг единого центра, без подчинения решениям этого центра (т.е. без железной дисциплины) будущие завоевания Великого Октября были бы просто немыслимы и невозможны. Именно с позиции диалектического подхода (от начала и до конца) Ленин проводит свой кропотливый анализ сопровождающих эту борьбу событий. У пролетариата (как в общем-то и у любого общественного образования) нет иного оружия в борьбе за власть, кроме *организации (организованности),* — пишет Ленин. Пролетариат [применительно к сегодняшнему дню читай: любое общественное объединение трудящихся] может стать непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его теоретическими принципами (прежде всего, теорией марксизма) закрепляется *материальным единством организации,* сплачивающей миллионы трудящихся в единую армию (рабочего класса). Перед этой армией не устоит дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад [8, с. 413].

В процессе детального изучения подоплеки данного вопроса Ленин обращает внимание на то, что всякое развитие действительно идет диалектическим путем разрешения возникающих противоречий: меньшинство становится большинством, большинство — меньшинством, каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы «отрицается», но затем начинается «отрицание отрицания» и борющиеся стороны возвращаются к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший «синтезис», когда изолированная случайная ошибка уже выросла в квазисистему соглашательских взглядов по организационному

вопросу, и ошибочность такого подхода проступает все более и более наглядно. «Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю», — заключает Владимир Ильич [8, с. 410].

[Чрезвычайно важно отметить, что диалектический характер формирования всяческих выводов и заключений путем «наворачивания» и наслоения мелких вопросов и результатов дискуссий друг на друга или путем «возвращения к себе на новом уровне» фиксируется автором, как само собой разумеющееся.

Конечно, для нас, ныне живущих, понятия и термины «пролетариат», «буржуазия», «классы», «классовая борьба» и т. п. кажутся анахронизмами и глубокой экзотикой. Вместе с тем забвение терминологии прошлого, вовсе не означает освобождение от обозначаемых ею элементов развивающейся реальности. Ведь классовая структура общества по-прежнему сохраняется, кто бы что ни говорил: с одной стороны — наемный труд, с другой — финансово-промышленный капитал (как правило, «олигархат»). И только самый отъявленный плут и лжец рискнет утверждать, что все в таком общественном устроении «ровно». А потому сегодняшний смысл словосочетания «классовая борьба» мало чем отличается от содержания этой же терминологии в рассматриваемые нами дореволюционные времена и само понятие «классовой борьбы» вряд ли исчезнет прежде, чем канет в лету понятие «классов». Оттого-то и в наши дни по-прежнему важно (а может, *и того важнее*) уметь находить непосредственно взаимодействующие компоненты (конкурирующие, конфликтующие, противоборствующие стороны) и корректно составлять из них соответствующие содержательно-форменные отношения (вида {содержание/форма}) с тем, чтобы правильно определять направления изменчивости как самих компонентов, так и их отношений в целом (т.е. общественных систем и образований), выделять и отмежевывать существенное от второстепенного (менее значимого) и прогнозировать тем самым изменения *форм существующих* и появление *форм новых.* Все это, несомненно, может споспешествовать разработке наиболее эффективных форм *классовой борьбы* и т. д., и т. п. Применительно к сегодняшнему дню термины в отношении {пролетариат/буржуазия} можно по желанию и без потери смысла заменять на термины: {наемный труд/капитал}, {класс неимущих/класс имущих (класс собственников средств производства)} и пр. Наши сегодняшние капиталисты и буржуа — это «дутые», случайные, наигранные персонажи, которым государственная и общественная собственность на средства производства «свалилась» в их частные руки как результат беспрецедентных манипуляций и махинаций, обмана и рейдерства (достаточно свежи еще в народе воспоминания о том, каким путем добывался и складывался начальный капитал в период неконтролируемого погружения разрушаемой страны в трясину дикого капитализма), — и потому со стороны народа или представителей наемного труда нет к ним никакого уважения, почтения и доверия.

Достаточно взглянуть попристальней, чтобы увидеть ту же стандартную схему, выступающую в качестве каркаса для подавляющего большинства общественных (общественно-экономических) формаций: наемный труд с одной стороны и капитал с другой стороны. «Придворные» философы, экономисты и политологи (как и в дореволюционные ленинские времена,

обслуживающие подобные же *властные* структуры и учреждения, и кормящиеся из их рук, и навязывающие мнение о свершившемся примирении имущего и неимущего антиподов) *изобрели* (не иначе, как из головы) некий «средний класс»; хотя любому школьнику ясно, что существовали прежде и по сию пору существуют два основных класса, различающиеся своим ***отношением к собственности на средства производства,*** а между ними располагается *амортизирующая* всю эту «конструкцию» буржуазная прослойка мелких товаропроизводителей. Читатель, вероятно. понимает, что на современном этапе общественного развития арсенал *средств производства* и воспроизводства значительно расширился и, помимо традиционных средств, включает в себя сегодня и землю, и плотины, и дороги, и путепроводы, и транспортные средства, и средства связи (сообщения, коммуникации), и компьютеры, и средства печати и распространения информации, и средства управления финансовыми потоками, и всевозможные робототехнические комплексы, и системы с искусственным интеллектом и т. д., и т. п. Апологетам же однородности и гомогенности современных общественных устроений можно порекомендовать обратить внимание на то, как нынешний коронакризис во мгновение ока содрал лакированную драпировку и блестящую мишуру с облика подавляющего большинства представителей так называемого «среднего класса» (например, в США), оставив за душой этого «среднего класса» лишь долговые кредитные обязательства и ничего похожего на обстоятельную собственность (в виде средств производства, капиталов, финансовых активов, основных и оборотных средств и т. п.).

В любом проявляющемся внешним образом конфликте, войне, катаклизме внутренней подоплекой оказывается, в конце концов. *спор* и *противостояние* содержательной и форменной составляющих. А вот во что облечены в таком случае эти составляющие (в каком виде, форме они выступают) — это уже предмет искусного анализа и распознавания; здесь надо суметь *корректно* сформировать (составить) отношение из взаимодействующих компонентов: то ли это {наемный труд/капитал}, то ли {класс неимущих/класс собственников средств производства}, то ли это {либералы/консерваторы}, то ли {производительные силы/производственные отношения}, то ли {общественный характер производства/частнокапиталистический способ присвоения}, то ли {транснациональная (глобальная) экономика/национальная экономика} и т. д., и т. п.

Осуществляя дальнейший анализ изменчивости, скажем, последнего в вышеприведенном списке отношения, нельзя не увидеть, что на сегодняшнем этапе развития компонент «национальное» представляет собой достаточно устойчивую сторону отношения {транснациональное (глобальное)/национальное}, отчего заметно и сильн**о** еще сопротивление (противодействие) этого компонента относительно своей противоположности — компонента «транснационального»; однако впоследствии соотношение компонентов в данном отношении неизбежно будет меняться из-за повышения *эффективности* (читай: *содержательности*) компонента «числителя» и транснациональное будет превалировать над национально-государственным так же. как общественное (обобществленное) окажется в более выигрышной позиции по сравнению с частным (приватным) в отношении {общественное/частное}, что и будет отвечать закономерному увеличению *содержательности* (эффективности) указанных форм-отношений.

Сокращение издержек, расширение рынков и прочая оптимизация, характерные для *транснациональной* (в перспективе — *обобществленной*) экономики *в большей мере,* чем для экономики *национально-государственной,* и будут приводить к росту *содержательности* как компонента «числителя» рассматриваемого отношения, так и всего отношения в целом.

В такой связи захватывающе интересно следить за витиевато струящейся ленинской мыслью, перетекающей из менее содержательной предшествующей понятийной конструкции в более содержательное и емкое концептуальное образование, и видеть при этом, что дух и способ мышления великого диалектика родственен процессу содержательного наслоения, подобного наворачиванию «снежного кома», и сохраняется, по сути дела, неизменным от статьи к статье. Опять же *композиционно* это выглядит так: описание исходной ситуации и существующего положения дел; констатация расстановки сил; выявление объективных предпосылок и тенденции к изменению соотношения сил и ситуации в целом; прогностическое описание перспективной или приходящей на смену новой формы-отношения (или системы форм) и путей ее становления].

3. Статья **«Начало революции в России»** [8, с. 422—424] была написана Лениным в январе 1905 г. — почти сразу же после событий кровавого воскресенья в Петербурге. Судя по тому, как медленно сжималась пружина (т. е. царское правительство «умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться стачечному движению и начаться широкой демонстрации»), нетрудно было предположить, что правительство руководствовалось желанием довести дело до применения военной силы [8, с. 422]. В результате — тысячи убитых и раненых. Рубикон перейден: сжатая до отказа пружина должна была высвободить накопленную энергию — пролетариат восстал и стал вооружаться. И сразу же меняется вся палитра революционных призывов, лозунгов и действий. Восставшими петербургскими рабочими выдвигаются требования немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, а также немедленного низвержения правительства; при этом «вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента». События развиваются с поразительной быстротой: «революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни». Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще (признавалось и указывалось на то, что для свержения царизма можно и нужно использовать прослойку из революционеров буржуазной демократии), «подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры» [8, с. 424].

[Здесь следует заметить, что на авансцене разрастающейся борьбы нет еще и в помине никаких Советов рабочих, солдатских или крестьянских депутатов. Ситуация развивается исключительно в рамках отношения, «составленного», сформированного из непосредственно взаимодействующих компонентов {пролетариат/самодержавие}: с одной стороны — рабочий класс под крылом социал-демократической партии; с другой стороны — царизм с его силовыми институтами].

И как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска [8, с. 423].

[На этом примере наглядно видно, как В.И. Ленин мастерски сформулировал и «откалибровал» ранее воспроизведенную нами диалектическую схему: точное выявление и определение взаимодействующих компонентов-составляющих в их отношении {организующийся пролетариат/институты самодержавной власти}; выявление в этом отношении активной составляющей; определение направления изменчивости (движения, развития) активной составляющей и всего отношения в целом; прогнозирование возникновения, соответственно, новых содержательных форм как результата этого изменения-движения.

Человеческая мысль всегда скользит с уклоном в сторону представления (выражения) наиболее совершенной ее формой максимального объема содержания. Структурно-композиционно эта же схема выглядит так: описание сложившейся ситуации в условиях неравновесного состояния; выявление причин и подоплек, способствующих нарушению ситуационного равновесия; описание процесса развития ситуации при движении ее к более равновесному, более сбалансированному состоянию; описание нового положения вещей и вновь складывающейся ситуации, приходящей на смену существующей в результате неминуемо протекающих изменений].

4. Статья **«Марксизм и ревизионизм»** [8, с. 36—43] была написана в марте-апреле 1908 г. Описывая исходную стартовую позицию, Ленин обращает внимание на расстановку сил (т.е. перечисляет взаимодействующие компоненты) в ходе борьбы, развернувшейся в теоретической сфере. В этой сфере вновь возникшие в середине XIX в. естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызывали и вызывают до сих пор самое бешеное противодействие и борьбу [8, с. 36]. Наукообразная буржуазная мысль и философия и слышать не хотят о марксизме, объявляя его *опровергнутым* и *уничтоженным* [как замечательно «свежо» и узнаваемо выглядит подобное же отношение к марксизму и в наши дни!]. *Возрастание роли марксизма и укрепление его идей в рабочем классе неизбежно вызывает обострение буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее.* Победив и переиграв множество враждебных себе внешних течений за прошедшие полвека, сегодня марксизм сталкивается с противостоящими и требующими его корректировки течениями внутри самого марксизма. В России до сих пор сильны и временами возрождаются воззрения домарксистского социализма. В целом и общем домарксистский социализм разбит, но он продолжает борьбу не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма как ревизионизм [пытающийся узаконить и доказать жизнеспособность смеси «бульдога с носорогом»]. По сути дела, однако, вся эта мелкобуржуазная ревизия марксизма (ревизия мелких лавочников) всегда сводится к отрицанию или умалению фактора классовой борьбы и выведению классовой борьбы в русло «классового сотрудничества» [8, с. 38-39].

В чем заключается неизбежность периодического возрождения ревизионизма и его корни при капитализме? В том, что во всякой капиталистической стране

рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается (возрождается) из мелкого производства [8, с. 42]! Целый ряд «средних слоев» [по аналогии с неким «средним классом», говоря современным языком] неминуемо вновь создается капитализмом в силу его внутренней необходимости (услуги отдельных ремесленников, работа на дому, мелкие мастерские на потребу крупной индустрии и т. п.). Разоряясь, эти мелкие производители неотвратимо опять и опять выбрасываются в ряды пролетариата, «разбавляя» его взгляды и убеждения мелкобуржуазным мировоззрением, их идеологией (с чем, по-видимому, нужно постоянно работать, занимаясь перевоспитанием и переобучением). Совершенно естественно, что так должно быть и будет еще долго, покуда существуют противостоящие классы. Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата до полной победы своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства [8, с. 43].

Обходя вниманием поверхностные явления (эффекты), Ленин постоянно извлекает наружу наиболее существенные, глубинные стороны-компоненты, состоящие в действительных отношениях взаимодействия и противоборства. Так, вопреки распространенному мнению среди ревизионистов, он заявляет о том, что растущий парламентаризм и образованность пролетариата не ослабляют кризисы и не устраняют революции, а наоборот способствуют обострению гражданской войны во время этих кризисов и революций [8, с. 41]. Они (парламентаризм и образованность) помогают просветить и организовать неизбежно большие массы населения соответственно увеличению (наворачиванию) содержательных (информационных) накоплений. В этом заключается внутренняя диалектика парламентаризма и буржуазного демократизма, подчиненное следование которой выражается в еще более резком, чем прежде, решении спора и противоречий путем массового насилия.

[Ленин — мастер выявления диалектически противостоящих компонентов (т.е. *наиболее взаимосвязанных и* ***существенно*** *конфликтующих* сторон, говоря обыденным языком) во всех эпизодах развития реальности, которые он разбирает и анализирует. В данном случае в соответствии со сложившейся обстановкой и условиями он выделяет главные активно взаимодействующие компоненты развития (революционного движения), в качестве которых выступают *большевики и меньшевики.* Идеологические основания или подоплека, которыми руководствуются при этом взаимодействующие стороны. — это революционный марксизм, с одной стороны, и ревизионизм — с другой стороны. Материальными же носителями данных сторон оказываются революционный пролетариат с одной стороны и колеблющееся мелкобуржуазное мещанство с другой стороны. В более поздние времена это последнее уступит место буржуазной интеллигенции (непостоянной, вечно шатающейся и соглашательской). Затем Ленин выявляет активный содержательный компонент, предугадывая направление его изменения-движения, и далее прогнозирует направленность и приоритетность последующего движения-развития всей системы из рассматриваемых компонентов в совокупности с другими изменяющимися факторами политической реальности].

5. О не вечности, преходящем характере и конечности процветания любой формы (как из числа форм хозяйствования, так и из состава форм революционного движения) говорит периодическое возобновление кризисов (промышленных, экономических, финансовых, политических, социальных и пр.).

Поводом для написания в январе 1909 г. статьи **«На дорогу»** [8, с. 537-544] послужил организационный и идейно-политический кризис в социал-демократической партии России. Подоплека кризиса заключалась в назревшей необходимости проведения *чистки* «рабочей партии от колеблющихся, интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению главным образом в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции» [8, с. 538]. Неустойчивость этих «элементов» сказалась и на теории, и на тактике, и на организационной политике партии. Отпор этой неустойчивости дали сознательные рабочие, которые стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Сложившаяся ситуация потребовала созыва Всероссийской конференции РСДРП, на которой фактически и был выработан ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Содержанием указанного ответа явились следующие решения и наработки конференции: «марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма»; указание ближайшей цели борьбы, которую ставит перед собой социал-демократическая партия; «оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики; выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации»; признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для думской фракции социал-демократов в связи с прямой критикой ее ошибок [8, с. 538].

Самодержавие [вместо термина «самодержавие» можно употреблять сегодняшние его эквиваленты (в наши дни близкими и схожими по значению терминами являются): авторитаризм, автократия, тирания, деспотизм] по-прежнему выступает как главный враг пролетариата и всей демократии, но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним, не изменится, не мимикрирует. Сегодня «самодержавие пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает *необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи»* [8, с. 539-540].

Новые условия момента требуют новых форм борьбы: использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризация и разъяснение опыта революции,

дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и практических целях. *Но тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной.* Правильность революционно-социал-демократической тактики подтверждена опытом массовой борьбы 1905-1907 г.г. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не утопичность целей, не ошибочность средств и приемов, а *недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса.* Пусть либералы и растерявшиеся интеллигенты после первого массового сражения за свободу падают духом. Сознательный пролетариат ответит им, что великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. [Вызывает всяческое восхищение неукротимый, неизбывный, неисчерпаемый оптимизм Ленина, призывающего *учиться* и *на поражениях* в том числе !!!]. В новых формах и иным путем революционный кризис надвигается еще раз. назревает снова [известно, что любой кризис предваряет всегда *смену* и заканчивается *сменой форм представления развивающегося содержания* реальности]. Длительная работа по подготовке к нему широких масс — подготовки, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, — должна быть выполнена, и чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить стойко и терпеливо работу по воспитанию и подготовке новых кадров более могучей революционной силы.

[Речь идет о том, что требуется периодическая оценка соотношения взаимодействующих компонентов в их отношении и постоянное отслеживание тенденции смещения этого соотношения в сторону наращивания и преобладания более содержательного компонента, для чего содержательность активного компонента (т.е. революционность или революционный дух пролетариата) должна «подпитываться» популяризацией и разъяснением опыта массовой борьбы и революции].

Поскольку общим звеном, *разбавляющим* и *ослабляющим* марксистскую идеологию пролетариата, по-прежнему остается мелкий товаропроизводитель (мелкая буржуазия), *дрейфующий* между двумя четко выраженными классами капиталистов и пролетариата, то в такой ситуации задачей дня является: «Укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову чисто партийных хотя бы немногочисленных рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии, сосредоточение руководящих функций в руках руководителей социал-демократического движения из среды самих рабочих» [8, с. 543].

Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс, т. е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами) руководящую роль во всех пролетарских

легальных организациях.

[По свидетельству Н.В. Вольского (современника Владимира Ильича, с подлинной фамилией Н.В. Валентинов), никогда не бывшего, по его собственному признанию, ни большевиком, ни ярко выраженным меньшевиком [1], Ленин был сторонником агитационной работы со всеми слоями населения, но упор предлагал делать все-таки на работу с пролетариатом России].

Так или иначе легально или полулегально, открыто или прикрыто рабочий класс найдет себе пункты сплочения — везде и всегда будут идти впереди сознательные партийные социал-демократы и будут сплачиваться между собой для воздействия на массы в партийном духе.

Партия передового класса (пролетариата), которая сумеет организовать его авангард и направить свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, — эта партия победит во что бы то ни стало [8, с. 544].

[По аналогии с предыдущей статьей В.И. Ленин в своем анализе текущих событий исходит опять-таки из существования и взаимодействия двух основных классов: управляющего класса собственников средств производства и класса управляемых, неимущих, подневольных наемных работников, свободных от собственности на средства производства. Связывает эти два класса прослойка из дрейфующих, «курсирующих» между ними деклассированных мелкобуржуазных элементов, время от времени пополняющих собой тот и другой класс (много чаще — класс неимущих наемных работников). Причина идейно-политического кризиса в социал-демократической партии России как раз и обусловлена *неопределенностью* позиции представителей этой прослойки в социал-демократической среде. Все прочие выводы и измышления — от лукавого, из области выдумок, генерируемых обслуживающими правящий класс апологетами в составе университетской профессуры, штатных философов, политологов и пропагандистов всех мастей.

Ни Маркс, ни Ленин не были первооткрывателями классов и родоначальниками представлений о классовой борьбе как о движущей силе общественного развития — буржуазные историки и экономисты «эксплуатировали» эти открытия задолго до возникновения марксизма. Но тот и другой использовали в первую очередь именно эти понятия и представления для анализа имевших место исторических процессов, их *закономерностей* и *тенденций.*

Затем наступили времена, в которые упомянутые понятия (обозначающие главные субъекты общественной активности и процесс ее реализации) оказались погребенными под сколами и щепками, разлетающимися из-под топора, вершившего крупные общественные преобразования. Таким образом, важнейшие составляющие развития и их сакраментальные отношения были задвинуты в долгий ящик и основательно подзабыты.

Нынче весьма распространено мнение (как правило, высказываемое теми же «придворными», приближенными к властным структурам политиками, экономистами и философами, а также их СМИ, обосновывающими

справедливость и вечность существующих устоев, т.е. апологетами нынешнего общественного устройства), что классовая теория, дескать, безнадежно устарела и что теперь отношение к собственности и сама собственность (на средства производства, в первую очередь) не играют никакой роли. Главное, мол, в сегодняшних условиях определяется возможностью *контролировать финансовые потоки.*

Нет, господа хорошие, неправда ваша. Для того чтобы управлять финансовыми потоками, разыгрывать многоходовые финансовые комбинации, повелевать всем миром и т. д., и т. п, вы по-прежнему должны есть, пить, где-то жить, «хозяйничать, рожать детей, производить продукты, обменивать их...» (см. приведенную выше ленинскую цитату из книги «Материализм и эмпириокритицизм»), что никак не позволит игнорировать отношения собственности и все, что с ними связано. И захочется возвыситься, воспарить над бренной жизнью с ее материальной плотской стороной — и не случится. Для реализации подобной «хотелки» пришлось бы напрочь «отвязаться» от предметно-физического уровня вашей телесно-интеллектуальной организации, от основы вашего драгоценного «Я», что совершенно *не осуществимо без потери, без утраты* этого вашего уникального «Я». Уровень идеальных субъективных форм входит лишь узкой (хотя и наиболее содержательной из достоверно известных нам сегодня) прослойкой в общую совокупность уровней, из которых состоит ваше «Я», тогда как основную долю структуры всякого человеческого «Я» занимают весьма «приземленные» предметно-физические слои реальности. И от тяжеленных оков этих «грубых» слоев не избавишься, пока остаешься среди живущих на земле. Это и есть то самое, вспоминая слова Маркса, проклятие на *дух* — быть *отягощенным* материей. И как бы ни хотелось кому-либо,*достигнув вожделенного материального благополучия,* отмежеваться от всего грубого физического и перенестись в область идеального и неземного, — отношения к собственности и прежде всего к средствам производства будут продолжать оставаться ***ключевыми,*** кто бы что *про это* ни говорил и как бы ни пытался *это* закамуфлировать. И потому, пребывая на реальной почве и будучи частью предметно-физического уровня реальности (*вас* образующего и наполняющего), — вы будете *вынуждены* продолжать *сражаться* за свою плоть и за свое место под солнцем. И будете *вынуждены* по-прежнему думать о своем потомстве, а в связи с этим — и о наследстве для своего потомства, т. е. о той самой банальной собственности, которая, не приведи господь, может оказаться в чужих руках. Ваша собственная плоть не позволит вам воспарить над схваткой и над всем этим миром аки эльф или ангел; избавившись же от нее (ежели таковое вдруг случится), вы одновременно *потеряете* и себя (свое «Я») со всеми «фантазиями» и «хотелками» — ну, и о чем тогда ваши хотелки?

Прямой путь вам, господа хорошие, в социализм — только там найдете вы избавление от неподъемных кандалов собственности и вечных дум «про» накопление и передачу материального наследства в нужные руки и начнете, наконец, заботиться о *наследии интеллектуальном и духовном;* там вы обрящете более или менее подлинную свободу от унылых мыслей о том, как совладать с финансовыми активами, оседлать финансовые потоки, — и черт знает, о чем еще, за что цепляетесь железной хваткой. Добро пожаловать в социализм, господа!

Следует сказать, что отрицание существования классов и классовой борьбы — это неискоренимый пока элемент гимнастики досужего рассудка, периодически восстанавливающийся и вновь овладевающий неискушенными умами после очередного его «побивания» и публичного изгнания. Похоже, однако, пришел час, когда общественное внимание вновь приковывается к отношениям *ключевых* компонентов развития реальности, а также к их роли и значению в ходе смены форм общественного прогресса. Факт же отсутствия в настоящем явных признаков классовой борьбы говорит лишь о неорганизованности или недостаточной еще организованности представителей наемного труда и об отсутствии незаурядных и неподкупных лидеров революционного движения на данном отрезке общественного развития].

В отношении {пролетариат/самодержавие (царизм)} наметился вполне заметный сдвиг, смещение в сторону преобладания наиболее быстро развивающегося содержательного компонента — пролетариата с его марксистской партией, обогащающегося содержательно (благодаря росту образовательного ценза партийных и пролетарских рядов), тогда как второй компонент — самодержавие — мимикрирует, пытается замаскироваться под буржуазию и слиться с ней.

Надо сказать, что в ходе своего анализа Ленин никогда не рассматривает главные взаимодействующие компоненты или фигуры по отдельности, в отрыве друг от друга — всегда только вместе, во взаимодействии, **в отношении.** Пролетариат несуществен без буржуа или капиталиста, как и последние несущественны без пролетариата. Капитал несуществен без наемного труда, как, впрочем, и наоборот. Лишь взаимодействие этих двух составляющих реальности, их коллизия, их конфликт, междоусобная борьба способствует возникновению очередных форм развития и движению к новой общественно-экономической формации, т.е. к новым формам обретания общественных устроений.

[Периодически возникающие общественные конфликты имеют своим основанием накапливающиеся неразрешимые до поры до времени содержательно-форменные противоречия: между устаревающей системой управления, забюрократизированной властью, «обуржуазенным» правящим классом с его институтами и формами правления с одной стороны и, с другой стороны, — компетенцией и подготовленностью общества с его содержательными общественными мнениями и представлениями, перерастающими эту «окостеневающую» систему. Подтверждением тому служат многочисленные примеры современных государств с их внутренними конфликтами: рамки, формы, приемы примитивного управления не отвечают более потребностям, запросам, требованиям усложняющегося, совершенствующегося, развивающегося и стремительно прирастающего содержательными накоплениями социума],

Кризис в революционном движении (по Ленину) — это предвестник очередного этапа строительства и формирования нового отношения непосредственно взаимодействующих составляющих-компонентов и одновременно предтеча нового поиска выхода «на дорогу» и очищения от старой формы (ее атрибутов), сдерживающей движение содержательной составляющей; это признак перерастания развивающимся содержанием

имеющейся его формы и показатель необходимости овладевания новой перспективной формой достаточно развитого уже содержания. При этом анализируется и соотношение составляющих-компонентов во вновь складывающемся и по ходу изменяющемся их отношении, «числитель» которого обогащается решениями и выводами конференций и съездов партии большевиков, а «знаменатель» подпитывается постановлениями Учредительного собрания государственной думы (т.е. циркулярами «мимикрирующей» формы государственного правления).

[Производственные, управленческие, экономические, идейнополитические и пр. кризисы — это показатели нарушенного баланса или равновесия между взаимодействующими компонентами в разнообразных их формах-отношениях. Вырывающаяся вперед *лидирующая* или готовящаяся выйти вперед и лидировать содержательная составляющая «требует» поиска и отыскания соответствующей ей форменной составляющей, уравновешивающей (на какой-то период времени) объединенное, комбинированное отношение этих составляющих. «Застойная» фаза, в которой пребывает при этом новое неравновесное отношение (в нашем случае это {обучающийся пролетариат/мимикрирующее самодержавие (царизм)}), преодолевается поиском и нахождением более активной формы движения содержательной составляющей, что в случае отыскания очередного выхода «на дорогу» обеспечивается путем ускоряющегося повышения содержательности «числителя» упомянутого нового отношения, т.е. путем (словами Ленина): указания ближайшей цели борьбы; оценки правильности тактики социал-демократов; выяснения причин партийного кризиса и указания на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; решения вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации; признания необходимости использовать думскую трибуну и выработку точных руководящих указаний для думской фракции социал-демократов].

И, как резюмирует Ленин, этот этап должен быть изжит и кризис преодолен изысканием и применением новых форм борьбы [8, с. 540].

Иными словами, новый выход «на дорогу» ищется через повышение *содержательности* форм социал-демократического движения.

Невыученные уроки диалектики. § 2. Произведения предреволюционного периода.

Второй период, поименованный нами как предреволюционный (накануне революции), представлен рядом работ Владимира Ильича, продиктованных стремительно меняющимися (особенно в преддверии Октябрьского переворота) событиями.

1. В книге **«О праве наций на самоопределение»** [8, с. 569-621], написанной в мае 1914 г., Ленин подробно разбирает особенности применения марксистского положения об отделении наций в зависимости от разных исторически сложившихся условий формирования той или иной нации.

На этой работе в силу теснейшей связи ее с современностью остановимся

подробнее.

Предварительно следует сказать, что «право наций на самоопределение», по поводу законности и целесообразности провозглашения и защиты которого не прекращаются жаркие споры и в наши дни, — это не плод фантазий В.И. Ленина и не изобретение большевиков, а результат дискуссий и решений съездов Интернационала, и в частности «Лондонского международного конгресса (социалистических рабочих партий и профессиональных союзов) 1896 г.». Отстаивание этого права и включение его в программу социал-демократической партии России обосновывалось Лениным отсылкой к соответствующему этапу переживаемого Россией национально-освободительного движения. По аналогии с поддержкой марксистами в подобных же исторических условиях указанного права в Западной Европе, Ленин, ориентируясь на схожие освободительные процессы в Восточной Европе и Азии (включая и Россию), но происходящие с некоторым запозданием (как минимум на полсотни лет), делает вывод о необходимости выдвижения такого же требования на стадии революционных преобразований и в России.

Для передачи логики ленинской мысли приведем цепочку характерных цитат из этого произведения.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является *постановка его в определенные исторические рамки,* а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), *учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»* [8, с. 574].

«Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненны как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. *Но подобное сравнение* ***надо производить умеючи.*** *Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран»* [8, с. 578].

«В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. *Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.*

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. ...Ив этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. ***Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе»*** [8, с. 578-579].

«Таким образом, именно ***исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху»*** [8, с. 581].

«Буржуазия, которая естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его, называет практическим делом поддержку всех национальных стремлений. Но политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой. *...Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для своей нации, либо исключительных выгод для нее; это и называется "**практичным'**". **Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности»*** [8, с. 582].

«Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами «своей» нации. *Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, **не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего насчет другой нации.***

Пусть это не «практично», но это на деле вернее всего гарантирует наиболее демократическое из возможных решений; пролетариату нужны только эти гарантии, а *буржуазии каждой нации нужны гарантии ее выгод без отношения к положению* (к возможным минусам) *иных наций.*

Буржуазии интереснее всего «осуществимость» данного требования, — ***отсюда вечная политика сделок с буржуазией иных наций в ущерб пролетариату.***

Пусть это не «практично» для оппортунистов, но это единственная гарантия на деле, гарантия максимального национального равноправия и мира вопреки и феодалам, и националистической буржуазии.

Вся задача пролетариев в национальном вопросе «непрактична» с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют абстрактного равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму.

...Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенимания буржуазных стремлений.

Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете

буржуазный национализм угнетенных наций. ...Мы отвечаем: нет, именно буржуазии важно здесь «практичное» решение, а рабочим важно принципиальное выделение двух тенденций. Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, *ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за свой буржуазный национализм, мы против.* ***Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации.***

Если мы не выставим и не проведем в агитации лозунга права на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму угнетающей нации. *...В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь со стремлением польского буржуа давить еврея и т. д., и т. д.* [То есть тут, несомненно, надо видеть грань, за которой стремление к национальной идентичности перерождается в завзятый национализм и затем в звериный нацизм, и пресекать такую трансформацию].

Это — «непрактично» с точки зрения буржуа и мещанина. Это — единственно практичная и принципиальная и действительно помогающая демократии, свободе, пролетарскому союзу политика в национальном вопросе: *признание права наций на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность.*

Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д. ... Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

[И дело тут, пожалуй, не только в предрассудках или морально-нравственной и гуманистической стороне вопроса, а и в тривиальной *некомфортности* повседневной жизни угнетающей нации, пребывающей в постоянном напряжении, подозрительности, опасениях и ожидании ударов в спину со стороны притесняемой, угнетаемой, принижаемой нации.

Привилегированный по отношению к инородцу великоросс так же, как и инородец, несвободен, неспокоен, неуравновешен, несамодостаточен — из-за социального напряжения, создаваемого ответным сопротивлением и противодействием со стороны угнетенной нации. Это надобно бы знать сегодняшним «решателям» национального вопроса].

...Мы, пролетарии, заранее объявляем себя противниками великорусских

привилегий и в этом направлении ведем всю свою пропаганду и агитацию... против всяких государственно-национальных привилегий... такая задача — наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

Пусть эта пропаганда непрактична и с точки зрения великорусов-угнетателей и с точки зрения буржуазии угнетенных наций. ...На самом деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении» [8, с. 582—586].

«Обвинять сторонников свободы самоопределения, т.е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма — такая же глупость и такое же лицемерие, как *обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей.* Подобно тому, как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание *свободы самоопределения,* т.е. отделения наций, означает лишь защиту *привилегий* господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим» [8, с. 593].

«Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций — одно и только одно: национал-либерализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии. [Нетрудно видеть, что позиция некоторых лидеров «либеральных» партий современной России — абсолютная калька с этих ленинских слов].

...Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы социал-демократы стали отрицать право самоопределения, т.е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы социал-демократы взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций. *Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой или польская предпочтительно перед еврейской и т. д.* ***Наемный рабочий, сознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских, и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями.***

...Во всяком случае наемный рабочий останется объектом эксплуатации и успешная борьба против нее требует независимости пролетариата от национализма, полной, так сказать, нейтральности пролетариев в борьбе буржуазии разных наций за первенство. Малейшая поддержка пролетариатом

какой-либо нации привилегий “своей” национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, разъединит их на радость буржуазии. А отрицание права на самоопределение, или на отделение, неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации» [8, с. 594-595].

«В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего самоопределение пролетариата внутри наций» [8, с. 597].

[В наши дни такой подход остается по-прежнему злободневным в расчете на объединение всех *наемных работников* (независимо от наций и национальности) в борьбе и противодействии *ассоциированному олигархату.*

В переложении на современность всюду в тексте ленинской работы под пролетариатом следует понимать наемных работников и представителей наемного труда, а под буржуазией угнетающей и угнетаемой нации — иноземный и местный олигархат. После проведения такой замены все становится на свои места; как это можно видеть, отношения наемных работников и олигархата, а также следствия этих отношений с предельной ясностью выписаны автором книги задолго до Октябрьской революции. Мы же очевидным образом *наказываемся сегодня за* ***невыученные*** *уроки,* как *нерадивые ученики,* хотя все это уже когда-то проходили.

В угоду своим личным интересам (т.е. в погоне за прибылью) буржуазия (олигархия) любой нации легко переступает через национальные и патриотические принципы, чем вполне оправдывает навешиваемый ей ярлык «компрадорской» (продажной) буржуазии. Именно это, в первую очередь, надо знать и иметь в виду каждому народу, пытающемуся отыскивать корни национальных неурядиц. Лишь *сознательно* ***организованное*** противостояние рыночно (т. е. стихийно) «слепленному» олигархату может менять положение (и статус) трудящихся к лучшему. Сегодняшние буржуа, как и буржуазия прошлого, так же не заинтересованы в *общественном развитии* (т.е. в совершенствовании методов хозяйствования и планирования, экономических и политических реформах, повышении уровня жизни населения), поскольку все это способствует росту сознательности, образованности и, соответственно, ***организованности*** наемных работников. Поэтому переводить или вкладывать свои зарубежные накопления и капиталы (нажитые якобы «своим потом и кровью») в экономику страны, отказываться от оффшорных активов никто не торопится, да и не будет.

Что позволяет нам уверенно употреблять в данной связи термины «олигархи», «олигархат»? Достаточно вглядеться попристальней в структуру собственности, доходов и приобретений любого из *крупных* чиновников или депутатов (не упуская из поля зрения родственников и доверенных лиц с переписанными на них активами), чтобы увидеть там и владельцев средств производства, и акционеров самых прибыльных промышленных предприятий и банков, и владельцев крупной собственности, владельцев банковских счетов и финансовых активов, да к тому же еще, безусловно, ***обретающихся во власти.*** И чем же тогда отличаются подобные управленцы от олигархов или, на худой конец, от «околоолигархов»? По формальным признакам и

определению — ничем, а между собой различаются лишь размерами присвоений и *степенью влияния на принимаемые политические* и *экономические решения относительно судеб страны или региона;* в конечном же итоге все так называемые олигархи отличаются друг от друга только размерами наносимого стране урона. Вообще-то все капиталистические государства выстроены по олигархическому типу (схеме): сначала делаются деньги (и наживается капитал), потом хочется власти во имя новых возможностей и новых денег, а совокупность того и другого опять же приумножает власть и деньги. Для человека с неподготовленным, незрелым, неразвитым сознанием — это тупик, замкнутый порочный круг, ловушка. Коррумпированная капиталистическая страна — это всегда олигархическое государство. С другой стороны, сложившаяся на сегодня в стране управленческая конфигурация довольно точно определяется и термином «плутократия». С третьей стороны, это, безусловно, и «автократия», представленная «лицом» нынешнего «управителя». Перед нами — этакая гремучая смесь из плутократических, олигархических и автократических элементов государственности. В этой инфраструктуре, где всего и помногу, не хватает одного лишь малого звена — народовластия; трудовой народ ну никак не «монтируется» с современной властью и потому во власти не представлен].

Имеются уверения, что «признание права на отделение увеличивает опасность распада государства. ... С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение уменьшает опасность “распада государства”» [8, с. 592].

Далее вопрос разбирается на примере украинской национальности: «Не ясно ли, что чем больше свободы будет иметь украинская национальность в той или другой стране, тем прочнее будет связь этой национальности с данной страной? Кажется, нельзя спорить против этой азбучной истины, если не порвать решительно со всеми посылками демократизма. А может ли быть большая свобода национальности как таковой, чем свобода отделения, свобода образования самостоятельного национального государства?» [8, с. 592].

[На первый взгляд может показаться неверным *диалектическое положение,* согласно которому признание права наций на самоопределение не увеличивает опасность распада государства, а наоборот, цементирует страну и упрочняет связи между национальностями, — так как в отношении, скажем, вышеупомянутой украинской национальности это диалектическое положение не исполнилось и не исполняется. Однако в данном конкретном случае надо бы учесть следующие обстоятельства. В отличие от условий и событий, соответствующих временному этапу, анализируемому в рассматриваемой нами ленинской книге, с некоторых пор (уже в наши времена) под покровительством местного «компрадорского» олигархата на территории, именовавшейся некогда УССР, пышным цветом расцвел взращенный в глубоком прошлом и извлеченный наружу из обветшалых канализационных отводов отросток махрового национализма и лютой ненависти ко всему русскому. В таком ракурсе реанимированный феномен подпадает уже под определение не традиционного национально-освободительного движения (обретения свободы и права нации на самоопределение), а основанного на

кровной вражде и врожденной ненависти агрессивного нацизма (корни которого надо искать в происхождении некогда искусственно-выведенного и тщательно отселекционированного «окраинного» национализма), становление которого имеет мало чего общего с национально-освободительным движением. Чрезвычайно интересен в данном отношении тот факт, что из целого ряда уровней-форм в составе многоуровневой их совокупности (объединяющей в себе разнообразные способы межнационального взаимодействия) получает толчок к приоритетному развитию (под «управлением» все того же универсального *принципа саморазвития*) самый низкий, самый примитивный уровень в образе некоего клыкастого рогатого *существа* с не отпавшим еще хвостом и шерстью, выползшего из темной глубокой пещеры, чтобы учить весь цивилизованный мир своему пониманию жизни и межнационального общения. Подобно сорняку, глушащему на корню окультуренные растения, это примитивное «недоразумение» оказывается способным какое-то время оттягивать на себя и «перемалывать» наработанные позже, но апробированные уже содержательные объемы, или, попросту говоря, поглощать (уничтожать) цивилизованные формы более высоких уровней. Таковы курьезы и «неисповедимые» пути диалектического развития разнообразных форм-уровней реальности].

Что касается отношения к национальному вопросу, например, Маркса, то: «Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед **все возможные соотношения** между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная» [8, с. 608].

[Иными словами, надо оказывать поддержку угнетенной нации в ее борьбе и направлять эту борьбу в сторону споспешествования пролетарскому движению, поскольку анализ всех вариантов соотношений (расклада сил) между силами национально-освободительного и пролетарского движений (в их отношении) невозможен даже с привлечением интеллектуальной мощи 70 Марксов (говоря словами Ленина, имевшего в виду всегдашнее присутствие некоторой объективной неопределенности в развитии тех или иных форм-отношений и невозможность познания или предвосхищения развития этих форм со стопроцентной достоверностью). Как видим, способность *мыслить диалектически* позволяла классикам марксизма, и в частности В.И. Ленину, акцентировать внимание отнюдь не на получении *исчерпывающего знания* об исходе взаимодействия тех или иных исследуемых компонентов, а лишь на понимании ***тенденции*** изменчивости их отношений, чтобы уже на этом основании прогнозировать дальнейшее развитие их форм].

«Протоколы съезда 1903 года [II съезда РСДРП], принимавшего программу [партии] российских марксистов, сделались величайшей редкостью, и громадное большинство современных деятелей рабочего движения не знакомо с мотивами отдельных пунктов программы.

...Отметим прежде всего, что, как ни скудна русская социал-демократическая литература, относящаяся к “праву наций на самоопределение”, все же из нее

совершенно ясно видно, что понималось это право всегда в смысле права на отделение.

...Читатель видит, что на II съезде партии, принявшем программу, не было двух мнений по вопросу о том, что *самоопределение значит “лишь” право на отделение»* [8, с. 610-611, 613].

«...Право на отделение предполагает решение вопроса как раз не центральным парламентом, а только парламентом (сеймом, референдумом и т. п.) отделяющейся области» [8, с. 617].

«Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживает различные фазы [т.е. этот вопрос, как и любой другой, Ленин рассматривает через призму исторического развития: от имеющего жесткий *самодержавный реакционный* окрас до предстающего в цвете *буржуазного либерализма],* смотря по главенству [т.е. по уклону и смещению в сторону более существенного, более содержательного компонента в их отношении — в данном случае в отношении {буржуазный национал-либерализм/самодержавный монархический национал-реакционизм}] тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции 1905 года у нас народились национал-либералы. *А дальше неизбежно нарождение великорусских национал-демократов»* [8, с. 619].

«С точки зрения теории марксизма вообще вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании лондонского решения 1896 года, ни о том, что *под самоопределением разумеется лишь право на отделение,* ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. *Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача.* Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации» [8, с. 617-618].

«Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. ...Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России» [8, с. 620].

[Анализируя вышесказанное, можно утвердиться во мнении, что лозунг в защиту права на самоопределение наций актуален всегда — поскольку он является индикатором признания равноправия всех малых и больших наций в многонациональном государстве (что, несомненно, должно служить главным условием сплочения наций в союзных государствах); в случае узаконивания данного права угнетенным классам легче победить любого угнетателя,

объединившись на почве равноправия всех наций.

Истинное равноправие наций обусловливается и обеспечивается лишь признанием права наций на самоопределение (*политическое самоопределение,* т.е. возможное и допустимое *отделение*). Настоящий принцип самоопределения актуален для России (как был актуален и для СССР) еще и потому, что ее народы, как и народы СССР, объединялись и входили в союзы, как правило, со своими территориями — т. е., не будучи пришлыми или иммигрантами, чего не скажешь, например, о США и ряде других государств.

Но все это с восторгом принималось и выглядело именно так до той поры, пока закрепленное конституцией право наций на самоопределение не послужило вдруг поводом для немилосердных обвинений в разрушении великой страны. Само собой разумеется, основные претензии были предъявлены основателю первого в мире социалистического государства Владимиру Ильичу Ленину, который якобы и «заложил» под Советский Союз «мину» замедленного действия.

Выдвигая подобные обвинения, никто даже и близко не задумывается об *объективной* возможности *неблагоприятного* (с точки зрения человеческих планов и надежд) течения и исхода *содержательно-форменных трансформаций,* всегда имеющих место в процессе развития реальности. Никто не задумывается о неотвратимости содержательно-форменных преобразований, превращений, перерождений, которым подвергается любая развивающаяся форма при «делании себя из себя». В данном случае всего-то требовалось быть весьма осведомленным и компетентным руководителем, чтобы *всегда* помнить об *объективности тенденции естественного* перерождения форм в свою противоположность, т.е. об имманентном диалектическом свойстве (характере) развивающейся реальности, описываемом формулировкой универсального *принципа саморазвития* (см. выше).

Тем не менее, реальное положение вещей таково, что в силу этой самой диалектической природы окружающего мира всё (без исключения) рано или поздно имеет обыкновение возвращаться «на круги своя», но не в прежнем своем виде, а в иных — «модифицированных» — формах. При непонимании же такого расклада или при неумелом и неосмотрительном обращении с упомянутыми измененными формами — воздействия, а то и удары этих утяжеленных возвращающихся форм могут прийтись не туда, где пониже спины (ладно бы уж так, что еще переносимо), а туда, где повыше шеи.

Обнаружив такую тенденцию, проявляющуюся *в связи* с развитием той или иной формы реальности, можно и нужно научаться (при необходимости) на эту тенденцию *воздействовать,* предотвращая или предвосхищая возникновение нежелательных (с точки зрения человеческого сознания) последствий, чего, естественно, никем в те времена исполнено не только не было, но даже и не предполагалось к исполнению, — ведь последним выдающимся диалектиком в цепочке *ответственных* лиц оказывался Ленин, а все прочие его последователи и продолжатели с точки зрения диалектической подготовки — не пришей кобыле хвост. Хотя обвинить при этом во всех бедах и неудачах того, кто лучше всех в подобных вопросах

разбирается, — это в наши дни (как, впрочем, и всегда) прямо-таки признак хорошего тона. Имея представление о неизбежном преобразовании или перерождении изменяющихся форм в свои противоположности (т.е. о возвращении «на круги своя»), для удержания этих форм в рамках прежнего статуса необходимо разными способами повышать их *содержательность* (в данном случае — грамотность, образованность, информированность и т. п.). Пожалуй, более наглядного примера в подтверждение насущной необходимости ***овладевать искусством диалектического мышления, диалектического исследовательского подхода и практической деятельности*** как-то даже и не придумаешь!

В СССР на этапе шатания и так называемой «перестройки» из-под контроля центральной власти окончательно вышла партноменклатура (предтеча нарождающейся буржуазии) *именно «инородцев»,* т.е. национальных образований (республик), что и определило коллапс великого Союза. Начиная с хрущевских времен, и особенно в горбачевское перестроечное время, полным ходом шло явное и неявное разложение, деидеологизация и перерождение как центральных (союзных), так и местных (республиканских), говоря современным сленгом, «элит» (а точнее, псевдоэлит — партноменклатуры, управленцев высшего и среднего звена, руководителей крупных предприятий и т. п.), которые скоротечно «омещанивались» и «обуржуазивались», превращаясь в собственную *идейно бессодержательную (зато наполненную буржуазно-меркантилистским содержанием*) противоположность в полном соответствии с *диалектическим характером развития реальности.* Как и положено в таких «непрозрачных» случаях (т.е. во времена *смуты), содержательная* причина происходящего задвигается на задний план и ее место «драпируется» *форменной* составляющей реального процесса. В сложившемся тогда отношении {номенклатурная власть на местах / формальное устроение местной власти на базе права наций на политическое отделение} вследствие резкого *стихийно-бесконтрольного* разрастания полномочий и возможностей номенклатурной местной власти (т.е. «распухания» содержательной составляющей или «числителя» вышеотмеченного отношения) начинает видоизменяться и «знаменатель» отношения — в сторону изоляции или обособления от центра и доминирования номенклатурной местной псевдоэлиты (властных структур).

Правильность и обоснованность идеи о праве наций на самоопределение даже на тот момент не подлежит никакому сомнению при условии обеспечения жесткого контроля над прочими частностями и деталями. Под контроль должны были быть поставлены мотивы и действия именно номенклатуры «инородцев» (употребляя терминологию ленинских статей), которая, оказавшись без «надзора и присмотра», разыгрывала до победного конца свою *меркантилистскую* карту, что могло бы быть решительно пресечено на вполне ***законных*** основаниях.

Противозаконные действия разлагающейся номенклатуры на уровне республиканских органов власти следовало останавливать, опираясь на «Конституцию (Основной закон) СССР» и на вполне еще работоспособные тогда центральные и республиканские структуры силовых ведомств: КГБ, МВД, МО (чекистов, милицию, армию), продолжая удерживать под контролем идеологию и кадровую политику. И, как нам это уже доподлинно известно, за

отсутствием такого контроля и контрмер внутреннее разложение псевдоэлиты заканчивается, в конце концов, преобразованием ее в олигархат центрального и местного значения (масштаба); и, конечно, не без внешнего зарубежного влияния и пособничества. Безыдейные и беспринципные номенклатурные нувориши в связке с отъявленными бандитами и уголовниками становились новыми хозяевами жизни.

Да, решения (и действия) местных псевдоэлит *формально* подпадали под покровительство конституционного права наций на самоопределение, но эти решения не были законными с точки зрения подтверждения их *официально* выявленным *волеизъявлением большинства граждан национальных республик.* Законность действий была подменена «подковерной» активностью и нахрапистостью местных номенклатурных структур и отдельных лиц. Тем самым не пресловутое *право наций на самоопределение* стало причиной разрушения СССР, а сложившееся к тому времени засилье пресыщенной, переродившейся деидеологизированной «компрадорской» (продажной) верхушки и бесконтрольность ее поведения.

Таким образом (акцентируется специально для нынешних «управителей» и иже с ними), никаких «мин» в устроение многонационального советского государства Ильич не «закладывал» — все решения большевиков обусловливались *конкретным контекстом переживаемой эпохи* и нечего возлагать на него вину за якобы недомыслие; на наш взгляд, теперешним «диванным» оппонентам и экспертам следовало бы внимательнее и вдумчивее читать его работы и не торопиться с провозглашением собственного ментального превосходства. Сама постановка вопроса о будто бы «заложенной мине» свидетельствует о не достаточно высоком уровне интеллекта и образованности персон, поднимающих этот вопрос, поскольку спрашивать по поводу «исчерпанности» или обнаруженной со временем «неработоспособности» этого решения нужно не с Ленина, который, повторимся, умел мастерски делать выводы и принимать решения сообразно складывающимся обстоятельствам определенного временного этапа, а с тех лиц, которые в силу косности своего мышления не умели *впоследствии* гибко реагировать на меняющиеся условия. Роль и значение человеческого фактора (и кадровой политики), господа хорошие, никто еще не отменял. Опять же, не обладая *диалектическим* складом ума, ох как непросто искать и находить *корректные* решения сложнейших вопросов, — что и толкает (вынуждает) заурядных некомпетентных лиц (в том числе и поверхностных исследователей) все ошибки и просчеты бессовестным образом списывать на *незаурядных,* но, к сожалению, смиренных и безмолвных предшественников.

Вполне вероятно, в наши дни более продуктивным мог бы быть вариант учреждения союзного объединения, при котором любое национальное образование (республика, государство, автономия) входило бы в состав нового федерального устроения на правах территориального округа с тем же «правом самоопределения», но не по национальному, а по территориальному признаку и с обязательством установления единого гражданства для всего населения в качестве индикатора принадлежности к общему государственному устроению (ну, естественно, и со всеми прочими атрибутами единого государства: единой валютой, общими целями, единой оборонной доктриной и силовыми ведомствами и т. п.). Но это по-прежнему

вопрос, требующий привлечения для своего результативного решения опять-таки *диалектических умов,* которые умели бы отслеживать перипетии меняющейся обстановки и соответствующим образом корректировать принимаемые решения на протяжении всего периода актуальности данного вопроса. Не приведи господь нынешним «правителям» возомнить себя квалифицированными «решателями» национальных проблем, и на этой волне ввязаться в разминирование будто бы «заложенных» Лениным «мин». Без учета многочисленных нюансов национального вопроса эти «решатели», не будучи ни разу искусными диалектиками, наломают дров и по неосведомленности или по недомыслию окончательно похоронят под этими дровами большую страну.

Во всяком случае, простое решение национального вопроса путем так называемого «плавильного котла», из которого вдруг неожиданно полезли серьезнейшие, до сих пор даже близко неразрешенные расовые проблемы (как показывает американский околовыборный кризис 2020 г.), также невозможно, что надо взять на заметку всем примитивным деятелям и плоским «решателям», когда они предполагают подобным образом закрыть наболевшую тему раз и навсегда.

Между тем, вопрос этот по-прежнему чрезвычайно злободневный оттого хотя бы, что суверенитет (а следовательно, и идентичность) малой нации (например, народа Беларуси в современных условиях) может быть обеспечен и сохранен на принципах права нации на самоопределение лишь при существовании (функционировании) ее в симбиозе с большой (преобладающей по численности населения) нацией (в пределах или под крылом объединенной России или обновленного, модернизированного СССР, например), которая гарантирует этот суверенитет и обязуется защищать малую нацию от нападок и притязаний со стороны агрессивных капиталистических соседей; в противном же случае, как показывает практика сегодняшних дней, стремление *(как искушение)* малого *(несамодостаточного)* государства к проведению собственной ***независимой*** политики (приверженность так называемой *политической многовекторности)* рано или поздно обратит это государство в придаток более могущественных капиталистических государств с неизбежным нивелированием (обнулением) его национальной идентичности. Собственно говоря, анализ ленинского видения вариантов развития этой темы наталкивает именно на такой вывод.]

2. Манифест **«Война и российская социал-демократия»** [8, с. 622-628], вышедший из печати в ноябре 1914 г., явился первым официальным документом РСДРП, обозначившим позицию большевистской партии относительно начавшейся мировой империалистической войны.

«Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. ... Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [8, с. 622].

[В начале статьи Ленин делает анализ сложившейся ситуации и расстановки сил, показывая, что во главе одной воюющей группировки стоит немецкая буржуазия, уверяющая рабочий класс в том, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов и разрушения реакционного царизма, но на деле являющаяся верным союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России и поддерживающая царскую монархию против революции в России. Во главе же другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, одурачивающая рабочий класс и трудящиеся массы, утверждая, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии, но на деле стремящаяся к захвату немецких колоний и разорению конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. Содержательное обогащение *(накопление содержания собственной формы)* за чужой счет, за счет конкурентов — смысл этой войны (раздел, передел и захват рынков, уничтожение конкурентов). Иными словами, установки менее высоких (т.е. более примитивных) уровней-форм на приумножение своей содержательности путем отъема и потребления «чужого» содержания одолевают или берут верх над *социалистическими* установками или целями более развитых уровней, исповедующих накопление и увеличение своей содержательности посредством совместного созидательного труда, проведения исследований развивающейся реальности общими силами, познания и прогнозирования совместными усилиями появления как новых форм реальности на всех уровнях, так и направлений перспективной человеческой деятельности].

«Обе группы воющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как “своей” страны, так и “чужих” стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение “своей” национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради “освобождения” всех других народов, кроме своего собственного.

...Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и натравить их друг на друга... — тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой *интернационализм,* свои социалистические убеждения против разгула шовинизма “патриотической” буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирно-исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не

противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс *слить* свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили *измену* по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические (“патриотические”) лозунги буржуазии “своих” стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д., и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной [кстати сказать, кардинально ничего с тех времен и не изменилось], отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала» [8, с. 623-624].

«Крах II Интернационала есть крах оппортунизма [отступничества и соглашательства], который выращивался на почве особенностей миновавшей (так называемой “мирной”) исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая *классовую борьбу* с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя *сотрудничество* классов...

...Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

[Иными словами, война и неспособность социал-демократов Европы противостоять буржуазии, их соглашательство с лозунгами буржуазии свидетельствуют о крахе II Интернационала, чего Ленин предлагает не замалчивать, а наоборот, признать и подчеркивать. Без размежевания с такой позицией буржуазии выполнить задачи социализма нельзя — никак нельзя осуществить интернациональное сплочение рабочих без разрыва с отступниками и соглашателями].

Задачей социал-демократов каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны.

...При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом социал-демократов Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии... социал-демократы будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга *без революционного низвержения* монархий

германской, австрийской и русской.

В России задачами социал-демократов *ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции,* должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции. ...Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. ...Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма не долговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс *измена* рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны» [8, с. 626-627].

Суммируя все «за» и «против» в сложившейся международной обстановке, т.е. анализируя вероятное направление изменения соотношения активного (содержательного) и пассивного (форменного) компонентов в составленном из них отношении, и в этой связи основываясь на необходимости замены отношения {народ (подстрекаемый буржуазией) одной страны / народ (подстрекаемый буржуазией) другой страны} на более содержательное и потому более *корректное* отношение {пролетариат воюющих стран / буржуазия воюющих стран}, составленное из объективно внутренне конфликтующих компонентов, Ленин приходит к тому выводу, что: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть *единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны...* и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом. Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и в той или иной форме более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму» [8, с. 628].

3. Небольшая статья **«О национальной гордости великороссов»** [8, с. 629-632] с серьезным подтекстом из неоднозначных взглядов написана в декабре 1914 г.

Из содержания статьи, прежде всего, нужно уяснить, что осознанное объединение малых народов и национальностей возможно лишь на основе узаконенного права наций на самоопределение или гарантированной возможности свободного их отделения. И это содержание перекликается с идейным содержанием работы «О праве наций на самоопределение».

Свой анализ Ленин начинает с описания сложившегося на тот момент положения вещей, когда много правильных слов «говорят, толкуют, кричат... о национальности, об отечестве... величии принципа национальной

самостоятельности». Между тем, продолжает он, «... перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На ***пропаганду выгодных этим классам идей*** *затрачиваются десятки и сотни миллионов в год... »* [8, с. 629]. И нам, пишет Ленин, как представителям великодержавной нации, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса особенно в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и инородцев, чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов *сообразно исключительно своим собственным интересам* (интересам объединенного дворянства, крепостников-помещиков, капиталистов), в то время как те же царские палачи (дворяне и капиталисты) подвергают нашу прекрасную родину гнету, насилиям, издевательствам. Сегодня, по словам Ленина, мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация, преодолевая свое рабское прошлое, тоже создала *революционный класс,* тоже доказала, что способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, *а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.* И мы горды оттого, что после 1905 г. великорусский мужик *начал становиться демократом* и *начал свергать попа и помещика.* Именно потому, что мы хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения с соседями на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий, мы говорим: нельзя защищать отечество иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.е. худших врагов нашей родины; нельзя великороссам защищать отечество иначе, как желая поражения во всякой войне царизму (как наименьшего зла для подавляющего большинства населения Великороссии), ибо царизм не только угнетает это большинство населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая *прикрывать свой позор лицемерными, **якобы патриотическими** фразами.* В такой связи, с точки зрения интересов именно *великорусского пролетариата,* необходимо длительное воспитание населения в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев» [8, с. 632].

[Как уже отмечалось ранее, вместо терминов «царизм», «буржуазия», «капиталисты» и т. д., можно смело употреблять близкие по своему сегодняшнему значению термины «автократия», «олигархат», «плутократия», «правящая псевдоэлита», «компрадорская либеральная верхушка» и т. п.

Эта статья В.И. Ленина — такое же динамичное творение, как и все прочие: от исходного, менее содержательного, через изменение — к перспективному, более содержательному результату и продукту. Как и любая другая работа Ленина, данная статья может быть выложена структурно и композиционно в виде следующего шаблона. Исходный пункт *(тезис):* позиция или взгляд *правящего класса* (самодержавия, царизма, нарождающегося и крепнущего

великорусского капитализма) на суть *русского патриотизма;* т.е. констатацией шкурных интересов этого класса, подкрепляемой пропагандой лицемерного квасного патриотизма, устанавливается *один компонент отношения.* Далее пункт в развитие *(антитезис):* суть и определение *русского патриотизма* с точки зрения *революционного пролетариата* и его интересов. Таким путем определяется *другой компонент отношения.* Затем из найденных компонентов выявляется более содержательный компонент (путем обнаружения и удостоверения фальши, неискренности и неистинности одного компонента, и наоборот — подлинности, истинности и большей объективности другого компонента) и на этом основании строится *корректное* отношение найденных компонентов *(синтезис),* обладающее свойством и способностью к саморазвитию, — с одновременным прогнозированием перспективы развития всего отношения в целом. В результате сопоставления двух противоположных позиций и взглядов на русский патриотизм, принадлежащих двум разным взаимодействующим компонентам (классам) в отношении {пролетариат/царизм (самодержавие)}, большевики отдают предпочтение позиции пролетариата и, развивая, повышая содержательность этой позиции (путем разъяснений, агитации и пропаганды), добиваются преобладания ее в цельном едином *отношении,* что, в конечном итоге, в перспективе и приводит к сворачиванию боевых действий и окончанию кровопролитной империалистической войны.

Зная наперед, что в любом конфликте, в любом взаимодействии всегда участвуют как минимум две стороны, два компонента (а именно: содержательная и форменная составляющие развития) одного отношения, характером и интенсивностью взаимодействия которых и определяются темпы и полнота прироста содержательности всего отношения. — очень важно правильно выявить и определить эти взаимодействующие стороны-компоненты, чтобы составить из них отношение; корректно составленное отношение двух *непосредственно взаимодействующих* сторон (двух наиболее существенных компонентов) и дает самый энергичный, результативный и оптимальный прирост содержательности и развития как компонентов в отдельности, так и отношения в целом.

Приведем еще примеры корректно составленных отношений. В отношении {наемный труд/капитал} компоненты нераздельны, друг без друга несущественны, и посему данное отношение не надумано, не высосано из пальца, а природно и естественно. То же самое касается таких (производных этого отношения и сопутствующих этому отношению) отношений, как {пролетариат/буржуазия}, {Советы/Временное буржуазное правительство} и т. п. *Составленные корректно* отношения легко поддаются исследованию и анализу (например, на предмет прогнозирования перспектив их изменения и развития)].

[Однако складывающаяся в наше время предвоенная ситуация, похоже, несколько иная, нежели накануне Первой мировой войны: как международному, так и национальному (для сохранения своего статус-кво) капиталу выгодно, чтобы Россия сдала свои позиции, тогда как сегодняшним неимущим (наемным работникам) присущ патриотизм — как то, что в них присутствует от рождения, а не куплено или присвоено. Поэтому лозунг или призыв «за Родину!» искренен и современен как никогда именно *для простого*

народа (в надежде на грядущие социалистические общественные преобразования). «Компрадорская» же верхушка мыслит совсем иначе, патриотизмом там не пахнет — наоборот, последний гнобится и презирается всеми силами и способами.

Лакмусовая бумажка русского патриотизма сегодня — отношение к Крыму и Донбассу. Весь «патриотизм» олигархов и плутократов состоит в оправдании того обстоятельства, что финансово-промышленные (олигархические и государственно-монополистические) структуры не «заводят» ни бизнес, ни банки на Донбасс и частично в Крым (игнорируя проблемы людей, живущих на указанных территориях) оттого якобы, чтобы не навредить всей стране. На самом же деле тут проглядывают простые опасения за свои личные «шкурки», которые могут быть попорчены пресловутыми западными санкциями. Далее, поставки всех видов топлива (и других энергоносителей), запчастей и комплектующих вооруженным силам враждебного государства, убивающего людей на территории Донбасса, — тоже свидетельство такого же «патриотизма» тех же структур. Если хорошенько покопаться, можно обнаружить много чего поразительного, постыдного и преступного в действиях и поведении сегодняшней «отечественной» буржуазии.

Проблема Новороссии может быть разрешена в кратчайшие сроки при условии решения вопроса нейтрализации правящей «компрадорской» верхушки российского плутократического государства. Даже «вашингтонский обком» играет здесь не такую уж существенную роль. На самом деле все упирается в искоренение саботажа и преодоление сопротивления внутри страны (*измены* — так это называлось в седую старину)].

[Политика нынешнего «правителя» по отношению к Донбассу — это страусиная голова в песке, политика предательства и отступничества по отношению к проживающим там русским людям. Терпеть и сносить диктат и издевательства заокеанского «гегемона» (неусыпно курирующего все решения по Донбассу) может только трусливая, хорошо прикормленная, правящая, продажная буржуазная верхушка. Робкий «управитель», не имеющий воли и умения справиться со своим «компрадорским» окружением, — вот причина отсутствия положительного эффекта и требуемого исхода при решении проблемы Донбасса (и Новороссии в целом). Ключ к решению этой проблемы находится в Москве. Но нерешительный и продажный «правитель» с этой задачей едва ли справится; нужен бы лидер покрепче в своих убеждениях и правоте. Сколько кровавых конфликтов можно было бы «прижечь на корню», если бы не следовать в фарватере запросов и целей финансово-промышленного олигархата, которому собственные бизнес-проекты и прибыли гораздо ближе и важнее, чем интересы целой страны с ее народом.

От теперешнего «правителя» ждут защиты и помощи люди, которых он обнадежил, а тот раз от разу трусливо поджимает хвост в страхе растерять свое благополучие и благосклонность (поддержку) своих компаньонов — не дай бог западные повелители «перекроют кислород» и ему, и его окружению. Почувствуйте разницу: неподкупный, решительный и бесстрашный революционер Ленин с одной стороны и продажные, зависящие во всем от заокеанского «гегемона» (а потому — пугливые и нерешительные) нынешние «управители» с другой стороны. Накануне вполне вероятной «горячей» войны

Россию может спасти только «чистка» рядов (по Ленину) и нейтрализация «пятой колонны» (по Сталину). Единство, твердость и поддержка народа в этом вопросе непоколебимы.

Совершенное оружие, созданное благодаря содержательному ресурсу народа — вот каков должен быть главный аргумент современного «управителя» в ответ на беспрецедентные навал и натиск со стороны «гегемона». Вместо того чтобы организовать *хорошо продуманную* серию «уколов» (с нанесением заокеанскому «гегемону» урона в объеме, достаточном для деморализации общественного сознания «демократизаторов») и показать тем самым, кто в доме хозяин путем демонстрации преимуществ своей новейшей военной техники и военного мастерства, наши «управители» беспрестанно расшаркиваются и отвешивают поклоны. Спрашивается, кому и зачем тогда нужны дорогостоящие военные «игрушки», если нет умения и понимания того, как использовать их во благо народа? Они нужны, прежде всего, для того, чтобы на годы вперед пресечь диктат агрессора с причинением ему *в достаточной мере* дезорганизующего имущественного и морального ущерба.

Против нас ведут бесчестную игру (игру без всяких правил), а «управители», вместо того чтобы достойно отвечать имеющимися в распоряжении превосходными средствами, позорно оправдываются и утираются всякий раз после издевательских плевков в край обнаглевшего «гегемона».

Народ облек нынешнего «правителя» властью и высокими полномочиями, чтобы тот от имени народа не позволял попирать честь и достоинство народа. Если нет мочи парировать выпады коллективного Запада — надо бы отойти в сторону и не цепляться за власть, как не цеплялся Ленин, хотя имел значительно больше оснований быть этой властью облеченным. Причем отойти и увести с собой заодно свою дипломатическую команду из хронических плакальщиков и нытиков, не умеющих противостоять зарвавшейся шпане и потому постоянно оправдывающихся в своей никчемности и неэффективности.

На кой ляд нужна вся эта военная мощь в полном распоряжении текущего «управителя» (пусть и переданная ситуационно, на пока), если тот не имеет ***воли*** проводить в жизнь собственную политику, не умеет использовать этот козырь во благо страны и народа, если спотыкается и трусливо пятится при первом же окрике и косом взгляде со стороны западного «повелителя»? Пугливому и нерешительному *неумехе* следовало бы уступить место лидеру покрепче, посметливее, поцелеустремленнее, помужественнее ...

Пониманию и оправданию допустимости и необходимости силового российского ответа в данном конкретном случае споспешествует обращение к известным представлениям Клаузевица относительно средств проведения государственной политики. Достаточно иметь в виду, что политика (как инструмент давления и навязывания различными способами миропонимания, позиции, точки зрения, образа жизни и т. д., и т. п. одной группы людей другой группе людей) подразумевает под собой ***весьма обширный*** набор средств и приемов воздействия на партнера, конкурента, противника или неприятеля, в числе которых могут быть методы и поощрительного, и стимулирующего, и предупредительного, и экономического, и устрашающего, и силового, и любого иного характера. Каждый политический игрок *волен на*

свое усмотрение выбирать наиболее подходящие ему *средства влияния* из всего арсенала имеющихся средств вопреки ущербному мнению на тот счет, что играть можно и нужно лишь по правилам, устанавливаемым отдельными игроками (или игроком), претендующими на *исключительность* и *абсолютное доминирование.* В наступившие времена беспрецедентного попрания всех международных прав и правил стоит, может быть, наконец-то, начать играть по *своим* правилам (?) или смириться и дать окончательно похоронить себя заживо? Тем более что любая *исключительность* претит (чужда) нашему интернациональному воспитанию в духе «человек человеку — друг, товарищ и брат», и потому претензии на исключительность и абсолютизм в данном контексте следует урезонивать незамедлительно. В пику и противовес лицемерной иноземной политике далеко не простого *сдерживания* и *экономического давления,* а настоящего ***удушения*** и ***уничтожения*** России — давно уже пора со стороны России перейти к ответным *силовым* отрезвляющим «уколам» (т.е. к противодействию теми средствами, которые есть у нее в арсенале и которые наиболее ***уместны*** и ***эффективны*** в данных обстоятельствах).

«Ну, и чего еще ждать? Все христарадничаем. По одной щеке получаем, тут же другую подставляем. И так до бесконечности. Ничем это хорошим не кончится. В итоге, если и уцелеем, то случайно. в последний момент и очень большой ценой. *Как, впрочем, у нас всегда и получается... »* [14].

Хватит выражать беззубую и бесхребетную дипломатическую *обеспокоенность* наглыми выходками англосаксонского конгломерата и его клевретов. Нужно отучать их ***своевольно*** *(произвольно)* препятствовать развитию *кого бы то ни было* методами экономической, политической и любой другой блокады (т.е. посредством так называемых санкций). Речь идет о *священном* **праве** всякого народа, всякой нации ***на свободное экономическое и политическое развитие*** (в данной связи уместно вспомнить известное своей диалектичностью и *неоспоримой справедливостью* классическое марксистское положение, согласно которому лишь свободное развитие каждого является *условием* свободного развития всех). *Не все у нас сегодня понимают, к сожалению, что пока еще за это право надо драться, сражаться, — и сражаться всеми имеющимися средствами.* И исполнение этой *благородной* миссии в международном масштабе вполне может взять на себя Россия (возможно, со своими союзниками). Наш народ поймет необходимость и целесообразность таких упреждающих шагов и поддержит их самым решительным образом. Если не хочешь в «изгоях» ходить и угодить, в конце концов, в какую-нибудь «резервацию» — придется ***разрушить*** сложившуюся «санкционную» систему раз и навсегда, применив имеющуюся у тебя силу или по крайней мере создав угрозу *неотвратимого* применения силы. А для восстановления утраченного статус-кво надо быть готовым к тому, чтобы *принудительно* выводить «демократизатора» из кажущегося ему вечным и безоблачным состояния материального и морального комфорта. Этим надо серьезно заниматься. Никто другой за нас эту тяжелую работу не выполнит. Но. похоже, жирующую действующую власть сложившийся порядок вещей вполне устраивает.

И вновь задаемся тем же риторическим вопросом: зачем нужны все эти дорогостоящие военные средства, если не для обеспечения политической и

экономической свободы, независимости и суверенитета народа, *ровно с этой же целью* для себя эти средства безопасности создававшего?

После провозглашения подобной доктрины и *одновременного* осуществления нескольких серий показательных профилактических «уколов» долгие годы эти *бесполые* государственные образования (напоминающие сегодня расфуфыренные петушащиеся «недоразумения») ни косо глянуть, ни голос повысить на Россию не посмеют; по крайней мере до тех пор, пока не образумятся и в срочном обратном порядке не «переобуются» в традиционное, *диалектической природой* обусловленное двуполое (двухполюсное) исполнение. А тот петушиный крик, которым они будут заходиться в момент получения *заслуженной трепки,* лишний раз продемонстрирует другим народам неправоту и несостоятельность всех этих «демократических наставников», а также бутафорский характер любой опрометчиво провозглашаемой гегемонии и исключительности.

Как ни парадоксально это звучит, но в этом-то и заключается сегодня самый эффективный способ предотвращения глобальной войны].

4. Статья **«О лозунге Соединенных Штатов Европы»** [8, с. 633-636] написана в августе 1915 г. Речь в ней идет о неправильности (несвоевременности) этого лозунга в экономическом аспекте. Если в политическом отношении этот лозунг, поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы (германской, австрийской и русской), совершенно неуязвим, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. «С точки зрения экономических условий империализма, т.е. вывоза капитала и раздела мира “передовыми” и “цивилизованными” колониальными державами, Соединенные Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны», поскольку **«равняются соглашению о дележе колоний»** [8, с. 634-635].

Капитал стал интернациональным и монополистическим; мир поделен между горсткой «великих держав», преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций. В эпоху наивысшего развития капитализма горсткой великих держав организовано ограбление *около миллиарда населения* Земли. [Разве это не актуально сегодня, причем еще и в большей степени? Читаешь ленинскую статью более чем вековой давности, а будто бы про наше время писано!]. Иная организация (т.е. добровольный отказ от колоний, сфер влияния, вывоза капитала) при капитализме невозможна, как невозможны и иная основа и иной принцип дележа, *кроме силы. Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедовать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть тупоумие мещанина.* Миллиардер не может делить доход с кем-нибудь другим иначе, как в пропорции «по капиталу». Отсюда — нельзя делить иначе, как «по силе» [т.е. силовыми методами]. *А сила изменяется с ходом экономического развития, и, чтобы проверить действительную силу развивающегося капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны.* При капитализме [в силу анархии и стихийности рыночного производства] невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств, а посему *при капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия и*

устранения диспропорций, как ***кризисы в промышленности и войны в политике.*** *Война не находится в противоречии с основами частной собственности, а есть следствие прямого и неизбежного развития этих основ (т.е. необходимости периодического пересмотра и передела накоплений частной собственности).*

Таким образом, в расчете на сказанное на современной экономической основе, т.е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те же времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно. В таких условиях более правилен и актуален был бы лозунг «Соединенные Штаты мира», однако он мог бы породить неправильное толкование вопроса в невозможности победы социализма в одной стране [8, с. 636].

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. На основании изложенного Ленин приходит к выводу (ставит диагноз) о **невозможности уничтожения классов без диктатуры угнетенного класса** и *невозможности свободного объединения наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами.* В силу этих соображений и делается заключение о неправильности лозунга Соединенных Штатов Европы в данный конкретный исторический момент [8, с. 636], поскольку он выразится в отсрочке начала социалистической революции.

[Содержательная суть социалистической революции, как это отмечается в статье, реализуется и представляется не формой единовременного акта, а целой чередой (эпохой) форм политических революций и контрреволюций, бурных политических и экономических потрясений, обостренной классовой борьбы, гражданских войн и т. д. Применительно к общественным преобразованиям в России, осуществленная в конечном итоге социалистическая революция с прицелом на построение бесклассового общества – это всего лишь начальная стадия или первый этап реализации социалистического движения, которое в дальнейшем будет только шириться, углубляться и ускоряться. При этом прерывистость, остановки, крутые повороты, рывки, спады, подъемы (т.е. участки видимого регресса и попятного движения: кризисы, войны, перевороты, революции, контрреволюции и пр.) – вполне естественны для такого рода движения и лишь подтверждают спирально-циклический характер общественного развития (как и вселенского развития в целом). Именно стремление к достижению ***наивысшей содержательности*** формами-носителями общественного прогресса и будет служить главным фактором, обусловливающим периодическое обращение к теоретическим и практическим наработкам, обобщающим результаты и опыт всех предшествующих этапов упомянутого революционного движения.

Здесь же Ленин информирует читателя о том, что Швейцария, например (и некоторые ей подобные «успешные» и «благополучные» карликовые государственные образования), есть результат соглашения международного капитала на обустройство совершенно нейтральных тихих «бухточек» и «гаваней» для надежного хранения денежных средств, организации отдыха и туризма толстосумов. Она и задумывалась сильными мира сего как местечко, где владельцы крупного капитала могли бы рядом со своими накоплениями и сбережениями перевести дух и отдохнуть от трудов «праведных». Таким образом, вызывающе цветастая и откровенно прозрачная якобы оболочка некоторого государственного устроения выступает всего лишь ширмой, заслоняющей от посторонних глаз неброскую подлинную суть и назначение такого устроения, возведенного некогда стараниями небольшой кучки заинтересованных лиц. Классовая солидарность, стоящая на страже интересов хозяев жизни, никогда не позволит перейти к транспарентности отношений производства, накопления и потребления при капитализме. Впрочем, все, что связано с содержательным ресурсом той или ной формы и с источниками его накоплений, всегда будет за семью замками и печатями].

5. Статья **«Военная программа пролетарской революции»** [8, с. 751-761] была написана на немецком языке в сентябре 1916 г., а напечатана лишь через год. Тогда она предназначалась для швейцарских, шведских и норвежских левых социал-демократов. Публикация предварялась следующим предисловием: «В наши дни, когда Ленин является одним из тех деятелей русской революции, о которых чаще всего говорят, нижеследующая статья этого старого железного революционера, излагающая значительную часть его политической программы, представляет особый интерес» [8, с. 834]. На русском же языке в России эта работа впервые вышла из печати только в 1929 г.

Структурно и композиционно статья строится по тому же весьма типичному трафарету: анализ сложившейся ситуации (положения дел); выявление взаимодействующих сторон в их отношении, как старом, так и новом (преобразованном и развитом); определение активной, ведущей, лидирующей составляющей в этих отношениях, особенно в новом; прогнозирование направления изменчивости как самих компонентов-составляющих в этом новом отношении, так и самого отношения в целом.

Появление данной статьи было вызвано тем обстоятельством, что наряду с оправданным и справедливым противодействием ложному лозунгу социал-шовинистов о «защите отечества» в ведущейся империалистической войне стали раздаваться голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы «вооружение народа» (формирование «милиции») новым пунктом «разоружение».

«Основной довод заключается в том, что требование разоружения является самым последовательным выражением борьбы против всякого милитаризма и против всякой войны». Но в этом доводе и состоит основное заблуждение сторонников разоружения: социалисты, не переставая быть социалистами, не могут быть против всякой войны, и в частности войны революционной, войны национально-освободительной, войны гражданской (а также так называемых «оборонительных» войн победившего пролетариата против буржуазии других стран) [8, с. 751-752]. И с *научной* точки зрения было бы совершенно

неправильно и нереволюционно обходить или затушевывать наиболее важное и наиболее трудное: *необходимость подавления сопротивления буржуазии при переходе к социализму.* А в такого рода войнах признавать «защиту отечества» — значит считать эти войны «справедливыми» и соответствующими интересам пролетариата, поскольку обратное вторжение буржуазии не может исключаться ни в какой войне и соответственно этому должно быть организовано противодействие такому вторжению.

[Установление нового отношения с новыми компонентами в этом новом отношении взамен отношения {Антанта (Великобритания, Франция, Россия) / Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия)} (поскольку были разбужены новые силы, вступившие в новое противостояние и войну: {пролетарская плюс национальная революция / буржуазная плюс национально-шовинистическая война}) требует отыскания и нового *соотношения* этих новых компонентов в указанном отношении, т.е. нахождения нового баланса вышедших на арену новых сил.

Таким образом, разбирая хищнический конфликт через призму неправильно прежде составленного отношения {народ (подстрекаемый буржуазией) одной страны / народ (подстрекаемый буржуазией) другой страны} и показывая ханжество и лицемерие лозунгов такого ложно понимаемого патриотизма, Ленин переходит к более корректно составленному и обоснованному отношению из таких компонентов {пролетариат конфликтующих стран / буржуазия конфликтующих стран} и уже, исходя из этого нового отношения, приходится искать соотношение его компонентов, направление изменчивости этого соотношения и направление изменения (новые формы) самого отношения в целом].

Теоретически, говорит Ленин, было бы совершенно ошибочно забывать о том, что всякая война является только продолжением политики другими средствами: теперешняя империалистическая война является продолжением империалистической политики двух групп великих держав, и эта политика порождена и питается совокупностью отношений империалистической эпохи. Но та же эпоха необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения, и борьбы пролетариата против буржуазии, и потому — возможность и неизбежность революционных национальных восстаний и войн, с одной стороны, и войн и восстаний пролетариата против буржуазии, с другой стороны, а также объединения обоих видов революционных войн [8, с. 754]

К этому, указывает Ленин, присоединяется и следующее соображение: ***нельзя забывать, что мы живем в классовом обществе и из него нет и быть не может иного выхода, кроме как путем классовой борьбы.*** *Во всяком же классовом обществе (основанном на рабстве, крепостничестве, наемном труде) угнетающий класс бывает вооруженным (в расчет принимаются и военные, и милиция, —* ***иначе, в отсутствие средств подавления, общественное неравенство или дисбаланс не мог бы удерживаться сколь угодно долго).*** *Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых основных фактов капиталистического общества.* И провозглашать на этом фоне лозунг *разоружения* для пролетариата равносильно отказу от точки зрения *классовой борьбы.* Наоборот, *вооружение пролетариата* — единственно возможная тактика

революционного класса, тактика, вытекающая из всего объективного развития капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. И потому нашим лозунгом должно быть *вооружение пролетариата* [т.е. повышение содержательности формы (класса пролетариата) на определенном — силовом — подуровне этой формы] для того, чтобы победить и обезоружить буржуазию. Говоря, что «капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца», Ленин мастерски подмечает тенденцию наворачивания содержательных накоплений, обусловленных военными действиями, ведущую к «концу с ужасом» (ужасному концу). И в то же время вопреки сложившимся убеждениям за этим «ужасным концом» он видит зарождение и возникновение новой формы и, соответственно, новую перспективу, заключающуюся в том, что «на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистической буржуазии» [8, с. 755] с новым содержательным поворотом в ходе грядущих содержательных преобразований и трансформаций.

«Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь» [8, с. 756]: сегодня империалистическая буржуазия милитаризирует все мужское население, включая молодежь, а в планах на завтра — еще и милитаризация женщин. По поводу этого можно сказать: тем лучше, тем скорее и ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Овладение военной наукой необходимо пролетариату не для того, чтобы стрелять в своих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, а для того чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий и упований, *высказываниями осуждения и обеспокоенности, а путем победы над буржуазией и обезоруживания ее, что достигается лишь путем ведения войны против войны, т.е. путем гражданского противостояния и гражданской войны.*

Главный недостаток требования *разоружения* состоит именно в том, что при этом оставляются без внимания (игнорируются) все конкретные вопросы революции. «Разоружение» пролетариата (народа), настаивает Ленин, исповедуемое соглашателями с буржуазией всех мастей (оппортунистами, следуя ленинской терминологии), есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее [коренное же преобразование сложившейся действительности возможно только путем решительных действий с оружием в руках]. Борьба против империализма, не связанная с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза и обман. Главная опасность, исходящая со стороны всех разновидностей оппортунизма [т.е. соглашательства и отступничества], состоит в том, что они замалчивают (или забалтывают) вопрос о связи *ведущейся войны с революцией* и выходят, таким образом, на новый нелепый лозунг: революция без оружия [8, с. 757-758].

Далее, буржуазия всех великих империалистических держав стала настолько реакционной [т.е. стремящейся избежать кризиса и восстановить утраченное равновесие в делах] и настолько проникнута стремлением к мировому господству [т.е. к достижению своего содержательного превосходства], что всякая война со стороны буржуазии этих стран может быть только реакционной. Пролетариат должен быть не только против всякой такой

войны, но и должен желать поражения «своего» правительства в таких войнах и использовать его для революционного вооруженного восстания, *если не удастся восстание с целью воспрепятствовать воине* [8, с. 758-759].

С соглашателями (борцами за разоружение народа) нельзя бороться посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно *проводились в жизнь. Самая крупная роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к лицемерию и бессовестной революционной фразе. Разоружение как социальная идея* порождена, очевидно, особыми «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в пассивности — вот объективная общественная обстановка, которая может обеспечивать идее разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится на *иллюзиях,* ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики. [Эту «замечательную» сторону или особенность устроения «сытых» ленивых, надменно-высокомерных общин и обществ нужно учитывать всегда: их нагловато-нахрапистую сущность можно превозмогать активным упорным на них воздействием до момента разбегания их врассыпную по своим укрытиям; храбрые и «борзые» поначалу, они не способны выдерживать длительную осаду и непрерывный натиск, приводящие к физиологическому их дискомфорту или грозящие полным физическим уничтожением].

Швейцарии, например, ее империалистическая обстановка предписывает две линии рабочего движения: 1) оппортунисты в союзе с буржуазией стремятся к тому, чтобы сделать из Швейцарии республиканско-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистической буржуазии и чтобы это «спокойное» монопольное положение (тихая «гавань») было как можно выгоднее [вот где кроются корни преуспевания, процветания и благополучия нейтральных карликовых государств типа Швейцарии и ей подобных. Тихие «заводи» Швейцарии и подобных ей мелких земель, где можно отсидеться и спрятать свои сбережения в дни великих кризисов и потрясений, готовились богатеями под себя любимых заблаговременно — потому-то и получили эти «ареалы» в неприкосновенности такой пышный расцвет]; 2) действительные социал-демократы Швейцарии стремятся использовать относительную свободу и «международное» положение Швейцарии для того, чтобы помочь победить тесному союзу революционных элементов рабочих партий Европы. [Та и другая линии обусловлены особенным положением и исторически сложившимся статусом-кво небольшой страны]. Исходя из этих двух ярко выраженных тенденций, становится понятным, резюмирует Ленин, что объективно «разоружение» есть *специфически-национальная программа мелких государств, а отнюдь не интернациональная программа революционной интернациональной социал-демократии* [8, с. 759-761].

И вот наступили самые горячие предреволюционные времена. Казалось бы, риторика и стиль ленинских статей должны были бы стать сумбурными и менее упорядоченными; однако нет — все тот же выдержанный и взвешенный тон, тот же неспешный, терпеливый глубокий анализ, несуетливый ход изложения мысли, которые и подводят к наиболее верным замечательным выводам, основанным отнюдь не на голословных призывах и лозунгах, а на умении видеть общее *объективное* за отдельными конкретными фактами, т.е. **угадывать** и вскрывать **закономерное** в процессе выстраивания *диалектически выверенной* схемы анализа.

6. Небольшая по объему, но чрезвычайно емкая по содержанию и «насквозь» проникнутая духом диалектики статья **«О двоевластии»** [9, с. 16-18] написана в апреле 1917 г. Коренной вопрос всякой революции, пишет в начале статьи Ленин, есть *вопрос о власти в государстве.* Но замечательное своеобразие нынешней революции состоит в том, что она создала двоевластие, о котором никто раньше не думал и думать не мог. *Поэтому старые «формулы» большевизма надо уметь дополнить и исправить.* Двоевластие состоит в том, что рядом с Временным правительством буржуазии сложилось другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, налицо отношение, составленное или сложившееся из двух сторон-компонентов: {«растущее» правительство народа в лице Советов рабочих и солдатских (т.е. крестьян, одетых в солдатские мундиры) депутатов / правительство буржуазии}. Особенность власти народа состоит в том, что она: во-первых, представляет собой революционную диктатуру, поскольку источником ее является не закон, а ***прямой почин народных масс снизу,*** т.е. революционный «захват» [источник власти — это некоторая внутренняя *содержательная* (энергетическая) составляющая реальности, определяющая глубинное *стремление* народа (или группы людей); сама же власть — это внешняя *форма обретания* этой *содержательной* составляющей]; во-вторых, осуществляет замену полиции и армии на вооруженный народ; в-третьих, ставит чиновников и бюрократию под контроль вооруженного народа с возможностью замены кадров по первому требованию народа и *оплатой труда не выше обычной платы хорошего рабочего* [этот крайне важный и замечательный ход (прием) нарождающейся власти придуман отнюдь не Лениным и большевиками, а был всего лишь успешно и оправданно *внедрен* большевистским правительством после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Это был акт, одобренный народом, в подтверждение установления более справедливого распределения наработанного продукта. Кстати сказать. и «Советы», и «наше слово гордое “товарищ”», и множество других подобных новомодных тогда терминов и понятий — это также не выдумки Ленина со товарищи, а словесные конструкции, соответствующие наработкам передовой просвещенной мысли того времени, умело использованные большевиками при организации общественного устроения нового типа]. Тем самым складывается государство по типу Парижской коммуны 1871 г.

Вместе с тем это лишь зачаточная власть, ибо она пока сдает позиции буржуазии. Причина — *недостаточная сознательность* и *организованность* пролетариев и крестьян. Неуверенность новой власти обнаруживает

ставящийся ею простой вопрос: надо ли тот час свергнуть Временное правительство? Ленин отвечает на этот вопрос следующим образом: 1) правительство надо свергнуть — ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни свободы; 2) однако сейчас его свергнуть нельзя, ибо оно держится формальным и фактическим соглашением с Советами рабочих депутатов; 3) его вообще нельзя свергнуть *обычным способом,* ибо оно опирается на поддержку буржуазии Советом рабочих депутатов, который является единственно возможным революционным правительством, прямо выражающим сознание и волю большинства рабочих и крестьян (а выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем). Отсюда, «чтобы стать властью, сознательные рабочие должны *завоевать большинство* на свою сторону: ***пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти»*** [9, с. 18].

Буржуазия — за единовластие буржуазии, сознательные же рабочие — за единовластие Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов, за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания и *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами [т.е. сложившееся на данный момент отношение из указанных компонентов (см. выше) нужно теперь обогащать содержанием, насыщать содержательностью за счет подпитывания содержанием его верхней составляющей, «числителя», чтобы укрепить ее в качестве ведущей составляющей путем *прояснения* и обогащения пролетарского сознания].

Таким образом, как видим, опять-таки руководствуясь диалектическим методом, Ленин точно и однозначно определяется и с отношением главных компонентов-составляющих развития на данном конкретном этапе революционного движения, и с фактическим классовым *соотношением* сил-компонентов внутри составленного им отношения, обусловливающим (речь идет о соотношении) задачи на ближайшую перспективу развития революционной ситуации и направление последующего движения или изменения этого отношения в целом.

[Эта статья — классический образец искусного, филигранного владения диалектикой и результативного ее применения].

7. В статье **«Три кризиса»** [9, с. 124—127], написанной Лениным в июле 1917 г., рассматриваются (прежде всего с классовых позиций) разные формы протекания революции. Три объективных политических кризиса, обусловивших характер течения революционного процесса того периода, служили подоплекой лжи и клеветы [т.е. многочисленных «фейков», как сказали бы в наше время] на тему искусственной организации этих кризисов руками большевиков. Объективно общее для всех трех кризисов — это «переливающееся» через край недовольство народа буржуазией и ее правительством, что и позволяет видеть за всем этим непрекращаюгцуюся *классовую борьбу.* Индивидуально же в этих кризисах — это разные *формы* ведения (проявления) упомянутой классовой борьбы. Во всех трех случаях — это демонстрация, но: в первом случае — бурно-стихийная, неорганизованная, приведшая к стрельбе по демонстрантам черносотенцев; во втором случае — назначенная большевиками, отмененная и перенесенная на новый срок общая

более мощная демонстрация с преобладанием большевистских лозунгов; в третьем случае — стихийный подъем контрреволюции вопреки усилиям большевиков.

Поучительный вывод из рассмотренных событий, как отмечает Ленин, состоит в том, «что все три кризиса показывают нам некоторую. новую в истории нашей революции, форму некоей демонстрации более сложного типа, при волнообразном движении [из крайности в крайность], быстром подъеме и крутом спуске, при обострении революции и контрреволюции, при “вымывании”, на более или менее продолжительное время, средних элементов» [9, с. 125-126].

Ленин мастерски подмечает, что в подобные периоды острых политических кризисов обостряются противоречия именно между основными «игроками» революционного действа [в данном случае между компонентами самого основного отношения {пролетариат/буржуазия}], тогда как некие промежуточные «средние элементы», сопутствующие всякой смуте, оттесняются в сторону: «Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация, это значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Эго — взрыв революции и контрреволюции *вместе*, это — резкое, иногда почти внезапное “вымывание” средних элементов в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных [элементов]» [9, с. 126].

Объективному столкновению двух противоборствующих сторон, двух классов — пролетариата и буржуазии — соответствует политическая борьба их партий — большевиков и кадетов. При этом «средние элементы» обвиняют кадетов в том, что они облегчают работу большевикам, а большевиков в том. что они облегчают работу кадетам. Теперь, говорит Ленин, если вместо *политических* наименований подставить *классовые,* то и получаются мечты мелкой буржуазии об «исчезновении» *классовой борьбы* между пролетариатом и буржуазией. И далее следует объективный и диалектически выверенный вывод о том, что *никакие большевики в мире не в силах были бы «вызвать» не только трех, но даже и одного «народного движения», если бы* ***глубочайшие экономические и политические причины не приводили бы в движение пролетариат,*** *что никакие кадеты и монархисты вместе не в силах вызвать никакого движения «справа», если бы столь же* ***глубокие причины не создавали контрреволюционности буржуазии как класса*** [9, с. 126-127].

Это показатель непонимания мелкой буржуазией механизма или сущности классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Поскольку громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям, а в противостоянии крупному капиталу (в лице банков и синдикатов в первую очередь) городской пролетариат не способен еще сразу привлечь на свою сторону большинство полупролетариев и другие слои населения, то подобное объективно сложившееся положение [отвечающее объективно сложившемуся на текущий момент *соотношению сил-компонентов* в основном классовом отношении {пролетариат/буржуазия}] и будет выражаться в неизбежности кризисов, аналогичных рассматриваемым здесь трем кризисам в их трех формах.

[Экономические и политические кризисы (противостояние двух глубоко неравновесных компонентов известного отношения

{пролетариат/буржуазия}) приводят в движение как революционный пролетариат (с его формой правления или власти — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) с одной стороны, так и контрреволюционную буржуазию (с ее формой правления — Временным правительством) с другой стороны. При этом «средние элементы» (мелкая буржуазия) с их партиями (эсерами и меньшевиками) бичуют тех и других за то. что они «раскачивают» общую лодку. За формами разражающихся кризисов Ленин ясно видит их суть — взаимодействие, борьбу, конфликт двух компонентов развития, двух главных сторон отношения {пролетариат/буржуазия}. Средние же элементы или мелкая буржуазия (включая интеллигенцию) — это всегда колеблющаяся прослойка, которая в зависимости от обстоятельств может сыграть роль как революционно - активного, так и контрреволюционного элемента. И подобные колебания от одного полюса к другому неизбежны, что приводит как к изменению сложившегося соотношения между сторонами, так и к изменению самого отношения в целом.

Потому-то в конечном счете для осуществления полноценного восстания пролетариату сегодня не хватает «критической массы» и потому злободневной (пока еще) задачей является привлечение на свою пролетарскую сторону колеблющейся полупролетарской массы, в том числе и беднейшего крестьянства, и мелкобуржуазной прослойки населения страны. В таком случае речь идет о необходимости повышения содержательности «верхнего» компонента («числителя» приведенного отношения, т. е. сознательности и организованности пролетариата) в реально сложившемся отношении компонентов {пролетариат/буржуазия} *всеми возможными способами,* включающими и *разъяснительную работу, и агитацию, и пропаганду*].

8. Отношение Ленина к вероятному своему аресту в горячие июльские дни 1917 г. покажем на примере публикаций двух небольших его статей **«Где власть и где контрреволюция»** [9, с. 119 — 123] и **«К вопросу об явке на суд большевистских лидеров»** [9, с. 128-129].

В первой статье разбирается лживое утверждение некоего бывшего члена Государственной думы о готовности Ленина и партии большевиков к заключению сепаратного мира с Германией, несмотря на то. что Ленин как раз таки сепаратный мир с Германией всегда и безусловно отвергал самым решительным и бесповоротным образом [9, с. 121]. Этот же источник сообщал о получении большевистскими лидерами денег от германских агентов. В то же время все прекрасно понимали, что будь эта информация правдивой, генеральный штаб ни в коем случае не допустил бы ее преждевременной утечки в желтую прессу и ни минуты бы не медлил с арестом большевистской верхушки.

На самом же деле, как выяснилось впоследствии, пользуясь двоевластием (а точнее, безвластием того периода), указанные сведения с целью дискредитации большевиков распространялись так называемой закулисной контрреволюцией — кадетами, известными кругами генерального штаба и черносотенной прессой. «Контрреволюция пользуется безвластьем, объединяя кадетов с известными командными верхами армии и с черносотенной прессой» [9, с. 123].

Вторая статья по вопросу явки большевистских лидеров в суд приводит на этот счет, как и следовало бы ожидать, два мнения: явиться и не явиться. Поначалу Ленин очень серьезно рассматривал возможность своего присутствия в суде, поскольку такой шаг позволял использовать суд в качестве трибуны для разъяснения существа позиции большевиков и дополнительной агитации, к чему Ильич подходил всегда весьма щепетильно. Кроме того, Ленин был человеком отнюдь не робкого десятка, чтобы испугаться угроз со стороны Временного правительства. Однако после всестороннего коллективного обсуждения этого варианта VI съезд РСДРП(б) единогласно принял резолюцию, в которой высказался против явки Ленина и ряда других товарищей в суд, предвидя возможную расправу над большевистским руководством [или, как сказали бы сегодня, нейтрализацию всего партийного актива].

«Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд, вероятен созыв Учредительного собрания, тогда можно прийти к выводу в пользу явки» [9, с. 128]. Однако по причине отсутствия власти [установившегося двоевластия как эквивалента безвластию] не было в России тогда ни правильного суда, ни правильного правительства, ни Учредительного собрания. Суд якобы справедлив, суд разберет, суд будет гласный, народ поймет — «рассуждение наивное до ребячества». Не суд, а травля интернационалистов, вот что было нужно Керенскому и К". Поэтому «пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!» [9, с. 129].

[Насколько честно, ответственно и преданно относился Ленин к своему делу, предполагающему воплощение в жизнь социалистической идеи, насколько был убежден в правоте этой идеи, можно судить по воспоминаниям его современников, даже из числа тех, кто не был большевиком и никогда не разделял их взглядов. Меньшевик Ф. Дан, например, как-то заметил с раздражением: «...Нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с таким» [13, с. 6].

Разве могут ленинские преданность общему делу, бессребреничество и целеустремленность сравниваться с качествами сегодняшних «правителей» или так называемых думских коммунистов и всех прочих «радетелей за народ» — с их закамуфлированными финансовыми активами, неподъемной недвижимостью и «предательски» отцвечиваемыми банковскими счетами (включая зарубежные). Смех, да и только. Разве могут нынешние «правители» и иже с ними сравниться с ленинской плеядой руководителей государства, которые сошли в могилу в тех же сюртуках, в которых пришли в революционное политическое движение, а затем и во власть?

У всякого «правителя» имеется по большому счету всего два варианта «исхода» из властных структур, когда земля закачалась под ногами и власть утекает из рук. Первый вариант: неброско «слиться», спасая свою «шкурку» (говоря современным языком), переодевшись в женское платье или (что равносильно тому же) своевременно напялив на себя пенсионную пижаму; второй вариант: опять же спасая свою драгоценную шкуру, применить против мятежников силу.

Оттого, что на кону будут стоять его собственная «бесценная» жизнь и непомерные амбиции, современный «правитель» ничтоже сумняшеся готов задействовать против своего же народа артиллерию, танки, РСЗО и авиацию, прекрасно осознавая, что все это — оружие группового поражения. И как к такому ничтожеству прикажете после этого относиться?

И на таком вот фоне у кого-то язык поворачивается предъявлять претензии к Ленину, не измазанному и не замеченному ни в чем похожем (т.е. никогда не цеплявшемуся за власть и не позволявшему себе подобного и близко, чего нельзя сказать о многих других персонажах — некогда бывших и ныне обретающихся во власти). В данном отношении Ленин всегда руководствовался сформулированным в одном из своих докладов принципом: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...». Речь шла об обороне и борьбе с контрреволюцией, которая всеми способами и всякими методами, *включая террор,* стремилась воспрепятствовать становлению нового общественного строя (новой общественно-экономической формации) и созидательному преобразованию страны: «Революция была пробуждением к новой жизни миллионов. В феврале и марте эти миллионы не знали, за что идут продолжать ту бойню, в которую их погнали цари и Керенские и цель которой была разоблачена лишь в декабре большевистским правительством. Этот перелом наступил; он изменяет силу революции. Если эти массы теперь создали новую дисциплину в Красной Армии, не дисциплину палки и помещичью, а дисциплину Советов рабочих и крестьянских депутатов; если они теперь идут на величайшее самопожертвование; если среди них сложилась новая сплоченность, то это потому, что в первый раз в сознании и на опыте десятков миллионов рождается и родилась новая, социалистическая дисциплина, родилась Красная Армия. Она родилась только тогда, когда эти десятки миллионов людей на собственном опыте увидели, что помещиков и капиталистов они сбросили сами, что строится новая жизнь, что они начали ее сами строить и что они эту жизнь построят, если не помешает иностранное нашествие» [12, с. 122-123].

Для теперешних «правителей» организуют, например, специальные циклы телевизионных передач, чтобы они разъясняли свои самые «человечные» и «прекраснодушные» порывы, повествовали о своих грандиозных планах, старательно наматывая мучные изделия известных наименований на ушные раковины невзыскательных или растерянных слушателей. А в результате или в сухом остатке будут наличествовать все те же два варианта исхода «из власти»: либо тихохонько «слиться» в женском белье или пенсионной пижаме, чтобы никто не смог «прищучить» бедолагу за допущенные просчеты во внешней и внутренней политике, либо потопить все в людской крови ради собственного же спасения. И не надо питать на этот счет никаких иллюзий. Убожества всех мастей, дорвавшиеся до власти, используют *все* возможные средства, чтобы удержаться на плаву или выйти сухими из воды.

Между тем, всякий такой “правитель” должен видеть в конце срока своего правления не комфортное кресло с шерстяным пледом, а плаху с топором; только тогда можно надеяться на то, что он будет выверять каждый свой шаг и принимать каждое решение во имя и на благо народа, временно делегировавшего ему свои властные полномочия.

К большому сожалению, множество современных “управителей” (не исключая российских) по-прежнему, как и в прошлом, выстраивают под себя, лелеют и пестуют олигархически-плутократические государства: а) соответственно своим извращенным представлениям об идеальном (в смысле, совершенном) мироустройстве; б) как закономерный продукт и показатель своей малообразованности и дурного вкуса. Причем развить или “до-образовать” подобного карликового правителя в силу его клинической ограниченности, как правило, не представляется возможным. Все, внешним образом выглядящие *благими* намерения такого никчемного правителя, оказываются, в конечном счете, лишь прикрытием проявления частнособственнических инстинктов, мелких делишек и шкурных интересов олигархически-плутократического окружения, служащего для карикатурного правителя своеобразной “подушкой безопасности”.

Забавно наблюдать за тем. как заурядный деятель, после того как ничтожное подобострастное окружение «надует» ему в уши про его неординарность и исключительность, начинает вдруг претендовать на роль масштабного теоретика и *учителя нации,* практически не разбираясь в «высоких материях», надменно и неприязненно взирая на прошлое страны, нивелируя и ставя под сомнение то, что создано действительно великими предшественниками (в годы Советской власти и под руководством ненавистных ему большевиков). Удивительно, как «правитель» с неадекватной оценкой феноменального прошлого своего народа может столь длительное время пускать пыль в глаза своим согражданам.

В отличие от сегодняшних «вождей» и «правителей» большевики (*ближайшие* соратники Ленина) вызывают симпатии не только в силу своей образованности, эрудиции, живого ума, трезвых взглядов на мир, но и благодаря железной воле («гвозди бы делать из этих людей — в мире бы не было крепче гвоздей»), романтизму (пусть и наивному в какой-то степени), непреклонной вере в будущее, в человека, в его творческий потенциал. Большевики из плеяды ближайших ленинских соратников самоотверженно, ценой своей свободы, здоровья, а во многих случаях и жизни, – сумели пробить брешь в такой толще тысячелетнего человеческого невежества, обмана и насилия над простыми людьми, что переоценить их вклад в становление нового мировоззрения (миропонимания и миропорядка) просто невозможно и, потому, восхищаться ими можно бесконечно

Что же касается Ленина (как политика и государственного деятеля), то решения, им принятые, и действия, им совершенные, нужно рассматривать всегда и прежде всего в контексте тех задач и проблем, которые в те времена без преувеличения просто «брали за горло». Чтобы понять логику решений и поведения великих политиков, нужно рассматривать это поведение и решения сообразно событиям и обстоятельствам, условиям и реалиям, которые, подобно некой пространственной среде или атмосфере, наполняют собой те или иные времена.

К слову сказать, современные политические убожества, как уже отмечалось выше («истинные демократы» — по их собственным меркам), во имя сохранения своей власти или при малейшей угрозе этой их власти (как правило, даже в незначимых по историзму обстоятельствах) с легкостью пользуются присвоенной ими властью для изоляции или ликвидации

несогласных и инакомыслящих.

Надо обладать поистине «великостью» и «огромностью» ленинской натуры, чтобы оставить после себя столь скудные *автобиографические* сведения из личной жизни, предпочтений, увлечений и т. д., — не в пример нашим текущим «управителям», стремящимся увековечить (с помощью придворных «летописцев») и запечатлеть на пленке или «в цифре» (в виде кинематографической эпопеи из малозначимых эпизодов) каждый шаг своего наигранного пути под фарисейским лозунгом «вся жизнь — служение народу»].

9. «Несомненно, самым главным вопросом всякой революции, — начинает В.И. Ленин свою статью **“Один из коренных вопросов революции”** [9, с. 208-214], датированную сентябрем 1917 г. — является вопрос о *государственной власти;* все определяется тем, в руках какого *класса* власть: ни обойти, ни отодвинуть вопрос о власти нельзя, ибо это основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике. Однако целые полгода потеряны революцией из-за колебаний партий эсеров и меньшевиков, являющихся авангардом мелкой буржуазии с ее экономической неустойчивостью в борьбе между трудом и капиталом. Если за эти великие полгода мелкобуржуазная демократия чему-нибудь научилась, то надо немедленно создавать *устойчивую неколеблющуюся власть;* если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата может спасти ее» [9, с. 208].

Власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опираясь на большинство народа, как бы ни лгали лакеи буржуазии. Только Советская власть могла бы быть устойчивой и могла бы обеспечить широкое развитие революции и мирную борьбу партий внутри Советов. Пока не создано такой власти, неизбежны нерешительность. колебания, бесконечные «кризисы власти», комедия министерской чехарды. Но лозунг «Власть Советам» часто понимается совершенно неправильно в смысле «министерство из партий советского большинства». *В указанном смысле — это всего лишь перемена в составе министров при сохранении всего старого аппарата правительственной власти, неспособного провести серьезные реформы.* На самом же деле «Власть Советам» означает радикальную переделку всего старого государственного чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замену его новым, народным аппаратом Советов, т.е. организованным и вооруженным большинством народа, рабочих, солдат, крестьян, *предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований* [9, с. 209-210].

Вся история буржуазно-парламентарных и буржуазно-конституционных стран, напоминает Ленин, показывает, что смена министров значит очень мало, ибо *реальная работа по управлению находится в руках гигантской армии чиновников, которая насквозь пропитана антидемократическим духом, связана миллионами нитей с буржуазией и от нее зависима.* Эта армия связана отношениями чинопочитания, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии через посредство акций и банков закрепощены полностью финансовым капиталом, представляя

собой его агентов, проводников его интересов и влияния. [*Не правда ли, как-то «по-особенному свежо» звучит это сегодня!*]. Проводить реформы по ограничению права капитала и права «священной частной собственности» такой государственный аппарат абсолютно неспособен [9, с. 210]. Так было и так будет, пока держится буржуазный строй и сохраняется в неприкосновенности старый, буржуазный, чиновничий, государственный аппарат. Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов тем и ценны особенно, что они представляют собой новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический тип государственного аппарата [9, с. 211]. Тут же Ленин призывает к тому, чтобы *не бояться инициативы и самостоятельности масс, которые способны к революционным преобразованиям и замене старого госаппарата.*

Опыт показал, что середины нет: либо вся власть Советам и в центре, и на местах, либо помещики и капиталисты тормозят все и восстанавливают свою власть. Положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, грозная опасность разрухи и голода сами собой подсказали выход и выдвинули в качестве безотложных реформ и преобразований: хлебную монополию, *контроль над производством и распределением,* ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д. Единственный класс, который может проявить *недостающую сегодня смелость и решительность,* — это *пролетариат;* вместе с тем установление твердого курса на реформы невозможно без установления *диктатуры* пролетариата.

И, наконец, блистательное ленинское заключение: «Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве» [9, с. 214]. Единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным и спокойным — это передача власти Советам, что означало бы передачу управления страной и хозяйством рабочим и крестьянам, которым никто не посмел бы сопротивляться и которые быстро бы научились на опыте правильно распределять землю, продукты, хлеб.

[Итак, снова возвращаемся к исходному, выявленному в ходе ленинского анализа ситуации отношению компонентов-классов {пролетариат/буржуазия}, взаимодействием компонентов в котором реализуется некоторое их соотношение, демонстрирующее верховенство, приоритет или превалирование одного компонента по отношению к другому (что и определяет *власть* одного *класса* над другим). Наполненное новым содержанием отношение {пролетариат/буржуазия} в виде трансформированного, преобразованного отношения {Советы депутатов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов/буржуазное Временное правительство} выказывает способность развития (смещения) этого отношения в сторону «верхнего» компонента («числителя»), что отвечает усилению его активности, инициативы и готовности к революционным преобразованиям, к восприятию и овладению новыми формами хозяйствования, производительных сил, общественного производства и т. д., и т. п. и что, в свою очередь, определяет ускорение содержательного

развития всего отношения в целом. Выход нового соотношения классовых сил на новый уровень содержательности (в виде нового отношения) — вот чего опасаются эсеровские и меньшевистские вожди. Опять же срыв буржуазией реформ — это результат бездеятельности или отсутствия достаточного контроля над ситуацией со стороны революционного компонента. Полноценное развитие указанного отношения в целом прогнозируется при передаче власти Советам в силу готовности к этому революционных народных масс.

Точно так же и в современных условиях без жестких мер и революционного подхода при решении самых насущных государственных задач никак не обойтись, как ни старайся и как ни «замыливай» глаза своим согражданам. Если нынешний «правитель» надеется, что все рассосется само собой, то он глубоко на сей счет заблуждается — не научились еще женщины рожать таких олигархов, магнатов, мажоров и прочих «присвоенцев», которые добровольно отказывались бы от нажитого в поте чужого лица и в пользу своего лица присвоенного. Жаль все-таки, что теперешний «управитель» ***не*** *решительный революционер.*

Тыльная сторона любой революции, а затем и контрреволюции — это (наряду с классовыми войнами и разборками) сведение личных, семейных, цеховых, корпоративных и прочих счетов; при этом реализуется примерно следующая смысловая цепочка: месть => отмщение => возмездие => возмещение => восстановление равновесия (баланса), т.е. *справедливости...* (сама этимология слов выстраивает их в подобную смысловую цепочку, отвечающую направленности хода процессов диалектического развития). Таково внешнее проявление диалектической природы развивающейся реальности в области человеческих отношений. На «высших» уровнях — это состязание конкурирующих концепций и идеологий; на более «приземленных» — это физическая (силовая) борьба, обусловленная желанием (жаждой) восстановления попранной справедливости, нарушенного имущественного (бытового) равновесия. Упомянутую цепочку можно облечь в более привлекательную форму, т.е. как-то облагородить, надеть одежды юридических законов, но искоренить или упразднить эту цепочку не удастся никогда, поскольку в глубине своей, по сути — это тот же двигатель содержательного обновления, прогресса, развития].

10. Письмо **«Большевики должны взять власть»** [9, с. 325- 327], адресованное Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б), написано в сентябре 1917 г. Здесь Ленин акцентирует внимание на том, что, получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки. Имея активное большинство народа (достаточное, чтобы сломить сопротивление противника), предлагая демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические свободы, попранные правительством Керенского, большевики составят такое правительство, которое *никто* не свергнет. Нельзя давать обмануть себя цифрами выборов в городские думы: лишь выборы в Советы показывают истинное, правдивое соотношение сил (т.е. компонентов в сложившемся отношении-форме {Советы рабочих и солдатских депутатов/ буржуазное Временное правительство}) на настоящий момент. Народ устал от колебаний

меньшевиков и эсеров, и только победа большевиков в обеих столицах увлечет крестьян за большевиками. Таким образом, на повестке дня должны стоять вопросы о вооруженном восстании в Питере и в Москве, завоевания власти и свержения Временного правительства. В этой связи Ленин весьма кстати приводит слова Энгельса о восстании: «Восстание есть искусство» [17, с. 100].

«Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере... мы победим *безусловно* и *несомненно»,* — заключает Ленин [9, с. 327].

[Установление и «закрепленность» нового соотношения между компонентами в пресловутом отношении-форме {Советы / Временное правительство} (т.е. констатация факта наличия большинства народа на стороне Советов) дают основание для вывода об актуальности и легитимности ненасильственного перехода и передачи всей полноты государственной власти в руки Советов. Корректно выполненная оценка достигнутого соотношения между упомянутыми составляющими в сложившемся их отношении позволяет уверенно прогнозировать ход восстания и рассчитывать на наиболее мирный и бескровный его исход].

11. Еще одно письмо Ленина в адрес ЦК РСДРП(б) (известное в качестве статьи под названием **«Марксизм и восстание»** [9, с. 328-332] и написанное приблизительно в те же дни, что и предыдущее письмо) явилось реакцией на обвинения большевиков в приверженности идеям «бланкизма». Эти обвинения возникли на почве отношения большевиков к восстанию, как к *искусству* (абсолютизирующему якобы роль *субъективного* начала, что и характерно для бланкизма, базирующегося, как известно, на теории заговоров и террора).

Между тем именно марксизм, по словам Ленина, именовал восстание *искусством,* разъяснив, что к восстанию нужно относиться как к искусству: завоевать первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и нерешительностью и т. д.

Сражаясь с обвинениями в бланкизме, Ленин определяется с тремя главными признаками-условиями успешности [т.е. обретения *наивысшей содержательности* участвующими в революционном процессе формами-отношениями] восстания: во-первых, опора на передовой класс; во-вторых, опора на революционный подъем народа; в-третьих, опора на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда наибольшей активности народа сопутствуют наисильнейшие колебания в рядах врагов и нерешительных «друзей» революции. «Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма», — заключает Ленин [9, с. 328].

Для доказательства насущной необходимости восстания с точки зрения объективной повестки дня, а не субъективных домыслов, Владимир Ильич прослеживает изменение объективных условий, ситуации в период времени с июля до сентября того же 1917 г., пытаясь выявить тенденцию или направленность таких изменений. В июле, по его твердым убеждениям, перечисленных выше непременных условий успешности восстания еще не наблюдалось, тогда как к сентябрю общая картина поменялась кардинально и

теперь «налицо все объективные предпосылки успешного восстания» [9, с. 330]. Победа в восстании, по мнению Ленина, *сорвет игру Керенского со сдачей Питера и заключением сепаратного мира с Германией против революции и обеспечит заключение более полного, открытого, справедливого мира в пользу революции. Только партия большевиков, победив в восстании, может спасти Питер от сдачи немцам и спасти всю Россию от сепаратного раздела империалистами обеих воюющих коалиций.* Большевики должны составить краткую декларацию, настаивающую на необходимости немедленных действий во имя спасения революции, необходимости полного разрыва с буржуазией, полного смещения теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими сепаратный раздел России англо-французскими империалистами, необходимости немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом. Короткая и резкая декларация должна содержать два важнейших пункта: 1) народ устал от колебаний и нерешительности эсеров и меньшевиков и потому рвет с этими партиями окончательно, ибо они изменили революции; 2) разрыв с союзными империалистами и предложение мира без аннексий ведут либо к немедленному перемирию, либо к переходу революционного пролетариата к обороне и ведению под его руководством действительно справедливой революционной войны. Обнародовав декларацию, большевики должны всю свою фракцию выдвинуть на заводы и в казармы — там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции. Ставя вопрос таким образом, большевики смогут правильно назначить момент начала восстания, организовав предварительно штаб повстанческих отрядов, мобилизовав вооруженных рабочих на отчаянный последний решительный бой, заняв телеграф, телефон и связав со штабом все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. [9, с. 331-332].

[Таким образом, перенесение акцентов и смещение соотношения компонентов в известных отношениях в сторону более содержательных, активных и деятельных компонентов и приведение тем самым этих отношений к виду {Советы (под эгидой большевиков) / Временное правительство (в союзе с буржуазией и зарубежным финансовым капиталом)} меняет и всю тактику большевиков в условиях нарастающего революционного движения. Иными словами, говоря обыденным языком, первая революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма на наших глазах перерастает в революцию пролетариата и беднейшего крестьянства против буржуазии с ее союзником англо-французским финансовым капиталом и правительством Керенского].

Как уже было показано ранее, подобное схематически-описанное выше построение сюжета можно видеть практически во всех теоретических работах Ленина. Тем самым, имеем некоторые основания для выстраивания и *формулирования методики* (а то и целой методологии) исследования перспективы движения-развития-изменения форм-отношений взаимодействующих компонентов в разных областях и на разных уровнях реальности.

12. Статья **«О компромиссах»** [9, с. 158-163] напечатана 19 сентября 1917 г. в связи с открывшейся возможностью заключения большевиками добровольного компромисса с рядом других партий.

«Компромиссом, — пишет Ленин, — называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией» [9, с. 158]. *Обычное представление о большевиках состояло в том, что большевики ни с кем и никогда ни на какие компромиссы не согласны. Такое представление лестно, ибо даже враги вынуждены признавать верность партии революционного пролетариата принципам социализма и революции.* Однако, по правде говоря, такое представление не соответствует истине. Задача истинно революционной партии состоит не в том, чтобы не поддаваться на компромиссы, а в том, чтобы *через все компромиссы* уметь провести верность своим принципам, верность своему классу, своему делу подготовки революции и соответствующего воспитания народных масс.

Большевистская партия, как и любая другая, стремится к политическому господству *для себя* во имя достижения своей цели; *ближайшая цель для большевиков—установление диктатуры революционного пролетариата.* И тем не менее в сложившихся условиях оригинального поворота русской революции большевики (как партия) могут предложить добровольный компромисс, правда, не буржуазии (т.е. главному классовому врагу), а эсерам и меньшевикам (главенствующим мелкобуржуазным демократическим партиям). Теперь в пределах весьма короткого промежутка времени можно возвратиться к лозунгу «Вся власть Советам»; при этом ответственное перед Советами правительство будет состоять из эсеров и меньшевиков. Такой комбинированный вариант мог бы обеспечить с гигантской вероятностью *мирное* движение вперед всей российской революции и чрезвычайно высокие шансы *всемирного* движения к *миру* и к победе социализма. «Только во имя этого ***мирного развития революции*** — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, *только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс»* [9, с. 159].

[И опять Ленин, как истинный диалектик, обнаруживает некое новое (способное результативно функционировать) отношение компонентов {Советы / правительство эсеров и меньшевиков}, соотношение которых в тот данный конкретный момент споспешествовало бы приданию дополнительного импульса перспективному революционному движению].

Но такой исход был возможен в момент подготовки Лениным данной статьи. Однако буквально спустя пару дней ситуация начала стремительно меняться и произошедшие события показали, что предложение для компромисса уже запоздало; те несколько дней, в течение которых *мирное развитие* было бы еще возможно, прошли. Стало очевидно, что вследствие бездействия эсеров благоприятные «дни, когда *случайно* стала возможной дорога *мирного* развития, *уже* миновали» [9, с. 163].

13. Статья **«Советы постороннего»** [9, с. 391-393] написана накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Сложившаяся ситуация дает понять, что в условиях величайшего сочувствия и поддержки революционно-пролетарской (большевистской) власти со стороны всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, и в воюющих странах в частности, и среди русского крестьянства в особенности, — всем большевикам должно бы быть вполне ясно: переход власти к Советам означает теперь на

практике вооруженное восстание. Отрекаться от вооруженного восстания равносильно отречению от главного лозунга большевизма — «Вся власть Советам». И тут Владимир Ильич вновь настаивает на известном марксистском тезисе: «Вооруженное восстание, как и война, есть искусство» [9, с. 391]. Марксизм формулирует следующие главные правила этого искусства: 1) начав восстание, надо твердо идти до конца; 2) в решающем месте и в решающий момент необходимо собрать большой перевес сил; 3) оборона есть смерть вооруженного восстания — надо непременно переходить в наступление; 4) нужно стараться захватить противника врасплох; 5) добиваться ежедневно хоть маленьких успехов и двигаться от успеха к успеху, поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес».

В переложении этих общих правил на конкретную ситуацию Ленин выделяет следующие моменты: 1) организация внезапного и быстрого наступления на Питер как внутри, так и извне с целью создания гигантского перевеса сил, парализующего ответные действия юнкеров, и достижение тем самым бескровности («малокровности») восстания; 2) тремя главными революционными силами (флотом, рабочими и войсковыми частями) должны быть взяты под контроль и удержаны любой ценой основные объекты: телефон, телеграф, мосты, железнодорожные станции; 3) формирование небольших отрядов из самых решительных и стойких товарищей, готовых оказать оперативную поддержку на наиболее важных направлениях.

[Здесь мы видим, что без всяких обиняков и отлагательств Ленин окончательно делает ставку на новое соотношение компонентов и сложившийся к тому времени перевес компонента «Советов» (т.е. преобладание «числителя» над «знаменателем») в отношении {Советы / Временное правительство} и на этом основании планирует успех и обретение нового качества указанным отношением при его трансформации в более содержательную и перспективную форму].

Сообразно сложившимся тогда обстоятельствам Ленин считал, что «успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы» [9, с. 393].

Невыученные уроки диалектики. § 3. Произведения послереволюционного периода.

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Большевики взяли власть, но от этого не стало спокойней и проще. В повестке дня значатся новые злободневные вопросы: как власть удержать, как подавить сопротивление контрреволюции, как перейти к строительству мирной жизни, как разбудить созидательную инициативу народных масс и т. п.

1. В статье **«Речь о национализации банков на заседании ВЦИК 27 декабря 1917 г. Протокольная запись»** [9, с. 462-464], опубликованной 29 декабря 1917 г., речь идет о противодействии новой власти Советов со стороны старого буржуазного чиновничьего аппарата. Старый аппарат всеми силами пытается представить банковский вопрос чрезвычайно хрупким, сложным и запутанным, чтобы максимально затормозить процесс передачи

дел в руки представителей новой власти и препятствовать всем социалистическим начинаниям. По поводу всех решений Совета они [«аппаратчики»] заявляют, что согласны, но лишь принципиально. *Вся система буржуазией интеллигенции,* по мнению Ленина, *отличается «своим постоянным согласием **в принципе** и несогласием **на практике»**, что и губит все дело* [9, с. 462].

С первых же дней новая власть сталкивается с противодействием, когда ее решительные шаги одобряются *в теории* и ничего, кроме саботажа, не встречают *на практике.* Никто (кроме социалистов-утопистов) не утверждал прежде, что можно победить без сопротивления и без установления *диктатуры* пролетариата; и этот принципиальный момент никем не оспаривался. Но когда слово «диктатура» *переводят* на русский язык и выходят на его эквивалент «железная рука», то весь прежний запал куда-то пропадает и начинаются стенания по поводу хрупкости и запутанности вопроса [весь напор вдруг нивелируется и обнуляется ссылкой на сложность и запутанность вопросов]. *Однако тут надо видеть, что эта железная рука, разрушая, и созидает.*

Ведь поначалу речь шла о *соглашении* с банками («кто хочет работать — милости просим»), им выдавались ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела большевиков к тому, чтобы *осуществлять контроль иными мерами. Теперь слова «диктатура пролетариата» произносятся большевиками весьма серьезно, и эта диктатура осуществится.*

2. И тут же по горячим следам был создан и вынесен Лениным на обсуждение бюро Высшего совета народного хозяйства **«Проект декрета** [“дорожная карта”, как сказали бы в наше время] **о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах»** [9, с. 465-467], который определил направление движения и преобразований банковской сферы на ближайшую перспективу и многие годы вперед. *Промедление с утверждением декрета было уже равносильно расстройству всего хозяйства в силу мощного противодействия и саботажа со стороны банков.*

В преамбуле к упомянутому Проекту декрета [9, с. 465] говорится о критическом положении с продовольствием и угрозе голода, порожденного спекуляцией и саботажем капиталистов и чиновников, что приводит к необходимости принятия чрезвычайных революционных мер для борьбы с этим злом. Чтобы все граждане государства и в первую очередь трудящиеся классы под руководством своих Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов могли немедленно, «не останавливаясь ни перед чем и действуя наиболее революционным путем, взяться за такую борьбу и за налаживание правильной хозяйственной жизни страны, постановляются следующие правила», которые и излагаются далее в теле Проекта декрета [ниже перечислены правила, представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес для нас сегодняшних с точки зрения сохраняющейся их эффективности и по сей день].

* Все акционерные предприятия объявляются собственностью государства.

* Все акционеры, «принадлежащие к богатым классам», обязаны продолжать ведение дел предприятий, предоставляя местным Советам еженедельные отчеты о своей деятельности.

* Государственные займы (внешние и внутренние) аннулируются, *но интересы мелких владельцев облигаций (а равно и акций), принадлежащих к трудящимся классам населения, полностью обеспечиваются.*

* Вводится всеобщая трудовая повинность, когда все граждане обоего пола, с 16 до 55 лет, обязаны выполнять работы, назначенные местными Советами.

* Для правильного учета и распределения продовольствия и других необходимых продуктов все граждане государства обязаны присоединиться к какому-либо потребительскому обществу и выполнять те работы, которые будут возлагаться на них Советами.

* Союзы железнодорожных рабочих и служащих обязаны спешно выработать и начать немедленно осуществлять чрезвычайные меры по обеспечению транспортом, особенно для подвоза продовольствия, топлива и других необходимых предметов. На них же возлагается обязанность ведения беспощадной борьбы со спекулянтами.

* «Лица богатых классов» все свои денежные суммы обязаны держать в Государственном банке, его отделениях и сберегательных кассах, получая на потребительские нужды суммы, установленные местными Советами; суммы на производственные и торговые нужды можно получать лишь по письменным удостоверениям учреждений рабочего контроля; «виновные в обмане государства и народа подвергнутся конфискации всего имущества».

* «Той же каре, а равно заключению в тюрьме или отправке на фронт и на принудительные работы подвергаются все ослушники настоящего закона, саботажники и бастующие чиновники, а равно спекулянты. Местные Советы... обязуются экстренно выработать наиболее революционные меры борьбы против этих подлинных врагов народа».

* Профсоюзы и другие организации трудящихся в связке с местными Советами организуют летучие группы контролеров из наиболее надежных и рекомендованных партийными организациями лиц для наблюдения за введением в жизнь этого закона, для проверки количества и качества работы и для привлечения к революционным судам виновных в нарушении или обходе закона.

* «Рабочие и служащие национализированных предприятий обязаны напрягать все силы и принимать чрезвычайные меры для улучшения организации работы, укрепления дисциплины, повышения производительности труда. Органы рабочего контроля должны еженедельно предоставлять отчеты о том, что достигнуто в этом отношении. За недочеты и упущения виновные отвечают перед революционным судом» [9, с. 467].

[И опять требует разрешения противоречивый вопрос — нахождения корректного соотношения компонентов-составляющих в отношении {диктатура пролетариата/мягкотелый правительственный аппарат нерешительной буржуазной интеллигенции}. «Железная рука» или диктатура пролетариата — это и есть тот жесткий, скрупулезный учет и контроль за

производством и распределением, который должен неукоснительно осуществляться не только в условиях военного времени, но и на протяжении *всего периода социалистического строительства,* пока принципы морали, нравственности, честного отношения к труду не войдут в кровь и плоть каждого человека — и на уровне осознанного восприятия, и на уровне подсознания. Описанные в статье *хитрости буржуазных игр были раскрыты большевиками в первые же месяцы функционирования Советской власти, почему и были приняты решения действовать в ответ достаточно жестко и незамедлительно,* ***чтобы не были напрасны предшествующие жертвы и усилия***].

3. В статье **«Как организовать соревнование?»** [9, с. 468 476], написанной в январе 1918 г., рассматриваются условия пробуждения к жизни подлинной конкуренции, а также инициативы народных масс.

Еще на заре возникновения капиталистических отношений конкуренция мелких товаропроизводителей могла в сколько-нибудь широких масштабах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина; на деле же сегодня капитализм заменил мелкое самостоятельное производство крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при таком раскладе означает, наоборот, *подавление* предприимчивости *массы* населения, замену соревнования финансовым мошенничеством и прислужничеством «верхам» социальной лестницы [9, с. 468]. [Как удивительно точно и справедливо это «звучит» и в отношении разгула дичайшего капитализма в современной России и на постсоветском пространстве!].

Развернуть способности, раскрыть человеческие таланты (которых в народе — непочатый край) в *массовом* масштабе способен лишь правильно организованный социалистический способ производства. Насущная задача сегодня, когда социалистическое правительство у власти, — *организовать соревнование.*

[Поразительно, как с первых же дней Советской власти, в условиях еще далеко не преодоленного хозяйственного хаоса, разрухи, голода, Ленин мыслит категориями самого мирного и спокойного времени, категориями воспитания и формирования новых производственных отношений между работниками, пробуждения инициативы людей в *«массовом* размере»!].

«Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь. ...Впервые после столетий труда на *чужих,* подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя* и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры» [9, с. 469].

Вполне понятно, что величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без конфликтов, без преодоления сопротивления эксплуататоров, без смещения капиталистов, на что потребуется время. Кроме «военных» мер подавления сопротивления «богатых классов», потребуются со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства еще и громадные организаторские усилия. Таким образом, задача *организационная* сплетается воедино с задачей беспощадного

военного *подавления* вчерашних рабовладельцев (капиталистов и их ***лакеев*** — господ ***буржуазных интеллигентов***).

Естественно, что никто из прошлых «хозяев жизни» не хочет добровольно расставаться со своими прежними командными и «хлебными» привилегированными постами, считая себя «богом избранными» покровителями и приказчиками над народом. «Но дело эксплуататоров и их *интеллигентской челяди* — безнадежное дело». Их сопротивление рабочие и крестьяне со временем *сломают* решительно и беспощадно.

Привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты считают, что без них не обойтись. «Их наглый расчет не оправдается: *образованные* люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала. А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества» [9, с. 470].

Едва ли не самая главная задача сегодня, говорит Ленин, — как можно шире развить самостоятельный почин трудящихся в деле *творческой организационной* работы. Надо разбить гнусный и нелепый *предрассудок,* будто ведать организационным строительством общества могут только так называемые «высшие классы» и только богатые. *Организаторская* работа «подсильна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему *грамотностью, знанием людей, практическим опытом.* ...Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатый еще родник и богатейший родник». Рабочие и крестьяне еще робеют, еще не освоились с тем, что они теперь *господствующий* класс. Но в том-то и сила, и жизненность Октябрьской революции 1917 г., что она выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного творчества* новой жизни.

[На заметку нынешним господам «управителям» и иже с ними: Ленин в считанные годы нашел способы с нуля мотивировать неграмотное лапотное население обескровленной страны, а нынешний «правитель» с его «доблестным» чванливым окружением несколько сроков (и подряд, и вразброс) бьется над решением той же задачи, но вхолостую.

Консервативное «компрадорское» окружение текущего «правителя» не позволит ему (правителю) принять ни одного решения, посягающего на шкурный интерес этого окружения. Так и будет сидеть вся эта напыщенная камарилья и ждать мифических западных инвестиций как манны небесной, сваливая вину за свой неуспех на пресловутые западные же санкции. Благо собственные состояния надежно пристроены в чужих землях с упованием на то, что безобразие такое будет продолжаться вечно.

К сведению сегодняшних господ «управителей»: Ленин за отпущенные ему пять-шесть лет после революции сумел (в условиях раздрая и разрухи, испробовав многие варианты) найти способы разбудить и энтузиазм, и инициативу миллионов, и чужих специалистов привлечь, и своих обучать и готовить... Людской потенциал (физические силы, интеллектуальная и духовная энергия народа) — вот источник всех инвестиций, технологий и

новаций, а потому-то и главная составляющая экономических успехов страны; однако неумелое «компрадорское» окружение верховного «правителя» будет умело, на грани саботажа, гасить этот потенциал и списывать все неудачи на отсутствие заморских инвестиций и всесилие заморских санкций. А, кстати, вывернуть «заморские инвестиции» из мошны своего окружения главный «управитель» не пробовал?

О *либерально* настроенных (по отношению к агрессивному коллективному Западу) кругах в России говорить как-то уже старомодно, неприятно, да и не хочется. Еще со слов Ф.М. Достоевского известно, что «наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить» [4, с. 133]. Между тем, вечное *коленопреклонство* перед Западом обусловлено универсальностью и всеобщностью все того же *принципа саморазвития.*

Стремление всех форм к *наивысшей содержательности* имеет неприглядной обратной стороной ***навязывание*** (в качестве образца или эталона) *своей* якобы *самой совершенной* и *исключительной* формы — *своего* понимания мира, *своей* идеологии (с попутным «выкорчевыванием» инакомыслия и всего «неправильного»), *своего* мировоззрения, миропонимания, мироощущения, *своего* образа жизни, — и все это преподносится в качестве непреложной абсолютной истины. Англосаксонский мир испокон веков исповедует *агрессивный* способ взаимодействия с другими народами или представителями (носителями) иного *начала,* каковыми являются, к примеру, миролюбивые и более уравновешенные восточнославянские народы, выступающие всегда в качестве умиротворяющего противовеса для сдерживания и нейтрализации подобной чрезмерной активности *(агрессивности)* англосаксов и иже с ними.

Англосаксонские сообщества и их приспешники (в совокупности — коллективный Запад) ощущают себя при этом поборниками и носителями блага, просвещения, цивилизованности, морали, нравственности и пр.; они всегда заряжены идеологией экспансии всего, по их оценке, «хорошего» против всего «плохого» или «добра» (сообразно их пониманию) против «зла». На эту приманку или ложную наживку и ведутся наши либералы; персоны с либеральными взглядами весьма однобоки и поверхностны в своих восприятиях и убеждениях, поскольку за глубинную потаенную суть вещей принимают по большей части их блестящую внешнюю упаковку.

Кроме того, присущая англосакским «наставникам» и К" агрессия усиливается еще и по причине ряда «осечек», их преследующих, т.е. в силу получения периодических секуций и взбучек от восточных славян в ответ на чрезмерное свое усердие в осуществлении непрекращающихся попыток по насильственному «окультуриванию» и «облагораживанию» последних; потому в них всегда присутствует незатухающая уязвленность из-за неизменного их статуса «извечно битого» в открытых столкновениях. Надо прямо сказать, что эти «высокоцивилизованные» народы никогда не умели *корректно* оценивать свой *содержательный ресурс,* т.е. соизмерять свои возможности с потенциалом восточных славян, почему и терпели от них поражения раз от разу.

Коллективный Запад во главе с США делает ставку (разумеется,

бессознательно) на совершенство *формы* (т.е. главным образом на *форменное начало*), игнорируя при этом развитие *содержательной* стороны-составляющей. В этом секрет их некоторого технологического преимущества (качество бытовых изделий, техники, услуг и т. п.), достигаемого *упором на форму* (порой более или менее *содержательную* лишь с позиции успеха ближнего действия и *малосодержательную* с точки зрения стратегии и глубокой, дальней перспективы развития человечества). Предстоит еще тщательно «препарировать» сухой расчетливый интеллект англосаксонского мира — этой *форменной* составляющей, этого *форменного* начала *общечеловеческого* мира, — чтобы понять опасность такого *однобокого подхода* в масштабах развития всего человечества. В преобладающей их механистичности и технологических пристрастиях (т.е. уклоне в технологическую сторону, лишенную порой нравственной подоплеки и моральных установок) наличествуют все объяснения их современных поступков и поведения. Не кто иной, как они явились сегодня первыми управленцами и манипуляторами *общественным сознанием* в беспрецедентно *массовом, глобальном масштабе,* через Интернет, и в частности через социальные сети и платформы. Во всей их политике (внешней, внутренней, технической, технологической, социальной и т. п. — особенно на фоне не так давно в который уж раз провозглашенной Обамой *мнимой* и *иллюзорной* их *исключительности*) есть что-то по-ученически неплохо просчитанное рациональное и вместе с тем по-человечески крайне примитивное и ограниченное (сама собой напрашивается аналогия с хладнокровными «рептилоидами», пытающимися навязать теплокровным землянам свой образ жизни и поведения).

Здесь же уместно, на наш взгляд, затронуть вопрос о навязывании всему миру со стороны коллективного Запада своих якобы самых прогрессивных и наиболее демократических «ценностей» и предпочтений. Прежде всего, необходимо в данной связи указать на укоренившуюся путаницу в *толкованиях* терминов «ценности» и «интересы». Эта путаница обусловлена некомпетентностью «толкователей» по части корректного соотнесения данных понятий с двумя разными, *нетождественными* сферами обретания реальности (в составе многоуровневой формы человека): сферой (уровнем) «чувственного» и сферой (уровнем) «идеального». Надо сказать, что подобные вопросы давно и глубоко разобраны известными философами прошлого, однако решения этих вопросов весьма благополучно и основательно подзабыты нашими современниками. Если говорить о «ценностях» в значении и смысле, вкладываемом в это понятие западным миром, то речь идет главным образом о примитивных *интересах,* ограниченных *чувственной* сферой человека. В таком разрезе все усилия и устремления западного обывателя направлены в основном на реализацию достаточно «приземленных» и незамысловатых человеческих потребностей (в еде, жилье, источнике доходов, в продолжении рода, отдыхе, а также в удовлетворении разнообразных физиологических желаний, утех, фантазий, запросов на безбрежные права и свободы и пр.). Понятие же «ценности» *с точки зрения,* к примеру, *русского человека* далеко не ограничивается *чувственной* сферой, а выходит («выдается») за ее пределы в область *идеального;* и в таком смысле оно отождествляется уже с духовными категориями (которые для более точной своей идентификации и привязки требуют и иной, более содержательной терминологии): с *принципами, с*

убеждениями, с идеалами, с мировоззрением и т. д., и т. п., — т.е. с формами-атрибутами более высокого уровня обретания реальности, именуемого человеческим *сознанием.* В таком смысле и такой ипостаси — это уже отнюдь не ориентация на низкоуровневые «ценности» западного мира, а осознанная приверженность более *содержательным* воззрениям: принципам *человеческой* морали, нравственности, духовности, гуманизма и т. п. В большом и главном *современный* Запад (в отличие, скажем, от Европы эпохи Просвещения) лишен устремленности к провозглашению и следованию (в том числе и *в повседневной жизни*) высоким духовным принципам и убеждениям — он попросту *завис* на «приземленных» потребностях и низкопробных интересах, отказавшись от дальнейшего движения к ***развивающим человека*** идеалам. Именно по этой причине все поучения и наставления западного мира относительно беспрекословного принятия и «проведения в жизнь» другими народами линейки западных, с позволения сказать, «ценностей» выглядят по крайней мере нелепыми и смехотворными].

В то же время, проводя в жизнь социалистические начинания, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, потребительские общества, союзы снабжения, фабрично-заводские комитеты и органы рабочего контроля должны понимать, что главная *экономическая* задача на данном этапе — это **учет** и **контроль.** Сегодня сильна еще старая привычка подневольного человека — как бы «урвать» хоть кусок у *буржуазии,* не обременяя себя лишним трудом и обязательствами. Подобный подход «пришельцев» в фабричную среду: «Урвать кусок побольше и удрать», — переносится и на фабрику, *перешедшую в собственность народа.* С такими кадрами уже начали борьбу передовые сознательные рабочие, которые, несомненно. будут поддержаны честными, *думающими* крестьянами. Повсеместный, всеобщий, универсальный учет и контроль над распределением продуктов и количеством труда — в этом суть социалистического преобразования; учет и контроль, необходимые для перехода к социализму, могут быть только *массовыми.*

Исходя из этого, Ленин обращается к новым трудящимся собственникам земли, банков, фабрик и заводов: «Беритесь сами за *учет* и *контроль* производства и распределения продуктов, — в этом и только в этом путь к победе социализма, залог его победы, залог победы над всякой эксплуатацией, над всякой нуждой и нищетой». В России, говорит Ленин, хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, если установить всенародный *деловой, практический контроль над распределением,* если победить врагов народа (богатых и их «прихлебателей» — буржуазных интеллигентов) не только в политике, но и в повседневной экономической жизни общества, в котором «кучка грабила народ и издевалась над народом» [9, с. 472]. [Архизлободневное *обращение* применительно и к современной ситуации в России!].

«Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда *паразитов,* вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы

величайшим преступлением перед социализмом» [9, с. 473].

[Да кабы Ленина с его диалектическим умом сюда бы, хотя 6 на час !!! Нашу великую Родину снова обратили в страну холопов и господ, где кучка плутократов творит на бессознательном уровне все, что заблагорассудится, удовлетворяя прежде всего свои примитивные сиюминутные капризы и прихоти, продиктованные лишь стремлением к приумножению собственных накоплений, определяя и задавая тем самым наперед, на годы конфигурацию нашего (а по сути дела, *своего*) будущего и без нашего в этом участия. Прежде и в страшном сне не могло такое присниться или привидеться. *Ленинские уроки диалектики оказались в лучшем случае* ***невыученными***].

Путь к обезвреживанию этих паразитов — всенародный, организованный миллионами рабочих и крестьян, добровольный и энергичный учет и контроль над количеством труда, производством и распределением продуктов. А чтобы организовать этот *учет* и *контроль,* вполне доступный и посильный для всякого честного, толкового и распорядительного рабочего и крестьянина, надо *вызвать к жизни их собственные организаторские таланты,* надо наладить в общегосударственном масштабе *соревнование по части организаторских успехов,* надо, чтобы рабочие и крестьяне ясно поняли разницу между *необходимым советом образованного человека и необходимым контролем простого рабочего и крестьянина за разгильдяйством,* столь обычным у образованных людей.

Разгильдяйство, небрежность, неаккуратность, «склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств “образованных людей”, вытекающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления», из ненормального соотношения умственной и физической составляющих труда в циклах их активности и т. д., и т. п.

[И тут же мы видим удивительно прозорливую и точную констатацию *связи действительных ошибок, недочетов и промахов, допущенных в ходе революции, с теми «печальными, но неизбежными» на тот момент вышеперечисленными «свойствами интеллигентов»,* а также с *отсутствием* достаточного контроля со стороны рабочих над *организаторской* работой интеллигентов. Более всего для Ленина неприемлемы *колебания* и *нерешительность,* которые так свойственны интеллигенции и которыми грешит интеллигенция.

Какие-либо колебания после принятия коллективного решения были для Ленина равносильны предательству и проигрышу. Ильич всегда настроен и заряжен на победу. То же касается и *компромиссов* (именно в отношении своих идеологических противников), к которым наиболее склонна буржуазная интеллигенция, будучи слабой духом (т.е. не имеющая *принципиальных идеологических* убеждений). Ленин причисляет сюда и желание усидеть на двух стульях; в наши дни — это пресловутая *политическая «многовекторность».* Нерешительность и колебания, в конце концов, часто оборачиваются *лишними напрасными жертвами; это те нелепые ошибки, которых можно было бы избежать, придерживаясь твердой позиции.* Враг подобен неудобной жесткой, но «тверди», а колеблющийся и нерешительный «попутчик» — сродни топкому болоту: поди знай, когда оно тебя «поглотит» и

«переварит», т.е. попросту предаст.

В современной России роль мелкобуржуазных колеблющихся соглашателей с власть имущими выполняют «карманные» партии и группы типа современных центристов, коммунистов, либералов всех наименований и пр., с невнятной позицией — *деклассированные* элементы, болтающиеся где-то «между тут и между там»; место же действительного выразителя мнений трудящегося *класса наемных работников* остается по-прежнему вакантным. Вообще же по поводу предательства и отступничества интеллигенции, когда под угрозой оказывается дело всей жизни, любой бы высказывался еще жестче и эмоциональнее, чем это делает Владимир Ильич.

Как и во времена В.И. Ленина, современная политэкономическая литература полна всяческих нелепиц: и «средний класс» какой-то выдумали, и собственность на средства производства не имеет уже никакого значения, и двухпартийная система строго обязательна для прогресса, и т. д. Если уж на то пошло, в любом человеке всегда живет внутреннее *содержательно-форменное* (т.е. как минимум двухкомпонентное, двустороннее, двойственное) противоречие, которое служит двигателем всякого прогресса и развития еще похлеще, чем состязание, конкуренция или конфликт двух или нескольких партий; в одном человеке могут наблюдаться и сосуществовать противоборствующие составляющие, дающие такой импульс активности, что и партий никаких не надо.

Как говорят в народе: «В России партия все равно одна — только называется она по-разному». Впрочем, похожее наблюдается и в других странах. Например, в США либералы и консерваторы (демократы и республиканцы) давно уже борются за власть лишь с целью защиты и преумножения собственности и доходов класса имущих. Кроме того, всегда надо быть готовым к тому, что со временем происходит «обуржуазивание» самых передовых и прогрессивных поначалу партий из-за *перерождения* верхушки и части членов этих партий в свои противоположности — такова диалектическая природа реальности: надо просто почаще об этом вспоминать и перетряхивать (*чистить*, как говорил Ленин) партийные ряды.

Как и во времена дореволюционной политической активности Ленина, сегодня для купирования угрозы расслоения и радикализации общества буржуа пытаются временами самые верхушечные слои левых и анархистов интегрировать в свою систему, рекрутировать в свои ряды (откупившись несущественным увеличением налога на богатство или небольшими уступками и льготами в социальной сфере и т. п.).

Какая же это оппозиция в парламенте, если она состоит из прикормленных властью представителей того же «обуржуазенного» класса, что и официальный имущий правящий класс? Где проходит линия раздела между официальной властью и системной якобы оппозицией, в числе верховодящих членов которой *вдруг случайно* оказываются владельцы и совладельцы (акционеры) «заводов, газет, пароходов» с активами, *размещенными* за рубежами нашей Родины?].

«Интеллигенты сплошь да рядом дают великолепнейшие советы и руководящие указания, но оказываются до смешного, до *нелепого,* до

позорного “безрукими”, неспособными *провести* в жизнь эти советы и указания, провести *практический контроль* за тем, чтобы слово превращалось в дело. Вот где без помощи и без руководящей роли практиков-организаторов из “народа”, из рабочих и трудящихся крестьян ни в коем случае не обойтись» [9, с. 474]. В такой связи следует организовывать соревнования практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом, бороться против всякого «шаблонизирования» и попыток установления сверху *единообразия, к чему так склонны интеллигенты.*

И далее следует «абсолютно диалектически» выстроенная смысловая, в чем-то итоговая конструкция по теме обстоятельно ведущегося в статье разговора, дающая представление о наличии объективной естественной непосредственной связи между содержательной и форменной составляющими этой конструкции, что служит ярчайшим подтверждением ее диалектичности, а, следовательно, и *истинности:* ***«С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подходу к делу, в способах осуществления контроля,*** *в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. д., и т. п.)».*

[Эх, если бы Ильич был рядом с нами на протяжении всего периода социалистического строительства, каких непростительно грубых ошибок могли бы мы избежать, чтобы *не предать* плодотворнейшую идею и не свернуть с этого пути! Диалектика — это мастерство или искусство балансировать на острие бритвы, пройти по острейшему лезвию, не порезавшись и не завалившись ни в ту, ни в другую сторону. В то же время, это не эклектика и отнюдь не способность усидеть сразу на двух стульях (не приверженность так называемой *многовекторности*)].

Советы депутатов трудящихся должны идти по пути сочетания, с одной стороны, почина, самостоятельности, свободы движения, энергии снизу и, с другой стороны, добровольного, чуждого шаблонов централизма. Надо, чтобы любая и каждая коммуна (фабрика, деревня, потребительское общество, комитет снабжения) выступила, соревнуясь с другой коммуной, как практический организатор учета и контроля над трудом и распределением продуктов. *Самими коммунами должны быть выработаны и испытаны на деле тысячи форм и способов практического учета и контроля над богатеями и жуликами.* ***«Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успехов в достижении общей единой цели. ...*** *Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать —* ***наилучшие*** *приемы и средства борьбы»* [9, с. 475]. Соревнование коммун, общин, потребительско-производительных обществ и товариществ, Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов должно развернуться по вопросам ликвидации голода, безработицы, искоренения богатых тунеядцев, мерзавцев из лакеев буржуазии, саботажников (называющих себя интеллигентами), по вопросам повышения производительности труда, постройки новых хороших домов для бедноты, размещения бедноты в домах

богачей, снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей. Именно в ходе этой работы должны *практически* выделяться и выдвигаться наверх, в органы общегосударственного управления, *организаторские таланты,* которых в народе много. «Им надо помочь развернуться. Они и *только они* при поддержке масс смогут спасти Россию и спасти дело социализма» [9, с. 476].

[И опять ищутся и находятся новые оптимальные (наилучшие) отношения с новыми компонентами: {освобожденный творческий труд / обобществленное социалистическое предприятие}, {организаторский талант трудящихся / учет и контроль над производством и распределением}, {знание и опыт образованного служащего (интеллигенции) / контроль и усилия простого работника по части искоренения разгильдяйства и необязательности образованного служащего (интеллигенции)}, {почин и инициатива трудящихся на местах / добровольный демократический социалистический централизм}, — соотношения которых в данный конкретный момент (в отличие от сложившихся прежде отношений с известными компонентами {наемный труд / капитал}, {пролетариат/буржуазия}, {конкурирующее разнообразие/монополия}, {предприимчивость / устоявшийся бюрократический уклад}) могут придать *дополнительный импульс* дальнейшему революционному движению. Тем самым подспудно решается задача выхода на *новые соотношения* компонентов в таких более общих отношениях, как {теория/практика}, {умственный труд / физический труд} и др.].

4. Статья **«Главная задача наших дней»** [9, с. 569-573] была напечатана в марте 1918 г. В качестве эпиграфа статью предваряли слова из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная — Матушка-Русь!». Статья пишется в момент великого поворота от войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной добычи, — к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала и за будущее общество достатка и прочного мира.

России пришлось особенно остро переживать наиболее крутые изломы истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. В несколько дней была разрушена одна из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий; в несколько месяцев пройден ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия; в несколько недель свергнута буржуазия и преодолено ее открытое сопротивление в гражданском конфликте. Большевизм прошел триумфальным шествием из конца в конец громадной страны, и самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс были подняты, приобщены к самостоятельной жизни и наделены свободой. Была учреждена Советская республика — новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентских республик. Была установлена диктатура пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начато внедрение задуманной системы социалистических преобразований. Пробуждена вера в свои силы и зажжен огонь энтузиазма в миллионах и

миллионах рабочих всех стран [гордость за все проделанное сквозит в каждом ленинском слове].

«И в несколько дней нас бросил на землю империалистический хищник, напавший на безоружных ... Хищник давит и душит и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции в его собственной стране [речь идет о Германии]. Мы принуждены были подписать “Тильзитский” мир» [9, с. 570].

Но надо иметь мужество глядеть прямо в лицо горькой правде и «измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения и унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению... наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». И это непременно случится, ибо еще достаточно простора и природных богатств, *«есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».*

И Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу и, стиснув зубы, соберет все свои силы. Все, что сейчас надо, — это идти вперед по пути социалистической революции, не падая духом от поражений, *работать над укреплением самодисциплины, организованности и порядка, над совершенствованием системы всеобщего учета и контроля над производством и распределением продуктов*: «таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической» [9, с. 571].

В случае тяжелого поражения (следствием которого явилось подписание Тильзитского мира), говорит Ленин, недостойно ни хорохориться, ни впадать в отчаяние, а также соглашаться с обвинениями в предательстве своих идеалов и своих друзей. Полководец, который уводит в глубь страны остатки разбитой армии, не совершает измены по отношению к тем частям, которым он помочь не в силах, а исполняет свой долг, спасая то, что можно еще спасти, *«отдавая пространство, чтобы выиграть время»,* пользуясь *всякой* передышкой, чтобы собрать силы. Война встряхнула Россию, и она, бесспорно, идет «от Тильзитского мира к национальному подъему, к великой отечественной войне ... к международной социалистической революции», а не к буржуазному государству. «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за “защиту отечества”, но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую республику...».

Вместо лозунга, продолжает Ленин, буржуазного патриотизма «Ненависть к немцу, бей немца», большевики скажут: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими... История идет зигзагами и кружными путями. *Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду со зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе машинной индустрии, строжайшего учета и контроля. А это как раз то, чего нам не достает. Это как раз то, чему нам надо учиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от*

победоносного начала прийти... к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной» [9, с. 572-573].

[Весьма неожиданный поворот «про немца», очень созвучный некоторым прогрессивным мнениям и в наши дни! С учетом этого обстоятельства на горизонте вырисовывается новое отношение компонентов с перспективой приумножения содержательной составляющей (за счет увеличения объемов экономики) и прироста содержательностью всего отношения в целом].

5. **«Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением восточного фронта»** [10, с. 145—147] от 11 апреля 1919 г. сыграли огромную роль в деле мобилизации пролетарских масс на борьбу с Колчаком.

Победы Колчака на Восточном фронте вынуждают как партийные организации, так и профессиональные союзы осуществить в кратчайшие сроки *следующие меры* по привлечению более широких слоев рабочего класса к активному участию в обороне страны.

* Всесторонняя поддержка объявленной мобилизации. Мобилизуемые должны видеть деятельное участие профессиональных союзов и чувствовать поддержку их рабочим классом. От каждой партийной и профессиональной организации Центральный Комитет требует еженедельного, хотя бы самого краткого, отчета о том, что сделано для помощи мобилизации и мобилизуемым.

* В прифронтовых местностях надо осуществить поголовное вооружение всех членов профсоюзов. «Профессиональные союзы должны всюду своими силами и средствами произвести проверочную регистрацию своих членов для отправки всех, не безусловно необходимых на родине, для борьбы за Волгу и за Уральский край» [10, с. 146].

* Самое серьезное внимание должно быть обращено на усиление агитации среди мобилизуемых, мобилизованных и красноармейцев: не ограничиваться лекциями и митингами, а добиться того, чтобы каждый член профсоюза лично участвовал в агитационных мероприятиях и в личных беседах.

* «Заменить всех мужчин-служащих женщинами. Провести для этого новую перерегистрацию как партийную, так и профессиональную. Ввести особые карточки для всех членов профсоюзов и всех служащих с пометкой о личном участии в деле помощи Красной Армии» [10, с. 146].

* Учредить немедленно *бюро помощи* или *комитеты содействия* с опубликованными адресами и оповещением о них населения самым широким образом. Каждый мобилизованный должен знать, что в таком бюро или комитете он найдет помощь, совет, поддержку для облегчения связи с военным учреждениями и т. д. Особой задачей таких бюро будет являться содействие делу снабжения Красной армии оружием, одеждой, фабричными запасами разного имущества. «За эту задачу надо взяться изо всех сил», военным учреждениям должна быть оказана немедленная помощь со стороны самого населения [10, с. 147].

* Через профсоюзы должно быть организовано широкое вовлечение в ряды

Красной армии крестьянской молодежи не земледельческих губерний.

** «По отношению к меньшевикам и эсерам линия партии при теперешнем положении такова: в тюрьму тех, кто помогает Колчаку сознательно или бессознательно. Мы не потерпим в своей республике трудящихся людей, не помогающих нам делом в борьбе с Колчаком»* [10, с. 147].

В заключение Ленин призывает взяться за эту работу по-революционному, *нешаблонно.* Колчак может быть побежден быстро и окончательно, ибо победы большевиков на юге и улучшающееся международное положение способствуют этому. «Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны» [10, с. 147].

[И опять-таки видим, как на базе точного анализа расстановки сил и создавшегося положения (без какой-либо паники и криков вроде «все пропало» и «спасайся, кто может») рождаются четкие указания и формируется комплекс самых насущных мер, направленных на исправление ситуации к лучшему. Видим из содержания приведенных пунктов, насколько серьезно Ленин оценивает эту угрозу, как ищет пути и подходы к активизации творческой энергии людей, способной ликвидировать угрозу. Видим также, какой вес имело в то время профсоюзное движение: профсоюз выступает наравне с партийными и управленческими организациями].

6. Статья **«Пример петроградских рабочих»** [10, с. 213-215] появилась в октябре 1919 г. параллельно с постановлением пленума ЦК РКП(б) провести мобилизацию коммунистов и послать лучших представителей партии и рабочего класса на Южный фронт в связи со сложившимся там тяжелым положением.

Рабочие Петрограда по призыву партии начали усиленную мобилизацию и отправку лучших работников на борьбу с Деникиным, которому активно помогал деньгами и вооружением французский и английский капитал. Одновременно иностранная пропаганда работала на запугивание населения и личного состава революционных войск.

Никогда еще враг, пишет Ленин, не был так близок к Москве. «Но для отражения этой опасности в добавление к прежним силам войска мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях» [10, с. 214].

Дезорганизация рядов армии во многом была вызвана большим числом дезертиров. В такой связи первостепенное значение имеет поддержка армии новым притоком пролетарских сил. «Неустойчивые элементы будут укреплены, настроение будет поднято, перелом будет достигнут. Пролетариат, как бывало постоянно в нашей революции, поддержит и направит колеблющиеся слои трудящегося населения» [10, с. 214].

Давно уже питерский пролетариат несет на себе больше тягот, чем рабочие других промышленных центров; на его плечах и борьба с голодом, и с военной опасностью, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России. Но нет среди питерских рабочих ни малейшего уныния, ни упадка сил — они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и

поддержку туда, где она более всего требуется. «Когда такие свежие силы идут для укрепления дрогнувших частей нашей армии, тогда трудящиеся массы, солдаты из крестьян, получают новых вождей из среды своих людей, из среды трудящихся более развитых, более сознательных, более твердых духом» [10, с. 214]. *В этом — источник перевеса крестьянской армии над врагом, который пополняет и поддерживает свои ряды лишь «помещичьими сынками». Известно, что такая «поддержка» погубила Колчака, погубит и Деникина.* Ленин призывает и других рабочих по примеру питерских активизировать деятельность в войсках, проявлять больше почина и смелости в стремлении не уступать петроградцам — и тогда победа будет за трудящимися, буржуазная контрреволюция будет добита. За Питером уже тронулась Москва, за Москвой должны тронуться остальные.

[Из содержания статьи отчетливо видно, насколько важно для Ленина моральное состояние (состояние духа) бойцов воюющей Красной армии. Видно, насколько действительно было значимо в те дни высокое сознание передовых рабочих и членов большевистской партии! Опять же видно, насколько крепка и непоколебима вера Ленина в победу и благоприятный исход вооруженной борьбы, — его неизбывный оптимизм в самые трудные моменты смертельной схватки вызывает глубокое уважение].

7. Статья **«От разрушения векового уклада к творчеству нового»** [10, с. 282-284], написанная в апреле 1920 г., посвящена вопросам, изложенным в однодневной газете «Коммунистический субботник» от 11 апреля 1920 г. Главная тема газеты — вопрос о коммунистическом труде. Этот важнейший вопрос строительства социализма мог быть поставлен только после завоевания политической власти пролетариатом, только после экспроприации помещиков и капиталистов, только после решающих побед завоевавшего государственную власть пролетариата над эксплуататорами, организовавшими отчаянное сопротивление, контрреволюционные восстания и гражданскую войну. Казалось, что такое время наступило уже в начале 1918 г., но новая более сильная волна контрреволюционных восстаний нахлынула так быстро, что возможности заняться вопросами мирного строительства у Советской власти тогда не оказалось. Теперь, после преодоления невероятных трудностей и «неслыханных побед Красной Армии над полчищами международной капиталистической реакции» есть шансы, что мир будет более длительным и устойчивым.

Некоторый опыт строительства социализма уже есть, поэтому вопрос о коммунистическом труде можно и должно ставить вплотную. Впрочем, правильнее будет сказать: не о коммунистическом, а о социалистическом труде, ибо речь идет не о высшей, а о низшей ступени развития нового общественного уклада, вырастающего из капитализма. Коммунистический труд есть труд бесплатный, добровольный, вне нормы, *по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда как потребности здорового организма.* Однако «всякому ясно, что до широкого, действительно массового применения *такого* труда нам, т.е. нашему обществу, нашему общественному укладу, еще очень и очень далеко» [10, с. 283]. Но то, что этот вопрос уже поставлен передовым пролетариатом и государственной властью, является шагом вперед. Чтобы прийти к большому, надо начать с малого. «Субботники, трудовые армии,

трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда» [10, с. 283].

Промахи и ошибки в таком трудном деле — неизбежны. «Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий. *Это — благодарнейшая и благороднейшая работа»* [10, с. 283].

Сегодня после низвержения буржуазии и подавления ее сопротивления уже есть почва, на которой такая работа *стала возможной;* пролетариат со всей энергией возьмется за эту работу и выполнит.

[И вновь восхищает неиссякаемый оптимизм В.И. Ленина. Тезис о *труде по привычке как потребности здорового организма* тесно смыкается с тезисом о содержательном наполнении форм трудового процесса до уровня отождествления в конечном итоге этих форм с самим собственно ***процессом познания*** и со стремлением посредством таких форм познавательного процесса как можно эффективнее и продуктивнее заглядывать за угол, за горизонт, в будущее].

Невыученные уроки диалектики. Заключение.

Следует сказать, что рассмотренные выше ленинские статьи не подбирались специально или с каким-нибудь особым пристрастием — любая из его работ указанных периодов строится по разобранному нами лекалу соответственно типу мышления, который был сформирован у В.И. Ульянова с младых ногтей.

Как это можно видеть, всякая статья или работа Ленина независимо от круга рассматриваемых в ней вопросов представляет собой образец эффективного применения диалектического подхода, крайне востребованного и необходимого при проведении исследований объектов, процессов, явлений в любой области реальности, во всех сферах человеческой деятельности во имя получения наиболее корректных и содержательных результатов таких исследований.

В каждой работе легко угадывается схема продуктивного («триадного» или трехступенчатого) развития идеи (тезис — антитезис — синтез), а также следования (при анализе) известному клише соблюдения единства исторического и логического.

Что в первую очередь обращает на себя внимание в ходе знакомства с содержанием теоретических работ В.И. Ленина? Один и тот же или сходный *алгоритм* подачи материала, касающегося исследуемых вопросов, что обусловлено самим универсальным характером развития или самой диалектической природой любого исследуемого объекта, процесса, явления. И Ленин неукоснительно следует этому алгоритму, раскрывая диалектическую сущность исследуемых проблем («наворачивающихся» событий, складывающихся ситуаций, достигнутых результатов и т. п.).

Воспроизведем еще раз сей *алгоритм.*

1. Составление *корректных* ***отношений*** *непосредственно взаимодействующих* сторон-компонентов в исследуемых формах (объектах, процессах, явлениях).

На этом начальном этапе исследований нужно суметь выявить и показать ***непосредственно*** *взаимодействующие (т.е.* наиболее *существенные,* на данный момент) противостоящие, конкурирующие, противоборствующие стороны-компоненты в исследуемых формах-отношениях.

2. Определение и расстановка приоритетов в найденных *отношениях,* т.е. выявление *активной* и *пассивной* сторон-компонентов в составленных отношениях.

На этой стадии исследований среди непосредственно взаимодействующих компонентов в их ***отношениях*** (как правило, в ***парах*** таких компонентов) нужно опять-таки суметь выявить, угадать, понять и выделить, с одной стороны, наиболее *содержательный* (активный, лидирующий) и, с другой стороны, более *форменный* (пассивный, консервативный) компоненты. Тем самым подобные отношения приводятся к обобщенному универсальному виду ***{содержание/форма}.***

3. Определение *вероятного направления* изменения (превращения), движения, развития сторон-составляющих-компонентов (т.е. вероятного изменения *соотношения* или баланса компонентов) в рамках и внутри сформированных из них *отношений,* а следовательно, и направления изменчивости самих *отношений* в целом (с учетом воздействий и влияния на эти отношения окружающих форм).

Корректно составленное *отношение* из двух верно выявленных непосредственно взаимодействующих компонентов позволяет определить и обозначить *уклон* или *направление* последующего изменения, движения, развития их отношения; этот уклон или направление движения-развития отношения обусловлен соотношением (приблизительным) компонентов внутри отношения, т.е. *степенью преобладания* одного *(содержательного)* компонента над другим *(форменным)* компонентом.

4. *Прогнозирование* (предвосхищение) развития исследуемых *отношений,* т.е. определение перспектив видоизменения исследуемых форм (объектов, процессов, явлений), а также перспектив возникновения форм новых.

На этом этапе делаются как оперативный, так и стратегический прогнозы развития исследуемых *форм-отношений,* что отвечает прогнозированию изменчивости *существующих* форм и предвосхищению появления *новых* форм реальности.

При переходе к очередному этапу исследования или очередной исследуемой форме реальности п.п. 1- 4 повторяются в том же объеме.

Как видим из представленной схемы *(алгоритма)* проведения исследований, чрезвычайно важным моментом оказывается выявление двух (или более) непосредственно взаимодействующих, противоборствующих компонентов в их отношении, поскольку именно эта содержательно-форменная структура (система) укажет направление ее изменения и получения в перспективе еще более содержательной структуры или нового отношения (системы),

составленного из еще более содержательных компонентов. Важно, чтобы это были не «притянутые за уши» компоненты, не механически (или эклектически) объединенные противоположности, а естественным образом вырастающие одна из другой противоборствующие стороны-составляющие, взаимосвязанные настолько, что можно твердо говорить об их *несущественности* друг без друга.

Корректно составленное отношение двух непосредственно взаимодействующих компонентов — это нечто (система), напоминающее поведение жидкости (или иной аналогичной сплошной среды) в сообщающихся сосудах. Вот, например, такие отношения (или системы), как: {время/пространство}, {движение/покой}, {активное начало/пассивное начало}, {энергия/масса}, {поле/вещество}, {северный полюс магнита/южный полюс магнита}, {субъективное / объективное} и т. д., и т. п., — являют собой образцы корректно составленных отношений из *непосредственно взаимодействующих* сторон-компонентов реальности.

Верный выбор пары взаимодействующих компонентов и формирование из них *правильного* отношения равносильно искусно сформулированному вопросу; тогда сама *корректная* постановка вопроса содержит в себе как минимум половину ответа на этот вопрос, что и является предпосылкой успешного решения поставленной задачи.

Ну, а примеров некорректно составленных отношений можно привести значительно больше — все недобросовестно проведенные исследования и полученные ложные результаты предостаточно свидетельствуют об изначально неверно выявленных отношениях [неумело выбранные и обозначенные так называемые *ложные основания* заводят любые исследования в тупик]. Поэтому чрезвычайно важно выявлять *наиболее существенные* стороны исследуемых проблем, находящиеся между собой в *непосредственном* взаимодействии и *непосредственном отношении* друг с другом.

На каждом этапе развития реальности, на каждом конкретном пространственно-временном его отрезке надо суметь корректно выделить и идентифицировать (т.е. распознать) непосредственно взаимодействующие компоненты, находящиеся в противоречии или конфликте друг с другом, обусловленном (речь идет о противоречии или конфликте) *поиском новой формы для развивающегося содержательного компонента.*

Из перечисленных шагов вышеприведенной схемы (алгоритма) складывается методика (и более того — целая методология) эффективного исследования любого вопроса, любой проблемы, как в быту, так и на поприще науки (так сказать,*универсальный исследовательский* шаблон).

Конечно, в том прежнем виде ленинские работы (а они писались на злобу дня в связи с какими-то конкретными событиями и обстоятельствами) сегодня в какой-то мере утрачивают свое *форменное (формальное)* значение, но «задвигать» автора по этой причине на второй план так же опрометчиво и неумно, как, скажем, хихикать по поводу того, что Александр Македонский всю свою жизнь провоевал верхом на коне, а не на танке или аэроплане. Ведь по *содержательному* наполнению и изложению взглядов его работы, без

всякого преувеличения, шедевры (для тех, кто одержим идеей познания существа диалектики). Нужно просто педантичнее вглядеться в композицию любой его статьи, чтобы увидеть красоту логико-диалектических схем, построений и форм. *Грядущее требует от человека* ***быть*** *все более и более* ***искушенным*** *в вопросах диалектики.*

Как это можно видеть, в своих исследованиях и заключениях мы не особенно касаемся временного контекста, акцентируя внимание главным образом на ленинской логике, — все жемчужины исследовательского подхода сверкают и без глубокой привязки к нюансам той великой исторической эпохи. Историческая подоплека в каждом конкретном случае придает процессу развития лишь своеобразные оттенки и особенности, оставляя сердцевину его (т.е. тенденции и закономерности) типовой и универсальной. В таком ракурсе любая ленинская статья, любая его работа — это *хрестоматия* по диалектике, пособие по овладению *искусством* диалектического мышления (в какой-то мере инвариантным относительно конкретных исторических рамок), т.е. по овладению тем, чему принадлежит будущее. Так глубоко понимать и чувствовать «душу» диалектики давно уже никто не умеет, к превеликому сожалению.

А сколько оптимизма и веры (именно благодаря диалектичности натуры) в благоприятный, положительный исход дела заложено в каждой его статье! Ведь временами все революционное движение висело на таком тонком волоске, что впору было впасть в отчаяние и бежать куда угодно, опасаясь реакции. Не дрогнул ни разу, и никаких следов отступления или раскаяния до сих пор не найдено ни «беспристрастными» историками, ни оголтелыми недругами. Только вперед — к победным высотам *научного* мышления.

Казалось бы, Россия располагает полным набором условий и ресурсов (как людских, так и природных), чтобы быть наиболее самодостаточным и гармонично развивающимся государством на планете. А понимание направленности, тенденции, перспективы движения-развития народа и страны (куда и зачем идем?) со времен последнего наиболее *цельного* диалектика, каковым был В.И. Ленин, *утеряно.* Идея же (в самом общем виде — идеология, и не просто идеология, а самая передовая идеология, которой руководствовался Ленин) как наиболее совершенное производное человеческого сознания и есть путеводная звезда, которая представляет собой наиболее *содержательно емкую* из всех достоверно известных нам *форм* нашего (человеческого) уровня развития реальности, — почему к обладанию этой формой ***(к облачению в эту форму)*** и стремятся наиболее содержательные потоки уровня человеческого сознания. Так чего, казалось бы, проще — бери и учись диалектике у Ленина (осваивай, так сказать, диалектический стиль мышления и передовые идеи, являющиеся неизбежным продуктом такого рода мышления) вместо того, чтобы подвергать его остракизму. Ан нет: дорасти до восприятия его идей, оказывается, много сложнее, чем хулить, выставляя напоказ свои не очень-то совершенные мозги и весьма ограниченные способности.

Марксизм якобы слишком ортодоксален, а идеи Ленина завели в тупик и потеряли всякую актуальность — вот аргументы сегодняшней ученой общественности (в первую очередь, из числа экономистов, политиков, историков, политологов и пр.). Просвещенные люди, однако, говорят, что надо

бы учиться следовать не букве марксизма, не букве рукописей Ленина, а их духу. Дух *(содержательное начало)* диалектики *вечен:* он лишь переходит из формы в форму, т.е. просто меняет форму своего обретания. И научиться схватывать, воспринимать этот дух — назначение и главная цель жизни и деятельности всякого *образованного* человека.

Описываемый здесь подход призван нацелить человека не просто на познание некоего испокон веков существующего мира, а предрасполагает к осмысленному исследованию всего того, что «делается», что «воспроизводится» и «воссоздается» непосредственно здесь и сейчас — в режиме реального времени как в ближнем, так и дальнем нашем окружении.

Очередное обращение к словам Ленина о том. что и 70 Марксов не смогут охватить «сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях» и справиться с решением подобной задачи, способствует осознанию того обстоятельства, что всякое, пусть и самое *адекватное на данный момент,* решение моделирует поведение весьма ограниченной, «урезанной», «застывшей» системы, тогда как реальность постоянно меняется и уходит из-под какого бы то ни было жесткого и всеобъемлющего контроля. Потому-то надо учиться воспринимать и схватывать не объемы всевозможных изменений реальных форм, а *тенденцию* этих *изменений,* что и является в конечном итоге залогом и условием *успешного* познавания развивающейся реальности и постижения объективной истины.

С оглядкой на сказанное, становится очевидным, каким образом следует относиться и к вопросу о *познаваемости* мира. Поскольку мир, Вселенная непрестанно и безостановочно «делаются», «воссоздаются наворачиванием» (соответственно формулировке *принципа саморазвития),* а не представляют собой этакий чемодан с книгами, то познание *делающегося,* ежемоментно *воспроизводящегося* мира — это тем более бесконечный и бесконечно увлекательный *содержательный* процесс. Как можно говорить о каком-то всецелом, полном и окончательном познании мира, если мир непрестанно «разворачивается» все новыми и новыми содержательными формами? В таком разрезе резоннее говорить о познаваемости и познании мира как о совершенствовании *возможностей по предвосхищению* такого «разворачивания» форм, *возможностей по предугадыванию* возникновения новых и тенденции изменения имеющихся форм, т.е. *по прогнозированию* грядущих событий и их последствий, говоря привычным обыденным языком. *Эффективное прогнозирование развития форм реальности — вот перспектива содержательного развития человечества.* Во времена, когда за бесконечно-рутинной повседневной цикличностью человек не видит никакого смысла в жизни и в своем существовании, открывается возможность взглянуть на все это совершенно другими глазами. Каждый человек не просто способен, но обязан стать *исследователем.* В каждом из нас дремлет подсознательное стремление к тому, чтобы изловчиться заглянуть за угол, за горизонт (удовлетворяя свое врожденное любопытство), чтобы предугадывать наступление событий, чтобы прогнозировать и предвосхищать появление и развитие новых форм. Надо лишь активизировать это дремлющее природное стремление и придать ему новый импульс, т.е. *сознательно* вывести на новый уровень.

Нет ни одного аргумента, опровергающего или хотя бы оспаривающего

состоятельность (универсальность и всеобщность) *диалектической концепции развития реальности,* — несомненно, ее надо осваивать и учиться корректно и результативно применять.

В заключение хочется еще раз обратиться к молодежи: читайте Ленина, ребята, наслаждайтесь красотой мысли, четкостью и последовательностью изложения материала, а также *великолепным русским языком.* Это наш крупнейший отечественный мыслитель, прирожденный диалектик, который даст фору любому современному философствующему профессионалу. Его труды содержат наработки, которые еще десятилетиями будут представлять интерес для общества и государства. Это вам не поповские схоластические штучки, высосанные из пальца и постулирующие *Абсолют Формы,* — с какой бы духовностью, «одухотворенностью», совершенной организацией и *Абсолютным Содержанием* **(на словах)** эта **форма** ни отождествлялась. Устами Владимира Ильича говорит с нами сама жизнь. В его размышлениях вы найдете для себя ответы или по крайней мере предпосылки к нахождению ответов на главные мировоззренческие вопросы, нащупаете верный путь к пониманию *закономерностей развития реальности* (как природы, так и человеческих сообществ).

Не следует думать, что все уже пройдено, сверстано и подытожено. Все только начинается — с каждым очередным *витком развития реальности* борьба за *наивысшую содержательность* обретает *новые* и все более разнообразные *формы:* «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди, и Ленин — такой молодой, и НОВЫЙ Октябрь впереди...».

Невыученные уроки диалектики. Литература.

1. *Валентинов Н.В.* Встречи с Лениным [Электронный ресурс] // URL: https://www.you-books.com/book/N-Valentinov/Vstrechi-S-Leninym

2. Видеотрейлер [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=V06B1mDMngI

3. *Владлен В.К.* Распознать очевидное. Нетривиальный взгляд на эволюцию [Текст]. — СПб.: Super Издательство, 2016. — 68 с.

4. *Достоевский Ф.М.* Бесы [Текст] // Собр. соч. В 15 т. — Т. 7. — Л.: Наука, 1990. — 673 с.

5. *Кравченко В.В.* Еще раз о критериях истины [Электронный ресурс] // Журнал философских исследований. — 2020. — Т. 6, № 2. — С. 26-91. — URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/37631/view

6. *Кравченко В.В.* К вопросу о природе, смысле и роли мировых констант [Электронный ресурс] // Журнал философских исследований. — 2018. — Т. 4, № 3. — С. 7-14. — URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/22361/view

7. *Кравченко В.В.* Концепция развития: взгляд изнутри [Электронный ресурс] // Журнал философских исследований. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 47-73. — URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/20489/view

8. *Ленин В.И.* Избранные произведения [Текст]. В 3 т. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1978. — 843 с.

9. *Ленин В.И.* Избранные произведения [Текст]. В 3 т. — Т. 2. — М.: Политиздат, 1978. — 826 с.

10. *Ленин В.И.* Избранные произведения [Текст]. В 3 т. — Т. 3. — М.: Политиздат, 1978. — 856 с.

11. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм [Текст]. — М.: Политиздат, 1979. — 384 с.

12. *Ленин В.И.* Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Доклад [Текст] // Поли. собр. соч. — 5 изд. — Т. 37. — М: Политиздат, 1969. —748 с.

13. *Логинов В.Т* Неизвестный Ленин [Текст]. — М: Изд. Эксмо, Алгоритм, 2010. — 576 с.

14. *Сатановский Е.Я.* Будет нам и белка, будет и свисток... [Электронный ресурс] // URL: https://inforuss.info/satanovskij-budet-nam-i-belka-budet-i-svistok/

15. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, СМ. Ковалев, В.Г. Панов. — М: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.

16. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке [Текст] / Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. — Т. 3. — М: Политиздат, 1979. — 643 с.

17. *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии [Текст] // *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. — 2 изд. — Т. 8. — М.: Политиздат, 1957. — 701 с.

18. *Vladlen V.K.* To Cognize Tie Obviousness. Nontrivial Outlook on Evolution. — Houston, TX 77065: Strategic Book Publishing and Rights Co., 2013.— 46 p.

Издательская информация о книге.

Владлен В.К.

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ.

НЕТРИВИАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ

Публикуется в авторской редакции

Издательство «Прометей»119002 Москва, ул. Арбат, д. 51. стр. 1Тел.: +7 (495) 730-70-69 E-mail: iinfo@prometej.su

Подписано в печать 14.09.2021

Формат 60x84/16. Объем 21 п. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 1416

ISBN 978-5-00172-246-5